

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

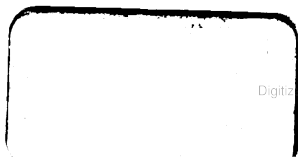
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

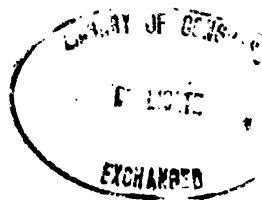
* O. CA

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

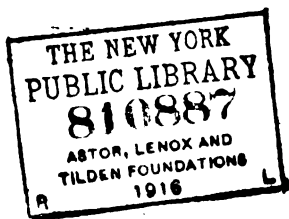
Часть двадцать шестая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,
съ шѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Марта 15 дня 1829 года.

Ценсоръ Середѣ Гланка.

О Г Л А В Л Е Н И Е

XXVI-я ЧАСТИ.

Письма изъ Сибири (<i>продолженіе</i>).....	3
Раззореніе Инады.....	23
Беседа Кембриджскихъ Профессоровъ съ Московскимъ Минпрополищомъ Платономъ , въ 1800 году.....	33
Дополненіе къ спашъ : 1828 годъ , въ отношеніи къ народному просвѣщенію въ Россіи (П. И. Кеппена).....	117
О драматической литературы новыхъ народовъ (Барона Экшпейна. — Спашъ I.).....	221
Письма изъ Арменіи (М. , Соболева).....	361

Мѣдный городъ (сказка изъ новой <i>Тысята и одной ночи</i> , издан. Гаммеромъ).....	133
Кокешство и любовь (повѣсть П. П. Сумарокова).....	258, 409
<i>Смѣхотворенія.</i>	
Лилія (съ Шведскаго , пер. Барона Розена).....	40
Арфа (А. Г. Рощева).....	43
На смерть А. П. Эссена (Ек. Т-вой).....	44
Мегеммедъ (А. Вельпмана).....	45
Къ Помпею-Вару (изъ Горація).....	46
Къ воинамъ (А. А. Волкова).....	128
Къ И. И. Дмишрѣву (А. А. Волкова).....	129
Къ А. С. Пушкину (В. Л. Пушкина).....	—
Лѣсія (А. И. Каверзнева).....	130
П. И. Барону Д*** (В. Астафьева).....	131

Ошривокъ изъ поэмы Лорда Байрона: <i>Донъ Жуанъ</i> (начало 1-го вѣдѣнїи). Съ Англійскаго Н. А. Мар- кевича.....	248
Эпиграмма (А. С. Пушкина).....	257
Усторическая эпиграмма.....	—
Нощныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи. Соч. Юнга (съ Англ. В. Вронченко).....	400
Примиреніе (изъ Горация, В. И. Орловъ).....	407
Эпиграмма (А. С. Пушкина).....	408
КРИТИКА.	
Разбойники, Трагедія Шиллера. Пер. съ Нѣм. М. 1828 года.....	48
Traité de physiologie, etc.— Traité de physiologie patho- logique. — Précis de physiologie, etc. — (Разсуж- деніе о Физиологїи, прилденной къ Патологїи. Соч. Бруссе. — Разсужденіе о Физиологїи пато- логической. Соч. Бежена. — Учебное натертаніе Физиологїи. Соч. Мажанди).....	55, 162
A winter's Journey, etc. (<i>Зимнее-путешествіе по Лап- ландїи и Швеціи</i> , Капитана Брука).....	306
Römische Geschichte — Dasselbe, zweyte Ausgabe — Schlegel's Recension — Geschichte des Römischen Staates (<i>Римская Исторїя</i> , соч. Нибура — Она- же втораго изданїя — Шлегелевъ разборъ Ни- буровой Римской Исторїи — Древняя Исторїя Римскаго государства, соч. Вахсмута).....	437
Современная Русская липперапура, 1828 и 1829 годовъ.....	77, 184, 338 и 478
Смѣсь.....	97, 212, 349 и 496
Парижскія моды.....	109, 217, 355, и 505
При сей частпи находится пять картинокъ новѣи- щихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. — Въ Прибавленїи къ Телеграфу четыре изображенїя акиражей, мебели, хозяйственныхъ устройствъ и проч.	

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

(Продолженіе.)

XVIII.

Сшруя , за кормой віющаяся , въ мигъ залилась , писалъ я къ вамъ на дняхъ ; но шекучія мысли ихъ , но быстрые разговоры ихъ , переливались въ моемъ воображеніи , какъ я возвращался по безмолвнымъ уваламъ. Пустыня , одиночество мысли , и не равнодушное видѣніе ; какъ Флора , на каждомъ шагу , роняла украшенія изъ цвѣточной діадемы , расположили меня выходишь не одинъ разъ изъ коляски , чшобы взять съ собою нѣсколько распеній , еще украшающихся цвѣтными перышками. Похищенія увядающихъ красотъ , 4 Сентября мною сорванныхъ , состояли вопъ въ чемъ : Даурскій снѣгоголовникъ , алебаспренникъ , серпуха , мангиръ , горицвѣтъ , девясилъ , смолевка , большая горлянка , кресповникъ , гребешки , желшій макъ ,

Мартъ 1829.

4

жабрей, *campanula lilifolia*, *convolvulus rupestris*, гречиха обвиллишая (*).

Какъ кшатри я прѣхалъ, съ пукомъ полевыхъ цвѣтцвъ, въ домъ Кнзя Ганшимурова, начальника Тунгузскихъ родовъ, у кошораго дочь, какъ садъвая лляя, карымскими личиками окруженная, гомфовилась къ брачному вѣнцу. Спаршими подчиненныхъ родовъ уже съхались, хозяинъ подавалъ примѣръ госпямъ къ веселости, и мнѣ хошѣлось-бы посмопрѣшь пошѣхъ Тунгузскихъ при Христіанской свадьбѣ; но, къ сожалѣнію, домъ Кнзя былъ исполненъ кнѣтніа и гостей, а другаго помѣщенія не лзя было найдши.

По разнообразности письма сего, которому нѣтъ особеннаго назначенія, вы дозволише здѣсь внесши вымешку о числѣ подапныхъ душъ Тунгузовъ и Бурятъ, за Байкаломъ живущихъ.

(*) *Echinops dauricus*, *Gypsophilla altissima*, *Serratula centauroides*, *Alisma angulosum*, *Lychnis dioica*, *Inula salicina*, *Silene procumbens*, *Gnaphalium leontopodioides*, *Senecio nemorensis*, *Chrysanthemum arcticum*, *Papaver nudicaule*, *Antirrhinum linaria*, *Campanula lilifolia*, *Convolvulus rupestris*, *Polygonum convolvulus*.

А. Тунгузовъ :

- а) въ Нерчинской Округѣ 5,040
 б) въ Верхнеудинской Округѣ 1,168
 в) новокрещенныхъ въ послѣдней 540

Б. Буряты въ Верхнеудинской Округѣ :

- г) Селенгинскихъ 8,457
 д) Кударинскихъ 1,978
 е) Баргузинскихъ 1,750
 ж) Хоринскихъ 21,374

Всѣхъ 40,151

Надобно знать, что Хоринцы частію живутъ и въ Нерчинской Округѣ, слѣд. по обѣимъ сторонамъ Яблоннаго хребта. Вотъ почему я и полагаю, что Шоломеевы *montes Charinarii* должны быть тоже, что иныя Яблонный хребетъ.

Я любопытствовалъ у Тунгузовъ, и прежде у Буряты, между прочимъ о мѣстѣ Чингисхановой столицы, иногда именуемой *Харакорумъ*; но никто изъ нихъ даже не намекнулъ ни слѣдовъ любопытной древности. Такое глубокое невѣдѣніе, при выказывающемся почтеніи къ памяти Чингисхана, служило указаніемъ, что столица, или *Серикъ*, была опанъ подвижной, кошорый, вѣроятно, находился на время и въ поманушомъ урочищѣ Харакорумъ (*).

(*) Планъ Карпинъ, описывая поѣздку свою къ Монгольскому Хану, видитъ гдѣ-то обширное озеро, ко-

Въ Верхнеудинскѣ я полагаю взявъ еще нѣсколько Монголо-историческихъ уроковъ у Г. Игумнова, какъ у единственнаго знашюка, какого шолько Сибирь имѣешь по части Манжурскихъ и Монгольскихъ познаній.

4 Сентября,
въ Верхнеудинскѣ.

XIX.

Я на верху Хамарь-Дабана, одной изъ высочайшихъ Байкальскихъ горъ; вду подлѣ грозной, утесистой пропасти, отдѣляющей отъ копыта лошади одними надолбами. Смерть и пропасть, казалось, прятались подъ лѣвнымъ спременемъ.

Какъ можно было думать, когда 8-го Сентября я пользовался прекраснымъ временемъ въ живописномъ селеніи Торейскомъ, какъ думать,

второе Н. М. Карамзинъ топчасъ принимаетъ за Байкаль, на 42 стр. IV тома. Но гдѣ-бы ни былъ станъ Хана, ни съ одной стороны не лзя издали увидѣть Байкаль, отъ котораго припомъ путь Карпина отклонялся-бы огромнымъ палисадомъ западныхъ Байкальскихъ горъ. При сокращеніи путешествія тогожъ Карпина, Исторіографъ переименовалъ мѣстечко *Копевдъ*, *Хановымдъ*. Ошибки — неизбѣжны въ огромномъ твореніи!

что черезъ два дня долженъ буду въѣзжать на Хамарь-Дабанъ по искусственному подъему, усроенному вавилонами, чрезъ шакіе снѣжные сугробы, кошорыхъ вышина мѣстами равнялась $4\frac{1}{2}$ саженой? Туть погасло кичливое желаніе теплой равнины, желаніе подняться на самую вершину горы!

Пусть другіе, думалъ я, дѣлають барометрическія измѣренія вышины Байкальскихъ Альповъ; пусть другіе ищуть себѣ минералогическаго безсмертія открытіями по рѣчкѣ Слюденикѣ, выпекающей изъ окресныхъ подошвъ Хамарь - Дабана; пусть они богашають науку и кабинеты Сибирскіе лазурикомъ, главколиспомъ, апашипомъ, премолипомъ, байкалипомъ, и пр.— Чшожь касаеться до меня, я довольствуюсь шю умѣренностію, чшо на вышинѣ, какъ и въ долині, наслаждаюсь крошкимъ, мирнымъ расположеніемъ духа, какимъ не пользовались краснорѣчивые Гракхи, на своемъ роспральномъ возвышеніи. Я довольствуюсь шю свободой, чшо смѣю просширашь, выше Байкальскихъ швердней, кисть моей руки, мое перо: мнѣ довольно эшого права.

Не величайтесь, шверднии Байкальскія, не величайтесь своими громадами; въ вашихъ основаніяхъ таяшся волканическія попрасенія; вы разсмилешесь во мгновение ока! Не величайтесь, шверднии Байкальскія, своимъ очерпаніемъ, сво-

сю вышнюю; ваши, вершины, ваши логовища, дикн, безплодны, и благопріятствуюшъ однимъ живописнымъ неразумнымъ. Неслыхашъ, чшобы добродушіе или дарованіе основало себъ куцу близъ васъ; шакъ! эшого неслыхашъ.

Когда я въ подобномъ, М. Г., возвышеніи чувствъ спустился съ поднебесья въ Кулшукъ, на подошву горъ, сколько выгодъ нашлось шупъ, въ смиренномъ раздольѣ! Я нашелъ лѣпо, покойную хижину, опдыхъ опъ верховой ѣзды, довольство въ огородныхъ овощахъ, крешьянскую промышленность минералами со Слюденки, прекрасное купанье въ холодной водѣ Байкала и сонъ сладкій. Сладкимъ сномъ смѣняюсь-ли я на любую высоту человѣческую?

12 Сентября,

изъ Културсъ.

Postscriptum. Для сравненія моихъ чувствованій съ прежними, записанными въ подобномъ положеніи, я развязалъ суму шарыхъ бумагъ, изъ числа кошорыхъ, надѣюсь, вы дозволише здѣсь включить, въ видѣ воспоминанія, односпоронній абрисъ Кавказа, 1807 г. въ Сеншябрѣ мною пробованный.

Кавказъ,

съ горы минеральныхъ водъ,

близъ Коншаншиногорска.

«Какъ восхищаюсь мыслию изобразить Кавказскіе виды! Пусть краски будутъ мершвы, пусть холодно не оживетъ подъ прикосновениями пера: все однакожь не описану ошь рабшпы. Удивительный видъ Бешшовыхъ горъ, на чысшой плоскости порознь разспавленныхъ издали, не завидѣвъ еще Георгіевска, является колоссальнымъ поршикомъ, который природа, свыше образца, воздвигла въ преддверіи огромныхъ зданій Кавказа. Одна изъ пашы горъ, на 270 саж. возвышающаяся, больше другихъ обольщаешъ меня, потому что въ ней опливаешся больше красошь.

Когда съ воспочной стороны, верспы за шри, обращаешся къ ней, она предспавляешся куполовиднымъ храмомъ, къ кошорому съ обѣихъ сторонъ еще примыкаешъ по одному какъ-бы придѣлу.

Когда солнце садешъ вечерашъ, и преломленными лучами догараешъ въ выщинѣ небесной, гора облакаешся въ чудесную ризу, по кошпрой спруашся шо фіолешовые, шо палевые съ розовыми, узоры. Переливъ и измѣненіе шренещущаго свѣша съ смѣшеніемъ шѣней выспав-

ляюпъ картину несказанную, неподражаемую для киспи человѣческой.

Когда она обовѣстъ вершину свою въ дымчашое покрывало изъ облаковъ, заранѣ шѣмъ предвѣщаетъ перемѣну въ атмосферѣ, не взирая на ясныш и тишину въ воздухѣ. Кабарда изъ за-границы смошришъ на это явленіе, какъ на баромешрѣ, и за день чипаетъ будущее небо.

Для расширенія картины, я хошѣлъ-бы на подошвѣ горы, шамъ, посшавипъ крѣпосш, пушъ раскинушъ луга, далѣ помѣсшишъ аулъ Черкесовъ мирныхъ, а далѣ приюшишъ селеніе Шошландцовъ, пришедшихъ сѣяшъ въ Кавказскихъ ущеліяхъ слово Евангелія.

Другая Бешшоваа гора досшопамипна водомешами цѣлебными. Сип благшворныа воды, низливаясь съ горы, образовали скашы, красновашою осадкой ушпаннне, копорые издаелка мечушся въ глаза своимъ глянцомъ. На эту гору, коль ешоро небесный женихъ возшашъ съ свѣшозарнаго ложа, я спѣшу по утру, чшобы насладипсь зрѣлищемъ рисующагося Кавказа.

Кшо не ушреннюешъ — условіе замѣшное даже въ бытіяхъ веществва — кшо не ушреннюешъ, шощъ не увидипшъ эшого неизрѣченнаго зрѣлица. Нагорные льды съ дневнымъ зноешъ шаюшъ, шуманы гущѣюпъ надъ вершинами, и прежде нежели солнце вступипшъ въ меридіанъ, занавѣсь

облачный развиваешь, и закрываешь чудесную оптическую картину.

Какой занавѣсъ и какая картина! Отъ глазъ до послѣдней видимой горы, верстѣ на сто, насѣяны поперегъ хребты, а въ длину простираясь (такъ привыкаешь видѣть и самый глазъ) до Каспійскаго моря, они представляются по законамъ перспективы въ одной безконечной, очаровательной линіи. Надъ этою линіей, въ такой-же перспективѣ, занавѣсъ облачный колеблется, поминутно развивается и опускается, тогда какъ немытые глаза, оставаясь и послѣ шуда-же вперенными, ищутъ просвѣтловъ сквозь закровъ, къ сожалѣнію ранній, на копорый досадуешь.

Эта линія горъ, посеребренныхъ снѣгами, индѣ чернѣющихъ отъ пропалинъ, горъ, слагающихъ въ одну связь разныя вышины, разныя величины различнаго очерка, представляють необъятную связь видовъ. Индѣ рисуются храмы и замки; индѣ всякіе переходы между зданій; шутъ пронувшіеся бельведеры; шамъ падающіе куполы; индѣ обширные слѣды землетрясенія; индѣ горѣлме остатки пожараща; далѣ громады развалинъ, продолжающихся шуда, шуда... шуда, гдѣ усталый глазъ непримѣтно смѣняется воображеніемъ, шуда (сдается) все продолжается незнакомый рядъ разрушенныхъ фасадовъ, и весь, по всей длинѣ, отъ солнечнаго зарева

пилаешъ разноцвѣтнымъ освѣщеніемъ. Не видѣли это Эдема? въ восхищеніи спрашивалъ я себя. Не аллегорическій-ли видъ Эдема, опустошеннаго и пошеряннаго на землѣ?

Возвращаясь шѣмъ-же порядкомъ видовъ къ правой сторонѣ, я успокоивалъ и взоръ и воображеніе на лучезарномъ Эльборусѣ, на эпой горѣ, сіяющей свѣтящимися льдами. Цвѣшъ ея ешь цвѣшъ сплошнаго золота, а абрисъ ея шочный черпешъ великаго шашра, раскинушаго, мечталось иногда, для Сенъ-Пьерова царшвеннаго Сейма, если-бъ шолько было это въ Европѣ.

Ушѣшительныя мечпанія! вы приводили меня въ сладкое забвеніе, при подошвѣ Пишигорія. Каршинные виды очаровывали и возносили меня выше меня. Я дерзалъ шамъ иногда взывать къ Творцу велелѣшнаго Кавказа, и, въ общемъ воскликновеніи съ добрыми сердцами Рускихъ, испрашивашъ мира землѣ, мира опечешву.»

XX.

По возвращеніи моемъ сюда изъ Якутска, вскрывъ письмо двухъ пушешеспивенниковъ, наполненное вѣжливости и сожалѣнія, что не случилось въ Иркутскѣ освѣжиться бесѣдою со мной, я равнолѣрно выразилъ предъ ними свое не меньшее соболѣзнованіе о пошерянномъ случаѣ къ свиданію съ такими небывалыми въ здѣшнемъ краю гостями. Такъ шому и бышъ.

Между шѣмъ , по мѣрѣ немаловажныхъ перекрестковъ , какіе сдѣланы мною по обширной здѣшней губерніи , чувствуя себя пославленнымъ на вѣкошорой общей высотѣ , я посмѣлъ нынѣ оклянушь глазомъ губернію , и , въ слѣдствіе того , рѣшаюсь препроводить къ вамъ свое обозрѣніе , не вводя сюда частныхъ свѣдѣній о Киренскѣ и Якутскѣ , назначаемыхъ для другаго употребленія .

ОБОЗРѢНІЕ

Иркутской Губерніи

въ 1814 году.

Исторія.

Якутскъ былъ первоначальнымъ средопочіемъ Русскаго управленія , водворенія и завоеванія всего края , который нынѣ именуется *Иркутскою Губерніею* . Завладѣніе сего мѣстечка , какъ и всего края , было сдѣлано безъ начертаній Правительсва , по одному чужью частной корысти .

Самовласіе , и , съ другой стороны , неподчиненность того времени , равномерно прикрытавшіяся опдаленностію , должны были казаться шумящимъ жиделамъ нашествіемъ разбойничьимъ . Но неустройства первоначальныя , чрезъ сравненіе съ начальными основаніями славнаго Рима , шеряють шероховатость въ слѣдующихъ

сполѣпшяхъ. Умъ поражается незаконностію полько на коропкое время.

Первое образованіе края началось во времена Петра Великаго, и тогда почка управленія гнѣздилась уже въ Иркутскѣ. Но, если-бы изъ сей почки, а не изъ Якушека, власпъ начала распроспраняться на окреспнныя орды, Камчатка не шакъ скоро сдѣлалась-бы принадлежноспію нашего опечества, а съ шѣмъ вмѣспѣ Великому Россіи не довелось-бы начершпшъ инструкцію для морскаго обозрѣнія пролива и берега Сѣверо-Воспочноѣ Америки.

Впорое образованіе обширнаго края, безъ прекословія, принадлежпшъ къ опкрыпію Иркутскаго Намѣспннчеспва. Тупъ Управленіе явилось въ важныхъ и блеспящпхъ образахъ; лучп его разлились даже въ малолюдныя пуспныни. Человѣкъ воспрануль, и услышалъ свое имя.

Двпженіе, говоряшъ, безконечно продолжашсп въ пуспотѣ: шакъ и двпженіе образовашельное, если оно сообщено духу народа, а не поверхности вещей, продолжашсп свое дѣйспвіе, хошя-бы частію и измѣнплись внѣшнне образы. Пуспъ бросяшъ преграды на пупп: человекъ, уже вразумленнѣ, оподвпнетъ ихъ, и самыя силы природы опкликнушся на помощъ. Я вдѣль въ насшоащемъ году, по городамъ, свпдѣшельспва подобноѣ двппельности

и благоуспройства, какихъ не видали за 30 лѣтъ.

Вошъ исторія Губерніи! Она пишется въ Иркутскѣ подробнѣе, нежели какъ я пишу, съ изображеніемъ дѣлъ и характера мѣстныхъ правителей; это конечно не лишится Тацита, но Тацитъ, при имени кошораго празднуетъ душа чувствительная, гравировалъ истинны своего опечесства съ подобныхъ памятныхъ пещрадей. Архивъ правительственный раскрылъ-бы ему одни акты республики, а не чувства и мысли Римлянъ. — Довольно для исторіи!

Поверхность.

Земная поверхность губерніи = 24 милл. квадратныхъ верстъ. Географъ, смотрящій на одну карту губерніи, легко путешествуешь съ лорнетомъ отъ концовъ хребта Саянскаго къ группѣ Байкальскихъ горъ, потомъ къ протяженію Яблонныхъ и Спанныхъ горъ; и, вѣроятно, воображаетъ, что прочее пространство есть равнина. Но изъ минералогическаго описанія Академика Севергина уже замѣтно, что только горы, и не широкіе раздѣлы между горъ, составляютъ поверхность губерніи. Отъ р. Кана до пр. Берингова, отъ кр. Горбицы до острога Брашскаго, сія поверхность непрерывно, или холмится, или перебѣгаетъ въ нарочитые крики горъ.

Большихъ равнинъ здѣсь нѣтъ; одиѣ долины залегли между горисшихъ кражей, и называюща *паднями*. Спени здѣшнія также сушь промежушки между горъ, всегда видимыхъ, да и пакъ ихъ мало, что не прудно-бы сосчитать.

Красивыя долины сушь: Кевопская, Хоринская, Кудинская, Тургинская, Балаганская, и пр.; красивыми мѣстоположеніями гордяща пріи крѣпости: Окна, Кудара и Тунка (*); сюда-же можно причислишь окрестность Якутска. По наружной игрѣ природы, довольно замѣчательна перевозданная набережная по лѣвому берегу Лени, выше обласпнаго города; она, какъ-бы опасаясь единообразія, многократно прерывается и опяшь начинаешся по другимъ зодческимъ черпежамъ. Къ большему-же удивленію, видише на правомъ берегу сполнообразные ряды вывѣшрившихся известпныхъ грудъ, кошорыа вышпною, очерпаніемъ и многочисленпстію, издали предспавляющъ какія-шо чудныя развалины.

Верхняя плева земной поверхности, въ здѣшней губерніи, по большей части песчаниспая, частію глиниспая, и рѣдко черноземная, не глубока ошь перевозданной корки, или черепа. Сей

(*) Когда я былъ въ Тункѣ, приходило на мысль, не въ родспѣ-ли будетъ *Тонкинское* Королевство нашимъ Тонкинскимъ Бурятамъ?

черепъ, будучи сплошнымъ минеральнымъ, лежигъ почти въ нагошѣ по горамъ, да и въ долинахъ не далеко отъ верхней племы (*), ибо тѣмъ изъяснишь всеобщую минеральность ключей, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ, какъ не близостию минеральнаго черепа къ верхнему слою земли? Прибавьте еще къ тому богатый запасъ окаменѣлости, и доказательность вулканическихъ изверженій, начиная отъ края Камчатки до Урала Туни.

Населенность.

Населенность осѣдая здѣсь прочеркнуша, большею частію по рѣкамъ и притокамъ; послѣдняго условія недавно держались при назначеніи новыхъ водвореній.

Населенность сословишь въ 200,000 душъ м. пола; слѣд. она содержиши къ поверхности, какъ 1 : 120. Не душно, кажется, жить чешѣ обоюго пола на квадратномъ достояніи 120 верстѣ. Русское племя содержиши къ числу инородцовъ, какъ 1 : 4. Два сіи содержанія показываютъ, что для обхвата шоль немощнаго

(*) Въ экспорыхъ долинахъ выпались рышь колодцамъ для новыхъ поселеній, но не успѣвали открышь воды. Удивлялись; но причина очевидна, ш. е. первообразный черепъ, сплошный, крѣпкій, шомчасъ выказывался.

просперства, въ видѣ однихъ первообразныхъ занятій, уже не оспавалось-бы излишнихъ рукъ; что рыбные промыслы, даже по Байкалу, далеко не обняли своего дѣла, въ еоразмѣрности естество-спвеннаго изобилія и общественнаго продовольствія, и что развитіе искусственной части, какъ увеличаніе избыточной населенности, должно бытъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ находящся, въ грубомъ начинѣ. Цеховитъ, такъ несвойственно лакомящимся опъ препорученій по пипейному ошкupu, пора-бы вразумишься въ истинныя обязанности своего званія; но, какъ видно, испытываемыхъ въ продовольствіи нуждъ еще не довольно къ тому, чтобы заславить понятъ честную дѣль, въ законахъ изрѣченную. Для чего-бы Градскимъ Дунамъ, съ своей стороны, не руководствоваться согражданъ къ масперствамъ выпискою масперовъ, или учрежденіемъ пехническихъ заведеній?

Тельминская суковно-стеклянная, Солдаповская стекляннно-фаясовая фабрики, какихъ-бы степеней совершенства онѣ не достигли, споль-же мало могутъ бытъ вывѣсками туземнаго искусства, какъ пневматическій насосъ, прекрасный гальванический снарядъ, и другія орудія, какими владееть Иркутская Гимназія. И орудія и масперовые присланы.

Въ Сибири, какъ и въ здѣшней губерніи, со-

сваденны ремесленные дома, изъ присыльныхъ ремесленниковъ, въ поправленіе незаботливости градскихъ обществъ; но въ видахъ городского хозяйства справедливо можетъ помѣспиться вопросъ: полезны-ли заведенія сего рода?

Условія полезности пехническихъ заведеній должны естественнo заключаться въ помъ, 1-е чшобы распрощранять и совершенствовать искусственную дѣятельность въ коренномъ классѣ народа, который, самою городскою жизнью и узаконеніями, обреченъ къ упражненіямъ въ искусствахъ; 2-е чшобы навыки искусственные переходили опъ опца къ дѣшямъ, въ видѣ наслѣдія, или капи пала попомощвеннаго; 3-е чшобы довѣренность общества къ лицамъ, мастерствами занимающимся, обеспечивалась увѣренностью въ искусство, честности и точности исполненія. Могутъ-ли сіи условія бытъ соглащенны съ Сибирскими ремесленными домами? Но во какомъ случаѣ оптаешся вопросъ не рѣшеннымъ: какимъ назначеніямъ должны посвящать свои способности цеховые? На какихъ надеждахъ благосостояніе семействъ ихъ обопреться?

Естественная производительность.

Г-въ Зябловскій, дабы исполковать не богатую плодородность южной части губернии, опшощь сіе къ холодности, а самую холодность

главнѣйше: а) къ множеству горъ, съ юга заграждающихъ губернію отъ южной теплоты, и б) къ восточному положенію ея. Но опѣтивъ прошивъ перваго написанъ на поляхъ Красноярской округи, которая независимо отъ того, что также закрываютъ ее съ юга Саянскіе пикалы, славится плодородіемъ. Кому при томъ неизвѣстно, что степени теплоты зависятъ отъ меньшей косвенности лучей, а частію и отъ земной почвы, больше или меньше способной къ содержанію теплоты. Чтожъ касается до второго мнѣнія, трудно опдать себѣ опчетъ въ основательности его, потому что опношеніе восточности, какъ и полуденности, принадлежитъ каждому возможному меридіану. Справедливѣе было-бы искать причину холодности въ выпукломъ и гористомъ положеніи губерніи, въ минеральности первоначального черепа поверхности, и въ непротухающей, неизмѣримой тундрѣ.

По приличію упомяну о двухъ мѣстныхъ мнѣніяхъ, какія засталъ я въ Якутскѣ и въ Иркутскѣ. Въ первомъ мѣстѣ увѣряютъ, что въ послѣдніа 40 лѣтъ, послѣ бывшаго въ то время сильнаго землетрясенія, атмосфера сдѣлалась умѣреннѣе и теплѣе, а въ Иркутскѣ разглашаютъ, что въ южной части губерніи распвореніе воздуха, въ послѣдніа 20 лѣтъ, оказывается не такъ благопріятнымъ для прозябаній. Первому слуху трудно довѣрять, когда термометры въ

Якупскіи утверждаютъ проливное, а вшпорой можешъ вытпш върояпносшь, по недовѣдомымъ категоріямъ метеорологіи. Тупш не легко согласшть только шо, почему-бы землепрасеніе, которое горизонтальнымъ движеніемъ, безъ сомнѣнія, можешъ оплодотворяпть холодную и лѣтнюю почву, было благотворно для Якупска, а не для южной часши, гдѣ содроганія земля бывающъ чувствуемы каждый годъ.

Главная помѣха для прозябеній въ южной часши губерніи, по временамъ, происходипть: а) опъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ, весной продолжающихся; б) опъ недосшашка благовременныхъ дождей, и в) опъ холодовъ (инеевъ), побывающихъ хлѣбъ, иногда въ цвѣтѣ, иногда въ наливі. Тлепворносшь послѣдняго случая умѣряющъ своимъ пропшводѣйствіемъ упренніе туманы, по косогорамъ кспашп иногда распшлающіеся, если только посѣвы хлѣба бывающъ на косогорахъ. Опъ того-шо пропшходипть, что на одномъ и томъ-же урочшцѣ волнуешся жашва обильная, а вонше ея на одинъ, такъ сказашъ, серпъ, другая у сосѣда до осени зеленѣешъ, какъ права.

Остановимся на секунду, чтобы взглянуть, какъ по спешеніямъ широпы, по сей нисходящей лѣспшвицѣ силъ, природа здѣсь пощашъ и замираешъ къ Сѣверу! Около Она она видипше усилія персиковыхъ деревъ, просо и грѣчуху; на сѣверной споровѣ Байкала, подобія дикихъ ябло-

ней, съ крошечными плодами, и всякое хлѣбное зерно; около Киренска ячмень съ огородными овощами, кедровые лѣса съ орѣхами; около Амги ячмень, въ самое счастливое лѣто; далѣе Верхоянска, вмѣсто красивой березы, уже одинъ бѣдный ерникъ, какъ сиропу; а далѣе, на шундрахъ, врачебные мхи и продолженіе, можешь быть, морошки и клюквы, сихъ благодѣтельныхъ, слава Богу, даровъ въ цынгопномъ климатѣ. Такъ умаляешь природа даянія свои къ сѣверу, со стороны прозябающей снѣди, и въ возмездіе недоимокъ, она-же усугубляетъ щедрости приваломъ вкусныхъ морскихъ рыбъ, налепомъ дичи, и спранствованіемъ млекопитающихъ двукѣпныхъ, въ обратномъ содержаніи разстояній къ тому-же сѣверу. Но произнесешь-ли печальный deficit? Ни въ какой широтѣ губерніи вы не увидите медоваго дупла, ни парящаго по воздуху руна лапоперыхъ пчелъ, и навсегда опчайпесь услышать соловья, пѣвца весны и любви! Здѣсь поэма сама природа, и природа не думала о солистѣ.

Нѣтъ, не мое дѣло вводить васъ въ плодovitое царство живопныхъ, обмежевавшихъ въ здѣшнемъ краю и самого челоука; не мое дѣло знакомить васъ съ несчетными растеніями и минералами. Молодые, прудолубивые Сибиряки, цоваго, высшаго образованія; примушся на вѣр-

ное (*) за сія важныя уроки Еспеспва. Лѣпописи наукъ впишутъ имена ихъ съ лучшею поржеспвенностію, нежели имена Иперборейцовъ, во спраннымъ заслугамъ увѣковѣченныя Иродошомъ.

15 Декабря 1814.

Въ Иркутскѣ.

(Продолженія надѣмся).

РАЗБОРЕНІЕ ИНАДЫ.

Надобно признаться, что мы гораздо молчаливѣе нашихъ собратьевъ Европейцевъ, когда дѣло идетъ о подвигахъ народныхъ. Во Франціи явившяся немного важное событіе—о немъ шрubbyтъ сошии журналовъ, вшоряшъ десяпки книгъ; этого не довольно: изъ областей лишшерапуры оно переходить на мебель, на посуду, и дамы спышашъ придумашъ въ честь ему новомодныя

(*) Семеновъ Семеновичъ Щукинъ, въ шшашу Иркутской Гимназіи принадлежанцій, дѣйствительншо загошовляешъ минералогическое описаніе губерніи, какъ я извѣстился въ Январѣ 1828 года. Онъ-же собралъ не маловажныя справники.

уборы. Всякая крайность имѣетъ свою смѣнную сторону: но у насъ прошивный порокъ. Мы, какъ будто довольные шѣмъ что удалось сдѣлать, не любимъ много полковать о помѣ. Наши писатели, кажется, забываютъ, что нужно представлять народу его славу, такъ-же какъ нужно вешерану напоминать передъ биввою о побѣдахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Все это сказано вообще; перейдемъ къ примѣненію. Передъ нами отечественная война противъ Турціи, война, въ которой дѣло идетъ о поддержаніи чести Государственной и о спасеніи угнетаемыхъ. Казалось-бы, не льзя съ довольною подробностью описывать подвиги, которыми она подала уже случай Россійскому оружію совершить минувшимъ годомъ. Однако мы доселѣ перпѣливо довольствуемся официальными реляціями, которыми хопя и драгоцѣнны по своему безпристрастію и относительной подробності, однако могутъ и должны лишь доставлять понятіе объ общемъ ходѣ военныхъ операций. Но собираешь и обнародывать разбросанныя черпы мужества или смѣлливости воинской—дѣло частныхъ людей, дѣло всѣхъ занимающихся текущею Словесностію. Если какое нибудь изданіе заслуживаетъ у насъ похвалу въ семъ отношеніи—это Тифлисскія Вѣдомости.

Но какъ образецъ лучше наставленія, по мы предложимъ здѣсь подробности нападенія на Инаду,

которое безъ сомнѣнія займетъ мѣсто почетное въ исторіи минувшей кампаніи противъ Турковъ. Сія подробності намъ переданы дословѣрными очевидцемъ.

Въ настоящую войну начали въ полной мѣрѣ сбываться великія предназначенія Императрицы Екатерины II, основательницы нашего флота Черноморскаго. Доселѣ еще не было эпохи, въ которую-бы флотъ сей оказалъ подобную дѣятельность. Предводимый Адмираломъ испорическаго имени, А. С. Грейгомъ, онъ участвовалъ во взятіи двухъ пропивулежащихъ швердынь Чернаго моря, Анапы и Варны, испребилъ нѣсколько непріятельскихъ конвоевъ, и въ поже время его крейсера браздили Понпъ Эвксинскій во всѣ стороны, появлялись неожиданно при врагахъ Босфора, и уничтожая все что ни встрѣчалось, отрѣзывали Турецкіе корабли изъ-подъ самихъ пушекъ батшарей непріятельскихъ. Добыча, доставшаяся неуспрашимымъ каперамъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцовъ, превзошла всѣ вмѣстѣ сложенные призы прошедшихъ войнъ Россіи съ Порпою.

Турки, настигаемые и шѣсными повсюду силами отважными экспедиціями, не нашли лучшаго средства, какъ обставивъ батшарями и небольшими редутами всѣ пункты Европейскаго своего берега, гдѣ Черноморскія суда ихъ могли имѣть пристанище.

Средопочіемъ сихъ береговыхъ укрѣпленій служила Инада или Ніада. Заливъ ея составляетъ хорошій рейдъ. Турки на берегу заложили два редуша, укрѣпили ихъ артиллеріей и правильной ружейной обороною, и готовили еще два шаке-же. Сіе мѣсто издавна было укрѣпленнымъ; на немъ видны развалины башенъ спаривной крѣпости. Одна изъ нихъ уцѣлѣла еще опъ сокрушающаго времени. Эпо было высокое шестипугольное строеніе о 3-хъ этажахъ, имѣвшее 36 сажень въ окружности и складенное прочно изъ дикаго камня; оно возвышалось на самомъ берегу, нося на себѣ слѣдъ нѣсколькихъ столѣтій. Сію башню обнесли Турки главнѣйшимъ изъ редушъ, и подъ ея сводами учредили артиллерійское и военное депо, гдѣ сохранялось до 900 пудовъ пороха, около 50 ш. пашроновъ, со множествомъ воинскихъ и огнеспрѣльныхъ снарядовъ всякаго разбора. Около редуша находилось еще нѣсколько магазиновъ, лавокъ и до 20 жилыхъ домовъ, изрядно выстроенныхъ. Верстахъ въ 27-ми опъ сего мѣста лежишь городъ Самаковы съ своими заводами, гдѣ опливающа ядра и другія чугуныя вещи, доставляемыя въ Инаду для опвоза въ Спамбуль. Лишнее обшество, побудившее укрѣпить сію послѣднюю и сдѣлать неприспунною.

Плѣнные Греки донесли Адмиралу Грейгу, что гарнизонъ въ Инадѣ слабъ и завладѣшь

его возможно. Адмиралъ сообразилъ спрагегическую важность сего пункта, спрахъ, который ваденіе Инады должно было произвести въ Константинуполь, откуда она въ 80 верстахъ, наконецъ славу нападенія на мѣсто укрѣпленное, въ такой близости отъ столицы непріятельской. Немедленно опредѣлъ онъ два фрегата, Рафаэль и Посѣпшннй, одинъ шлюпъ и одинъ каперъ, и ввѣривъ экспедицію храброму Капитану Крипскому, предписалъ ему захватить пушки, и испребить все оспальное.

12-го Августа, вечеромъ, Капитанъ Крипскій отправился; 14-го подѣхалъ онъ на весьма близкое разстояние къ Инадѣ, осмопрѣлъ мѣстоположеніе и составилъ планъ атаки. 16-го въ 3 часа по полудни соединился онъ съ Рафаномъ, крейсировавшимъ у Босфора: сей фрегатъ привелъ съ собою бригадину Елисавету. Медитъ было не зачѣмъ. Въ пошъ-же вечеръ начали готовить высадку, для которой считая и ушеръ-офицеровъ, выбрано всего на все 370 человекъ подъ начальствомъ самого Г-на Крипскаго. Ихъ снабдили шрехъ-дневнымъ запасомъ сухарей, всеми поспребными орудіями сапернаго дѣла и двумя шрехъ-фунловыми фалконетами, въ замѣнъ полевыхъ пушекъ. Послѣ того условлены сигналы и сдѣланъ опытъ: во сколько времени сгараетъ ошпаль извѣстной длины, дабы, если случится

взорвашь пороховой погребъ, люди могли за-
благовременно думатьъ о своей безопасности.

На другое утро, послѣ молитвы зоревой, громко прочтенъ приказъ, гдѣ воинамъ объявлена воля начальства и приведено въ память «что побѣдители обыкновенно оспаетса потѣ, кто упорнѣе сражается.» Въ 9 часовъ утра, всѣ наши корабли, согласно плану атаки, подошли въ боевомъ порядкѣ на картечный выстрѣлъ къ крѣпости; Турки не замедлили открыть по нихъ огонь и сначала стрѣляли необычайно мѣшко, но коль скоро корабли бросили якорь, и экипажи ихъ, управясь, начали дѣйствовать картечью, непріятель замѣшался и подалъ гораздо рѣже.

Не прошло полчаса послѣ начала перестрѣлки, когда гребными суда, нагруженными десантомъ, поплыли къ берегу; между тѣмъ бригашина съ кашеромъ придвинулись къ нему какъ можно ближе, покровительствовать высадкѣ. Гребными судами въ бапаліонномъ порядкѣ, пакъ что люди, выскочивъ на берегъ, могли немедленно занять свои мѣста и выстроиться къ бою. Тихій по-
пушный вѣтеръ сопровождалъ отважныхъ; черезъ $\frac{1}{4}$ часа высадка уже была на сушѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ первой бапшарей, и войны фронтомъ двинулись впередъ.

Слусшившись на землю непріятельскую и не-

извѣспную, удаленные отъ флота, отъ всякаго пособія, они могли надѣяться только на Бога и на самихъ себя. Инада окружена множествомъ деревень богатыхъ; къ югу въ 18 верстахъ лежишь городъ Мидія; къ сѣверу въ 15-ши деревни Резвѣ; къ западу въ горахъ видѣлось еще шретье большое селеніе. Начальникъ ободрялъ офицеровъ, офицеры служилелей. Вдругъ увидѣли сигналъ фрегата Поепѣшнаго, что со стороны сѣвера приближаются Турки; это еще болѣе воспламенило храбрыхъ; они быстрой ношей впередъ, и черны ихъ изображали увѣренность въ успѣхъ. Зная, что единственное средство, совершивъ дѣло счастливо, была быстрота неупомимая, Командиръ установилъ не брать ни куска пищи до полного окончанія подвига; офицеры, рядовые громко воскликнули: «рады!» и послѣдствіе доказало, сколь они шверды въ послушаніи.

Непріятель показался; онъ вышелъ на встрѣчу, оспорить узкій проходъ къ баштарѣ между моремъ и боломомъ; наши сдѣлали по немъ убійственный залпъ и съ крикомъ: ура! бросились въ шпыки; онъ разбѣжался въ лѣсъ и они двумя мѣстами ворвались въ редушь, потерявъ одного убитаго на мѣстѣ и чепырехъ раненыхъ. Турковъ легло 12; прое доспались въ пѣнѣ.

Но сей успѣхъ еще ничего не значилъ, доколѣ оспавалось взять другой редушь, который при-

никая къ прешьему и соснавля съ нимъ родъ ципа-
дели, обнималъ внупри себя грозную башню, и казалъ
ся несравненно опасѣе перваго. Капитанъ Криш-
скій, не перяя ни минути, успремился къ оно-
му, оставивъ для защиты взятаго укрѣпенія 60
человѣкъ подѣ начальствомъ Лейтенанта Коно-
рани; сему офицеру отдалъ онъ въ распоряженіе
и всѣ гребни суда, приказавъ нагрузить на нихъ
легчайшія изъ пушекъ, въ укрѣпеніи найденныхъ,
и заклепанъ оспальныхъ.

Капитанъ могъ едва удерживашъ неперпѣли-
выхъ воиновъ; онъ велъ ихъ спройно, пихимъ
шагомъ, ежеминушно ожидая огня непріятельска-
го. Но его предусмотрительность обмануша бы-
ла оплошностію Турковъ: и шакъ уже шревожи-
мые пальбою фрегатовъ, они не разсудили ждашъ
новаго написка и бѣжали изъ редуша въ сосѣд-
ственные горы.

Инада была наша; но по всему надлежало опа-
саться, что скоро непріятель возвратишся за-
давишъ насъ превосходной силою. Теперь нужна
была вся дѣятельность храбраго ошряда, чтобы
исполнишъ цѣль ашаки и до возврата непріятеля
забрашъ на суда всю артиллерію редушовъ. Въ
короткое время соснавлена у берега приспанъ
изъ пушечныхъ спанковъ, и всѣ немовѣрныи
шрудъ переноски охончанъ въ продолженіе 5-ти
часовъ времени, послѣ чего десантъ благополучно

возвратился на фрегаты въ 8 часовъ вечера, съ вопереею одного только рядоваго.

Между штыъ догоралъ фидиль, оставленный подъ башнею, гдѣ хранился порохъ и другіе снаряды. Ночь была ясна, море спокойное плескалось волнами вокругъ судовъ нашихъ. Въ 10 часовъ вечера, вдругъ показался большой пламень, непосредственно за нимъ густое облако дыма, и въ шопъ-же мигъ разразился шакой громъ, что оба фрегата закачались, а на шлюпѣ, сползшемъ всѣхъ ближе ошъ берега, лопнули всѣ стекла. Гранаты, брандскугели, напроны, скороспрѣльные шрубки, съ шрескомъ лешали во всѣ спороны по воздуху, и, какъ волшебный фейерверкъ, браздили небо-склонъ огнистыми чершами. Огромные каменя зносило въ самыъ фрегатамъ нашимъ, болѣе тѣмъ за полверсны разсполяніа ошъ берега.

Лишь на другой день можно было видѣшь всѣ послѣдствія побѣды. Не оставалось ни одного слѣда не шокмо Турецкой башни, но и редуша, ее окружавшаго: все было разрушено силою вчерашняго взрыва. Всѣ дома, магазины, все, что горѣшь могло въ Иивадѣ, доспалось пламени въ добычу. Если присокупить вышелоказанное нами количештво запасовъ и снадобьевъ воинскихъ, кои хранились въ башнѣ и всѣ испреблены при этомъ случаѣ, шо можно вообразить себѣ вредъ, нанесенный Туркамъ сею высадкой. Во власни побѣдителей осталась, кромѣ шроихъ шажело ране-

ныхъ пѣвниковъ, 12 орудій, въ числѣ которыхъ было 5 пушекъ, 4 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ единорога. Непріятелей, занимавшихъ редушы на канунѣ, по соображеніямъ о числѣ палатокъ, покрывавшихъ берегъ, и по другимъ признакамъ, могло бытъ не менѣе трехъ сотъ. Будь они менѣе опасны, прудно-бы прогнашь ихъ изъ укрѣпленій, усвоенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Яркій восходъ солнца освѣтилъ наше шоржештво. На берегу дымилась развалины Инады; отъ нихъ не вдалекѣ ползло большое число Турецкой конницы, собравшейся ночью, но еще не дерзающей приблизиться. Въ сіе время Командиръ велѣлъ изготовить корабли къ отплытію, но прежде прочтенъ отъ его имени приказъ, гдѣ онъ, благодаря Офицеровъ и нижніе чины за окончанный подвигъ, обѣщаль довести ихъ усердіе до свѣдѣнія высшаго начальства. Отвѣтомъ было громкое, продолжительное: ура! Корабли снялись съ якорей, и восклицанія шоржештвенныя не умолкали до тѣхъ поръ, пока могли они достигати услашеннаго слуха недвижныхъ непріятелей.

Б Е С Ъ Д А

КЕМБРИДЖСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ СЪ МОСКОВСКИМЪ
МИТРОПОЛИТОМЪ ПЛАТОНОМЪ ВЪ 1800 ГОДУ (*).

При посѣщеніи нашемъ Московскаго Митрополища Платона въ Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщается Семинарія въ довольно близкомъ разстояніи отъ города, мы удивлены были противоположносью великолѣпія, среди коего прежде видѣли сего Архипастыря. Давно я искалъ случая говорить съ симъ знаменитымъ человекомъ; онъ былъ наставникомъ Павла I-го; переписка съ Дюпинсомъ давно сдѣлала его извѣстнымъ въ Англіи.

По прїѣздѣ нашемъ въ монастырь, намъ сказали, что Платонъ прогуливается въ саду, обрабатываніе коего составляло его главное удовольствіе, что показывало невинность и простоту его нрава. Въ саду мы нашли его сидѣвшимъ на дерновой скамейкѣ, подъ окнами монастырской трапезы, съ преспарѣлымъ Епископомъ, его Викаріемъ, настоятелемъ монастыря и нѣсколькими

(*) Отрывокъ изъ Путешествія Э. Д. Кларка по Россіи, Турціи и Ташаріи.

монахами: я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда мнѣ сказали, что это *Платонъ*. Какъ я его часпо видалъ въ Архіерейскомъ облаченіи, по мнѣ невозможно было его узнать въ проспой одеждѣ, копорая его совершенно перемѣнила. Онъ былъ въ полосатомъ шелковомъ халашѣ, въ колпакѣ на головѣ; на ногахъ были шерстяные чулки, а сверхъ оныхъ носки самой грубой работы; онъ иногда былъ безъ туфель; въ нѣкоторомъ распояніи я примѣшилъ желшныя туфли, а возлѣ него на той-же скамейкѣ лежала шляпа съ широкими полями, похожая на шляпы Альпійскихъ паспуховъ, и въ дополненіе сходства съ ними, букешъ увядшихъ цвѣтовъ приколотъ былъ къ шляпѣ. Его сѣдая борода, кропосшь и одушевленіе въ чертахъ лица, придавали ему самую пріятную выразительность. Онъ пожелалъ узнать, кто мы пакovy, и узнавъ, что мы Англичане, сказалъ: «Какъ! всѣ Англичане? Дивлюсь, что могли найдши «споль занимательнаго въ Россіи ваши соопеченники, дабы оставить свое опечесство.» — Сказавъ это по Французски, онъ обратился къ монахамъ, спросилъ ихъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, понимали-ли они по Французски; но увидѣвшись, что адомъ языкъ имъ былъ совершенно неизвѣстенъ, онъ посадилъ меня возлѣ себя, а другіе сѣдали около насъ кружокъ, и онъ началъ съ нами разговоръ, въ коемъ показалъ свою ученость, умъ и чистосердечіе, удивительные для

всѣхъ путешественниковъ въ такой спранѣ и въ такое время. Едва-ли моя память удержала и часть разговора, который относился къ правамъ его соотечественниковъ. «Вы, можетъ быть, на меня смотрите, какъ на предметъ любопытства, и найдите меня въ сію минуту гопомымъ къ вашимъ наблюденіямъ, сказалъ онъ мнѣ, «показывая на шерстяные чулки и спранный свой шардъ. Вы видите шарца, согбеннаго подъ бременемъ лѣтъ и недуговъ.» — Я отвѣчалъ, что нигдѣ не видѣлъ его, окруженнаго опличнымъ великолѣпиемъ, въ ночь Свѣтлаго Воскресенія, въ Успенскомъ Соборѣ, въ Кремлѣ.—«А что вы думаете объ этомъ шоржествѣ?»—Я объ немъ думаю, какъ объ самомъ великолѣпномъ, какое я только видѣлъ, не исключая и благословенія въ Римѣ. — «И прогашельномъ, примолвляя Платонъ.»—Конечно, отвѣчалъ я.—Услышавъ это, онъ улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ: «Вы провели только одну ночь, чтобъ видѣть обрядъ шой вѣри, которой не исповѣдуете, и называете этотъ обрядъ прогашельнымъ!» —

Потомъ мы осматривали садъ, любовались красивою мѣсположеніемъ и ясностью воздуха. «Не предпочитаете-ли вы нашъ климатъ вашему,» спросилъ Мисрополитъ меня.—Я отвѣчалъ, «что если сказать правду, то я нахожу Русскій климатъ суровымъ; но здѣсь зима не такъ сыра, какъ въ Англіи, и воздухъ чистѣе и сухѣе.»—«О!

« весьма сухъ, » сказалъ онъ, « воптъ опъ эпого-
« по посохли у насъ плодовишмя деревья. » —

Попомъ онъ меня спрашивалъ, куда я ѣду изъ
Россіи, и узнавъ, что въ Ташарію и Констанпи-
нополь, сказалъ : « Сохрани васъ Боже! какое пу-
« пешествіе? Но для Англичанъ нѣтъ ничего
« труднаго; они объѣздили всѣ часпи свѣша. Мой
« брашъ путешествовалъ; онъ воспишывалея въ
« вашемъ опечеспвѣ, въ Оксфорпѣ (*); а я боль-
« ше нигдѣ не бывалъ, какъ въ Пешербургѣ и Мо-
« сквѣ (**); однакожъ мнѣ было-бы пріятно пуше-
« шествовать, если-бъ опкрылся случай. У меня
« любимое чпеніе : *Описаніе путешествій*;
« недавно я чпшалъ *Путешествіе Лорда Ма-
« картнея,*» (и сіи слова онъ произнесъ съ зна-
чительною улыбкою, копорую легко можно было
поняпъ). Попомъ оная переходя къ воспишанію
своего браша, онъ сказалъ : « Англичане его вы-
« учили говоришъ по своему. Онъ на Англійскій ма-
« неръ началъ-было проповѣдывашъ намъ Русскимъ;

(*) Алексѣй Левшинъ. См. Письмо въ 1769 г. изъ
Оксфорша Томы Новелла, копорому, поручилъ над-
зоръ за ученіемъ браша своего. Fasciculus litterarum,
quas præclari viri dederunt ad Emin. D. Platonem, Archi-
episcopum Mosq. Petropoli. 1776.

(**) Въ 1804 г. Платонъ путешествовалъ въ Кіевъ
и описалъ свое путешествие, издана. послѣ смерти
его.

«его проповѣди споль прекрасныя, споль цвѣ-
 «стущія, въ самомъ дѣлѣ превосходныя проповѣди,
 «всѣ были переведены съ Англійскаго. Нѣкошо-
 «рне изъ вашихъ Богослововъ пишушь очень хо-
 «рошо, но съ неприличною вольностію. Разъ бы-
 «ло разсуждаемо въ одной проповѣди, имѣешь-ли
 «право народъ низлагашъ своего Короля?»

Мыпрополишь очень сердился на Дюшинса, что
 онъ напечаталъ его съ нимъ переписку безъ его
 позволенія; попомъ онъ говорилъ объ Вольперѣ
 и его перепискѣ съ Императрицею Екатериною.
 «Я Ее не видалъ никогда шакою веселою и въ
 «шакомъ любезномъ расположеніи духа, когда Она
 «могла мнѣ сказашь, что получила письмо опъ
 «Вольпера.»

Онъ намъ показывалъ комнашы прежняго Паптрі-
 «арха, кошорый основалъ монастырь и поспроилъ
 «церковь; онъ хощѣлъ ихъ сохранишь въ прежнемъ
 «видѣ. Келліи соспавляли маленькія гошпическія ком-
 «нашы со сводами, гдѣ даже не было и библіопе-
 «ки. Я воспользовался этимъ случаемъ, чшобъ
 «узнашь, естъ-ли въ какихъ-нибудь библіопекахъ
 «переводы классическихъ авшоровъ на Славянскомъ
 «зыкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что «нѣтъ, и что ниче-
 «го не знаешъ достойнаго замѣчанія до времешъ
 «Паптріарха *Никона*. Какъ я зналъ, что Пла-
 «тонъ весьма свѣдуць въ Славянскомъ зыкѣ, по
 «и спросилъ у него, какое имѣешъ сей зыкъ ош-
 «вошеніе съ Русскимъ. Онъ мнѣ сказалъ, что они

почти одинаковы ; что все различіе заключается въ разныхъ нарѣчіяхъ, и что ни попъ, ни другой ни малѣйшаго не имѣетъ сходства съ Финскимъ языкомъ.

Въ здѣшней Семинаріи до 150-ти воспитанниковъ обучающся Рипорикъ, Латинскому и Греческому языкамъ ; послѣ опредѣленнаго времени ихъ посылають для окончанія наукъ въ Москву, въ другія Семинаріи. Церковь высока и обширна; преспольтъ, гдѣ совершають таинства, такой-же, какъ и въ другихъ Греческихъ и Русскихъ церквахъ, поставленъ въ алтарь за иконостасомъ; въ алтарь не позволяется входить женщинамъ.

Митрополитъ былъ въ нашей церкви въ Петербургѣ, и онъ замѣтилъ, что у насъ преспольтъ всегда открытъ, кромѣ того времени, когда совершаются таинства. « Это бережливостъ, которая непонятна и не сходна съ благочестіемъ и свободою Англійскаго народа. » Чшобы онъ тогда сказалъ, когда-бы увидѣлъ наши преспольты приходскихъ церквей въ нашихъ провинціяхъ? Въ Россіи преспольты покрываются самими дорогими шканими, какія только можно достать, и, по большій части, бархатомъ и парчемъ.

28-го Мая мы видѣли Плафона въ большомъ великолѣпнн въ Москвѣ, на похоронахъ Князя Голицына, въ церкви близъ Кузнецкаго моста. Въ головахъ гроба на каедрѣ своей сидѣлъ Митропо-

лишь, и по обвинъ сторонамъ спояло ниснее духовенство съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами, по обыкновенію въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Отпѣваніе началось въ 10 часовъ утра. Получивъ дозволеніе присутствовать, мы спали между зрителями близъ самаго Митрополипа. Пѣніе было высокое и торжественное. Можно было подумать, что пѣвчіе помѣщены въ самомъ куполѣ церкви. Всѣ молишвы оканчивались безпрестаннымъ повтореніемъ возгласа: *Господи помилуй*. Въ то время, когда Митрополипъ обернулся, чтобы благословлять, примѣшивъ насъ, прибавидъ во Лашинъ: *pac vobis-cum* (миръ вамъ), къ великому удивленію Рускихъ, которые не понимая сихъ новыхъ выраженій, перешепшивались между собою. Сперва кадили иконамъ, а потомъ присутствовавшимъ; церемонія кончилась; Митрополипъ прочелъ въ слухъ отпущную, въ коей означалось, что умершій исповѣдывалъ истинную вѣру, что онъ исповѣдывался и причащался священныхъ таинъ, и что ему разрешены грѣхи. Потомъ оборотясь къ намъ въ то время, когда клали въ гробъ сію бумагу, оказалъ намъ по Лашинъ: «это то, что вы иностранцы называете *паспортами*; вы, думаю, читали въ своихъ нущешествіяхъ, что Рускіе увѣрены, «будто безъ этого не лзя попасть въ рай; «но я вамъ изъясню, что дѣйствительно зна- «тептъ сей обрядъ, дабы вы могли опъ меня

«увѣришь соопечесивенниковъ, что это ничто
 «иное, какъ письменное свидѣтельство о смер-
 «ши.» — Но потомъ примолвилъ онъ не такъ
 сурово: «Я полагаю, что вы все это опише-
 «те и, безъ сомнѣнія, Я когда нибудь увижу
 «картину, представляющую сіи похороны и
 «драхлаго Миспрополиша, который даетъ опи-
 «сующую грамошу покойнику.» —

(Перев. Кн. А. Др. Ск-ій.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И Л І Я.

(ИЗЪ АТТЕРВОМА).

Я мила-ль сребрисшими звѣздами?
 Добрый пушникъ! нѣжными слезами
 Ликъ мой блѣдный влажишь ты любя!
 Въ роцѣ, луннымъ свѣтомъ осіянной,
 Я росы нишаюсь дивною манной;
 Нервы сердца оживають снова
 И мой вздохъ привѣщиваетъ тебя!

Пушникъ, знаешь-ли? я ангелъ пѣнный,
 Вспоминаемъ грустно наклоненный:
 Чѣмъ была я, цвѣтъ мой говоришь?
 Брашь мнѣ лебедь въ океанѣ бурномъ,
 А луна сестра мнѣ, на лазурномъ
 Небѣ, для другаго міра—
 Вось свѣздо межъ Божьихъ звѣздъ блестящъ!

Слушай: спонсень англія-земная!
 Помню дѣшсшва жизнь, когда цѣлаа я
 На восшокъ . . . родиною моею
 Благовонною былъ Эдемъ чудесный;
 О любви духовъ свяшой, небесной,
 Близъ меня голубка ворковала
 Между померанцовыхъ вѣтвей.

И зря сидѣла молодая
 На холмѣ; я, шѣ небу лешая,
 Любовалась: міра свѣтлый шаръ
 Пышно цѣлаъ, восшоргомъ жизнь дышала
 И весна на розахъ волегалла;
 Души всѣ во слѣдъ за мной, и гѣли:
 «О смиренье, Бога лучшій даръ!»

Вошь Адамъ, предсшавъ мнѣ: «Ангель-дѣва,
 Англія! молю, внемли безъ гѣтва:
 Будь моею невѣшшой,» гѣдорилъ;
 «Я одинъ въ раю: мнѣ нѣшъ подруги!»
 «Дерзкій сынъ земли! ищи сунруги,
 (Я въ опвѣшъ) какъ самъ шы, земнородной;
 Только богъ богинѣ будешъ милъ!»

Бога шронулъ онъ любви шескою;
 Гѣтвный Богъ послышался грозюю:
 «Гордая! земная будь и шы!
 При концѣ времянь шебя прощая,
 Вновь судья враша ошверзешъ рая!
 Знай: не отшверженье нисшей швари
 Грѣхъ—своею познанье высокош!»

Вздрогнувъ замерла я; гасли силы;
 Помню шолько: съ плечь упали крылы,
 Смолкнулъ хоръ, исчезъ Егвы шронъ!
 Я проснулась въ узгахъ... свѣшь тюремный!
 Для видѣній высшихъ очи темны,
 И напрасно слухъ свой напрягаю:
 Долешишь-ли долу райскій шонъ!

Кратко лѣшо—и мѣшаютъ бури
 Возносятся мыслямъ къ той лазури;
 Къ прежней, милой родинѣ моей!
 Но меня зефиръ лишь полелѣешь
 Горникъ арфѣ отмывомъ, но и взвѣешь
 Къ шѣмъ мѣшамъ надежду, гдѣ прекрасно
 Пѣлъ при шронѣ Божьемъ соловей.

Мнѣ подобенъ будь ты чистотою;
 Возносишь свѣтлою душою,
 Сердце вѣчной Вѣрой оживляй—
 И родные мы въ своемъ паденьѣ,
 Мы земной юдоли украшенье!
 Исмытанье мнешь.... возвращаешь намъ
 Крылья наши, юношь, прежній рай!

Всякаго съ меня листа срыванье,
 Всякое при васъ сноснѣй спраданье,
 Чисто-голубыя небеса!
 Око ночи, горнія лампы!
 Къ вамъ подѣмлю радостные взгляды
 Въ часъ шаншвенный, когда погибнешь
 Здѣсь моя смиренная краса!

Если вѣешь въ сердца чарованье ;
 Если слышишь нѣкое шептанье ,
 Будто свыше друга гласъ свяшой ;
 Если видишь въ западѣ багрянюмъ ,
 Какъ въ чертогѣ неба злашо-рдиномъ ,
 Тѣнь родную , слезъ швоихъ причину ,
 И вошще искомую шобой :

Знай , шогда сребристыми звѣздами
 Я мидѣй , чѣмъ дѣвы между вами :
 Мной въ тебѣ рождень чудесный жаръ !
 Для невѣсны юной шы , мечшая ,
 Просишь блеска бѣлой дѣвы рая ,
 И въ груди свяшое шепчешъ чувшво :
 « О смиренье , Бога зугшій даръ ! »

Барокъ Розень.

А Р Ф А.

Мнѣ говоряшь , что арфа золошая ,
 Дрожащая подѣ дланю моею ,
 О другъ , была Сирена молодая ;
 Звучала пѣснь красавицы морей ,
 День гасъ—она моря переплывала
 И юношу на брегъ ожидала !

Напрасно ! онъ не понялъ шрасти нѣжной ,
 Не разгадалъ небеснаго чела !
 На локоны , бѣгушце небрежно ,
 Она вошще пошюки слезъ лила !
 Ея шоскъ шогда лишь небо вняло —
 И въ дѣвѣ все злашою арфой шло !

Ея чело всегда цвѣшеть улыбкой,
 Какъ прежде грудь высокою волной!
 И дѣвы спань тогда согнулся гибкой!
 Съ влосовъ слеза струилась за слезой
 И слезы шѣ струнами арфы стали,
 Когда на длань жемчужную упали!

Ротгеб.

НА СМЕРТЬ А. П. ЭССЕНА.

Онъ палъ—и храбраго могила,
 Какъ одинокій цвѣшь степей,
 Мрачна, печальна и уныла,
 Одна, далеко отъ друзей.
 Ахъ! не придушь къ тебѣ съ слезами
 Оплакать прахъ любезный швой;
 Не будушь жадными ушами
 Лобзашь могилы роковой.
 Напрасно машь, сеспра съ поскою
 Въ степи пойдушь тебя искашь;
 Не мраморъ пышный надъ побою
 Тамъ будешь взоры удивляшь,
 Но черный кресъ въ пескъ глубокомъ
 Прахъ осѣняешь милый швой,
 И пушикъ скажешь съ шижкивъ вздохомъ:
 Да будешь миръ съ швоей душой!

Ек. Т-ва.

МЕГЕММЕДЪ.

Нисшелъ Пророкъ, посланникъ новый неба :
 Богошворишь его Аравіи народъ ;
 Эмина (*) видишь въ немъ свой первый плодъ ,
 И вѣшь цѣвшущую попомства Мушалеба (**);
 Но онъ плодомъ земныхъ себя не признаётъ.

Онъ говоришь : « Есть Богъ, сыны воспока !
 Для вѣрныхъ онъ меня на землю ниспослалъ ;
 Кто противъ Бога и Пророка ?
 На небѣ громъ , а здѣсь !... » онъ умолчалъ ;
 Но ярко мечъ въ рукѣ пророческой сверкалъ.

« Воспокъ ! тебѣ на лонѣ Абраэма
 Ошверзшы горнія , сапфирныя враша ,
 И вѣчный цѣвьшь любви подѣ альмами Эдема
 Готовишь сладкія объяшья и уста ! »

Кто не повѣришь испинамъ Корана,
 Огонь и мечъ ему во слѣдъ !
 Арабовъ, посреди воинственнаго спана ,
 Закону праведному учишь Мегеммедъ.

А. Вельтманъ.

(*) Эмина—мать Мегеммеда.

(**) Мушалебъ—его дѣдъ.

Къ Помпею Вару (1).

O sere mecum tempus in ultimis
 Deducte, Bruto militiæ duce,
 Quis te redonavit Quiritem
 Dñs patriis, Italoque cælo,
 Pompei, meorum prime sodalium!
 Horat. Lib. II. Ode 7.

Повѣдай мнѣ о, Варъ въ бояхъ поварищъ мой,
 Дѣлившій бѣдствія на поприщѣ единомъ!
 Кшо возвратилъ себя богамъ сираны родной,
 Достойнымъ чести гражданномъ (2)?

Вспомни время то, какъ медленны часы
 Съ шобою пѣниснымъ виномъ мы сокращали,
 И ароматами обливые власы

Сирійскимъ народомъ (3) мы вѣнчали.

При Филиппіяхъ (4) я съ шобой позоръ нашъ зрѣлъ:
 Тамъ, бросивши мой щипъ (5) въ поспыдной самой
 долъ,

Я видѣлъ гибельный воптелей удѣлъ,

Коспными ушлавшихъ рашно поле.

(1) Сей самый Помпей Варъ служилъ вмѣстѣ съ Горациемъ, подѣ знаменами Брута и Кассія.

(2) Ибо онъ прежде былъ изгнаникомъ.

(3) Благонное распеніе.

(4) Мѣсто, гдѣ Брутъ и Кассій побѣждены были Августомъ и Антоніемъ.

(5) Храбрость не всегда бываетъ удѣломъ великихъ умственныхъ способностей: Гораций сему примѣръ; онъ чистосердечно сознается своему другу въ своей трусости.

Меркурій не отдадь меня во власть врагамъ ;
 Скрывъ облакомъ , унесъ изъ стѣнъ шой кровавой ;
 А ты , по бурнымъ вновь помчался , другъ , вознамъ ,

Спрямься за смертью , нль за славой .

Успрой-же поржештво , обѣщанно шобой
 Зевесу сильному , водилешю къ спасенью !
 И ушомленные ты члены успокой

Деревьевъ лавровыхъ подь сѣнью .

Массійскимъ нектаромъ бокалы наполняй :
 Пошопимъ въ ней всю грушь и всѣ забошы наши ,
 И благовоиѣ душишшы изливай

Изъ полной и обширной чаши !

Кшо-жь будешъ намъ вѣнки изъ миршовъ подносить ?
 Кому главою бышь пріятельскаго круга ?
 Не ушмыжусь самихъ Эдоновъ (*) больше пишь ,

Безцѣннаго увидя друга !

А. Киртесъ .

(*) Народъ Фракійскій , извѣстный въ древности
 необыкновенною склонностию къ пьянству . Прим.
 Пер.

Разбойники, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шиллера; переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, 1828 г.

« Вошь, наконецъ мы имѣемъ въ переводѣ и « Разбойниковъ Шиллера, » скажешь почишатель геніяльной Музы Германскаго поэта, не выдавъ еще перевода. Но, шакъ обманчивы всѣ наши надежды и радости! Русскіе Разбойники на Шиллеровыхъ похожи столько же, сколько жоко похожа на челоуѣка. Правда: вы найдете тѣже имена дѣйствующихъ лицъ, поже число дѣйствій; явленія другъ за другомъ слѣдуютъ въ томъ-же порядкѣ и болѣе ничего. Дѣло въ томъ, какъ говорятъ эти дѣйствующія лица? Г. Переводчикъ въ семь случаевъ поступалъ деспотически: онъ прибавлялъ, убавлялъ, перемѣнялъ, какъ ему приходило въ голову, и по всему можно замѣнить, что онъ плохо владѣетъ языкомъ Русскимъ, и хотя знаетъ языкъ Нѣмецкій, но во многихъ мѣстахъ вовсе не понимаетъ глубокихъ мыслей Германскаго поэта. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что Разбойники, начатые Шиллеромъ въ Шпугардской школѣ (Karlschule), и изданные имъ въ 1781 году, « плодъ геніяльной юношеской нешерпѣливости и суроваго воспитанія » были первымъ драматическимъ его швореніемъ. Любопышно слышать, какъ самъ Авторъ говоритъ о себѣ: » Наклонность къ поэзіи оскорбляла пошановленія школы, въ которой я воспитывался, и противорѣчила намѣреніямъ ея учредителя. Восемь

лишь мой энтузіазмъ боролся съ военными принци-
 пами этой школы, но страсть къ поэзіи пылала и
 сильна, какъ первая любовь; но, что, казалось-
 бы, должно было погасить, болѣе и болѣе ее раз-
 дувало. Дабы избѣжашь отношеній, кошорыя слу-
 жили мнѣ пышкой, я улетала сердцемъ въ міръ
 идеальный, не вѣдая дѣйствительнаго, отъ кошораго
 отдѣленъ былъ желомъ желѣзнымъ, не зная людей,
 ибо чешыреша человекъ, окружавшихъ меня, были
 одно существо, вѣрная ошливка одной и той-же
 модели, отъ кошорой пластическая природа тор-
 жественно отказалась, незнакомое съ наклонности-
 ми свободныхъ, самими себѣ на произволь остав-
 ленныхъ людей, пошому, что здѣсь была только
 одна привычка, кошорую называть не хочу. Въ
 вѣрчія силы человекъ были угнетены одною;
 судорожною, напряженною силою: всякая особность,
 всякая непринужденность въ безчисленныхъ от-
 нѣнкахъ играющей природы, погибала въ правиль-
 ныхъ шемгахъ господствующаго порядка. Незнако-
 мый съ прекраснымъ поломъ, пошому, что двери
 школы отворились, какъ узналъ я послѣ, женщины
 какъ въ шѣхъ лѣсахъ, когда онѣ не имѣють уже
 ничего привлекательнаго; или, когда онѣ уже по-
 веряли всю прелестъ, незнакомый съ людьми, съ
 судьбою человекъ, очень естественнаго, не могъ я
 найдши средней линіи, проходящей между ангеломъ
 и демономъ, и нарисовалъ чудовищъ, кошорыхъ,
 но счастью, не видимъ въ природѣ, и кошорыхъ
 желалъ-бы я обезсмертить для того только, что-
 бы мое созданіе могло служить вѣчнымъ приви-

Мартъ 1829.

4

находится расположение духа съ двигателями машины»; у Поэта читаемъ : »Какъ гармонически созвучно (wie treffend die Stimmungen des Geistes) расположение духа съ оппвлениями организма (mit den Bewegungen der Machine zusammen lauten). У Переводчика : »Что если-бы кто продолжилъ смерти путь въ царство жизни, сею еще не обработанной дорогой; въ подлинникъ находимъ : »Что, если-бы кто умѣлъ уравнишь смерти еще неуровненный путь въ замокъ жизни (wenn es verstünde, dem Tod diesen ungebahnten Weg in das Schloss des Lebens zu ebnen)? Переводъ : « Какія чувства вобружить ; » у Шиллера : » Которое-же изъ нихъ (ш. е. ощущеній Empfindnissen) мнѣ выбрать (wählen).» Переводъ : »Какая страсть можетъ сильнѣе терзать»— въ подлинникъ : »Которое-же изъ нихъ гибельнѣе для цвѣта жизни (welche wol den Flor des Lebens am grimmigsten anfeinden).— Переводъ : » Гнѣвъ ? нѣтъ, это жадный тигръ (въ подл. волкъ), и ш. д. » Опасеніе— пресмыкается, какъ улитка ». — Совершенно не такъ ! У Шиллера сказано : » Заботы (Sorge)—» но эти черви почать медленно (dieser Wurm nagt mir zu langsam).— Далѣе : » Скорбь ? грызеть, но продолжительно. » Опять таки не такъ : » Скорбь ! но эта эхидна пресмыкается тихо (diese Natter schleicht mir zu träge). » Спрахъ — но надежда не даетъ ему овладѣть собою (die Hoffnung lässt sie nicht umgreifen).» Переводчикъ продолжаетъ : » Чего не можешь прозвѣстать внезапный ужасъ ? (въ подл. испугъ, Schreck). Вѣра, надежда, разумъ, ничто не можешь прошившись я хладнымъ объятіямъ сего исполна. » У Шил-

мера сказано : » И чшб уиъ , рзлгнн прдъ аадннн обьяцннн сего тнганша ? » — Переводъ : « О , когда прндше ко мнъ на помощь — боресты , и ны , адская Дамевда , расказнне ! » .. Оиашъ нестрнвн : Jammer не горестъ , а скоръе калмъ , или тоска ; послъ сущесствншельнаго : расказннв , у Г. Переводчнка оиашъ проиущено нъсколькo шпрокъ , а именнo : » Расказнне , ны , рюущаяся згнн (grabende Schlange) , » перемонывающаа свою пнцу и поштрающаа соб- » снвенное свое нзверженне (Koth) , ны ; вчню унн- » чнпожающаа и воссоздающаа ядъ свой . » — Данте : » И ны , реущее самообннненне , ошущошающее собснвенное свое жнлнце . » — Слово : реущее , не точно ; у Шиллера сказано : замывающее (heulende) . Послъ сущесствншельнаго : жнлнце , оиашъ проиущъ » узвзлающее родную мать свою . Попомъ чншаемъ въ переводъ : » Тнхо улыбающееся воссознннанне , » ны , цвѣтущаа будущность , и улешаа покажнше ему всъ радостн неба . » Въ подлннннкъ шоже ; да не шо : » Тнхо улыбающееся прошешее , и ны , » перещолненннй рогъ Амалееинн — цвѣтущаа будущ- » ность , покажнше ему въ зеркалахъ вашнхъ радо- » стнн неба , межъ шъмъ , какъ легкннн стопамн » будеше удаляшъся нзъ скупыхъ его обьяшнн » (sanftlächelnde Vergangenheit , und du mit dem überquel- » lenden Füllhorn , blühende Zukunft , haltet ihm in euren Spie- » geln die Freuden des Himmels vor , wenn euer fliehender » Fuss seinen geizigen Armen entgleitet) .

Для доказательства довольно одного этого ош-
 рывка. Вотъ, кажется, главные правила, которыми
 руководствовался Г. Переводчикъ : тамъ , гдѣ Шла-

зартъ былъ для него непонятенъ, онъ ставилъ спос, для вѣсело пропускать; если вышестъ, употреблен- ный поэтомъ, не касаясь по Русски, онъ его замѣ- нять самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ; словомъ: не въ передавалъ нечии только, смыслъ подлинника, усвращая нердко всю метафорическую образность (Bildlichkeit, если позволяшь мнѣ это выраженіе), которая казалась слишкомъ невзрачною и надушою для переводчика. Языкъ перевода вообще нечистъ, необработанъ и сколько-же неровенъ, какъ дороги осеню. Можно сказать смѣло, что разбираемый нами переводъ ставитъ на ряду съ старинными переводами Элонзы и Вернера. Мы слышали очень забавный анекдотъ объ одномъ ученикѣ, который рѣшался переводить Шиллера потому только, что вѣстъ Г. Н. Н. и Шиллеръ — были оба ученики Медици- ского факультета: счастливое сходство! Ужь и нашъ Г. Переводчикъ не уллекался-ли шагого рода сходствомъ?

М. I-н.

Traité de Physiologie appliquée à la Pathologie, par J. V. Broussais. Paris. 1823 et 1824 (*Разсужденіе о Физиології, примененной къ Патології, соч. Бруссе*).

Traité de Physiologie—pathologique, par Bégin. Deuxième édition. Paris. 1828. (*Разсужденіе о Физиології Патологической, соч. Бежена. 2-е изданіе*).

Précis élémentaire de Physiologie, par Magendie. 2 vol. in 8. Deuxième édition. 1825 (*Учебное изертаніе Физиології, соч. Маганде. 2 т. in 8. 2-е изд.*) (*).

Всѣ науки, въ высочайшемъ значеніи своемъ, имѣють одну цѣль: познаніе истины. Истина обнажается передъ нами двумя способами: посред-

(*) Спашья сія заимствована нами не изъ какого либо Медицинскаго сочиненія, но изъ журнала, просто посвященнаго современнымъ событіямъ и читаемаго во Франціи свѣтскими людьми. Воишь почему мы думаемъ, что она не будетъ лишнею и въ Телеграфѣ. Только невѣжды могутъ чуждаться предметовъ, копорымъ они не посвящали себя исключительно. Намъ кажется, что Липшерапоръ, или свѣтскій человекъ, не имѣющій общаго понятія о Физиології или Анапоміи, будетъ похожъ на Медика, незнающаго Грамматики или Географіи. Французы понимаютъ это: у нихъ Липшерапоры не лезутъ людямъ и Медики не преподають курсовъ Липшерапуры, но тѣ и другіе не чуждаются взаимныхъ зачатій своихъ. Доказательствомъ этому служить

ствомъ опытовъ и посредствомъ сужденій. Какою-бы наукою кто ни занимался, но это вездѣ одинаково: умъ человѣческій, неизмѣнный подѣ тысячу различныхъ формъ, въ познаніи всегда дѣйствуетъ по законамъ своей природы и собственной своей сущности. Изъ сего слѣдуешь, что во всякой наукѣ есть, необходимо, и независимо отъ частной ея стороны, собственно состоящей изъ описанія опытовъ, другая сторона, которую можно назвать *философическою*: къ ней—по особенно относителна сужденіе. Она, сокращенно выражая всѣ частныя наблюденія подѣ формою общаго ученія, оканчивается на послѣдокъ въ той высшей области, гдѣ всѣ знанія человѣческія соединяются своими вершинами, гдѣ всѣ возвышенныя умствованія сходятся и сообщаются одно съ другимъ. Отсюда происходитъ та, всѣми ощущаемая и особенно

прекрасно написанная статья сія, сочиненная Г-мъ Ипп. Ройе-Колларомъ. Дай Богъ, чтобы наши Императоры такъ умѣли излагать свои мысли! Не можемъ судить объ ученѣе достоинствѣ выводовъ Г-на Ройе-Коллара, но увѣрены, что всякій умный человѣкъ прочтаетъ разсужденіе его съ любопытствомъ. Переводчикъ сей статьи, кспати припоминаетъ себѣ слова, слышанныя имъ отъ одного изъ знаменитѣйшихъ Русскихъ Физиологовъ: «Справное дѣло, что у насъ спыдятся не знать природы какой нибудь Американской или Индійской земли; и безъ спыда сознаются что природа тѣла человѣческаго имъ вовсе неизвѣстна.»

Прим. Перев.

принадлежащая эпохамъ высокаго просвѣщенія. необходимо, установишь между различными зна- ниями, къ какимъ способамъ нашъ умъ, отношенія ближайшія, существеннѣйшія, дабы соединишь, такъ сказать, въ одинъ фокусъ всѣ отдѣльныя силы и со всеми вмѣстѣ идти на завоеваніе истины. Съ сею цѣлью, съ симъ намѣреніемъ я хочу здѣсь, при объявленіи объ означенныхъ въ заглавіи сочи- неніяхъ, изложитъ нѣсколько мыслей о всеобщей исторіи новѣйшей Физиологіи и о нынѣшнемъ со- стояніи сей науки. Это названіе нѣсколько темно: оно общаешь много и не выражаешь ничего опре- дѣленнаго. Но если сообразишь, что сдѣлалъ сія назначаетъ для разнообразнаго журнала, что для нея назначены шѣсныя границы, что она обра- щается ко многимъ читателямъ, то легко пой- мешь, что я не могу начертать здѣсь, и особен- но въ сей первой сдѣлать, полной картины много- численныхъ мнѣній, съ нѣкошораго времени явив- шихся въ Физиологіи, ни разобравъ подробно всѣхъ великихъ вопросовъ, возникавшихъ по време- намъ; однимъ словомъ, что здѣсь я долженъ не блистать ученостію, но единственно судить о наукѣ въ общемъ объемѣ ея, въ общемъ ея ученіи; огредѣлишь положительно, какой степени достиг- ли шрудные успѣхи ея, покажешь главныя причи- ны, задерживавшія или еще задерживающія ходъ ея, и означишь вредства, кошорыя по мнѣнію моему удобнѣе могутъ вести ее путемъ вѣрнымъ и истиннымъ.

Прежде всего я замѣчу, что въ Физиологіи, такъ-же какъ и вездѣ, понятіе о настоящей эпохѣ

измѣняется единственно изъ совершеннаго познания эпохъ предшествовавшихъ. Не должно вѣрять пошоряемымъ почти ежедневно словамъ, что Физиологическій міръ былъ (совсѣмъ не болѣе другихъ) преданъ произвольнымъ спорамъ людей, какъ циркъ, открытый для всѣхъ игръ ума и всѣхъ прихотей воображенія. Напрощивъ, изучая исторію ученій, попеременно волновавшихъ Физиологію, легко можно видѣть, что во всѣхъ частяхъ сей продолжительной драмы существуетъ строгая послѣдовательность и необходимая связь. Дѣйствительно, среди всѣхъ измѣненій науки и непрерывнаго прилива и отлива различныхъ мнѣній, въ основаніи ея всегда существуетъ одна и таже мысль, и мысль философическая; естественное раскрытіе оной ведетъ за собою и объясняетъ одно за другимъ слѣдовавшія измѣненія Физиологій; съ нею всегда соединены даже нѣ событія, которыя кажутся самыми непредвидѣнными и ни сколько не зависѣвшими отъ какого-либо пошояннаго и однообразнаго направленія. Не будемъ обманывать себя! ищешно науки, самымъ разнообразіемъ своихъ предметовъ, отдѣльны и различны одна отъ другой: онѣ всѣ идутъ подъ вліяніемъ одной общей причины, слѣдуютъ одному и тому-же закону, закону всеобщихъ успѣховъ ума человеческого, и если можно справедливо сказать, что Философія есть, нѣкоторымъ образомъ, сокращеніе всѣхъ наукъ, то исторія ея также должна быть, до известной степени, сокращеніемъ всѣхъ исторій.

Не говоря о томъ, что происходило въ Физиологій въ первобытное время ея, я только замѣчу,

що она, по временахъ, покорялась мнѣніямъ Геракліта, Пифагора, Эпикура, Платона и Арістошеля, и быстро перейду къ тому времени, когда гений Декарша произвелъ во всѣхъ направленіяхъ новую эру для ума человѣческаго. Сей великій человекъ, въ одно и то-же время создавалъ новую Философію, приуговаривалъ шруды Поршъ-Рояльскихъ ученыхъ и вѣкъ Людовика XIV-го, и заславлялъ всѣ умы слѣдовать одному движенію; даже Физическія науки приняли въ эшомъ участіе, и Физиологія подверглась сему-же всеобщему направленію.

Посшараюсь, въ немногихъ словахъ, объяснить, какимъ образомъ Философическая система Декарша являлась, вполнѣ или шолько часшію, въ различныхъ Физиологическихъ системахъ современниковъ его и послѣдователей. Въ Картезіанизмѣ должно различать двѣ вещи: ученіе и методу. Скажемъ сначала объ ученіи. Оно зиждется на одномъ, основномъ началѣ, а именно: что для человека явны шолько дѣйствія его сознанія. Пошому Декаршъ почищаетъ внѣшнія шѣла, и самое шѣло человѣческое, изображеніями, достовѣрными для насъ шолько какъ изображенія, имѣющими можешъ бышь одно достоинство явленій, но могущими не имѣшь безусловной и необходимой дѣйствительности. Однакожь онъ желаетъ вѣришь эшому, зная благость Бога, вложившаго въ сердца наши сію увѣренность. Допустивъ существованіе шѣла человѣческаго, Декаршъ видитъ оное въ существованіи всѣхъ естесшвенныхъ шѣлъ, кошорыя для него

шакже не иное что, какъ фигуры, иди различныя измѣненія просяженія; слѣдственно всѣ они подвержены однимъ законамъ, то есть чисто физическимъ и механическимъ законамъ вещества, смотря по различнымъ состояніямъ, въ какія можешь переходить сіе вещество. Здѣсь должно особенно замѣтить, что Декаршъ вводитъ въ область органическихъ оправденій не только дѣйствія и движенія нашихъ жидкихъ и швердыхъ шѣлъ, но и всѣ явленія памяти и воображенія, развивающіяся въ насъ и являющіяся посредствомъ извѣстныхъ, совершенно вещественныхъ дѣяній. Впрочемъ, онъ не видитъ никакого перехода отъ механической природы чловѣка къ его духовной природѣ; ничто, рѣшительно ничто въ организаціи не объясняетъ ему происходящаго въ нашей душѣ. Изученіе одной нисколько не касается изученія другой, и поелику воля у него не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ движеніямъ шѣла чловѣческаго, то необходимо душа и шѣло управляются двумя системами законовъ, совершенно различными. После сего легко можно понять, въ какомъ смыслѣ справедливо, что Декаршъ почиталъ животныхъ машинами. Онъ отнималъ у нихъ свойства смысла и нравственной свободы, принадлежащія, правда, только духовному чловѣку; но онъ оставлялъ имъ, точно шакъ-же какъ и вещественному чловѣку, всѣ независящія отъ сего способности; онъ утверждалъ только, что одними понятіями о просяженіи и движеніи, можно объяснить всѣ сіи чисто органическія и чувственные явленія. Таково было, какъ мнѣ кажется, общее ученіе Декарша. Методъ

да его была совершенно снпшешическая. Онъ не наблюдалъ прежде всего дѣйствій, дабы поспешно восходить до познанія причинъ, но сначала поставялъ причину, дабы изъ нея вывести дѣйствія. Онъ полагаетъ законъ и съ перваго шага раздвмваетъ вопросъ, не разршая его продолжительнымъ анализомъ.

Изъ сего краткаго изложенія явно, что Картезианизмъ представляетъ нашему вниманію три главныя обстоятельство: 1-е, онъ оплчаетъ душу ось прѣла, и въ этомъ отношеніи, онъ есть собственно духовность; 2-е, всѣ органическія явленія онъ поставяетъ въ разрядъ явленій физическихъ и подвергаетъ одинакимъ законамъ жизнь и грубое неодушевленное вещество; 3-е, онъ дѣйствуетъ синтезомъ, и съ самаго начала старается похшпшъ великую шайну, единую причину, долженствующую заключать въ себѣ всѣ другія.

Мнѣніе Декарта о вещественности жизни и жизненныхъ условіяхъ не могло быть принято нешшмашельно. Это мнѣніе породило двѣ великія школы, часто противоположныя между собою, но равно славныя: школу яшро-химическую и школу солидисшовъ или механическую. Въ первой блисшати Виллисъ, Майу, Чарлемонъ, Крунь, въ Англій; Фаберь, Кальмешъ, Барбейракъ, Раймонъ Вьёсанъ, во Франціи, и Вириде, въ Женевѣ. Я не причисляю къ сему разряду Вангельмонша, во первыхъ потому, что онъ жилъ прежде Декарта нѣсколькими годами, и во вторыхъ потому, что это была

человѣкъ особенный: его система; впрочемъ сподольже обильная блестящими мѣшинами, какъ и грубыми заблужденіями, не имѣешь ни съ какою другою ничего общаго. Школа механическая болѣе нежели гдѣ либо оказала уснѣховъ въ Италіи: Борелли, Беллини, во Флоренціи, Донзеядини, въ Венеціи, и особенно Ваглини, защищали ея ученіе, между шѣми какъ Гофманъ, въ Германіи, Пипкернъ и Боергавъ, въ Голландіи, и во Франціи Клаудъ Перро, Додаръ, Бершенъ, Соважъ, и вся Монпельская школа, страннымъ образомъ измѣняли оное, смѣшивая болѣе или менѣе съ ученіями анимистовъ и виталистовъ, собственно такъ называемыхъ. Анимисты признавали своимъ главою Шпала. По мнѣнію сего знаменипаго философа, всѣ одушевленные шѣла управляюцца дѣяшельнымъ и высшимъ началомъ, кошорое называешь онъ *душою*. Изъ сего выходитъ, что душа Шпала не есть то, что значить это слово на обыкновенномъ языкѣ. У него это слово имѣешь значеніе условное, и онъ равно могъ-бы сказать, съ Вангельмоншомъ, *артея*, и съ Монпельскою школою *жизненное начало*. Но въ системѣ его было особенное то, что мысль и воля происходили по ней такъ-же, какъ пищевареніе, какъ дыханіе, и тогда она уже не была Картезианизмомъ.

Физиологи Монпельские слѣдовали движенію, данному Шпалемъ; ихъ мнѣнія наиболѣе изложены въ сочиненіяхъ Дюмаса и Баршеза. Они проповѣрчили, такъ-же какъ и Шпаль, основной идеи Декарша, пошому что находили въ челоѣкѣ явленіе дѣяшельности, приписываемое Декаршомъ од-

ному Богу, не различивъ съ Шмалемъ въ томъ, что онъ подвергалъ дѣйствию души физиологическія явленія, иногда какъ они обращали особенное вниманіе на жизненное начало; одни одушевляли жизнь, другіе оживляли душу; а слѣдствіемъ сего было то, что основываясь на одинакихъ данныхъ, съ разныхъ сторонъ доходили до равнаго сужденія явленій. Причиною сего были совершенно различные выводы.

Но всего болѣе Декартъ произвелъ великое вліяніе на судьбу Физиологіи своею методою. Всѣ слѣдовавшіе за нимъ, шли по дорогѣ имъ открытой, и съ его времени думали только о томъ, какъ объяснить однимъ дѣйствіемъ всѣ явленія организма. Здѣсь начало, если не архей Вангельмшовой, то по крайней мѣрѣ души Шмалеовой, приращенія и опшалькиванія Боергава, жизненнаго начала Баршеза; опсѣлъ наконецъ двѣ жизни и жизненныя силы Биша.

Но методы живутъ въ нашемъ мѣрѣ долѣе нежели ученія, и поному, когда въ послѣдствіи Философія не могла объяснить всего міра однимъ явленіемъ мысли и пошла по стопамъ Локка, говорившаго новымъ языкомъ, она опять спала искавъ въ другомъ единомъ дѣйствіи, дѣйствіи чувствованія, разрѣшенія великой задачи, и Физиологія, всегда шедшая по слѣдамъ ея, сдѣлалась, изъ опшеченной и гипопшеческой, чувственной и опытной. Галлеръ былъ величайшій человекъ сей школы. Никто не обладалъ въ столь высокой степени тѣмъ, что можно назвать геніемъ наблюдательности,

сли, ибо у Галлера способности сія возвышались до генія. Никогда умъ болѣе свѣдѣльнѣе, болѣе строгій и основательный, не углублялся въ изученіе какой либо науки, и если Галлеръ не создалъ одного изъ шѣхъ общихъ ученій, при коихъ имя челоѣка живешь гораздо долѣе его заслугъ, то своими безмѣрными трудами онъ сдѣлалъ для науки болѣе нежели Вангельмоншъ, Бартезъ и самъ Шталъ, блестящими и возвышенными ихъ теоріями. Къ несчастію, успѣхи Физіологій были еще очень не велики, и пошому она не могла имѣть особенной силы въ своихъ вѣрованіяхъ. Вскорѣ, увлеченная общимъ движеніемъ вѣка, она не замедлила впастъ въ матеріализмъ, за кошорый въ послѣдствіи шакъ много обвиняли ее, хотя это была вина не ея, но вина естественнаго развитія разума челоѣческаго, гдѣ матеріализмъ былъ слѣдствіемъ неизбежнымъ.

Изъ всѣхъ сихъ теорій, во множествѣ рожденныхъ волненіемъ умовъ, самая замѣчательная, болѣе всѣхъ достойная нашего вниманія, есть, безъ сомнѣнія, теорія Биша. Она была принята съ энтузіасмомъ, пошому что была выраженіемъ потребности своего времени, пошому что она вдругъ приводила въ дѣйствіе всѣ мнѣнія и всѣ ощущенія: одна, сама собою, она была полною революціею. Въ самомъ дѣлѣ, пусть перенесушя мысленно къ шому времени, когда Биша вдругъ воздвигъ свой памятникъ въ науку. Изъ книгъ и изъ среды школъ, философія матеріалистовъ перешла въ событія. При огромномъ возстаніи осмнадцат-

нашаго вѣка прошивъ власшей вообще, и прошивъ власши релігіозныхъ вѣрованій, въ особенності, болѣе всего отъ Физиологій требовали оружія для испроверженія и машеріаловъ для новаго созданія. Будучи безсильна, она легко пускалась въ нападеныя на другихъ, шакъ-же какъ за сно лѣтъ пускалась въ защиту себя; будучи слаба, она сама по себѣ не могла соснавлиять ничего; прикѣнясь ко времени и къ людямъ, покорялась теоріямъ химиковъ, презрительно вводившихъ въ нее всѣ свои изъясненія, болѣе или менѣе несовершенныя, она оставалась легкою жершвою того, кто хотѣлъ водворять въ ней порядокъ и направлять ее рукою сильною и могучею. Правила вѣка, сдѣлавшіяся виновными по несчастнымъ послѣдствіямъ, какія извлекли изъ оныхъ, распространились на всю массу людей. Но въ Физиологій еще былъ памятникъ Галлеръ; метода, на опытахъ основанная, составлявшая ученіе сего великаго человека, вошла въ обычай у Физиологовъ и сдѣдалась первою ихъ пошребностію. Въ такихъ обстоятельствѣхъ явился Бивша. Его слова были словами давно ожидаемаго человека. Его юность, пылкость, невѣроятная дѣятельность, съ какою занимался онъ въ одно время всѣми отраслями Медицины, его простой, увлекательный языкъ, его много-объемлющій и смѣлымъ прислухъ къ дѣлу, все возвѣщало въ немъ человека гениальнаго, явившагося пробудишь Физиологію отъ сна и открышь ей пути, дошолъ невѣдомые. Казалось, что овладѣвъ наукою, онъ возвращалъ ей жизнь, на мнуну ушраченную. Сверхъ

сего, ученіе Биша соотвѣтствовало всѣмъ потребностямъ своего времени. Оно не только прекращало безпорядокъ, и, сбросивъ нго механизмовъ, призывало къ идеямъ, по наружности болѣе возвышеннымъ, умы, ушомденные невѣжественнымъ матеріализмомъ словъ, звучавшихъ въ продолженіе долгаго вѣка въ ушахъ всѣхъ; но и сверхъ сего, оно принимало нѣкоторыя изъ оспоривавшихся тогда основаній, оно провозглашало превосходство наблюденій и опытной мѣтоды; оно изгоняло также гипотетическій духъ, которому споль живо сопрошивлялись предшественники Биша. Однако-жь, и это была только новая гипотеза; это опять была недостаточная синтетическая мѣтода, которая создаетъ, а не изучаетъ человѣка. Въ существѣ, мало значило, чтобы произвольное единство было душа Шпала, жизненное начало Монпелье-ское, или чтобы оно являлось въ наружномъ раздѣленіи, жизненныхъ силъ Биша: шѣмъ не менѣе оно было произвольно, и Биша шѣмъ не менѣе транспировалъ въ наукъ. Тщешно восклицаетъ онъ, почти безпрерывно, что единое начало есть нѣтъность, отвлеченность безъ дѣйствительности; тщешно думаетъ онъ дать свободу наукъ, раздѣлявъ на многія дроби безусловное могущество, шягощѣющее надъ нею; онъ шѣмъ не менѣе остаешся въ теоріяхъ безусловности и недостатковъ у него только перемѣняетъ имя и форму. Таковы были главныя черты сего ученія, сдѣлавшагося въ свою очередь верховною мыслію нашихъ школъ, болѣе нежели на двадцать лѣтъ. Да не подумаютъ, что оно шеперь совершенно оставлено нами! Дз-

же и нынѣ вліяніе его продолажается; правда, болѣе по привычкѣ, нежели по убѣжденію; однакожъ оно существуетъ: еще говоряшъ его языкомъ, и жизненные свойства вышли изъ вѣры, но донныя еще играютъ главную роль во всѣхъ физиологическихъ и патологическихъ изъясненіяхъ.

Остановимся на минушу при идеѣ жизненности, и посмотримъ, до какой степени можешь она выдержать разсмотрѣніе. Происшедши ошъ спранаго соединенія духовности и матеріализма, она вскакаетъ оба сія рода Философіи. Она не можешь свободно признашъ душу повелительницею шъла и какъ-бы управляющею всѣми органическими дѣйствіями; это господство, если могу сказашъ шакъ, духовнаго надъ свѣскимъ, не могло болѣе покоршъ здраваго разсудка какого нибудь плебея, и слѣдовательно не могло еще болѣе явшься когда-либо въ какой нибудь системѣ; оно прошивилось-бы даже внушреннему сознанію всякаго теорисша. Съ другой стороны, совершенно опниашъ у человѣка всякую дѣятельность, всякую свободу, сдѣлашъ изъ всего насшоящую машину, подвергнушую предопредѣленію физическихъ и химическихъ законовъ, двигающуюся въ вещешвенномъ быту шакъ-же какъ планеша, обращающаяся въ пространствѣ, значило-бы шакже лгашъ и предъ всеобщимъ и предъ своимъ собшвеннымъ сознаніемъ. Я не знаю ни одного физиолога, какъ-бы онъ ни былъ рѣшительно привязанъ къ матеріализму, который-бы осмѣлился когда-либо простерть это ученіе до крайнихъ его послѣдствій; шуть слишкомъ скоро дойдешъ до нещности. Такимъ образомъ, находясь

между двухъ невозможностей, въ концѣ она не могла не сознаться, Физиологія рѣшилась, въ одну изъ тѣхъ минутъ когда робость даетъ умъ, совокупишь шу и другую, и опселя произошла жизненность, ученіе незаконное, не осмѣливавшееся ни вполнѣ принять, ни вполнѣ отвергнуть свободы, и пошому самовластно перемѣстившее оную в неренесшее въ грубую часть челоука. Оно соудало мнимую духовность вещества, или не знаю что-шо, что называется оно жизнью, сокрытую силу, существо въ другомъ существѣ, причину и вмѣстѣ дѣйствіе организаціи; оно показываетъ намъ извѣстное число существъ, называемыхъ имъ живущими, совершенно однихъ, не имѣющихъ связи съ всемірнымъ порядкомъ, и пѣкорнымъ образомъ изгнанниковъ своего величія, отдѣльныхъ въ созданіи, какъ кольцо отдѣленное отъ великой цѣпи. «Начало жизненное» говорятъ намъ, «есть начало дѣятельное; силы жизни суть силы дѣятельныя.» Дабы надлежащимъ образомъ оцѣнивши сіе положеніе, прежде всего должно съ точностію опредѣлять: что такое дѣятельность, что такое силы существенно дѣятельныя. Но, при малѣйшемъ размысленіи, можно видѣть, что существенно дѣятельное есть только то, что заключаетъ само въ себѣ начало своего дѣйствія, а не обязано получать оное извне; только то, что, по волѣ и не имѣя нужды въ постороннемъ вліяніи, можетъ дѣйствовать или не дѣйствовать, начинать, продолжать, или прекращать свое дѣйствіе; следовательно, дѣятельное есть только то, что свободно, что сознаетъ свою свободу. Утвердившись

на зномъ , можно-ли сказать , что въ живомъ вѣ-
ществе есть подобное начало? Развѣ органы , ка-
кіе-бы то ни было , заключающіе въ себѣ причину
своихъ движеній? Могутъ-ли они по своему произ-
волу двигаться или не двигаться? Могутъ-ли они
начинать или прекращать свои движенія , какъ
имъ вздумается? Есть-ли хотя одинъ изъ нихъ ,
который могъ-бы двинуться безъ побудительнаго
впечатлѣнія? А получивъ впечатлѣніе , имѣетъ-ли
онъ силу не повиноваться оному? Однимъ словомъ ,
всѣ , собственно жизненные явленія , отъ самаго
сильнаго до самаго слабаго , отъ поражающаго
наши чувства , до остающагося сокрытымъ въ та-
кихъ незамѣтныхъ изгибахъ организма , развѣ не
соединены одно съ другимъ постоянно , необходи-
мо , такъ , что при тѣхъ-же условіяхъ , непременно
оказываются тѣ-же самыя дѣйствія? Правда,
мы не всегда можемъ преслѣдовать сіе сцѣпленіе!
возбудители силъ многочисленны , столь различ-
ны , самая возбуждаемость силъ разнообразна смот-
рѣя по чловѣку , возрасту , полу , органамъ и
множеству другихъ обстоятельствъ , что часто
намъ не возможно открыть послѣдовательнаго по-
рядка , отъ котораго зависить то или другое
явленіе ; но если сей порядокъ иногда ускользаетъ
отъ нашего вниманія , то имѣетъ не менѣе отъ су-
ществуетъ , и то , что мы видимъ въ семъ от-
ношеніи , отвѣчаетъ намъ за то , чего мы не ви-
димъ.

Пусть-же не говорять намъ о воображаемой дѣ-
тельности жизни , о жизненныхъ силахъ , существу-
ющихъ только въ словахъ , выражающихъ оныя. Если

мы увѣрены въ ихъ дѣйствительности, но скажите намъ ясно, что такое онѣ и гдѣ находящіяся. Связаны-ли онѣ съ органами, и подтверждены-ли законамъ, управляющимъ органами? Если да, то это уже не силы дѣятельныя: это сами органическія явленія, связанныя законами, ещѣ конхъ они не могутъ освободиться. Или онѣ внѣ органовъ, но повелѣются ими? Иногда это не иное что, какъ сама воля. Но если это воля, то куда-же дѣвалась иная живая дѣятельность, выдаваемая намъ опдѣленною этою волею? Что-бы ни говорили, но должно наконецъ признашь одно изъ двухъ: или, съ школою спиритуализмовъ, что въ челоѣкѣ существенно дѣятельна одна воля, или съ школою материализмовъ, что все, происходящее въ живыхъ существахъ, по природѣ своей переходяще и слѣпо. Первую изъ сихъ гипотезъ объяснить легко (да позволяшь мнѣ употребить слово *экзотеиза*, говоря о спиритуализмѣ: употребляю его здѣсь въ духѣ шеримости). Тутъ ясно, что въ заблужденіе о иной органической дѣятельности можете вводить самое существованіе воли. Въ насъ дѣйствительно естѣ дѣятельная и свободная сила, служащая сама причиною, независимая отъ производимыхъ ею явленій, сила, непрерывно развивающаяся въ насъ, и наконецъ непрерывно нами признаваемая. Наши органы частію подтвержены сей силѣ, частію независимы отъ ея дѣйствія; движенія наши бываютъ произвольны и непроизвольны, и поелику мы достоверно знаемъ, что произвольныя движенія наши происходятъ отъ силы, существенно дѣятельной, то, само собою разумѣется, мы должны заключать изъ сего, что

сила, также дѣйствительная, но отличная отъ воли, служишь причиною нашихъ произвольныхъ движенiй. Совѣтъ же наблюдать надъ нашими произвольными движенiями заспавляемъ насъ въришь существованiю сей силы, ибо явно, что не въ ниль она заключаешся; но будучи одарены дѣйствительною силою, зная, что сила сiя производитъ часть нашихъ движенiй, полагаемъ, что другая часть оныхъ происходитъ также отъ подобной силы; эту силу мы занимаемъ, въкопорымъ образомъ, отъ насъ же самихъ, и по ложному выводу переносимъ ее въ наши органы и тамъ осуществляемъ. Но, повшорю, что выводъ нашъ ложенъ и необходимо ведетъ къ заблужденiю или предрасудку. Это первое объясненiе. Напротивъ, если перейдемъ къ гипотезѣ материалистической, то не объяснимъ ничего, должны будемъ молчать или по крайней мѣрѣ довольствоваться полнымъ и безусловнымъ отрицанiемъ причинъ. Подобно клавишному, издающему и не издающему звуки, человекъ есть органическая машина, кошорой всѣ дѣйствiя происходятъ случайно, отъ чуждыхъ соприкосновенiй; въ немъ нѣтъ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ, никакой самопроизвольности; всѣ отправления, органическiя и животныя, нравственныя и умственныя, происходятъ прямо отъ вещества, двигающаго орудiями, совокупленными по закону материальности; наконецъ, существуютъ условiя человеческiя, но нѣтъ человека, такъ какъ понимаешь его умъ толпы. Вотъ второе объясненiе. Принять то или другое, значитъ сдѣлаться партизаномъ: выберите, но щещно будете вы стараться избѣжать сего двой-

каго затрудненія: ошъ одного можно избѣжашь только приславши къ другому, пошому что въ мрѣ сущесшвующь, во всѣхъ людяхъ, только духъ и шѣло, только вещесшво и не вещесшво, слѣдовашельно, на самомъ дѣлѣ одинъ вопросъ, окончашельно, ограничашвающь всѣ другіе; ошъ него не льязъ избѣжашь, его не льязъ отклоншть ухищреніемъ.

Изъ сего разсмотрѣнія ясно видно, что ученіе о жизненности не утверждено ни на какомъ сущесшвенномъ основаніи. Но это не все. Ученіе сіе не только ложно, но у Биша оно имѣетъ еще шощъ характеръ, что въ немъ заключающь двѣ, противорѣчащія одна другой идеи, ясно выраженныя въ знаменишомъ опредѣленіи жизни, сдѣланномъ имъ самимъ, на первой страницѣ своего сочиненія. «Жизнь,» говоршть онъ, «есть совокупность ошправленій, кошорая противштся смерти.» Не явно-ли, что здѣсь соединены два совершенно различныя ученія? «Жизнь есть совокупность ошправленій.» Слѣдсшвенно, она не есть уже сила, частное нашіе, отвлеченная причина: она есть совокупность дѣйствій. Здѣсь материализмъ, пошому что жизнь *овеществлена*. Но «она противштся смерти.» Вотъ это другое. Сіи слова ясно показывающъ частное усиліе, произвольность, собсшвенное дѣйствіе, свободу. Для чего Биша не послѣдоваль своей первой идеѣ и не сказалъ, какъ Брюссонъ, въ кошоромъ больше послѣдовашельности, что жизнь есть состояніе бышія сущесствъ органическихъ? Но эшмиъ, разумѣтсѣя, онъ отказался бы ошъ жизненности. Для чего, слѣдуя своей вто-

рой идетъ, не сказалъ онъ просто, что жизнь есть сила, сопронизвляющаяся смернн? Вѣрно онъ такъ и думалъ, потому что это мнѣше проглядываетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, но, покоряясь очевидности, и, всего болѣе, оспаваясь человѣкомъ своего времени, онъ при первомъ взглядѣ видѣлъ въ жизни чистое явленіе, слѣдствіе, выраженіе, а сказалъ: сила, значило-бы для него, что жизнь есть совокупность отправленій. Вообще, кажется, все, въ это время сдѣланное въ наукѣ, носило на себѣ особенный отпечатокъ нерѣшимости и робости. Судя объ этомъ времени только по послѣдствіямъ, можно было-бы сказать, что Физиологическій міръ, находясь тогда между старыми повѣрьями и новыми потребностями, утомленный недостаточностью прошедшаго, и въ тоже время волнуемый безпокойствомъ о будущемъ, старался, осторожными переходами, ускользнуть отъ настоящаго и доставить себѣ, искусственно, преходящую, временную шншину, удалившись въ такіа теоріи, гдѣ бывалы привычки сохранены подъ покровомъ преобразовательныхъ ученій. Событіе замѣчательное! Въ Физиологін происходило тоже, что въ обществѣ, гдѣ единственный геній одного человѣка употребляетъ себя во зло, вмѣсто того чтобы предоставить массамъ людей стремиться ко благу, по инстинкту просонародному, но основательному. Разительное доказательство, что во времени не бываетъ людей, даже тогда, какъ они кажутся болѣе всего отдѣльными въ своихъ дѣйствіяхъ, но существуетъ одинъ и тотъ-же духъ, который стремится и раскрывается, какъ-бы увле-

какъ силою развитія , господствующею и двигающею имъ безъ собственнаго его участія.

Я съ нѣкоторою горячностію разсмаширивалъ всеобщее ученіе Доктора Биша, потому что почитаю его ложнымъ , непослѣдовательнымъ , потому что оно, по моему мнѣнію, поставило безчисленныя препятствія водворенію благоразумной методы и основательному изысканію истины. Но, да не подумаюшъ однакожь , что я хошя одну минуту поколеблюсь отдать справедливостъ сему великому человеку , безъ сомнѣнія одному изъ превосходнѣйшихъ геніевъ новаго времени. Не говоря о его многочисленныхъ открытіяхъ въ Анатоміи, о его опытахъ, столь разнообразныхъ и полезныхъ , не припоминая всѣхъ частныхъ явленій , ярко освѣщенныхъ имъ особенными, собственно ему принадлежащими изысканіями или сближеніями, новыми и богатыми по своимъ важнымъ послѣдствіямъ, послѣвшимъ сказать, что истинное право его на нашу признательность состоитъ въ раздѣленіи органическихъ тканей, образующихъ тѣло человеческое : идея удивительная! Она можетъ быть сравниваема въ наукахъ только съ превосходнымъ Турнефоровымъ раздѣленіемъ въ Ботаникѣ, конечно несовершеннымъ , слишкомъ останавливающимся на внѣшнихъ формахъ , но обширнымъ и обильнымъ , заключавшимъ уже въ себѣ первыя начала естественной методы! Этимъ Биша сдѣлалъ для науки можетъ быть болѣе , нежели кто-либо изъ его предшественниковъ, и нынѣ никто не станеть оспаривать у него славы, раздѣляемой имъ съ Пинелемъ , славы безомерной.

Первымъ послѣдствіемъ двойкаго ученія Биша долженствовало бытъ раздѣленіе его школы. Какъ скоро не стало учителя, ученики, сначала покорные, немедленно начали стремиться къ нѣкоторой независимости. Вскорѣ сдѣлалось ясно для всякаго проницательнаго ума, что вкусъ вѣка, на время удержанный гениемъ Биша, въ свою очередь покрывшагося ему нѣсколько, продолжаетъ наводить большую часть ученыхъ на путь наблюденія и опытовъ. Но если-бы это и не принадлежало вѣку, то можешь бытъ случилось-бы, по весьма простой причинѣ, а именно, что всегда бываешь болѣе умовъ наблюдательныхъ, нежели созерцательныхъ. Толпа мало заботилась о томъ, что было метафизическаго въ новой теоріи; ей было гораздо удобнѣе принять готовую идею о семь предметѣ изъ рукъ человѣка, сшаравашагося мыслить за нея; пошому, необходимо она снова прильпнлась-бы къ тому, что было положительнаго въ его ученіи, и слѣдственно рабочая часть науки была-бы опять изслѣдываема дѣятельно и съ опчетомъ. Этому влеченію и послѣдовали. Опытныя изысканія умножились, и на семь путей, гдѣ занимались съ такимъ жаромъ и успѣхомъ, опличились, между прочимъ, Легаллуа, Нисень, Шосье, Дююитренъ и особенно Г-нъ Мажанди, имѣющій не одно сіе достоинство въ Физиологій; также Г-нъ Дюпроше, особенно занимавшійся аналитическимъ изученіемъ органическихъ формъ, разложенныхъ на простые ихъ элементы. Практическая Анатомія приобрѣла важность, какой дошолъ никогда въ ней не было. Медицину учились при постеляхъ больныхъ,

и преподавание Клячки открыло новый источник твердаго и постоянного познания. Наука вездѣ склонялась къ вещесиву, и при семъ общемъ движеніи, самымъ важнымъ событіемъ было образование науки, которую можно назвать новою: я разумію здѣсь Ананомию Патологическую. Эта вѣшь, прибавившаяся нѣкоторымъ образомъ къ другимъ, была обрабатываема въ послѣдніе годы съ большимъ жаромъ, нежели всѣ остальные, и не только Практическая Медицина многимъ обязана сему изученію, но сама Физиология получила отъ него великія пособія. Мы немедленно приступимъ къ разсмотрѣнію, точно-ли такова нынѣ Ананомія Патологическая, какою она должна быть, и должно-ли для пользы науки предоставитъ ее тому движенію, которое нынѣ увлекаетъ ее. Теперь мы говоримъ объ этомъ какъ о событіи, связанномъ съ исторіею Физиологии; событіе сіе весьма важно, потому что въ немъ видимъ главный характеръ времени и общую наклонность умовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

— 4 —

Книги 1828-го года.

— *Чека*. Уральская повесть. Сочиненіе Теодора Алексѣева. М. 1828 г., въ ш. Теашра, in 12, VII и 38 стр.

Счастье пому поэпу, чье швореніе, еще до выхода на бѣлый свѣшъ, лелѣтся ласковою рукою журналистовъ; по часшямъ показываешся публикѣ на ашлаксистыхъ листкахъ альманаховъ; привѣшштвуешся попомомъ ожданія публики, счастье ему, по старинной пословицѣ: *не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!* Часшо, ничшо кромѣ этого счастья не бываешъ причиною извѣстности новой поэмы. И будь поэшическое созданіе съ великими достокнштвами, не уступаай оно ни одному изъ произведеній модныхъ поэшовъ: безъ прихощливаго счастья оно лежишъ забытое въ пыли книжныхъ лавокъ; не читаемое, дурно напечатанное, и дешъ на ряду съ *Киргизскими Пльниками, Доннами Эльмирами, Рыбаками, Кудеярами*, которыхъ конечно никакая слава не вышянешъ въ извѣстность.

Такъ думалъ рецензешъ, прочишавъ *Чеку*, небольшую поэму, написанную Г-нѣ Алексѣевымъ. Уже нѣсколько мѣсяцовъ, какъ она напечатана, и нигдѣ въ нашихъ журналахъ ни словечка объ ней не было сказано. Не сомнѣвается, что истинное достоин-

ство и безъ журнальнаго покровительства приобрънешь себѣ голосъ просвѣщенныхъ знашковыхъ; но шѣмъ не менѣе обязанность журналистовъ указывать на досшойное замѣчанія, и незамѣчаемое въ шолгѣ другихъ явленій Словесности. Многими при-мѣрами можно доказать, что безъ указанія, долго надобно дожидаться благосклонности публики по-му шворенію, кошорому счастливая судьба не да-етъ извѣстности, иногда и до рожденія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ Русскихъ поэтахъ.

Общее, главное достоинство ихъ (говоримъ о замѣчательнѣйшихъ) есть легкое стихосложеніе. Наши хорошіе поэты шакъ выучились шеперь писашь стихи, что кромѣ стиховъ Пушкина, весьма шрудно различить стихи Баратынскаго, Подолнскаго, Языкова, Плешнева, Шишкова, и другихъ поэтовъ, извѣстныхъ гармоническими стихами. Пушкинъ исключеніе изъ всѣхъ. Онъ принялъ отъ Карамзина чешырехъ-стопный ямбъ, усвоилъ его себѣ, пересо-здалъ, и шакъ владѣешь имъ, что никто донынь изъ всѣхъ вышеозначенныхъ нами послѣдователей Пушкина не сравнися съ нимъ, и, вѣрояшно, не сравнися, хотя всѣ поэты наши, также какъ Пуш-кинъ, приняли за главный шонъ пѣсней своихъ че-шырехъ-стопный ямбъ. Мы назвали новыхъ поэтовъ нашихъ послѣдователями Пушкина, и скажемъ, что имя это принадлежитъ имъ по многому. Писашь стихи выучилъ ихъ Пушкинъ; кромѣ шого, онъ пер-вый явился у насъ представителемъ романтическихъ поэмъ Байрона, и увлекъ за собою всѣхъ. Только въ послѣднихъ сочиненіяхъ Баратынскаго являешся са-

обышность и ощущение отъ формъ и стиховъ Пушкина. Можемъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ ожидать того-же, и въ семь случаевъ съ особенною надеждою смопримъ на юный шаланшъ Подольнскаго; но донныѣ все это надежды, и едва-ли о комъ нибудь скажемъ, что онѣ уже рѣшишельно исполнились. Принимая раз-мѣръ стиховъ Пушкина, поэты наши принима-ютъ и шонъ духъ, шѣ формы мыслей, конми донныѣ ознаменовывались всѣ его поэмы. Отъ сего глав-ные недосшашки: однообразіе духа, въ какомъ изо-бражаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ ко-ими должна-бы являться національносшь и част-носшь героевъ и героинь. Прибавимъ къ этому не-полношу плана, слабую завязку, на которой обык-новенно держался новыя поэмы, оставленіе въ шѣ-няхъ многихъ частей, и ошдѣлку шолько нѣкото-рыхъ, отъ чего поэма бываешь шолько рядомъ кар-тинъ, часто худо связанныхъ; къ этому ведешь и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ, или главъ, на строфы или куплеты. Замѣшимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляешь отъ такихъ недосшаш-ковъ: *Цыганы* его были уже весьма чужды ихъ, а *Мазепа*, какъ говорятъ, ешь швореніе полное но-вой жизни и совершенной самообышности. Вспу-щеніе, напечатанное при 2-мъ изданіи Руслана и Людмилы, Ушопленникъ, извѣсныя намъ сцены изъ Бориса Годунова, показывающъ, какъ хорошо пони-маешь Пушкинъ національносшь, мѣспносшь, въ ко-шорую должны облекашь дѣйшвующія лица ка-ждаго изъ его швореній. О послѣдовательяхъ его ни объ одномъ еще не лзя сказать этого; но ска-

жемъ, что это и не опиниваетъ у нихъ правъ на талантъ, а у насъ надежды. Всякому своя доля. Пушкиныхъ и вездѣ немного: это гений; но охотно сознаваясь въ этомъ, думаемъ, что и Г-нъ Алексѣевъ, вмѣстѣ съ другими поэтами нашими, можешь объявить свои мѣкошорыя права на почешное мѣстечко въ новой Русской Словесности.

Онъ подражалъ Пушкина, неоспоримо. Но принявъ форму поэмы, расположеніе частей, и самый образъ стихосложенія Пушкина, ошдѣлкою частей и стихами своими Г-нъ Алексѣевъ показываетъ, что онъ владѣетъ поэтическимъ языкомъ, что душа его есть душа поэта. Невольно думаешь: люди, ему подобные, сознавая талантъ свой въ высшей степени, не подражая, мысля сами, изучая не Пушкина, а душу свою и природу, могли-бы создавать творенія самобытныя, разнообразныя. Впрочемъ, всякій плахишь данъ вѣку и обстоятельству, въ которыхъ живешь, и гений долженъ увлекать за собою таланты, стоящіе ниже его, особенно у насъ; разгадка этого въ нашемъ образованіи, въ нашемъ воспитаніи, а примѣры — Пушкинъ, и всѣ окружающіе его наши новые стихотворцы.

Такимъ образомъ, не ищише и въ *Чекѣ* сильнаго, самобытнаго, огромнаго созданія. Поэтъ избралъ героемъ поэмы своей Ивана Чеку, начальника Яицкихъ буншовщиковъ, который погибъ опъ меча правосудія. Предметъ богатъ, и могъ бытъ обработанъ въ обширныхъ объемахъ; но въ поэмѣ Г-на Алексѣева мы не видимъ Чеки; этошь казакъ походитъ на извѣстныхъ романтическихъ разбойниковъ,

мечтаешь о славѣ, о свободѣ; не видишь и товарищей его, ни быша казацкаго, ни истинной картины событій. Переимѣнявъ имена, можете перенести дѣйствіе поэмы на берега Твиди, Рейна, По, и ни мало не пошерпишь ошъ эшого поэма, шакъ какъ Кавказскій Пѣтеньникъ могъ бышъ Рускій, Англичанинъ и Французъ. Авторъ Чеки, кажешся, незнакомъ съ исторіей героя своего: онъ незнаешъ даже, что имя *Урала* явилось послѣ бунша, и что Казаки Уральскіе назывались прежде *Яцкими*, а послѣ бунша названы *Уральскими*, шакъ какъ и *Янкъ Ураломъ*. Природы Уральской нѣшъ слѣдовъ.

Но разсмашивая содержаніе Чеки, просшо какъ событіе, которе случилось *едѣ-то* и *когда-то*, мы найдемъ много испинно-изящнаго. Вошъ содержаніе поэмы:

Чека идешъ въ условенное мѣсто, гдѣ должно вспыхнушъ возмущеніе; товарищи ждушъ его; все гошово къ бунту; онъ прощаешся съ подругою своею и даритъ ей кинжалъ. Завѣтное преданіе говорило, что въ отсуствіи обладашеля кинжала, онъ показываешъ его учашъ:

Я живъ — кинжалъ и чистъ и ясенъ;
Уму — и кровь на немъ пробьешъ,

говоришъ Чека. Поэшь обращаешся къ оставленной подругѣ буншовщика:

Есть думы, черныя, какъ шуча;
Ихъ ядъ, какъ гладная змія,
Мертвишъ грозой своей могучей

Мартъ 1829.

Земныя чувства бытія ;
 И не спасутъ живую младость
 Ни гласъ надежды , ни любовь :
 Какъ легкій дымъ исчезнетъ младость . . .

Одна Казачка груститъ и поскуешъ. Одна надежда ея—*вѣра*; одно утѣшеніе—*слезы*.

Когда-же ранняя зарница
 Злапншъ лазурный неба сводъ ,
 И надъ равниной сонныхъ водъ
 Проснется бурная спаница ;
 Она задумчиво идетъ
 На дальній холмъ , и въ опдаленъе
 Глядитъ въ таинственномъ волненъе.
 Темна , мрачна нѣмая даль ,
 Темнѣй , мрачнѣй ея печаль ;
 Она зовешъ , она вздыхаетъ ,
 Съ чужбины вѣспи спрашной ждетъ ,
 Но все молчитъ ; лишь ропотъ водъ
 На зовъ печальный ошвѣчаетъ.

Прекрасное изображеніе, какнхъ исполнена поэма Г-на Алексѣева ; прекрасныя стихи, какими почти вся она написана ! Настала зима; мятель на дворъ, и печаль Казачки усилилась: нѣтъ вѣспи, нѣтъ для нея и радости. Она въ своей свѣшлицѣ, груститъ, поскуешъ —

Увы ! бушуй мятель , бушуй ,
 Тоскуй душа моя , тоскуй !

повторяешъ она. Однажды, тайное чувство заставляешъ ее содрогнуться ; ей спрашно : сердце

предрекаетъ бѣду; несчастная хочеть взглянуть
на прощальный даръ друга :

Она идетъ, она дрожитъ,
На даръ пророческій глядитъ. . .
Съ книжала чернаго, сверкая,
Кашился капля роковая. . .

Тутъ дошелъ въ спаницу слухъ о разбитіи Чеки;
о томъ, что онъ пойманъ, и что ему готовишя
казнь. Дѣйствіе поэмы измѣняешя. Поэтъ пере-
носитъ насъ въ шемницу, гдѣ заключенъ злодѣй,
гдѣ онъ, ожидая смерти,

. . . Какъ безумный, грызъ и рвалъ
Полузаржавленные цѣпи.

Описавъ ужасное состояніе Чеки, поэтъ превос-
ходно изображаетъ ужасную память совѣсти его:

Такъ шепсца въ цѣпяхъ убійца,
Въ раздумьи мрачномъ сохъ и плѣлъ,
И сквозь окно шюрмы глядѣлъ,
Какъ шѣнь, иль хладная гробница;
Ужасный рядъ минувшихъ дѣлъ
Въ немъ разжигалъ и мучилъ совѣсть;
Ему въ ночной безсонный часъ
Шепсаль неумолимый гласъ
Убійствъ затверженную повѣсть.
Не разъ въ лѣсу дремучемъ онъ
Съ ножемъ на пушника бросался,
И, презирая вопль и стонъ,
Невинной кровью обливался.
Не разъ преступною рукой
Онъ жегъ и грабилъ храмъ святой;

Душа безумной мести жаромъ ,
 Онъ рѣзалъ дѣвъ и спаршиовъ ,
 Снималъ покровы съ мерзвцовъ ,
 И села обносилъ пожаромъ .
 Его прозванье спаръ и младъ
 Прознеспи въ семьѣ спрашились ,
 Лишь къ небесамъ подѣмля взгляды ,
 И шренешали и молились .
 Раздаспся-ль гуль во шмѣ ночной—
 И всѣ тревогою объяшы ;
 Опъ спрахъ смолкъ души грудной ,
 Перекрестилась мать шрикраши ,
 Въгушь . . . ихъ шумъ , ихъ скорби вой ,
 Родныя слезы , вопль моленья ,
 Разлуки опзывъ роковой
 У дружной ласки ушѣшенья—
 Ушаспый видъ ! . . . Но все молчишь ,
 Не мчашся всадники шолпою ,
 Лишь позднѣй въшрѣ порой шумишь ,
 Качая вешлы надъ рѣкою ,
 Лишь позднѣй вранъ , свиспня крмломъ ,
 Кричишь и вьешся надъ креспомъ .

Мы могли-бы выписать такое-же прекрасное
описание луннаго вечера, когда въ душѣ поэта

. . . дни бывлые воскресаютъ
 Съ ихъ ненаглядной краспой ;

описание побѣга Чеки, вторичной поимки его, и проч., что все описано мастерски. Но полагаемъ, что довольно и сдѣланныхъ нами выписокъ, дабы ознакомить читателей съ юнымъ поэтомъ. Поэма оканчивается описаніемъ могилы, гдѣ скрытъ прахъ

Казачки, подруга злодѣя Чеки. Судьба его была рѣшена:

. . . Рать безумная смирилась,
Какъ шумной вольности молва,
И—роковая голова
Съ кровавой плахи покапилась!

Холмъ на берегу Урала ешь по мѣсто, гдѣ
успокоилась несчастная его подруга. Не можемъ
пропустить здѣсь прекрасной черпы въ описаніи
могилы:

. . . въ часъ полуночи глубокой,
Въ сей часъ, какъ говорятъ молва,
Вокругъ могилы одинокой
Кружился мертвая глава;
Безъ слезъ, безъ вздоховъ, безъ приѣта,
Она блуждаешь до разсвѣта,
И исчезаешь. . . только слѣдъ
Кротовый видѣнь, кто придетъ. . .
И дивенъ сей курганъ молвою:
Онъ полонъ тайной не-земною,
И дѣвы бранной той земли
Сей холмъ *красавиль* нарекли.

Заключимъ: поэму Г-на Алексѣева, не смотря
на всѣ ея недоспапки, мы должны причислить къ
числу поэтическихъ прекрасныхъ созданій, или
намъ надобно будетъ гораздо съ большею стро-
гостию судить творенія другихъ поэтовъ нашихъ,
и многимъ отказать въ правахъ на вниманіе, по-
тому, что почти всѣ они носятъ на себѣ при-
знаки недоспащкова, какіе мы находимъ въ Чекѣ.

Это уже недоспатоковъ общій нашей современной Русской Поэзіи; объ немъ говорить можно многое, но не въ библиографической спашѣ, кошорою рецензентъ желалъ познакомить шолько читателей Телеграфа съ поэмою Г-на Алексѣева.

S***

— *Бригадиръ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1828 г., въ ш. Университ., in 12, 110 стр.

Книги 1829-го года.

— *Недоросль*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ ш. Университ., in 12, 156 стр.

— *Дворянскіе выборы*. Комедія въ шрехъ дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ ш. П. Кузнецова, in 12, 197 стр.

Комедія была началомъ Драмы въ Россіи. Въ половинѣ XVII столѣтія начали у насъ въ духовныхъ училищахъ *тѣшить* посѣпшителей *комедіею*, и царшвованіе Алексія Михайловича ознаменовано было введеніемъ при Русскомъ Дворѣ комедій, съ *музикіею* и *пѣніемъ* въ иншермедіяхъ. Умный Царь и бояре его полюбили театральныя позорища. Первые комедіи Русскія были смѣсь духовныхъ мистерій съ комическимъ, какъ и вездѣ. *Комедія о Блудномъ Сынѣ* начиналась стихами :

Благословенъ Богъ, отъ нынѣ и до вѣка,
Иже отъ земли создалъ человекъ.

Попомъ представляемъ былъ отъѣздъ Блуднаго Сына; пированье его, при чемъ *пѣли многа лѣта*, играли въ зернь, и обирали шалуна на сценѣ. На-

конецъ, онъ бѣдѣлъ, занимался пасши свиней, и на сцену выходило спядо поросяшъ. Будучи голодень, Блудный Сынъ опнималъ у свиней кормъ, и за по передъ зришелями *ведуть Блуднаго за завѣсу и бѣють плетъми, а онъ кричить: ой! государь! лошади.* Комедія оканчивалась возвращеніемъ Блуднаго Сына къ опцу; акшеръ говорилъ *эплогъ*, который заключался слѣдующею просьбою къ зришелямъ:

Мы въ сей приштѣ еще согрѣшихомъ,
 Ей! огорчипи ни кого мыслихомъ;
 Обаче молимъ: извольте проспиште,
 А насъ въ милоспи Господней храниште,
 За что хранени будете отъ Бога,
 Въ милоспи Его на лѣпа премнога!

Ту всѣ изшедше поклонятея, а мусикія запоеть, и тако разыдутся гости. Не будемъ смѣяться надъ вкусомъ нашихъ прадѣдовъ, и вспомнимъ, что была начальная Комедія повсюду. Въ Россіи вскорѣ исчезли и слабые начашки Комедіи. Преобразование Россіи Петромъ Великимъ обрашило умы къ другому; Петръ хошѣлъ *общественности*, и нѣкогда было ему думашъ о Русскомъ Театрѣ: онъ охошнѣ заводилъ *ассамблеи*. Важное обстоятельство, происшедшее изъ новаго порядка дѣлъ, успранило образование Русской Комедіи на долгое время: эшо было приняшіе всего чужеземнаго, безъ разбора и вополнѣ, а пошомъ явилось у нашихъ лишшераторовъ желаніе спашъ поскорѣе на лишшературныя ходули, и не шумишь, а важничашъ. Они почишали Комедію заняшіемъ маловажнымъ, думая, что смѣшншъ прилично шуму, а не лишшератору, и

бросались къ Трагедіи, гдѣ громкія фразы лучше удовлетворяли младенчествующее ихъ воображеніе, точно шакъ, какъ изъ другихъ родовъ Певзін *Ода* была предпочтена всѣмъ. Къ несчастію, не Испанская и не Англійская Трагедія были образцомъ для Русской (нашъ Сумароковъ не зналъ *Лопеца-де-Веги* и *Кальдерона*; *Шакеспира* же называлъ — *непросвѣщеннымъ*), а Французская, и въ ней, замѣшимъ еще, нравились нашимъ прагикамъ бомбасшъ, пухлосшъ, шеашральныя нечаянности, а не то, что составляетъ душу Французской Трагедіи. Присовокупише къ этому справную мысль, явившуюся у Русскихъ Писателей, что можно передѣлывать иносшранныя шворенія на Рускіе нравы, перемѣняя шолько имена и мѣсто дѣйствія. Зрштелямъ же въ Комедіи нравилось шолько недѣпо-смѣшное. Такимъ образомъ, сперва заведи въ Россіи Нѣмецкій шеашръ, потомъ Ишальянскій и Французскій, а Русская Драма, отъ мшстерій ХVІІ-го вѣка перешла въ Трагедію. Явился Сумароковъ, съ *Хоревомъ*, *Семирою*, *Артистоною*; играли Французскія и Нѣмецкія комедіи и Ишальянскія оперы, а на Русскомъ шеашрѣ шрагедіи Сумарокова, перемѣшивая ихъ кое-когда съ фарсами, переведенными съ иносшраннаго, или сочиненными Сумароковымъ, единшвеннымъ шогда драматическимъ писателемъ и Дирекшоромъ единшвеннаго въ Россіи Русскаго шеашра. Въ 1757-мъ году репертуаръ Русскаго шеашра соспоаялъ изъ 4-хъ шрагедій, 2-хъ фарсовъ и двухъ небольшихъ оперъ: все работы Сумарокова, и переводовъ: *Скупаго*, *Декаря по неволѣ* и *Скашниковыхъ обмановъ*.

Успѣхъ Сумарокова возбудилъ соревнованіе многихъ; онъ, ни много, ни мало, величалъ себя Русскимъ Расиномъ; соотечественники ему вѣрили, и по сѣдламъ его пошли всѣ писатели Русскіе. Ломоносовъ, Херасковъ, Княжнинъ и множество другихъ принялись за Трагедію. Другіе безъ разбора переводили иностранныя комедіи; шрепши сочиняли фарсы, несносныя, пустыя, сколки съ чужаго, нецѣнно къ Русскому. *Подьячій* крадешъ нѣсколько копѣекъ у *Гарпагона*, а *Скапинъ*, или *Криспінъ*, бѣшъ подьячаго, когда какой-нибудь *Клеантъ* или *Аристъ* *резонируютъ*: вошь нѣкопорыя изъ главныхъ положеній, на кошорыхъ вершѣлись многія Русскія комедіи.

Императрица Екатерина видѣла нецѣнность всего этого, недовольна была одними переводами, и хотѣла видѣшь Русскія произведенія. Тогда, при Графѣ Панинѣ, служилъ молодой человекъ, съ талантомъ необыкновеннымъ: это былъ *фонъ-Визинъ*. На девятнадцатомъ году возраста, въ 1763-мъ году, онъ вздумалъ написать оригинальную Русскую комедію, и понялъ, что для этого надобно удалиться отъ избытой шроцы, надобно облагородить комическій фарсъ, взять предметъ изъ Русскихъ нравовъ, и выборъ его палъ на то, что было всего ближе къ нему: онъ рѣшился обратиться въ смѣхъ хаакую смѣхъ Русскаго аристокрашства съ невѣжешвомъ и модною полуобразованносью, и написалъ *Бригадира*, первую Русскую комедію. Современники ф. Визина гнали его, и, видя очень недалеко, принялись однакожь подражать ему. Такова несчастная участь подражателей, что они никогда

не понимающъ истинныхъ красоть своего образца. Чтò, думаете вы, почитали достойнымъ подражанія въ комедіи Ф. Визина? Смѣсь Французскихъ словъ съ Русскими въ рѣчахъ Иванушки, и грубыя шулки Бригадирши! Таланшовъ не было, и Комедія не двигалась впередъ. Напрасно Екатерина давала темы для Русскихъ комедій, напрасно сама писала ихъ: не можемъ указать ни на одну, достойную какого-нибудь вниманія, до самаго появленія *Недоросля*, гдѣ Фонъ-Визинъ, послѣ восемнадцатилѣтняго молчанія, показалъ менѣе прежняго знанія Комедіи, и болѣе умѣнья списывать съ природы. *Недоросль*, какъ вѣрный списокъ нравовъ — неподражаемъ; какъ комедія онъ слабъ, и въ этомъ отношеніи Бригадиръ гораздо его выше. Фонъ-Визинъ не писалъ ничего болѣе, и послѣ *Недоросля* Русская Комедія застыла на одномъ мѣстѣ донинѣ. Были явленія, выходившія нѣсколько изъ круга обыкновеннаго; но, все это весьма незначительно, и мы—ждемъ еще Комедіи своего вѣка, ибо не лъзя не сказать, что творенія Фонъ-Визина хороши, какъ начало только. Репертуаръ Русской Комедіи донинѣ состоялъ, и теперь состоитъ изъ слѣдующаго:

1. *Грубые фарсы*. Ихъ началъ Сумароковъ, и всѣхъ удачнѣе продолжаетъ въ наше время Князь Шаховской. *Приданое обманомъ*, Сумарокова, гдѣ окормивши ботвиньею опекуна, принуждающъ его подписать рядную, и *Ссора или два сосѣда*, Князя Шаховскаго, гдѣ за яичницею мирятся два непримиримые соперника, суть творенія одного разряда: это арлекинады Комедіи.

2. *Переводныя комедіи.* Онѣ начашы были до Суарокова, и съ 1757-го года, когда было у насъ ихъ на все переводовъ только при перевода Мольтеровыхъ комедій, донынѣ, переведено ихъ нѣсколько сошъ. Вкусъ къ переводамъ былъ въ разныя эпохи различный. Сначала переводили Нѣмцовъ, Французовъ, Итальянцовъ, Англичанъ, безъ разбора: Мольтера, Голберга, Реньяра, Лессинга, Дешуша, Вольшера, Дидеро, Буасси, Гольдони, и проч. и проч., дурною прозою и стихами шажкини. Въ началѣ XIX-го вѣка Коцебу завоевалъ было театр Русскій; теперь мы держимся за однихъ Французовъ. Въ послѣдніе годы явилось нѣсколько переводовъ хорошихъ. Изъ числа такихъ назовемъ *Мизантропа* и *Школу женщинъ*.

3. *Передѣлки.* Эшо самыя жалкія и несчастныя созданія. Мысль нелѣпая, что переславивши имена и мѣсто дѣйствія, можно *обрусить* швореніе Нѣмца, Француза, Англичанина, естъ основная мысль передѣлокъ. Водевилышны довели передѣлку чужаго до послѣдней крайности, а передѣлки для бенефисовъ, кажется, рѣшительно ошучашъ публику ошъ эшихъ лишшерашурныхъ уродствъ.

4. *Оригинальныя комедіи.* Ихъ было у насъ донынѣ очень много; но, къ сожалѣнію, основныя мысли девяши изъ десяшка Русскихъ комедій не принадлежатъ нашимъ сочинителямъ, а если и принадлежатъ имъ, шо бываютъ шакъ мѣлки, шары, шо съ 1764 г., ш. е. эпохи появленія Бригадира, едва-ли десяшь Русскихъ комедій можемъ мы насчиташъ, въ коихъ мысль была-бы оригинальна, не слѣдшвіе подражанія, являла предметы, до-

свойные труда писателя. Вошь, по нашему мнѣнію, на что можно указать: *Бригадиръ и Недоросль*, Фонъ-Визина; *Модная лляка*, И. А. Крылова; *Ябеда*, Капниста; *Горе отъ ума*, Грибоѣдова; *Добрый малый*, Г. Загоскина. Не всѣ сіи пьесы одинаковаго достоинства; но замѣшимъ, что во всѣхъ сихъ пьесахъ основное достоинство составляетъ оригинальность мысли, или новость изложенія предмета, происшедшая отъ того, что авторъ бралъ краски не изъ Французскаго репершуара; но въ своемъ умѣ, въ обществѣ, въ Русскихъ нравахъ: здѣсь матеріалы для созданія нашей Комедіи. Мы не умѣемъ еще ими пользоваться, и Фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ не умѣли, изъ собранныхъ ими матеріаловъ, сстроить зданія совершенно изящныя; но матеріалы выбирали они мастерски. Оставляя цѣпи Класицизма и разработывая рудникъ народности нашей, мы конечно успѣемъ создать Комедію Русскую.

Что за странность у нашихъ комиковъ: вертѣшься въ одномъ кругу, очерченномъ предшественниками! Даже къ названіямъ привязываются они, и не могутъ не подражать. Былъ *Урокъ догкамъ*; надобно *Урокъ женатымъ*, *Урокъ холостымъ*, *Урокъ мужьямъ*, *Урокъ кокеткамъ*! Отъ *Мѣщанина во дворянствѣ*—явился *Полубарскія затѣи*, *Богатомовъ въ столицѣ*, *Богатомовъ въ деревнѣ*, *Чванство Трапирина*! Отъ *Утемыхъ жемчужинъ*—сколько Русскихъ комедій: *Вегериха утемыхъ*, *Писатели между собою*, и проч. Сколько уже разъ выводили на сцену плаксивыхъ Ахалкиныхъ, дула журналиста, прожектера, кокетку, подьячаго, шалуна гусара, неданша, промашавагося

игрока, и все шѣже и одни лица, шѣже и одни характеры, даже однѣ и шѣже шушки, манеры: однообразіе скучное и утомительное! Подумаете, что комикки наши обязались пикать Пенелопину шкань. Чшо-же вы дѣлаете? спросянтъ насъ. Вросимъ нѣтъшнюю свою дорогу, взяшесь за дѣло, какъ брались за него Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ. Пусть посмотрянтъ они, съ какимъ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаютъ мы каждый шагъ къ оригинальности, и особливо къ составленію *Русской Комедіи*; говоримъ: мы, ибо публика подтверждаетъ съ нами это мнѣніе, и *Дворянскіе выборы*, новая комедія неизвѣстнаго Авшора, кошорой въ недѣлю раскуплено нѣсколько сотъ экземпляровъ, показываетъ нашимъ комиккамъ, какъ рада публика простиить всѣ недоспашки, лишь-бы Авшоръ удался хоть сколько нибудь ошъ надобдающихъ повшореній одного и шого-же, къ чему мы приглядѣлись и прислушались въ нашемъ театрѣ.

Дворянскіе выборы, комедія весьма несовершенная. Она писана въ прозѣ — эшо-бы еще ничего, но въ дурной прозѣ — вошъ что плохо. Завязка ея слаба; основные характеры почши всѣ не выдержаны; по слогу, по разговорамъ, она принадлежишь къ эпохѣ 1764-го года. Но что-же заставляешъ насъ хвалить ее, и указывать на нее, обходя комедію, писанную очень недурными стихами, лучше связанную, лучше расположенную? Вошъ что.

Авшоръ взялъ предметъ совершенно новый, оригинальный. Онъ обращаетъ въ смѣхъ одно изъ ужасныхъ золъ современнаго общества нашего; онъ

выводишь на комическую сцену людей, кошорыхъ мы знаемъ, заставляешь ихъ говорить и дѣйствовать, какъ они говорятъ и дѣйствуютъ въ самомъ дѣлѣ. Тутъ смѣшашъ насъ не причуды ошкупщика, кошорый гордится нюхая Французскій табакъ; не хвасовство провинціала, кошорый ищетъ *Петербуржской* палки, думая, что ничѣмъ другимъ не долженъ онъ колотить слугу; не насмѣшки надъ Французскимъ болшаньемъ, спо разъ слышанныя на сценѣ пещра нашего: нѣшь! Тутъ толпа свѣжихъ характеровъ, взятыхъ съ подлинника, является забавляшь собою; комикъ бросаетъ перчатку пороку, гибельному, опасному, и причешъ комическихъ злодѣевъ на сценѣ кипить жизнию.

Авторъ представляешь намъ общество дворянъ, сѣхавшееся на выборы. Бездѣльникъ и ябедникъ хочешъ попастъ въ Предводители. Все, что употребляется въ подобныхъ случаяхъ, выведено наружу: подкупные голоса, *запасные* (пехническое слово), заговоръ, попойка, стараніе завлечь добрыхъ людей въ свои плушни, все эшо видимъ въ комедіи, и сцены, гдѣ Авторъ списываетъ, а не выдумываетъ—превосходны. Комическое является шущъ само собою. Все 7-е явленіе 2-го дѣйствія не можешъ чипашъ безъ смѣха и безъ негодованія, шакъ-же какъ сцену обученія *Запасныхъ*, и многія другія, дѣлающія честь наблюдательному уму и оригинальности Авшора.

Повшоряемъ, что совсѣмъ не думаемъ мы высшавлять *Дворянскихъ выборовъ* за образцовую комедію нашимъ комикамъ; она показываешь только имъ богашство машеріаловъ, кошорые у нихъ подъ рукою, кошорыхъ они не видяшь, а пошому не лзя не ска-

зашь, что Авшоръ *Дворянскихъ выборовъ* заслуживаетъ истинную благодарность желающихъ добра нашей Словесности, и что его должно извинить во всѣхъ недоспашкахъ.

Да не подумаешь кто-либо, что мы хотимъ увидѣть прежнихъ и нынѣшнихъ комиковъ нашихъ; со всѣмъ нѣтъ! Они слѣдовали и слѣдуютъ направлению, какое дали имъ начало комедіи въ Россіи, и обстоятельство, въ какихъ она развивалась. Не отвергаемъ и того, что, какъ между прежними были, такъ и въ числѣ нынѣшнихъ комиковъ нашихъ есть люди съ шаланпомъ; но если мы повторимъ, что Комедія наша, со времени фонъ-Визина весьма мало подалась впередъ, это будешь сущая правда, а за правду сердиться не должно. Наша Комедія имѣла Ломоносова въ фонъ-Визинѣ, но Карамзинъ для нея еще не являлся, и если есть что-либо хорошее въ ней, то это находится въ шакомъ точномъ отношеніи къ другимъ опралямъ Словесности, какъ стихи Петрова относятся къ стихамъ Пушкина. Но въ Лирической Поэзіи Державинъ существовалъ до Пушкина; не было-ли Державина и въ Русской Комедіи? Богъ знаетъ, а кажется не было.

Новымъ изданіемъ *Бригадира* и *Недоросля* мы одолжены новому Цензурному Уставу, которымъ свободно дозволено печашать всякія сочиненія и переводы, по прошествіи 25-ти лѣтъ отъ времени кончины Авшора или Переводчика. Позволеніе совершенно справедливое, ибо, безъ него сочиненія и переводы, дѣлаясь собственностію книгопродавцовъ, наследниковъ, или казенныхъ мѣстъ, доводили многія книги до безмѣрной цѣны, и не давали средства

публикѣ имѣть ихъ въ разныхъ изданіяхъ, по разнымъ цѣнамъ. А. С. Ширяевъ, напечатавъ вновь *Бригадира* и *Недоросля*, если не ошибаемся, первый воспользовался дозволеніемъ Цензурнаго Устава, и его примѣру, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать и другіе Г-да Книгопродавцы. Желательно, чтобы вновь были напечатаны, отдѣльно, *Кантемиръ*, избранныя сочиненія Ломоносова, Богдановича, *Княгинина*, и чтобы читатели получили чрезъ то удобство покупать не всѣ томы каждаго изъ сихъ Авторъ, и не шакъ дорого плащать за нихъ, какъ угодно какому-нибудь издателю, который, Богъ знаетъ когда дославши право на ту или другую книгу, хочешь бытъ вѣчнымъ ошкупщикомъ ума чужаго.

— *Цефей*. Альманахъ на 1829-й годъ. М. 1829 г., въ ш. А. Семена, in 16, 255 стр.

На сей годъ предвѣщали намъ множество альманаховъ; донынѣ мы видѣли ихъ немного. Въ Москвѣ, кромѣ *Вѣнка Грацій*, не являлось еще ни одного лихтерашурнаго: *Цефей* дополняетъ сей недостатокъ. Если названіе: *Цефей*, покажется читателямъ непонятно, они могутъ просить у Астрономаго истолкованія. Только три Автора, изъ помѣстившихъ свои произведенія въ этомъ альманахѣ, сказываютъ свои имена: Г-да *Григорьевъ*, *Ламбергъ* и *Стройскій*; другіе *восьмеро* скрыли свои имена подъ сокращеніями и знаками: *Ж-въ*, *К.*, *Степ-овъ*, *Стр.-*, *Ш-ій*, *Ю.*, *Н. N.*, ***. Имена Издателей не объявлены. Полагаемъ, что это собраніе сочиненій и переводовъ юныхъ лихтерашуровъ; но въ немъ есть пьесы достойныя вниманія. Таковы, напримѣръ,

при стихотворенія Г-на К. Жаль только, что они весьма расплутны. Переводъ одной сцены изъ Шиллеровой трагедіи: *Марія Стюартъ*, шого-же Авшора, очень хороша. Въ *Мысляхъ*, *выпискахъ* и *замѣчаніяхъ* Г-на Н. Н., почто есть мысли и остроумныя замѣчанія; спашы: *О Классицизмѣ и Романтизмѣ*, Г-на *** , показываешь, что Авшоръ си знакомъ съ настоящими понятіями объ Изыящномъ Искусствѣхъ. Желаемъ успѣха Г-нуъ Издателью Цесю. Жаль только, что магическое слово: *Альманахъ*, придало и Цесю предорогую цѣну другихъ альманаховъ—*десять рублей*.

С М Ъ С Ъ.

Въ № XI Журнала мануфактуръ и внутренней торговли, помѣщены двѣ весьма важныя статистическія спашы: Обзорніе Россійскихъ мануфактуръ въ началѣ 1828 года, и Обзорніе Нижегородской ярмарки за 1828 годъ.

Хотя этого обзорнія мануфактуръ никакъ нельзя почестъ полнымъ и доспапочнымъ, но причинъ несовершенства сбиранія вѣдомостей отъ фабриканшовъ (къ улучшенію чего принимающося Правительствомъ дѣятельныя мѣры); но изъ него видны однакожь приближительныя счисленія. Вообще мануфактуръ, подлежащихъ завѣдыванію Мануфактурнаго Департаментна, спашается въ Россіи до
Мартъ 1829.

6000, а число работниковъ, на оныхъ занимающихся, простирается до 300 ш. человекъ. Сюда не причислены мѣлкія фабричныя рукодѣля, домашнее крестьянское производство, цѣховыя производства, заводы казенные, рудоплавные и горные. Главныя въ числѣ упомянутыхъ 6000 фабрикъ и заводовъ, суть: кожевенные, конхъ до 2000; бумажныхъ издѣлій, конхъ до 500; суконныхъ до 400; сапоженыхъ и мыловаренныхъ до 700; свѣчныхъ до 300; Фламскихъ полощень до 200; пошашныхъ до 200; хрустальныхъ и стеклянныхъ до 166; стальныхъ, игольныхъ, инструментальныхъ до 182; шелковыхъ издѣлій до 220.

На Нижегородскую ярмарку 1828 г. привезено было вообще товаровъ на 108 милліоновъ рублей; въ томъ числѣ отечественныхъ произведеній на 72 милліона; Китайскихъ на 15 милліоновъ; Персидскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ на $1\frac{1}{2}$ слишкомъ; иностранныхъ, Европейскихъ и колоніальныхъ, почти на 14, Бухарскихъ и Киргизскихъ почти на $4\frac{1}{2}$ милліона.

Споры о чести изобрѣшенія не новость. Французы, Нѣмцы, Англичане, и даже Рускіе, оспариваютъ другъ у друга честь изобрѣшеній: по книгопечатанію, по пороха, или магнѣшной стрѣлкѣ, очковъ, конной артиллеріи, и проч. и проч. Въ то-же время Ориенталисты стоятъ за честь Восточныхъ народовъ, увѣряя, что у нихъ Богъ знаетъ когда были уже извѣстны новости Европей-

скія, что на Восхокъ сирѣчь порохомъ до Баршольда Шварца, и печатали книги до Гупшкенберга. Антикварїи воспоминають съ другой стороны; ищущь слѣдовъ изобрѣшенїй у Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Финикїйцовъ: есть цѣлая книга, гдѣ ошбивающь честь изобрѣшенїя и отккрытїя едва ли не всего, чѣмъ гордишся Исторїя Машемашинки, Физики, Химїи и Механики новыхъ Европейцовъ. Спраннѣе всего, что часиво новыи изобрѣшашель, и не слыхивавшїи о Дїодорѣ или Плинїи, у которыхъ есть чешыре, пять шемныхъ спрочекъ о шомъ, надъ чѣмъ думалъ онъ полвѣка, отъ чего шерпѣлъ нужду и гоненїя, умираеть бѣдный, неизвѣстный, а изобрѣшенїе его остаеться, увеличивается, совершенствуеться, дѣлаеться испочинкомъ славы и богашства отечесшва, и споровъ между народами и учеными людьми.

Эшо мы говоримъ мимоходомъ, желая сказашь чшашельямъ, что слава изобрѣшенїя паровыхъ машинъ шеперь оспорена у Англичанъ Французами. Донынѣ полагали, что Маркизь Уорчесперъ, помѣшавшїи въ какой-шо своей книгѣ описанїе паровой машины въ 1663 г., былъ *первымъ* ихъ изобрѣшашелемъ. Напрошлвѣ, Французами найдено, что ихъ соотечесшвенникъ Соломонъ Жо (Sauv), за 48 лѣтъ до Маркиза Уорчеспера, ш. е. въ 1615 г., въ книгѣ своей: *Les raisons des forces mouvantes, avec diverses machines tant utiles que plaisantes*, говорилъ о приложенїи пара къ Механикѣ, и *первымъ* предложилъ усшроевать паровыи машины. Сїи машины шакъ нынѣ сдѣлались важны, что имена совершен-

существовавшихъ приложеніе пара въ Механикѣ должны были сохранены Исторіею. Извѣстно, что первыя приложенія практическі сдѣланы были Папиномъ въ 1690 году; послѣ сего знаменитаго ученаго дѣло шло медленно до Англичанина Вашша, контораго должно почитать настоящимъ усовершенствовавшемъ паровыхъ машинъ. Англичане помнятъ и уважаютъ имя его, наравнѣ съ именами другихъ великихъ людей Англіи.

Въ Прибавленіяхъ къ Телеграфу прошедшаго года, мы писали о новозобрѣшенномъ способѣ дѣлать всякія ткани непроницаемыми, посредствомъ пропитыванія ихъ каучукомъ, такъ, что ткань становится непроницаемою даже для воздуха, и не измѣняетъ пріема своего цвѣта и вида. Важное изобрѣшеніе это переняно уже Французами отъ Англичанъ, и въ Парижѣ дѣлаютъ непроницаемыя шинели, плащья; постели, подушки, набиваемыя воздухомъ. Не знаемъ, оно-ли самое изобрѣшеніе перенесено теперь въ Петербургъ; но крайней мѣрѣ, Г-нъ Юнкеръ, содержатель Магазина на Невскомъ Проспектѣ, объявилъ въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ о новомъ изобрѣшеніи, посредствомъ навода цилиндромъ каучука, придавать всякимъ тканымъ товарамъ свойство непринимать влаги и не пропускать воздуха. Онъ беретъ по 4 рубля асс. за отдѣлку квадратнаго аршина непроницаемой ткани. Дорого! Но зная ловкость

Русскихъ промышленниковъ , съ какою перенимающъ они всѣ изобрѣшенія иностранцевъ , и умѣющъ подешевить ихъ , можемъ надѣяться , что Русскія издѣлія изъ непроницаемыхъ воздухомъ тканей скоро появляшся у насъ повсюду и дешево будутъ продавашся. Только начашъ какое-бы то ни было дѣло сами Русскіе промышленники не мастера , а впрочемъ иностранцамъ никакъ за ними не угоняшся.

Россійское Спсраховое ошъ огня Общество публиковало свой ошчешъ за прошекшіи 1828-й годъ. Изъ онаго видно, что Обществомъ получено спсраховыхъ денегъ съ владѣльцовъ заспсрахованныхъ имѣній 917,878 руб. 97 к. , на поелику изъ оныхъ положено было въ шеченіе года болѣе 700 ш. въ Банкъ , то Общество приобрѣло симъ распоряженіемъ еще 22,355 р. 39 к. , да съ Акціонерскаго капиталла , *двухъ миллионъ рублей*, получено проценшвъ 119,328 р. 22 к. Всего-же годовои доходъ Общества сосшавлялъ 1,059,562 р. 58 к.—Изъ него израсходовано было на содержаніе коншоръ , коммисіонеровъ , и проч. 114,546 р. 86 к.; за пожарные же случаи заплачено *только* 74,474 р. 22 к.; *чистой прибыли* Обществу остаешся—870,541 р. 50 к., ш. е. *болѣе 40 процентвъ* на капиталъ. Общество , получивъ исключительную привиллегію , конечно не можешъ ожидать соперничешва , и слѣдшвенно , имѣешъ полную надежду , что предпріятіе его наградишся и въ послѣдующіе годы шакими-же,

и еще большими барышами. Они основаны на вѣрномъ, математическомъ разчетѣ.

Въ № 3-мъ Телеграфа напечатанъ былъ отрывокъ изъ перевода Гёшевой Трагедіи: *Ифигенія въ Тавриду*. Мы забыли при семъ случаѣ извѣстить читателей, что переводъ сей трагедіи Г-мъ Лихонинымъ совсѣмъ конченъ, и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать.

Оспаривая читателямъ нашимъ отчетъ о книгѣ Г-на Гуслисшаго, мы находили, что время, назначаемое имъ для наученія дѣшей грамотѣ, совсѣмъ не мало, и что слѣдовательно метода Г-на Гуслисшаго едва-ли можетъ назваться *ускоряющею* обученіе дѣшей грамотѣ. Теперь, прочитавъ въ № 58 Прибавленій къ С.Петербургскимъ Вѣдомостямъ объявленіе Г-на Сошкова (Никифора Алексѣевича), мы не можемъ удержаться, чтобы не изъяснить нѣкотораго сомнѣнія объ успѣшности его метода, по причинѣ прошивной: скорости, съ какою Г-нъ Сошковъ берется выучить читателя. Онъ говоритъ, что «въ шри урока, люди незнающіе грамотѣ, получаютъ отъ него такое понятіе, что послѣ сами собою могутъ приобъикнуть къ чтенію книгъ.» Онъ объявляетъ припомъ, что описаніе метода его напечатано. Мы не видали этого описанія, и думаемъ, что если Г-нъ Сошковъ довольствуется только показаніемъ отношенія

согласныхъ буквъ къ гласнымъ въ складахъ, послѣ чего всякій конечно можешь уже самъ разбирать склады, но все *трихъ уроковъ* для этого мало. Желательно-бъ было, чтобы любители просвѣщенія, живущіе въ Петербургѣ, обратили вниманіе на методу Г-на Сошкова, и если она въ самомъ дѣлѣ шакъ хороша и легка, то, почему не распространить ее, и не вознаградишь почтеннаго изобрѣшателя за шрудъ его, полезный и досшозивальный, всякимъ ободреніемъ?

Въ *Съверной Пчелѣ* (Марша 16-го № 33-й) напечатано извѣстіе о необыкновенномъ происшествіи въ Кшайской Лишшерашурѣ. Просимъ извиненія у Г-дъ Издашелей Съверной Пчелы въ *перепечаткѣ* изъ ихъ газетш : мы не умѣемъ чшашъ Кшайскихъ оффиціальныхъ газетш и не имѣемъ иного средства доставиш нашимъ чшашелямъ свѣдѣніе о семъ любопытномъ событіи.

Въ Пекинской оффиціальной Газетѣ 15 числа III луны, напечатано слѣдующее любопытное рѣшеніе Кшайской Палаты Церемоній : « Въ 9-й годъ правленія *Дшо-Гуанъ*, 10 числа III луны. Въ засѣданіи Высокшшенной Палаты *Да-ли-сы* (*), послѣ разсужденія о пяти добродѣтеляхъ, шести обязанностяхъ и семи приличіяхъ, Высокопочтенные *Дзины*, *Гу-сы-джины* и *Дзо-сы-джины*,

(*) Такъ называется Палата Церемоній.

ш. е. Предсѣдатели и Засѣдатели правой и лѣвой стороны, слушали представленіе Высокопочтеннаго *Ды-ду-сіо-джиня* Южной Столицы (*), кошорый изьясняетъ слѣдующее: Младшій братель *Ды-ду-сіо-джиня* Южной Столицы Небесной Имперіи, долгомъ поставляетъ представити старшимъ своимъ братьямъ, присушествующимъ въ Палатѣ Церемоній Сѣверной Столицы, что предсѣдательствуемая имъ Палата стиховъ и прозы исправно печется о соблюденіи въ Южной Столицѣ правилъ пяши добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій, и старается согласовать между собою противоборствующія дѣйствія матеріи движущейся и матеріи неподвижной, изъ коихъ состоятъ всѣ предметы вещественнаго міра. Но Палата стиховъ и прозы не можетъ никакъ управиться съ Журналистами Южной Столицы, у коихъ всѣ матеріи такъ перемѣшаны, что опть сего вскорѣ воспослѣдуетъ совершенный хаосъ въ головахъ ихъ чинашелей. Журналистъ *Чунъ-пхун-жуй-са-юань-гунъ-ши-дзы*, напечаталъ на Журналиста *Гай-санъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли* жестокую кришку, въ кошорой доказываетъ, что сей послѣдній ничего не знаетъ, ничего хорошаго не сочинилъ и потому не имѣетъ никакого права на довѣріе чинашелей къ стран-

(*) *Ды-ду-сіо-джинь* есть главный чиновникъ по ученой части въ областяхъ Китайской Имперіи, въ коей имѣются двѣ столицы, ш. е. *Пе-кинъ*, или Сѣверная столица, и *Нан-кинъ*, или Южная столица.
Ирмил. Сог.

ныя мнѣнія , провозглашеннымъ ошъ него въ издаваемомъ имъ Журналѣ. Журналистъ *Гай-гань-тунь-пхинь-хой-бу-бо-ли* есть , какъ извѣстно , мандаринъ шретьей степени и членъ *Хань-линя* , ученаго сословія Южной Столицы Небесной Имперіи. Обидясь сими смѣлыми замѣчаніями Журналиста *Чунь-пхунь-жуй-га-юань-гунь-ши-дзы* , Журналистъ-мандаринъ *Гай-гань-тунь-пхинь-хой-бу-бо-ли* внесъ въ собраніе *Хань-линя* жалобу на дерзость своего противника , и въ доказательство шого , что онъ все знаетъ и имѣеть неоспоримое право на довѣріе публики къ его мнѣніямъ , представилъ собранію золотой шарикъ своей мандаринской шляпы , четыре жалованныя ему павлиньи пера и двѣнадцать большихъ пуговиць съ изображеніемъ дракона. Кто осмѣлится противорѣчить столь яснымъ доказательствамъ ума мандаринова ? Собраніе *Хань-линя* заключило единогласно , что золотой шарикъ , украшающій верхушку остроконечной шляпы почтеннаго *Гай-гань-тунь-пхинь-хой-бу-бо-ли* , его павлиньи перья и большія вызолоченныя пуговицы совершенно удостовѣряють , что онъ все знаетъ , имѣеть право судить обо всемъ , какъ ему угодно , и всѣ обязаны безпрекословно вѣрять ученымъ его приговорамъ ; что слѣдовательно противникъ его *Чунь-пхунь-жуй-га-юань-гунь-ши-дзы* , обидѣвъ сими укѣризнами личную честь мандарина и достоинство его золотыхъ шариковъ , павлиньихъ перьевъ и большихъ позолоченныхъ пуговиць , нарушилъ шѣмъ самыя правила пяти добродѣтелей , шести обязанностей и семи приличій , и , по законамъ Не-

бесной Имперіи, заслуживаешь наказаніе 80 ударами бамбуса по пятамъ. Въ сѣдствіе сего собраніе Хань-миня шребуешь отъ Палаты стиховъ и прозы, чтобы она приняла мѣры къ наказанію дерзнувшихъ утверждать передъ лицомъ всей Небесной Имперіи, что можно бытъ невѣждою, нося золошой шарикъ на шляпѣ, павлиньи перья за ухомъ, и пуговицы съ изображеніемъ дракона, на кафтанѣ. И дѣйствительно, это заслуживаетъ наказаніе. Палата стиховъ и прозы признаетъ мнѣніе собранія Хань-миня, достойнымъ уваженія; ибо говоришь, что золошой шарикъ на остроконечной шляпѣ не означаетъ ума, противно ненарушимымъ законамъ вещественнаго міра и дѣйствію двухъ машерій, движущейся и неподвижной. Но Сян-гунъ, одинъ изъ засѣдашелей лѣвой стороны сей Палаты, полагаешь, что мнѣніе ученаго собранія Хань-миня неосновательно, и что можно бытъ набитымъ невѣждою, нося золошые шарики, не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ двадцати пальцевъ, имѣя сверхъ того все тѣло покрытое павлиньими перьями. Это совершенно непонятно! Далѣе Сян-гунъ изъясляешь, что мудрое правленіе Дао-Гуанъ, начертавъ благоразумныя правила для Палаты стиховъ и прозы, имѣло только въ виду удержанъ писателей въ предѣлахъ осторожности, и ошнудъ не дало сей Палатѣ права порабощать свободу мыслей; напрошивъ того, споспѣшествуя потребностямъ просвѣщенія и вѣка, оно стараешься сими правилами способствовать успѣхамъ разума, и же-

лая совѣщаваться съ общесивеннымъ мнѣніемъ и съ мыслящими писателями, само вызываетъ ихъ разсуждать о предметахъ, относящихся къ просвѣщенію и торговлѣ, о сочиненіяхъ издаваемыхъ ошъ мзвенныхъ мѣстѣ, и слѣдственно писанныхъ мандаринами съ золотыми шариками и съ павлиньими перьями, и проч. и проч.—Теперь неизвѣстно, что дѣлать? Подлинно, трудно рѣшить сей столь важный вопросъ. Почему Палаша стиховъ и прозы Южной Столицы, по правиламъ семи приличій, семь разъ нижайше покланяясь въ стихахъ и въ прозѣ предъ высокостепенною Палашою Церемоній Сверхной Столицы, испрашиваетъ рѣшенія ея въ семь дѣлъ. Сверхъ сего, замѣчая, что Журналисты Кишайскіе, въ издаваемыхъ ими сочиненіяхъ, ругаютъ другъ друга безъ церемоній, покорнѣе проситъ высокостепенную Палашу Церемоній предписать на будущее время правила, основываясь на томъ, можно было-бы въ извѣстныхъ случаяхъ остановить сію журнальную брань, столь бесполезную для Словесности, и противную духу десяти тысячъ церемоній, яскони существующихъ въ Небесной Имперіи. Палаша Церемоній, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вышензложенныхъ обстоятельствъ, опредѣлила ошвѣчать Палашѣ стиховъ и прозы Южной Столицы, что она совершенно согласна съ мнѣніемъ засѣдашеля лѣвой стороны Сянгуна, и что въ замѣчаніяхъ Журналиста Чуньхуа-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы, на Журналиста-мандаarina Гай-ганъ-тунъ-пхин-хой-бу-бо-ли, относящихся единственно къ его лшперашурнымъ

занятіямъ, оно не усматриваетъ ничего оскорбительнаго, какъ для личной его чести, такъ и для его шариковъ, перьевъ и пуговицъ; что же касается до жестокой брани некоторыхъ Китайскихъ Журналистовъ, то разделяя съ Палатою стиховъ и прозы желаніе, чтобы вообще лишешурная полемика приняла въ Небесной Имперіи тонъ приличнѣйшій и благороднѣйшій, Палата Церемоній, не находя въ законахъ никакого воспрещенія Журналистамъ говорить взаимно себѣ грубости и колкости, полагаетъ, что исправленіе сего недостатка надобно предоставить успѣхамъ просвѣщенія и общему вкусу публики; если же нынѣшняя Китайская публика столь мало имѣетъ онаго, что покупаетъ подобныя ругательства и брани, то пускай и читаетъ оныя. Почитайте сіе.»

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Au spectacle de la Cour, une dame avait un *chapeau Cardinal* en velours cerise, orné de sept plumes blanches, dont cinq en dessus et deux en dessous. Sur le chapeau d'une autre dame était un bouquet de plumes d'autruche bleues, comme sa robe.

Les coiffures ornées de fleurs, quoique fort élevées, paraissaient basses auprès de celles qui étaient surmontées de plumes. Les fleurs n'étaient point éparses; mais disposées en cordon, en guirlande.

Les robes si décolletées que beaucoup de femmes avaient les épaules presque entièrement en dehors de leur robe: la mantille de blonde diminuait cette nudité.

Avec une robe bleue, des plumes bleues; avec une robe rose, des plumes couleur de rose; plus généralement, des plumes blanches, même avec des robes bleues, couleur de rose, cerise, etc.

Les petites manches de Cour les plus nouvelles étaient en *béret*, à gros tuyaux ou plis comme brisés dans leur milieu, de manière à monter vers l'épaule et à descendre vers le poignet.

(*) До 5 Марша (н. с.) 1829 года.

Le dernier concert du Wauxhall n'était pas le plus remarquable, sous le rapport du chant surtout.

Toilettes dans la salle :

Le rose vif, en coiffures surtout, dominait à tel point que d'abord les yeux ne se reposaient que sur cette couleur.

Mad. T. avait une robe de velours noir, et un boa en ventre de marabout; un chapeau de crêpe-crêpé blanc, orné d'un saule blanc, et de blonde blanche, tandis que la robe était garnie de blonde noire.

Des robes moins habillées, en vert de toutes les nuances, en bleu, en gris, avaient une poche, à droite. Cette poche dans laquelle une élégante met la main de tems à autre, semble être de rigueur pour les robes qui ne sont pas de grande toilette.

Manches à *la mamsluck*, avec croissant froncé à mille plis au bas de l'épaule.

Dans les bals de la Cour on a vu des robes et des colerettes garnies d'une sorte de blonde, appelée *blonde-gaze*, qui est travaillée au métier de Cachemire.

Le grand genre, au concert et au bal, quand une dame ne danse pas, est d'avoir une robe de gourgouran blanc broché à fleurs blanc sur blanc, ou bleue à fleurs de diverses nuances, disposées en colonnes. Ces robes ont un corsage drapé et des manches courtes.

On citera longtemps, pour la quantité de plumes et de pier-
veries, les toilettes qui garnissaient, le 23 février, la salle de
l'Opéra.

Plusieurs dames avaient sur le milieu du front, une plaque
gothique en pierres de couleur, et, dans les cheveux, un
oiseau de paradis ou un héron.

La plus riche de toutes les coiffures, était sans contredit
la suivante: Peigne à triple rang de brillans, deux papillons
en diamans, enfin chatons en diamans, formant bandeau, et
faisant, en outre, deux fois le tour d'une natte de cheveux.

Une dame avait dans les cheveux deux flèches en or. La
fusée que ces flèches traversaient, était extrêmement haute.

Les chapeaux à l'espagnole, en velours, ne sont pas les
seuls dont le dessus de la forme soit plissé en coquille; on
plisse de la même façon les chapeaux habillés ordinaires.

Придворный спектакль. Въ одномъ изъ придвор-
ныхъ спектаклей замѣчены слѣдующія моды:

Кардинальская шляпка, изъ вишневаго бархата,
убранная семью бѣлыми перьями, изъ коихъ пять
вверху, два внизу шляпки.—На другой дамѣ была
шляпка съ букетомъ спроусовыхъ перьевъ голубаго
дѣла, подъ цвѣтъ плашья сей дамы.—Уборки го-
ловъ съ цвѣтами, хоша и весьма высоки, но все
кажутся низкими при уборкахъ съ перьями; цвѣты
не разбрасываются нынѣ по головѣ, но распола-
гаются цѣпями, и гирляндами.—Плашья дамскія
дѣлаются шакъ ошкрышы, что у многихъ дамъ

плеча совершенно обнажены, и только блондовая обшивка уменьшаетъ нагошу груди и спины. — Съ голубымъ плашьемъ и перья носяшь голубыя, съ розовымъ розовыя; но всего болѣе видно бѣлыхъ перьевъ, даже съ цвѣтными плашьями, голубыми розовыми, вишневыми, и ш. д. — Маленькіе рукавчики у плашьевъ придворныхъ, самые новые, дѣлающіяся *беретные*, огромными дудками, или складками, какъ будшо переломленными въ срединѣ, шакъ, что одна половина ихъ идеть къ плечу, другая къ локшю.

Концертъ въ Воксалѣ. Послѣдній воксальный концертъ былъ не замѣчашелень, особливо касашельно гѣнія.

Замѣтныя моды:

Яркій розовый цвѣтъ, особенно въ головныхъ уборкахъ, преимущесшвовалъ до шакой степени, что при первомъ взглядѣ, казалось, шолько и видишь эпошъ цвѣтъ въ дамскихъ нарядахъ.

Г-жа Т. была въ черномъ бархашномъ плашьѣ, съ боа изъ марабу; шляпка бѣлая, крепъ-креповая, украшенная бѣлою *ивою*, и бѣлыми блондами, хопш плашье и было убрано черными блондами.

Не споль нарядныя плашья, цвѣта зеленаго, всѣхъ опшѣнокоеъ, шакже голубаго, сѣраго, были съ карманами на правой сторонѣ. Такой карманъ, въ кошорый дама опшъ времени до времени кладеть руку, кажеться, входить въ моду, для всѣхъ плашьевъ не сосшавляющихъ большаго наряда.

Малелюжскіе рукава , съ полумѣсяцомъ , сложенныя въ множествѣ складокъ ниже плеча.

Модныя платья. На придворныхъ балахъ нѣкопоры изъ дамъ являлись въ плащяхъ и колерешкахъ , украшенныхъ особеннымъ родомъ блондъ , называемыхъ *блонды-газъ* , кошорыя шкуются на манеръ кашемировыхъ тканей.

Если дама не танцуетъ на балѣ , шо приличіа высшаго тона пребують , чшобы она одѣта была въ бѣлое гургурановое платье , съ бѣлыми цвѣтами , или голубое , съ цвѣтами разныхъ окрасокъ , расположенными въ колонны. Такія платья надѣваются и въ концершъ ; корсажъ у нихъ бываетъ драпированный и рукава короткіе.

Головные уборы. Долго будучъ говорить дамы о нарядахъ , замѣченныхъ въ Оперномъ спектаклѣ 23 Февраля ; щегольскія головныя уборы были многочисленны. Головной уборъ нѣкопорыхъ дамъ состоялъ въ слѣдующемъ : на срединѣ лба , Гошической формы бляха , изъ цвѣтныхъ дорогихъ камней , и съ райскою пшичкою , или цапкою , въ волосахъ.

Самая богатая уборка , безъ сомнѣнія , была слѣдующая : гребенка , съ тремя рядами брилльянтовъ , двѣ алмазныя бабочки , и наконецъ , алмазная нитка въ видѣ повязки , два раза обогнувшая плешушку волосовъ.

У одной дамы были на головѣ двѣ золотыя сшрѣлки ; пучъ волосовъ , сквозь кошорый онѣ проходили , ошлгался вышнююю.

Не однѣ *Испанскія* бархатныя шляпки дѣлаются со складками на верхней сторонѣ поля , въ видѣ

раковины; такимъ образомъ дѣлають шерсть жѣла у обыкновенныхъ нарядныхъ шляпокъ.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ

ДЛЯ

ЧИТАТЕЛЕЙ И ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ МОДЪ.

Вѣсти важныя и любопытныя! Какая надобность, что во Французской Палатѣ Депутатовъ начались споры о государственныхъ предметахъ; что Французы стали жаловаться на усиленіе отцеводства въ Россіи, и просятъ запрещенія ввоза Русской мериносовой шерсти: чиншпеди и чиншпельницы модъ, конечно пребудушъ *не такъ* вѣстей. Поговоримъ о Парижскихъ бездѣлахъ.

Недавно у Герцога Орлеанскаго данъ былъ великолѣпный балъ; гостей явилось болѣе 1200. Герцогиня Ангулемская пребыла на балѣ до 2-го часа по полуночи, а Герцогиня Беррійская возвратилась въ Тюльери въ 5 часовъ утра; шанцовали въ шрехъ залахъ. Наряды дамъ были великолѣпные и изящные; каковы-же были наряды, кошорые и въ этомъ блескѣ замѣчены? Вошъ два ошачивѣйшіе наряда:

1-й. Плашье изъ Норвичьскаго крепа, яркаго розоваго цвѣта; выше колѣнъ была у него рисованная гирлянда, представляющая дубовыя вѣтви, съ золотымъ шишемъ; къ этому дубовая гирлянда въ волосахъ: такая уборка головы называецца à la

двѣе (*); букетъ изъ дубовыхъ вѣтокъ на боку шляпы, вмѣстѣ букета цвѣтовъ; поясъ кружевной.

2-й. Платье изъ бѣлаго крепа, съ рисованною гирлядою выше коленъ, составленною изъ колокольчиковъ, пурпуровыхъ и оранжевыхъ съ золотомъ, и голубыхъ съ серебромъ, съ прибавленіемъ зеленыхъ листьевъ, вышитыхъ золотомъ. Гирлянды на головѣ и букетъ на груди также изъ колокольчиковъ.

Въ Венгерской кадрили, дамы были въ желтыхъ костюмахъ со шляпами, которыми были отъ извѣстныхъ промежуткахъ музыки.

Мужчины, большею частію, были въ синихъ и шелковыхъ фракахъ; въ жилетахъ шелковыхъ, яркихъ цвѣтовъ, съ золотомъ и серебромъ, въ огромныхъ бѣлыхъ галстукахъ, и—важное обстоятельство!—у многихъ, кончики рубашки не были выспаждены въ подъ-галстуха. Шляпы класки, шрехъ-угольные, съ спальнымъ вѣнкомъ.

Вошь новоспичи для охотниковъ до десерта. У Парижанъ вошло въ моду спавить на столъ арфы, у которыхъ низъ составляетъ померанцовое, а края миндальное печенье; спруны дѣлаются изъ жженого сахара. Далѣе: спавять на столъ сахарныя мѣльницы, и скрытый внутри ихъ механизмъ заставляешь колеса или крылья мѣльницъ вертѣть—

(*) Уборка Дриидъ. Друидъ, Друида: имена жрецовъ и жриць древней Галліи. Прилибаніе для дамъ.

ся; шары сахарныя, полупрозрачныя, у которыхъ внутри горитъ свѣчка, такъ, что если шаръ оранжевый, онъ кажется заходящимъ солнцемъ; голубой — полною луною; бѣлый — снѣжнымъ шаромъ; красный — клубомъ огня. — Фрукты подають нынѣ на огромныхъ виноградныхъ лѣсткахъ, которые дѣлаются изъ бумаги.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовое платье, убранное золотомъ; корсажъ драпированный; на груди булавка, съ пряжкой *Семье*.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

к ъ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ,

№ 5. Мартъ 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

ИСКУСТВА УКРАШАТЬ САДЫ.

Уже около пятидесяти лѣтъ прошло съ того времени, какъ явилась мода на живописные сады: нынѣ, только они и въ модѣ у Европейцевъ. Въ каждой странѣ еще сохраняются, правда, по привычкѣ, по уваженію къ стариннѣ и къ основателямъ, при, четыре королевскихъ сада, усироеанныхъ по прежнему вкусу, поддерживаемыхъ ихъ, и щадящихъ отъ разрушенія. Но сіи древніе свидѣтели времени манувшихъ не имѣютъ уже приверженцовъ: мы любимъ, мы разводимъ только Англійскіе парки, или, выражаясь повѣщаннымъ образомъ, живописные сады. Нынѣшній вкусъ нашъ въ садоводствѣ дошелъ до такой степени непереносимости, коңе-рой не найдемъ примѣровъ и въ Италіи и въ Испаніи. Мы позволимъ, если кому хочется, быть приверженцомъ старинной музыки; поз-

волею, если кому вздумается, предпочиташь Гольбеина и Перуджина, не только Давиду и Жироде, но Тициану и самому Рафаэлю; наконец, если кому угодно, шопъ можешь, безъ всякой оцѣнки на вкусъ свой, предпочиташь спаринные переплеты, спаринные мебели и Севрскій фарфоръ всему новому въ сихъ предметахъ. Но сохранишь сколько нибудь привязанности къ спариннымъ регулярнымъ садамъ, изъявишь объ нихъ, хошь малѣйшимъ словомъ, сожалѣніе, никто изъ насъ конечно не посмѣетъ и не подумаетъ. Согласимся впрочемъ, что сады чисто-симметрическіе, особливо сады Французскіе, съ весьма малыми исключеніями, шакъ были опранны, шакъ смѣшимъ даже, что объявили себя ихъ защитникомъ, значить показашь гораздо болѣе дурнаго вкуса, нежели смѣлоши. Поэтому, да не водумаютъ чинашели наши, что мы хошимъ заспунашья за спаринные сады, хошимъ удобриванъ оныхъ обратимъ къ икъ; итъ, ни далеки отъ желанія возстановить спаринные сады наши; но, присоединяясь къ приверженцамъ шоржествующаго икъ вкуса, мы хошимъ только, для пользы-же икъ садовъ нашихъ, разсмотрѣть забытое дѣло двухъ соперниковъ, и, можешь бышь, укажемъ на выгоды, какія икъ шакъ можешь заметить отъ прежняго, оставленнаго вѣки. Наша ршашья ешь пракшашь о разгранѣ

челн взаимныхъ владѣній, договоръ съ добрымъ намѣреніемъ придумываемый.

Послѣ каждаго волненія люди спускающъ шагъ впередъ: это равно справедливо въ испорчн садовъ, и въ испорчн чловѣчеспва. Такимъ образомъ, какъ ни самовольна, какъ ни насильственна была революція, низвергнувшая владку садовъ Ленопра, и провозгласившая пресвицею его, и едншпвенною законною владичцею садовъ, Природу, мы не хошимъ жаловаться на эту революцію. Она испровергла липовыя спѣны, грабиновыя вырѣзки, буксовыя фигуры; она избавила ошъ шпранской власшн серца и ножицъ всѣ несчастныя деревья, которыя обрѣзывали, коверкали, снригли разано шри въ годъ: она возвратила имъ свободное расположеніе ихъ въшвей, лисповъ, формъ естеспвенныхъ и надлежащихъ; безспорно, это все ея благодѣянія; но для чего всегда, копавши однажды на дорогу нововведеній, людемъ шакъ шрудно оспановинься къшаци и во время? Для чего не можемъ мы измѣнншь даже какой нибудь бездѣлицы безъ шого, чтобы не хошлось намъ измѣнншь все совершенно; для чего осуждены мы всегда впадать изъ одной крайности въ другую? Основаніе старой системы было *архитектурное*; основаніе новой сдѣлалось исключительно *живописное*. Прежде, одной Архшпекшуръ ошданы были, какъ ея

собешвенность, при основныя спихи садовъ: земля, вода, деревья, и она располагала ими по своей волѣ, обходила съ ними, какъ съ камнями, заставляла ихъ уравниваться, шеть, роспи по неумолимой симметрии и линиямъ. Все это ушомило насъ; прекрасно! Мы возсшали, мы освободились; но для чего-же? Чтобы подпашь власти другаго деспота, еще болве Зодчества прихотливаго и самовластнаго. Ландшафтная живопись располагаетъ теперь у насъ каждымъ деревцомъ; каждою струйкою воды, каждымъ клочкомъ зелени. Мы рабы ландшафтовъ; мы не смѣемъ подумашь ошступити ошъ законовъ ландшафтности, и если прѣжде сады наши были *архитектурныя перспективы*, теперь они *подавльные ландшафты*. И никшо не вспомнитъ о бѣдной Архитекшурѣ: она изгнана; о возвращеніи ея никшо не думаетъ позаботитиься на будущее время, никшо не помылитъ о примиреніи и соглашеніи! Мы увѣрены, что настало время подумашь о несправедливости нашей. Нынѣ, когда *эклектизмъ* (п. е. соединеніе и соглашеніе различныхъ мѣній) въ такой модѣ, за чѣмъ не попытатъсь бытъ эклекшиками и въ садахъ? Не ужели въ садахъ нашихъ нѣтъ уже мѣстечка, на кошоромъ-бы, не нарушая законовъ Живописи, не оскорбляя друзей природы, Архитектура могла усладитиь наше зрѣ-

не своими правильными размѣрами, своими величественными дѣйствіями (effets grandioses), своею поэзіею? Кажется, ничего не можешь быть легче, и это, постараясь мы показать здѣсь. Можешь быть чипанелемъ наши согласился, что не подвергая линейкѣ и циркулю деревья, расчѣнія и луга, не надобно также и объявлять рѣшительной войны камню и мрамору; что террасы, сѣзны, опкосы (garnes) и бадюспрады могутъ соединяться съ вольнымъ произрастаніемъ и неправильнымъ насажденіемъ; что изъ соединенія противоположностей должны явиться сильныя дѣйствія, и что, можешь быть, тогда только избавятся сады наши отъ прозаическаго единообразія, сдѣлающагося нынѣ неизбежнымъ недосщащкомъ нашей системы живописныхъ садовъ.

Мы сказали, что еще не прошло и полувѣка тому, какъ Архитектура лишена во Франціи своего владычества надъ садами; въ Англіи такая перемѣна совершилась лѣтъ пятьдесятъ прежде. Если спросить о правахъ Архитектуры у Исторіи, то, конечно, давность утвердишь сіи права неоспоримыми, и можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ существуешь сады въ мірѣ, законы Архитектуры всегда первенствовали при ихъ устройствѣ. Изъ этого исключимъ мы развѣ одинъ только Эдемъ. Эдемъ былъ, конечно, первый въ мірѣ

садъ: и какъ рады этому наши охотники до живописныхъ садовъ! Они ссылаются на Эдемъ, какъ на спарую грамапу ихъ первенства: шамъ, говорятъ они, началась система нашихъ садовъ. Но развѣ Эдемъ былъ неправильный садъ? Вѣроятно, хошя и нѣтъ доказательствъ. Впрочемъ, мнѣ случилось видѣть спарую Голландскую картину, на кошорой древо познанія добра и зла изображено было на прелестной террасѣ, окруженное спириженными аллеями. Правда, Мильшонъ и здравый смыслъ спавяшъ его совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; но кпо-же мени увѣришъ, если аллеи Эдема не были прямы и обсприжены, что онѣ были круглыя, угловатыя? Скорѣе соглашусь, что въ Эдемѣ совсѣмъ не было аллей, или, говоря поже иначе, Эдемъ былъ не садъ, пакъ, какъ и Туренъ не садъ, хошя и зовушъ его садомъ Франции. Словомъ: Эдемъ не рѣшасъ преимуществъ ни шого ни другаго рода садовъ.

Тоже скажемъ ми и о Гесперидскихъ садахъ, хошя и еспъ кой-какія доказательства, по кошорымъ можно предположишъ ихъ нѣсколько неправильными. Во первыхъ: шамъ были померанцы; слѣдовательно, не всѣ деревья были шамъ обсприжены на манеръ пирамидъ и шаровъ; во вторыхъ, всѣ поэмы увѣряюшъ, что Гесперидскіе сады были живописные. Но вѣришъ ли поэмамъ? Мало-ли въ чемъ они увѣ-

ряишь , а дѣло о садахъ Гесперидскихъ презанушанное , и если скажешь , что Геспериды были *среднимъ садомъ* , между правильными и неправильными , мы охотно согласимся .

Но когда явилось въ мѣрѣ Искусство , когда однажды начало оно создавашь спагнунъ , портики , колонады , то оно вмѣшалось и въ устройство садовъ , и шуть всё сомнѣнн въ сторону . Друзья природы и неправильности садовъ говори , что имъ угодно : имъ указываешь на сады Семирамиды , а съ ними прудно будешь уладить живописный садамъ . Не входимъ въ ученое изслѣдованіе о славныхъ садахъ Вавилонскихъ : были-ль они дѣйствительно возвышены на воздухъ , какъ орлиные гнѣзда ? или они были только цвѣточными корзинами (jardinières) , поддерживаемыя шмелчью колоннъ ? Скорѣе , не были-ль они просто нѣсколько-этажными террасами , поставленныя одна на другую , какъ Изола-Белльскія на озерѣ Маджіорскомъ ? Не смѣемъ ничего рѣшишь ; но , какъ-бы то ни было , утверждаемъ , что въ садахъ Семирамиды , все дѣлала Архитектура : это очевидно .

Если съ Воспока , мы завернемъ въ Грецію , оняшь порядокъ и согласіе являющся намъ первымъ закономъ въ искусствѣ украшенія садовъ . Начиная съ полей Алкяноя до садовъ Эпикура , съ философическихъ сѣней Академіи , до восхитительныхъ боскетовъ Фринен , въ Греціи

все подчинено было правилам вѣчной красоты, изящнымъ размѣрамъ, которые Каллимахъ, Скописъ, и ихъ сподвижники, открыли и утвердили. Не забудемъ, что Греки, обладавшие изысканнымъ вкусомъ приличія и вкусомъ, никогда не рѣзали своихъ прекрасныхъ деревьевъ, чтобы образовывать изъ нихъ арки и сѣтви: у нихъ не найдешь ни цикакого слѣда несносной распушелою Архипекшурой (*végétale*), если можно такъ выразиться. Яворы Академиды осыпали храмъ Музъ, и брызжущіе у корней своихъ фонтаны, вѣвшими соловьями свободными, сколь они были величественны.

Напротивъ, Римляне, у которыхъ холодный основательный умъ никогда не умѣлъ нижно и со вкусомъ переводить къ себѣ созданія Грековъ, Римляне, подражавшіе великимъ швореніямъ Греція только для того, чтобы сдѣлать ихъ тяжелыми и увеличенными, обезобразили изящное расположеніе Греческихъ садовъ множествомъ межящихъ украшеній, и между прочимъ спржеженными, изваянными кустарниками. Читайше мѣлочное описаніе, какое оставилъ намъ Плиній о своемъ любимомъ садѣ: вы не войдете въ аллею сада его безъ того, чтобы на право и на лѣво не было у васъ прямыхъ сѣтенокъ кустарника, гладко обрубленнаго, чисто обчесаннаго, чтобы не встрѣтились вамъ фениксы, грифоны, и другія живописныя, раз-

сравненные спорожами отъ одного мѣста до другаго: вы точно будете, какъ будто перенесены въ какой нибудь Элиадъ госпожи, Помпадуръ. Правда, что во времена Плинія искусства мало по малу шли уже къ упадку. Уже близилось время, когда безобразная масса двора въ Спалатро должна была явиться совершенное забвеніе Греческихъ формъ, когда возстановля храмъ снесли колонны его внизъ верхомъ. Можемъ полагать, что сады Лукулла и Сенеки присоединяли, безъ сомнѣнія, къ изыскаству Плиніева сада, украшенія болѣе прекрасныя, болѣе достойныя Грековъ.

Переносясь теперь въ средніе вѣки, найдемъ-ли мы симметрическія формы изгнанными изъ садовъ? Воспоминаніе Германскихъ лѣсовъ внушало-ль нашимъ предкамъ вкусъ къ извивистымъ дорожкамъ, къ уравниваніямъ земли прямыми и неправильными? Нѣтъ; посмотрите въ старыхъ замкахъ на полосу земли, воздѣланную мощными руками рабовъ, и сшѣсенную между пологими спѣнами, прикрытыми огромными бастіонами, и зубчатыми хорами, съ узкими угловатыми окнами: шупъ, въ правильныхъ квадратахъ росли огородные овощи, кое-какіе фрукты, и нѣсколько грубыхъ цвѣтовъ: вошь садъ среднихъ вѣковъ! По волѣ или по неволѣ, аллеи такихъ садовъ были прямыя, ибо онѣ шли по пропаянному рвовъ; вѣрно не было

шурь живописныхъ видовъ и самыхъ украшеній было очень мало: развѣ, далеко одна отъ другой, подъ стѣною спѣвнъ и башенонъ, шорчали бесѣдки. Много вѣковъ прошло, пока искусство садоводства освободилось изъ сей нѣсной шурьи. Наконецъ, нравы смягчились: не всякій уже казался другому врагомъ; не всякій домъ, по необходимости, дѣлался крепостью. Подкрѣпленные своими вассалами, покровительствуемые сильными союзниками, владышители замковъ осмѣлились пробишь свои стѣны, и—вошь открылось имъ сообщеніе съ сосѣднимъ полемъ; вскорѣ это поле обрабатывали, загородили, превратили въ лугъ. Тупъ еще не все: замѣнили, что ближній лѣсъ облюбуешь дичью, которая составляетъ завидное лакомство; надобно было сберечь этошь лѣсъ отъ воровъ дичины, и—палисады окружили лѣсъ. Вошь начало парковъ; паркъ соединился съ лугомъ, лугъ съ замкомъ. Такова испорія почвы всѣхъ увеселительныхъ домовъ XVI вѣка.

Подобныя соединенія замковъ съ лугами и парками, какъ мы видимъ, были рѣшительно дѣло случая: планы садовъ составлены были первоначально обшпательскими; но вскорѣ такіе планы сдѣлались закономъ вкуса. По естественному дѣйствию подражанія (чему есть много примѣровъ), владышители замковъ,

успроивавшіе для себя вновь сады, нарочно принимали въ образецъ старыя сады, упрощенныя постепенно и безъ предварительнаго плана. Сдѣлалось обычаемъ: между лѣсомъ и замкомъ, ш. е. между областью Природы и Архитектуры, непременно оставялась часовня вросшійся средняго, гдѣ Архитектура сохраняла еще часть своихъ нравъ, а Природа начинала, такъ сказать, исполнять свои права. Украшались это посредствующее мѣсто кустами, цвѣтами, и другими естественными уборами, но въ позже время обрисовывались ихъ очерки балюстрадами, красиво изваянными, раздѣляясь на этажи неровности земли, помощію террасъ и сѣздовъ: шакое было обычай вѣка возрожденія искусствъ и вкуса. Украшенные луга, или почешные дворы (Cours d'honneur) были, и предверіемъ лѣса, и продолженіемъ замка. Это было средство сблизить, соединить, слисть воедино, нечувствительною постепенностью, два рода мѣстоположеній, которыя нынѣ представляются намъ непріятными несогласными. Такимъ образомъ, искусство садоводства, едва начинаясь, рѣшило уже задачу трудную, и касалось своего совершенствованія, ибо оно вступило, безъ сомнѣнія, на самую широкую дорогу — дорогу *эклетики*, съ кощорой, къ сожалѣнію, не замедлило сблизиться. Оно начинало очерчивать для себя средства,

производныя впечатлѣнія (ses moyens d'effet) въ истинномъ источникѣ, то есть, въ противоположностяхъ Искусства съ Природою, и въ томъ счастливомъ смѣшеніи Идеальнаго съ Дѣйствительнымъ, безъ косяго нѣтъ истинно-Изящнаго.

Шанзили, Ане, Экуанъ, Шанонсо, и множество другихъ дворцовъ и увеселительныхъ домовъ во Франціи, были устроены по симъ началамъ, и долго свидѣтельствовали превосходство ихъ. Одинъ Шанонсо пережилъ другіе: извѣстно, что это, можешь бышь, единственный замокъ во Франціи, въ которомъ донинѣ сохранились старинная меблировка и первобытныя украшенія, единственный, который не изуродовала революція своею гибельною рукою. Шанонсо есть Помпей XVI вѣка: мебели, рѣзба, обои, соблюдены въ немъ такъ рачительно, все находится съ такою точностью на своемъ спаромъ мѣстѣ, что Генрихъ II, и любовница его даже, если-бы могли придти въ прежнее свое убѣжище, съ трудомъ нашли-бы какую нибудь переиству. Къ несчастію, сады Шанонсоскіе не были такъ уважены, какъ внутренность замка; впрочемъ, они никогда и не были устроены въ большомъ размѣрѣ. Однакожь, окружность замка сбережена хорошо, и для насъ это весьма важно. Сихъ остатковъ достаточно, дабы дать намъ живое понятіе о смѣшенномъ родѣ

садовъ , поперю коего ни выше сего оцѣни-
вали : можно понять здѣсь , какъ выше были
эпохъ смѣщенный родъ двухъ исключитель-
ныхъ родовъ , за нимъ послѣдовавшихъ ; какъ
была прелестна , важна , и истинно художе-
ственна смѣсь богатствъ архитектурныхъ ,
съ свободною , оспавленною самою себѣ , живо-
писною расширительностію .

Но , намъ должно оставить Францію , если
ни хотимъ перенестись въ золотой вѣкъ са-
довъ . Шапонео , Ане , Экуанъ , Шаншильи были
дитскія игрушки , въ сравненіи съ чудесами ,
какія являлись тогда въ Испаніи : намъ должно
искать опчизны изящныхъ садовъ , также какъ
и изящной Живописи . Испанійская природа сама
по себѣ представляешь такую высокую степь ,
столько благородства , столько чистоты въ
формахъ ; предметы группируются и дѣлятся
намъ такъ хорошо линіями и эшажами , что
почти безъ принужденія природы весьма легко
подводимъ ихъ къ архитектурнымъ пропорці-
ямъ . Генію художниковъ немного надобно было
сдѣлать , дабы найдши искусный переходъ отъ
правильнаго къ живописному . Посмотрите въ
знаменитыхъ Римскихъ *виллахъ* , особенно
въ виллѣ Панфили , въ виллѣ Альдобрандини ,
съ какимъ волшебнымъ искусствомъ , по вѣ-
ршю , какъ вы удалешишь отъ жилищъ , архи-
тектурная симметрия и строгость линій

уменьшается, выглаживается, шершавится въ неправильныхъ формахъ ландшафта. Вы не заперны въ шпурнѣ зелени; вы не вдругъ брошены въ шакъ называемую, *совершенною деревню* (pleine campagne), которая не представляетъ ни формъ, ни стилей, ни характера; напротивъ: Природа у васъ въ перспективѣ, а Искусство у ногъ вашихъ, и вокругъ васъ, какъ великолѣпная рама картины. Не утверждаемъ, чтобы въ сихъ удивительныхъ садахъ не лзя было сыскать ни какихъ папенъ на чистомъ вкусѣ. У Итальянцовъ есть пороки, безобразіе не только ихъ Вазаніе и Архитектуру, но даже костюмы жипелей, поэзію ихъ, и самые релігіозные обряды. Таковы: спрасъ къ нравѣсамъ, роскошь на шипѣ, излишекъ украшеній въ часняхъ. Но въ идеѣ главной, въ соединеніи часней, расположеніи, уравненіи маесъ, сады Итальянскіе выдержаютъ критику самую холодную, самую разсудительную, и могутъ почестись неподражаемыми образцами. Что же дѣлаешь ихъ особеннымъ предметомъ нашего удивленія? Это чувство ими внушаемое, свободное чувство Изыскаго, а не шопъ амродокъ чувствъ, который мы называемъ впечатлѣніемъ сельской природы. Впечатлѣнія сельской природы хороши, очень хороши; но въ полѣ, а не шогда, какъ мы гуляемъ въ загородкѣ, ошъ кошптрой ключъ у насъ въ кармакѣ, просшранство кошп-

рой вытѣрано нѣжными щетами. Не лучше ли бы-
дуть здѣсь огромныя, гармоническія формы, ве-
ликое разнїе силъ, и такое широкое уми-
вадѣ вещешвенностию, словомъ : все это, что
пишашь, возбуждаешъ чувство Иащнаго?

Таково было, въ концѣ XVI и въ началѣ
XVII вѣка, состояніе искусства украшашь са-
ды: Италїя показала великіе образцы, а Фран-
ція, хотя издали, слѣдовала по слѣдамъ ея.
Вдругъ родился въ Парижѣ человекъ, должен-
ствовавшій все ниспровергнуть. Онъ былъ ода-
ренъ великимъ геніемъ; но два чувства были
у него господствующими: спросъ къ геоме-
трической правильности, и презрѣніе къ кра-
сотамъ живописнымъ. Въ рукахъ шакого чело-
вѣка, чѣмъ сдѣлался погдашній эклекцизмъ?
Ничпожностью; пресѣклась всякая возможная
связь между Искусствомъ и Природою: Иску-
ство все покишило. Геній Ленопра, въ иску-
ствѣ украшашь сады чувствовалъ шакую-же
потребность единства, какую ощущалъ пове-
лишель его въ государшвенномъ правленїи.
Должно бышъ одно начало; все прочее ешъ
его послѣдствїя: шаково было основное правило
Ленопра. Посмоприше-же, что онъ дѣлалъ
съ бѣдною Природою. Онъ разпоргалъ всякое
сообщенїе между ею и садами, оставлялъ Приро-
ду за садовою рѣшеткою, и запирая зелень ме-
ду чешырьма стѣнами, гордо принимался вы-

шагиванъ свои линии, подчиняя все своему циркулю, все, до послѣдняго лисночка. Изъ такой системы, какъ изъ всего исключительнаго, казалось-бы ничего не могло произойти другаго, кромѣ несноснаго единообразія. Таковъ однакожъ былъ гений художника, что изъ среди сего однообразія, онъ умѣлъ извлекать самыя огромныя, самыя величественныя дѣйствія.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°)

Къ сему N° Прибавленія приложено изображение
Парижской драпировки оконъ, въ Турецкомъ искусствѣ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ СТАТЬѢ: 1828й годъ, въ отношеніи къ Народному Просвѣщенію въ Россіи.

Взглядъ мой на 1828 годъ въ отношеніи къ поспешенному образованію Россіи уже находился въ Москвѣ, когда здѣсь, въ Симферополь, получили первыя удовлетворительныя свѣдѣнія о слѣдующихъ двухъ предметахъ, вновь и въ полной мѣрѣ свидѣтельствующихъ о благошворной полезности Правительсва по части наукъ и распространенія полезныхъ знаній, отъ черноговъ Царскихъ до смиренной хижини вѣроподданнаго крестьянина, и въ полной же мѣрѣ пребывающихъ отъ насъ чистосердечной признательности и готовности всѣми силами содѣйствовать къ достиженію человеколюбивыхъ намѣреній Высшаго Начальсва.

Первый изъ сихъ предметовъ есть *Уставъ Гимназій и училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Университетовъ: С. Петербургскаго, Мо-*

Мартъ 1829.

8

сковскаго, Казанскаго и Харьковскаго, копорый Высочайше утверждень 8 Дек. минувшаго 1828 года.

Оставляя безъ особеннаго вниманія измѣненіе въ учебныхъ предметахъ Гимназій и другихъ нисшихъ училищъ, послѣдовавшее по распоряженію Главнаго Правленія училищъ въ Маршѣ мѣсяцѣ 1849 года (1), сличимъ, хошя мелькомъ, сей новыи Уставъ съ Уставомъ, свободно-же рукою начертаннымъ и Высочайше утвержденнымъ 5 Ноября 1804 года (2).

Въ отношеніи къ предметамъ ученія замѣчаемъ, что въ Гимназіяхъ нынѣ пропавъ прежняго, по избытку въ числѣ сихъ предметовъ, опущены: *Философія, Изящныя науки и Политическая Экономія* (3), такъ-

(1) См. Журн. Департ. Народн. Просв. ч. 1, с. 311 и д.

(2) См. въ Періодич. Сочин. о успѣхахъ Народн. Просв. N. VIII, с. 6—78. *Уставъ учебныхъ заведеній, подведенныхъ Университетамъ.*

(3) *Логикѣ* (слѣдственно и начальныя основанія *Психологіи*, безъ коеи нѣтъ *Логикѣ*) преподаетъ учитель Россійской Грамматикѣ и Словесности. *Всобщая же Грамматика, Нравоученіе, Эстетика и Права Естественное и Народное*, такъ-же какъ и *Политическая Экономія*, по справедливости предоставлены Университетамъ.

же *Естественная Исторія* (1) и *начальныя основанія наукъ относящихся до Торговли и Технологіи*, вышего чего усилено ученіе *Латинскому языку*, а опчасши и *Греческому* (въ Гимназіяхъ С. Пешербургской, Московской, Казанской, Слободско-Украинской и Кіевской).

Въ Уѣздныхъ училищахъ изъ числа предметовъ ученія исключены: *Должности Чоловѣка и Гражданина* и *Начальныя правила Технологіи*, съ тѣмъ однако-же, что дозволяется открывать дополнителные курсы для обученія тѣмъ наукамъ, коихъ знаніе наиболее способствуеетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ прудахъ промышленности (2). Прибавлено въ Уѣздныхъ училищахъ преподаваніе *Церковной Исторіи*.

Въ Приходскихъ училищахъ уже не предписывается читать книгу: «*Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣчес-*

(1) Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе о Природѣ и главныхъ ея царствахъ и свойствахъ долженъ будешь дать ученикамъ своимъ пошъ, кто будешь преподавать имъ *Физику*.

(2) Сии дополнителные курсы могутъ относиться преимущественно до познанія *Сидопроизводства, Коммерческихъ наукъ, основаній Механики, Сельскаго Хозяйства и Садоводства*.

«каго тѣла и вообще о средствахъ къ «предохраненію здоровья;» но введено чтеніе по рукописямъ и преподаваніе Священной Истории (1).

Дѣвицамъ дозволяешся обучашся вмѣстѣ съ мальчиками полько въ Приходскихъ училищахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и по поком до одиннадцати-лѣшняго возраста (2).

Способъ взаимнаго обученія дѣлаешся нынѣ главнымъ въ высшихъ училищахъ, а въ Уѣздныхъ училищахъ, гдѣ въ совокупности, ш. е. въ одномъ классѣ, должны бы учились

(1) Слѣдственно и Древней Географіи (?), какъ необходимаго для оной пособія.

(2) Нельзя не вспомнить здѣсь о умилительныхъ словахъ Высочайшаго Плаката отъ 17 Маія 1828 года, касательно назначенія дня моленія (Klage Tag) въ В. К. Финляндскомъ, по случаю кончины Е. В. Императрицы Маріи Теодоровны. Въ ономъ въ полной мѣрѣ признана была важность первоначальнаго домашняго воспитанія и безпредѣльнаго вліянія просвѣд-¹щенныхъ матерей на всю будущую жизнь дѣшей своихъ. Отъ нихъ преимущественно зависить учась какъ дочерей, пакъ и сыновей, а съ сими и самыхъ государствъ, и доколѣ, гдѣ бы по ни было, дѣти не имѣють еще образованныхъ родителницъ, дополѣ нельзя ожидать основательныхъ и прочныхъ успѣховъ просвѣщенія. См. St. Petersburgische Zeitung 1828, №. 99, S. 1232.

болѣе 40 учениковъ, классъ сей дѣлился на разряды.

Гимназіи, вмѣсто 4хъ классовъ, дѣлился на 7, и учителей при нихъ, вмѣсто 8ми, положено имѣть 11, а тамъ, гдѣ преподается и Греческій языкъ, шаковыхъ будешь 12. По велику же первыи при класса Гимназіи равняющіяся прѣмъ классамъ Уѣздныхъ училищъ (и даже въ отношеніи къ предметамъ ученія нѣсколько превышающъ оныи), по и явствуетъ, что оныи число Уѣздныхъ училищъ вдругъ умножается 48-ю новыми, и что въ каждомъ губернскомъ городѣ нынѣ шаковыхъ училищъ будешь два, вмѣсто одного.

Въ Уѣздныхъ училищахъ курсъ ученія, вмѣсто *двухъ* лѣтъ, будешь продолжаться *три* года, и вмѣсто 2хъ или 3хъ учителей, положено шунъ имѣть шаковыхъ не менѣе 5ши.

О преподаваніи *Словенскаго языка* хотя и не упомянушо въ числѣ предметовъ Гимназическаго ученія, но оно разумѣется само по себѣ, ибо неминуемо должно бытъ связано съ преподаваніемъ теоріи Россійскаго языка и его Словесности (1).

(1) О томъ, что въ Университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принята будешь въ Руководство Словенская Грамматика пок. Аббата Добровскаго, см. Моск. Вѣстн. 1828, N 23, с. 366 и 367.

Для *Нѣмецкаго языка* въ Гимназіяхъ назначено болѣе часовъ нежели для *Французскаго*, что и весьма естественнo. Изъ господствующихъ въ Европѣ языковъ Словенскаго, Латынскаго и Нѣмецкаго племени, каждый разрядъ и безъ того уже нынѣ въ училищахъ нашихъ имѣеть одного представителя. Къ тому же замѣтивъ должно и то еще, что преподаваніе Французскаго языка въ казенныхъ училищахъ сдѣлалось общимъ, кажесть, помянуто съ 1804 года, ибо Государыня Екатерина II, при разсмотрѣніи составленнаго Яковичемъ-де-Миріево и представленномъ Коммиссіею объ учрежденіи училищъ предположеніи объ учебныхъ предметахъ, утвердила оный 27 Сент. 1782 года съ тѣмъ, чтобы: «ученіе *Французскаго* языка оставивъ домашнему воспитанію «по собщественной каждаго волю, и въ народныхъ училищахъ онаго не вводивъ; языкъ *Латинскій* изъ училищъ сихъ не исключать; «*Греческій* завести по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ Кіевской, Новгородской и Азовской; «*Арабской* въ губерніяхъ къ споронѣ Ташарской, Персидской и Бухарской, а языкъ *Китайскій* въ губерніяхъ Иркутской и Обласки Колыванской.»

Можно надѣяться, что дарованныя Гимназіямъ преимуществва послужатъ къ вѣдшему распространенію въ Россіи просвѣщенія и наукъ

къ умноженію числа учащихся. Преимуществомъ, коими пользовались воспитанники С. Пешбургскаго высшаго училища и Кіевской Гимназіи, отличающіяся въ своей силѣ только для нѣхъ, кои нынѣ уже обучающіяся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ (1).

Учреждаемые при Гимназіяхъ *Пансіоны*, открывая Дворянству возможность воспитываться сноровѣй нѣкогда въ своихъ губерніяхъ, не отсылая оныхъ въ дальнія мѣста, съ нѣмъ вмѣстѣ подающъ и надежду, что со временемъ могутъ быть въ нихъ образуемы на казенный счетъ еще до 300 бѣдныхъ дѣтей родовыхъ или личныхъ дворянъ.

Должно замѣтить, что при Гимназіяхъ прибавлены Помощники Директоровъ училищъ, подъ именемъ *Инспекторовъ*, равно какъ и *Почетные Попечители*. Обязанности первыхъ, права и выгоды послѣднихъ — значительны.

(1) Преимущества, дарованныя симъ уставомъ учителямъ, нынѣ умножены еще нѣмъ, что Высочайше утвержденнымъ 19 Дек. Мѣсяцемъ Государственнаго Совѣта и *младшіе* учителя Гимназій и Уѣздовыхъ училищъ освобождаются при производствѣ въ чинъ Коллежскаго Ассесора отъ положеннаго для гражданскихъ чиновниковъ испытанія. См. Сенатскихъ Вѣдомостей 1829, N 3, с. 148 и § 232 новаго Устава.

Въ губерніяхъ Сибирскихъ учебная часть подчинена Гражданскимъ Губернашорамъ, при чемъ назначено опкрышь новую Гимназію (Енисейскую) въ Красноярскѣ.

Весьма важно и шо, что изъ небольшихъ библіошекъ, долженшвующихъ учредиться при училищахъ Приходскихъ, дозволяется и постороннимъ лицамъ, каждому безъ исключенія грамотному крещянину, пользоваться книгами для чшенія у себя на дому.

Касательно доходовъ своихъ, училища, подвѣдомыя Университетамъ, симъ новымъ Уставомъ поставлены въ первобынное состояніе (1804 года), поспрадавшее было отъ перемѣны курса на ассигнаціи. Доказываетъ сіе слѣдующая сравнительная таблица:

Было назначено

Въ концѣ 1804 года	Въ концѣ 1828 года.
На 43 Гимназіи 259,450	На 48 Гимназій 1,276,870
На 422 Уѣздн. училища. . . . 586,680	На 315 Уѣздн. училищъ . . . 1,534,195
	На училища въ Области Кавказской и въ Земль Черноморскаго Войска. 39,600
	На 2 Прих. уч. въ Спб. Губерніи. 2,480

	Сверхъ сего :
На Коммерческую	Въ продолженіе 20
Гимназію въ	лѣтъ на усиле-
Одессѣ . . . 6,500	ніе пенсіоннаго
	капитала, еже-
	годно по . . . 50,000
	На оштѣленіе для
	образованія Та-
	шарскихъ учи-
	телей при Тав-
	рической Гим-
	назіи. . . . 8500
<hr/>	
и всего 852,630	и всего 2,911,645.

Число всѣхъ казенныхъ училищъ (подвѣдо-
мыхъ Университетамъ), о коихъ упомянушо
въ семъ Уставѣ, есть слѣдующее :

Гимназій	48
Уѣздныхъ училищъ	315
Высшее уѣздное училище въ Спаврополѣ	1
Уѣздныхъ училищъ въ Кавказской Обла-	
сти и въ Землѣ Черноморскаго Войска	4

всего 368

Въ показанное здѣсь число не вошли Гимна-
зіи и Уѣздныя училища, существующія въ Зем-
лѣ Войска Донскаго, пошому что оныя со-
сложны на содержаніи сего войска.

Для училищъ *Грузіи* обвѣщано особое по-
сѣпановленіе, которое, вѣроятно, будетъ рас-

проспранено и на училища прочихъ Закавказскихъ областей.

Другое достопамятное событіе для Исторіи Русскаго просвѣщенія въ 1828 году, (о коемъ шеперь только дошли свѣдѣнія до южныхъ предѣловъ Имперіи), есть *Археографическое путешествіе П. М. Строева по Россіи*, коего планъ, будучи одобренъ И. Академіею Наукъ, Высочайше утверждень 14 Юля минувшаго года. По примѣру Академика Миллера, смотрѣвшаго Сибирскіе архивы въ 1733 и 1734 годахъ, Г. Строевъ съ начала весны сего 1829 года, предполагашъ въ продолженіе 7 лѣтъ объѣхать большую часть (преимущественно Сѣверной, Средней и Западной) Россіи, для разбора и описанія монастырскихъ, соборныхъ и другихъ библіотекъ, въ коихъ могутъ храниться Историческіе, Палеографическіе и другіе памятники, и попомъ года 2 или 3 упошрещишь на приведеніе въ порядокъ и изданіе собранныхъ имъ матеріаловъ.

Какой ученый, какой образованный Россіянинъ не порадуется сему полезному предпріятію, возмѣвшему начало уже почти за столѣть предъ симъ, подъ покровительствомъ той-же Академіи, кошорая нынѣ, для приведенія онаго въ дѣйство, назначила изъ доходовъ

своихъ достпащочный капиталъ, для обезпеченія въ продолженіе десяти лѣтъ цѣлой *Археогрфической Экспедиціи*.

Спашу-ли послѣ сего говоришь еще о нѣкошорыхъ другихъ прилпныхъ явленіяхъ по часши учебной, относящихся къ 1828му году, какъ на пр. о *классѣ Сельскаго Хозяйства и Скотолеченія* при Военномъ училищѣ у Казаковъ на Сибирской линіи, о *училищѣ Пчеловодства*, успроенномъ Г. Прокоповичемъ въ селѣ Мишченкахъ (Коношопскаго повѣша Черниг. губ., не въ дальнемъ разстояніи отъ Башурина) и ш. п. (1)?— Умолчу о нихъ и заключу спашью сію желаніемъ, чшобы кому либо и за текущій 1829 годъ возможно было представивъ споль же обильное по предметамъ своимъ, какъ и въ семъ году, исчисленіе благошворныхъ дѣйствій Начальствъ по часши отечесшвеннаго просвѣщенія!

П. К.

Симферополь.

14 Февр. 1829.

(1) См. Journal de St. Pétersbourg. 1829, N 42, р. 46.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

❦

КЪ ВОИНАМЪ.

Впередь, друзья! Скорѣй впередь!
 Звучишь ужь пушка въсповая!
 Васъ чешь на подвиги зовешь —
 И грянешь съча роковая!
 Воспомните своихъ ошцовъ,
 Ихъ славу, ихъ дѣянья
 И гордосшь дерзкую враговъ —
 И прямо въ пламень безъ рошанья!

Препоны-ль храбрыхъ ушрашають?
 Для васъ всѣ рѣки не глубоки,
 Скалы пуши не преградають :
 Для васъ хребты ихъ не высоки.
 По гласу родины свяшой,
 Въ рукахъ съ булашными мечами,
 Вы радосшно спремившесь въ бой —
 И смерть предъ вашими рядами!

И шакъ, друзья! Скорѣй впередь!
 Несише ко врагамъ ошмщенье!
 Тому блаженшво, кто падешь;
 Живымъ побѣды ушѣшенье.
 Впередь! Вашъ Царь зываешь къ вамъ;
 Васъ родина благословляешь.
 Ура, друзья! Скорѣй къ мечамъ!
 Васъ чешь, васъ слава ожидаешь.

Волковъ.

КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

По случаю кончины роднаго его врата.

Ты скорбью пораженъ ; ты съшуешь о брашѣ....
 Ахъ! мнѣ-ли горькихъ слезъ твоихъ не понимаешь ?
 Я самъ ихъ проливалъ ; но въ шаяжкѣ сей уштрашѣ
 Ошчаянью себя не должно предаватьъ.
 Утѣшься : у себя еще есть здѣсь родные ;
 Они безцѣнны всѣмъ и вѣчно не умрушь :
 То пѣсней сладкій звукъ и доблессти прямая ;
 Они изъ вѣка въ вѣкъ къ безсмерщю перейдушь.

Волковъ.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Поэшь—племянникъ , справедливо
 Я названъ классикомъ тобой.
 Все что умно , краснорѣчиво ,
 Все что написано съ душой ,
 Мнѣ нравишься , меня плѣняешь.
 Твои стихи , повѣрь , чишаешь
 Съ живымъ воспоргомъ дядя твой.
 Лашоны сына ты любимецъ ;
 Тебя онъ вкусомъ одарилъ ;
 Очаровашель и счастливецъ ,
 Сердца ты наши полонилъ
 Своимъ шаланшомъ превосходнымъ ,
 Всѣ мысли выражаешь способнымъ .

Русланъ, Кавказскій Пѣвникъ швой,
 Фоншанъ, Цыганы и Евгений
 Прекрасныхъ полны вдохновеній!
 Они всегда передо мной,
 И не для кришки пустой,
 Я ихъ швержу—для наслажденья.
 Тацша нашего шворенья
 Читаешь журналистшъ иной,
 Чшобъ славу очернишь хулой!
 Зонь досшонъ сожалѣнья;
 Онъ позабылъ, что не вредна
 Гранишу бурная волна.

В. Пушкинъ.

П Ъ С Н Я.

Какъ эхо флейшы ошдаленной
 Въ вечерній сумракъ надъ рѣкой;
 Какъ пѣсни родины священной
 Для пѣвника въ странѣ чужой;
 Какъ узнику съ душой унылой
 Въшь первая свободы милой:
 Такъ мнѣ, о другъ души моей!
 Ошраденъ звукъ швоихъ рѣчей.

Какъ страннику въ шѣни желанной
 Подъ небомъ знойнымъ свѣшлый ключъ;
 Какъ кораблю изъ мглы шуманной
 Попушнаго свѣшила лучъ;
 Какъ, послѣ долгаго мученья,
 Сѣтцу внезапный мигъ прозрѣнья:

Такъ мнѣ , о другъ души моей !
Оспраденъ блескъ твоихъ очей.

Какъ сладость шихаго мечшанья
Младенческихъ , игривыхъ сновъ ;
Какъ вздохъ невольный упованья
На непорочную любовь ;
Какъ память о судьбѣ минувшей ,
Прямую радостью мелькнувшей :
Такъ ты , о другъ безцѣнный мой !
Мила плѣнительной душой.

Каверзневъ.

П. И. Барону Д***му.

Ты помнишь-ли шу ночь мечшанья ,
Когда мы ѣхали вдвоемъ ?..
Ты помнишь-ли луны сіянье
Сквозь лѣсъ , на небѣ голубомъ ?
Она , безцѣшная , уныло
Одна горѣла въ небесахъ ;
Въ ней что-то сердцу говорило
О прошлыхъ , невозвратныхъ дняхъ ,
О дняхъ любви давно минувшей ,
О миломъ взорѣ красоны —
И вновь въ душѣ моей уснувшей
Будило прежнія мечты !
Ты вспомнилъ , другъ ! о дѣвѣ нѣжной
И объ улыбкѣ неземной ,
Сравнивъ сводъ неба безмятежной
Съ челомъ красавицы молодой ,

И съ помноспью свѣшила ночи
 Элизы голубыя очи!...
 Тогда душой шы къ ней лешълъ !
 Тебъ надежды лучъ свѣшълъ!...
 Но , милый другъ ! *вторая дѣва* ,
 Которой сладкаго напѣва
 Я не забуду никогда!...
 Она души моей звѣзда !
 Прекрасная , какъ ушро Мая ,
 Какъ взоръ невинности мила ,
 Какъ цвѣшь благоуханный рая ,
 Она роскошно расцвѣла !
 Чшо я сравню съ ея очами ,
 Какъ опишу ея уша ,
 Ея улыбку ?... Но межъ нами
 Есть недоступная черша !...—

Выходило солнце за горою
 И разлило лучи свои ;
 Исчезли съ мракомъ и луною
 Надежды и мечшы мои...
 Такъ , другъ ! исчезнушь дни молодые.
 Лови-жь воспорги жизни сей ,
 И дѣвы очи голубыя
 Пущь будешь радостью швоей !

В. Астафьевъ.

25 Февраля.
 Торжокъ.

МѢДНЫЙ ГОРОДЪ (*).

Халифъ Абдалмелекъ, сынъ Мервана, изъ фамилии Омйадовъ, утвердившій свое пребываніе въ Дамаскѣ, занимался однажды съ своими придворными разговоромъ о великомъ и дивномъ могуществѣ Царя Саломона, котораго покорилъ своей власши людей и животиныхъ и заключалъ духовъ, какъ плѣнниковъ, въ мѣдные сосуды, запечатанные его печашью.

Талибъ, сынъ Села, рассказывалъ между прочими спранными похождениями, что когда-то во время путешествія своего, которое онъ совершалъ въ Индію, корабль его брошенъ былъ бурей въ нѣкую неизвѣстную страну; страна

(*) Изъ новыхъ сказокъ : *Тысяча одна ночь*, переведенныхъ съ Арабскаго на Нѣмецкій языкъ Г-мъ Гаммеромъ, и изданныхъ во Французскомъ переводѣ Г-мъ Требюшьеномъ, подъ названіемъ : *Contes inédits des Mille et une Nuits* (Парижъ , 1828 г. 3 т. in-8.) Конечно, всѣмъ читателямъ нашимъ извѣстны сказки, переведенныя съ Арабскаго Галланомъ и Казо ; Гаммеръ перевелъ остальные сказки. Желая удовлетворить любопытству Русскихъ читателей, представляемъ одну изъ нихъ. *Пер.*

Мартъ 1829.

9

впа населена была черными дикарями, которые разбѣжались при видѣ корабля, потому что никогда не видали другихъ людей. Скоро однакожъ возвратились они съ подарками и съѣшными припасами. Люди, прѣхавшіе на корабль, сошли на землю и вздумали прогуляться на островѣ. Они встрѣпили двухъ рыбаковъ, изъ коихъ одинъ въ сѣтяхъ своихъ вышацилъ мѣдный сосудъ, запечатанный печатью Саломона. Когда снята была крышка съ сосуда, то вышелъ изъ него черный дымъ и раздался голосъ, произнесшій слова: »Прости! прости! Пророкъ Вожій.» Дымъ пошчасъ же образовался въ огромнаго великана, кошорый исчезъ въ облакѣ. Путешественники, пораженные ужасомъ, безъ чувствъ упали на землю; но черные не находили ничего удивительнаго въ эшомъ происшествіи. По ихъ словамъ, Саломонъ заключилъ возмупившихся духовъ въ сосуды и бросилъ ихъ въ море. Когда они освобождались въ подобныхъ эшому случаяхъ, то просили Пророка Божія о прощеніи.

Халифъ Абдалмелекъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ разсказъ сей и наконецъ изъявилъ великое свое желаніе видѣть таковой сосудъ, запечатанный печатью Царя Саломона. »Ничего нѣтъ легче, возразилъ Талибъ, сынъ Села. Справа черныхъ, куда мы брошены были послѣ нашего кораблекрушенія, находилсъ посреди Африки, между Египтомъ и Могрибомъ; спобійтъ только

дать повелѣніе своимъ правнптелямъ спхъ двухъ провинцій, чтобы они опыскали пакнхъ сосудовъ.» »Ты правъ, Талибъ, сказалъ Царь, и я возлагаю на тебя самого это порученіе.» — Потомъ онъ написалъ два письма, одно къ брату своему Абдализису, Намѣстнику Царскому въ Египтѣ, а другое къ Муссу, сыну Нассирова, Намѣстнику Царскому въ Могрибѣ, въ которыхъ онъ повелѣвалъ имъ лично соупстпвовать Талибу при опысканіи сосудовъ, и не щадить для того ни трудовъ, ни казны. Въ то же время назначилъ онъ дать Талибу великое количество денегъ и многочисленную свашу, съ копорою топъ и отправился въ Египетъ. Абдализисъ, братъ Халифа и Намѣстникъ въ Египтѣ, прочитавъ письмо, приложилъ его къ головѣ своей въ знакъ повиновенія. Онъ ожидалъ только прибытія Муссы, сына Нассирова и Намѣстника Царскаго въ Западной Африкѣ, чтобы предпринять разысканія, о которыхъ было повелѣніе. Наконецъ, когда приѣхалъ и послѣдній, то начали заботиться о томъ, чтобы найдти опышнаго проводника.

Въ Государственномъ Совѣтѣ, который былъ созванъ по этому поводу, выбранъ былъ Шенхъ Абдосъ-Самедъ-Бенъ-Алкодосъ-Алмасуди, который всю многолѣтнюю жизнь свою посвящалъ спранспованіямъ по различнымъ землямъ. Его призвали и, объявивъ желаніе Халифа, просили помочь своими свѣдѣніями въ этомъ предпріятіи.

» Путь очень долгъ и не многіе въ него пускаются », возразилъ Шейхъ. Владыка Египта спросилъ, сколько нужно дней для совершенія его. » Два года и одинъ мѣсяцъ, отвѣчалъ Шейхъ, чтобы дойти туда, но чтобы возвратишься, по потребно еще болѣе времени; сверхъ того должно подвергаться тысячѣ опасностей, и вамъ нужно принять вѣрныя мѣры для сохраненія общаго покоя въ продолженіе вашего отсутствія. »

Абдаллизъ вѣрилъ бразды правленія сыну своему Гаруну, молодому Царевичу, одаренному характеромъ твердымъ и способному вѣрною рукою властвовать кормиломъ Царства. Обезопасивъ такимъ образомъ благосостояніе страны своей, онъ приготовился къ отплытію. » Повелили навьючить тысячу верблюдовъ, сказалъ Шейхъ Абдосъ Самедъ, мѣдными сосудами, наполненными водою, потому что мы должны проѣзжать пустыней, величиною на сорокъ дней ѣзды, гдѣ безъ всякихъ средствъ достать воды, мы будемъ подвергаться знойнымъ порывамъ Самума (*). Сверхъ того

(*) Почти всѣ путешественники, посѣщающіе Востокъ, говорящъ объ этомъ вѣтрѣ, которому пустынные Арабы дали названіе—*Самума*, означающее ждб. по причинѣ губельныхъ отъ него послѣдствій. Жаръ, имъ производимый, нередко причиняетъ смерть: онъ бываетъ столь силенъ, говоритъ Волшебней, что не испытавши, трудно вообразить его себѣ

великие навьючили шугачу другихъ верблюдовъ събѣсными припасами и возьмише плошкии и кузнецовъ, поному что они могутъ бытъ намъ полезны; но не берите другихъ живонныхъ, кромѣ верблюдовъ, ибо только одни они могутъ перенести прудности шакого пуши.» Такимъ образомъ во имя Божіе они отправились. Ъхавши цѣлый годъ, однажды Шеихъ Абдосъ Самедъ воскликнулъ: » Великъ Богъ ! но мнѣ кажется, что я сбился съ наспоющей дороги, поному что не вижу ничего знакомаго въ этой шоронѣ. Господь поведетъ насъ, будемъ продолжатъ путь, и возложимъ на Него вѣру нашу.» Они прибыли на обширную равнину, гладкую, какъ море, когда оно бываетъ спокойно. Посреди-же равнины уви-

въ такой степени; впрочѣмъ ощущение, которое онъ производитъ, можно сравнить съ чувствомъ жара отъ печи, когда вынимаются хлѣбы. Горе путешественникамъ, которыхъ такой вѣтеръ заспигаетъ на пути, далеко отъ убѣжища! Они подвергаются всему его вліянію, причиняющему иногда смерть. Опасность особенно бываетъ во время порывовъ; тогда быстрота его увеличивается до такой степени, что убиваетъ мгновенно, производя спѣнные иногда явленія: то поражается одинъ человекъ между двумя другими, которые остаются здоровыми; то, чтобы спастись, достаточно только бываетъ закрыть плащомъ ноздри, или уткнуть носъ въ песокъ, какъ дѣлаютъ верблюды, или пуститься скакать, — къ послѣднему средству прибѣгаютъ Арабы.

дѣла какъ будто дымное облако и что-то блестящее, куда и направили путь свой.

Это были великолѣпные чертоги, покрытые досками изъ чернаго дерева, съ золотыми вставками. Ворота изъ Китайской сжали ослѣпляли глаза, столпы чертоговъ были по четыре тысячи шаговъ въ окружности, и что путешественники приняли за дымъ, то былъ куполь изъ чернаго свинца. Впрочемъ, не встрѣчалося ни какихъ живущихъ существъ, кромѣ совъ и вороновъ, имѣвшихъ шамъ гнѣзда и наполнявшихъ воздухъ дикимъ крикомъ. » Нѣтъ Бога кромѣ Бога! воскликнулъ Эмиръ Мусса, пораженный удивленіемъ. О чертоги! Кшо теперь ваши жители? Они спятъ сномъ смертнымъ, какъ будто никогда и не существовали! Гдѣ великолѣпные вельможи и цари, обитавшихъ въ спѣнахъ вашихъ? Господь разсѣялъ ихъ, какъ вѣтеръ разноситъ легкую солому! Пойдемъ — вспунимъ сюда! » продолжалъ онъ, обращаясь къ Шеиху Абдосъ-Самеду, который произнесъ слѣдующія слова Корана: » Вы можете бышь обратитесь въ пыль отъ того, что будетъ вамъ благодѣніемъ. Хвала Господу за всѣ безчисленные дары Его и безпредѣльное милосердіе!» — »Затѣмъ произнесъ эту молибву,» спросилъ его Эмиръ Мусса.— »Радуйся, Царь, сказалъ ему Эмиръ Шеихъ: теперь, пройдя пустыню, намъ нечего уже болѣе спрашивать дикихъ звѣрей. Хопя и никогда я не бывалъ въ этой странѣ,

во она мнѣ извѣстна по описанію , сдѣланному мнѣ однимъ путешественникомъ. Онъ отправился , какъ и мы , въ Мѣдный городъ , но также заблудившись дорогою , пришелъ къ этому зданію. Отсюда остаеися еще шестидесяти мѣсяца до того мѣста въ морѣ , гдѣ хранятся сосуды , которые мы опыскиваемъ.»—«Не можешь ли ты сказать , спросилъ Эмиръ Мусса , кому принадлежатъ сіи чертоги?» — «Нѣтъ , ошвѣтствовалъ Шенхъ , я объ этомъ ничего не знаю , но думаю , что они принадлежали Александру.»—Разговаривая такимъ образомъ , путешественники приблизились къ зданію , кошорого вѣроуа были заперты. Они вошли на передній дворъ , гдѣ всѣ стѣны были украшены золотомъ и драгоценными каменьями ; на вѣроуахъ начертана была слѣдующая Греческая надпись :

» Вспуи сюда—да познаешь бышіе стѣхъ , кошорые были нѣкогда Владыками земли. Они прешли , какъ порошлвые спранники , и едва-ли имѣли время для опдохновенія.»

Эмиръ Мусса былъ пронупъ до слезъ. Онъ вошелъ во внушренніе покои , кошорые были еще великолѣпнѣе. На одной изъ дверей прочтена была надпись :

» Какая многочисленная толпа людей двигалась нѣкогда нодъ этими сводами ; шенеръ смощри , что они съ печеніемъ времени!»

Эмиръ Мусса пролилъ слезы , чиняя слова сія . Онъ прошелъ съ Эмиромъ Абдализисомъ и другими поварищами спранспвія огромные покои , всѣ уже покинушые и хранившіе молчаніе глубокое . Войдя въ комнашу , покрытую куполомъ , они увидѣли чешыреспубли саркофаговъ , изсѣченныхъ изъ мрамора и гранита . Эмиръ Мусса , знавшій по Гречески , прочелъ на одномъ изъ саркофаговъ , шакую надпись :

» Сколькохъ событій я былъ свидѣтелемъ !

» Какою славою блистательною , какою именитую извѣстностію я пользовался !

» Сколько городовъ покорилъ я ! сколько далъ я законовъ !

» Храни свою душу : наслаждайся жизнию , пока смерть не придетъ еѣ у тебя похитиши !

» Завтра же она увлечетъ тебя , и пѣмъ , копыре воззовушь къ себѣ , будешь опшѣспшвовашъ : *онъ* умеръ ! »

Надпись сія увсѣхъ присупшвовавшихъ испоргла изъ очей слезы . Они подошли къ комнашѣ , имѣвшей видъ молельницы и находившейся по срединѣ купола : двери ея вышесаны были изъ сандаловаго дерева и покрыты надписями изъ алмазныхъ буквъ . Прочтено было слѣдующее :

» Упоеніе наслажденій прешло какъ бредъ горячки . Смерть ринулась на меня , и я не могъ

опразилъ ея ; ни войска мои , ни мои придворные не могли зацѣпить меня .

» Не предавайся міру , если онъ во всей пышности предспанешъ взорамъ твоимъ . Смотри , что дѣлаешъ онъ съ шѣми , кто ему служишь ! »

Сія надпись испоргла новыя слезы изъ очей странниковъ . Они вспунили въ моленную и увидѣли дивный гробъ , на которомъ Шеихъ Абдосъ-Самедъ прочелъ слѣдующую надпись :

» Во имя Бога единого , вѣчнаго , непремѣннаго , верожденнаго , неродшаго , не имѣющаго себѣ равнаго .

» Во имя Господа , Владыки силы и могущества ! Во имя Господа , невѣдающаго смерти ! Научись странникъ , проходящій мѣста сія , научись по примѣру моему не гордиться міромъ и величіемъ его ! Это свѣтъ обманчивый , пустой сонъ , невѣрный призракъ , поселяющій жажду мучительную въ шѣхъ , кто преслѣдуешъ его , какъ источникъ чистой воды . Не ослѣпляйся блескомъ его видѣній : они низвергають въ пропасть того , кто имъ предается .

» Я имѣлъ въ спойлахъ моихъ тысячу бѣгуновъ благородныхъ . Я держалъ въ объятіяхъ моихъ тысячу пѣвнителейныхъ красавицъ крови царской , кошорыя сдѣлали меня опцемъ тысячи князей , подобно львамъ мужеспивенныхъ . Я прожилъ тысячу лѣтъ , владѣлъ сокровищами безмѣрными , на-

родами безчисленными. Я вѣрилъ , что могущество мое вѣчно продолжится на землѣ , когда вдругъ раздался спрашннй голосъ и возвѣспилъ мнѣ непремѣнныя судьбы Господа. Каждый день смерть удвола свои хищенія и пожинала мои народы : тогда я велѣлъ начертать надписи , которыми читалъ бы при входѣ въ сіе зданіе и на саркофагахъ моихъ служителей. Чертоги мои сдѣлались убѣжищемъ смерти и никѣмъ не были обипаемы , кромѣ могильщиковъ.

» Тогда я собралъ войско мое : тысяча тысячъ всадниковъ сѣли на коней своихъ , вооруженные булагомъ блестящимъ и ужасными копьями. Защищите меня , храбрые воины , сказалъ я имъ , защитите отъ непреспанныхъ враждованій смерти. Возможно ли это вамъ , ошѣспсвовали они , когда всѣ , пересупающіе порогъ чертоговъ , дѣлаются ея добычею? Тогда я новелѣлъ взять тысячу сундуковъ изъ казны моей , изъ которыхъ каждый содержалъ въ себѣ по тысячѣ сотъ фунтовъ золота , серебра и камней многоцѣнныхъ. Смотрите : вотъ богатства , сказалъ я опять , они принадлежатъ вамъ , если вы купите мнѣ хлѣба хопя на одинъ только день ; но никто не хотѣлъ пересупить порога.

» Тогда я предался судьбѣ моей и встрѣпилъ мой послѣдній часъ. Имя мое : Кушъ , сынъ Шедада , сына Лада Великаго. »

Эмиръ Мусса и спутники его не могли воздержаться отъ слезъ и рыданій : столько они были пронупы сими разшпельными и высокими испинками ! Продолжая осмаприваать черпоги , они вршлаи въ комнашу , гдѣ сполъ сполъ наборной рабонш , на кошоромъ прочшено было слѣдующее :

» Нѣкогда за сполъ сей каждый день садилсь пшяча Царей слѣпыхъ и пшяча Царей зрячихъ : пшерь ни слѣпые , ни зрячіе ничего не видяшъ въ гробѣ ! »

Эмиръ Мусса списалъ слова сіи на памятные доски свои и ничего не вынесъ изъ черпоговъ , кромѣ сполы , за кошорымъ каждый день обѣдали двѣ пшячи Царей . Попомъ присоединившись къ каравану , онъ опяшь продолжалъ пушь свой . По вспеченіи прехъ дней они прибыли къ огромному камяпнику , на кошоромъ воздвигнушъ былъ мѣдлый всадникъ со *стальнымъ* копьемъ ; на наконечникѣ копья написано было чѣпкими буквами слѣдующее :

» Сшранникъ ! если почему нибудь пш не знаешъ дороги въ Мѣдный городъ , шо поверни меня сполоу руки пвоей и слѣдуй пушемъ , къ кошорому , оспановившись , я обращаюсь лицомъ . »

Эмиръ Мусса полкнулъ рукою испуканъ , кошорый повернулся съ быспрошою молніи и попомъ идругъ оспановился лицомъ къ прошивоположной споронѣ дороги , кошорую они выбрали . Сшран-

и яки перемѣнили направленіе и находисъ попомъ уже на пуши, копорымъ должны были слѣдовать, они день и ночь продолжали идти далѣе. Идутъ такимъ образомъ, они вспрѣтили сполбъ изъ чернаго мрамора, къ которому приковано было нѣкоего рода чудовище о двухъ крыльяхъ, двухъ рукахъ и двухъ лапахъ. Жесткіе волосы его походили на конскую гриву; два глаза его блистали какъ горячіе угли, а прерпій, бывшій во лбу, выбрасывалъ искры. Оно воскликнуло гремящимъ голосомъ: »Хвала Богу, моему Господу, возложившему на меня наказаніе сіе до дня суднаго!» Караванъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ воротиться, но Эмиръ Мусса повелѣлъ Шеиху Абдосъ Самеду приблизиться къ сему спривному существу и спросить его. »Я духъ, изъ поколѣнія Геніевъ, опвѣствовало чудовище; имя мнѣ—Демшъ, сынъ Аламешевъ. Я прикованъ по случаю необыкновенному и одинъ Господь знаетъ, долго-ли я здѣсь останусь.»—Повѣдай намъ эшопъ дивный случай, продолжалъ Эмиръ Мусса.—Нѣкогда былъ я, опвѣствовалъ Геній, спражемъ испукана, изваннаго изъ оникса и принадлежавшаго одному Царю иорскому, которій повелѣвалъ многочисленнымъ войскомъ Геніевъ, заключая ихъ въ эшопъ испуканъ. Они съ Царемъ своимъ всѣ возмущились прошивъ Саломона. Царь эшопъ имѣлъ рѣдкой красоны дочь, о которой Саломону я говорилъ однажды; послѣдній просилъ ее у Царя себѣ въ супру-

жество и въ шоже время повелѣвалъ ему разбишь свой ониксовый испуканъ и признашь, что нѣтъ другаго Бога кромѣ Бога, и что Саломонъ Пророкъ его. Царь собралъ Совѣшь свой, чтобы предспавить ему на судъ предложеніе Саломона и спросилъ: должно-ли его опасаться? » Чего опасаться, онъ вѣнспововали совѣшники; оспровъ швой исприспуненъ и защищенъ легиономъ Геніевъ, всегда головыхъ сразилъсь съ Саломономъ. Всѣхъ предпріятія его будущъ щещнымъ проливъ шво, его могущеспва; однако-же спросимъ генія ониксоваго испукана—посмошримъ, какой дашъ онъ совѣшь. » Пролить кровь жерпвежную, Царь простерся предъ испуканомъ и предспавилъ ему зашрудненіе, въ кошоромъ онъ находился. Я ему ошвѣтспововалъ изъ внушренности испукана: » Не опасайся ничего! пренебреги всѣмъ! я увѣрю тебя въ успѣхъ! » Убѣжденный шакowymъ прорицаніемъ, Царь велѣлъ бишь посланнаго Саломономъ и попомъ ошправишь его къ своему Владыкѣ, чтобы онъ извѣспилъ его обо всемъ. Саломонъ, вознегодовавъ за шакое оскорбленіе, собралъ войско свое, сосшавленное изъ Геніевъ, людей, звѣрей и шпидъ, Демирашъ, Царь Геніевъ, повелѣвалъ духами въ числѣ семидесяти шиссячь, а Визирь Ассафъ, сынъ Барахія—людьми, коихъ числомъ было шолько-же.

» Эшо огромное войско вышшупило на оспровъ и овладѣло имъ во всемъ его пространствѣ. Сало

монъ, всегда великодушный, отправилъ къ Царю другаго посла, который сдѣлалъ ему пѣже предложенія, какъ и первый, предлагая прощеніе за все прошедшее, если только Царь согласится отдать Саломону дочь свою и выдѣлѣть въ вѣру его. Но Царь, упорный въ мысляхъ своихъ, изгопвился къ защитѣ: онъ собралъ тысячу тысячъ Геніевъ со всѣхъ острововъ и морей земныхъ. Саломонъ пославилъ войско свое въ спрой: онъ по концамъ помѣспилъ живопныхъ, а пшицамъ, какъ спражамъ, повелѣлъ заняшь высошы воздуха, чтобы онѣ клѣвами своими вырвали глаза у непріятелей. Самъ же возсѣлъ на Пресполь великолѣпномъ, пославивъ съ правой спороны повелишеля людей, а съ лѣвой— повелишеля Геніевъ.

» Я иччалъспвовалъ передовыми нашего войска и первый лично напалъ на спрой Геніевъ Саломоновыхъ и на Царя ихъ Демираша. Онъ приближился въ образѣ волкана, изрыгающаго огненные пошоки, и силмлся задушишь меня своимъ пламенемъ. Долго защищался я съ мужеспвомъ, но наконецъ, не могши пропивишься болѣе, обратился въ бѣгспво. Саломонъ повелѣлъ войску своему преслѣдовашь насъ и въ одно мгновение мы были со всѣхъ споронъ окружены Геніями, людьми, чешвероногими и пшицами, повергавшими насъ на землю, раздиравшими насъ когпами и клѣвами своими вырвавшими у насъ глаза. Царь Демирашъ хошѣлъ овладѣшь мною; въ продолженіе

прекъ мѣсяцовъ бѣжалъ я предъ нимъ , но наконецъ онъ меня насчитнулъ и приковалъ къ этому столбу. »

Когда Геній кончилъ разсказъ свой, спранныки наши оставили его и прибыли наконецъ къ Мѣдному городу. Въ самомъ дѣлѣ спѣны его всѣ были изъ жѣди ; но всего спранные было то , что не видно было ворошѣ. Тогда раскинуты были пальки и Талибъ , сынъ Села , отправился въ обходъ кругомъ города , чтобы посмотришь , не ниже-ли были спѣны съ другой стороны. Онъ шелъ три дня и наконецъ возвратившись , извѣстилъ своихъ слушниковъ , что спѣны со всѣхъ другихъ сторонъ были еще выше. Тогда два Эмира и Шехъ Абдосъ-Самедъ взошли на ближнюю гору. Тамъ они поражены были удивленіемъ , увидѣвъ огромность черпоговъ , великолѣпіе куполовъ , изыщество садовъ и каналовъ , находившихся въ городѣ : но не замѣтно было въ сихъ дивныхъ мѣстахъ ни одного существа , похожаго на человека ; совы и коршуны были единственными ихъ обитателями. Шехъ и оба товарища его сошли съ горы , чтобы обойдти вокругъ города : они увидѣли въ одномъ мѣстѣ четыре мраморныя доски , на коихъ начертаны были надписи , заключавшія въ себѣ мудрыя правила и наставленія благочестивыя. На первой прочтено было :

» О сынъ человѣческій ! не надѣйся на будущее ,

ибо близокъ часъ смерти. Оно есть божество, разсыявшее народы и низводящее Царей изъ обширныхъ чертоговъ ихъ въ шѣсное убишище гроба. Гдѣ могучіе Владыки, сильныя земли? Когда пробудились, тогда они были уже только горсть пепла и праха!»

Какое высокое изищество! они пробудились послѣ смерти; ахъ! какъ это разительное! воскликнулъ Эмиръ Мусса. Попомъ онъ взялъ чернилъ и бумаги, чтобы списать сіи прекрасныя мысли. Между шѣмъ Шейхъ Абдосъ-Самедъ разбираетъ впорую надпись, которая состояла въ слѣдующемъ:

» О сынъ человѣческій! какъ можешь ты ввѣряться міру? Или ты не знаешь, что онъ жилище непрочно и переходящее?

» Гдѣ Царя, воители, Владыки Ирака и Хорассана? гдѣ Хозрой?

» Они прешли, какъ будто-бы никогда и не жили!»—Эмиръ Мусса списалъ и эту надпись и подошелъ къ ширшеей, которой таково было содержаніе:

» О сынъ человѣческій! равнодушно смотришь ты, какъ прошекають дни твоей жизни и не думаешь о томъ днѣ, когда ты предстанешь предъ Господомъ, чтобы отдашь отчетъ въ дѣлахъ своихъ!

» Чю ше перь обладатели Кншая, Индин, Нубин и Абиссиния ? Дыханіе смерти ихъ унизило и могущество власти ихъ не зашило.»

Эмиръ Мусса оросилъ слезами бумагу, списывая надпись сію, и перешелъ къ четвертой мраморной доскѣ, на кошорой прочиталъ :

»Сынъ человѣческій ! Ты низвергаешься въ бездну удовольствій , не помышляя о помѣ , чю смерть на плечахъ твоихъ. Возложи вѣру твою на Господа и зриай на міръ , какъ на шкань паука. Гдѣ основавшіе государства огромныя , гдѣ ихъ завоевывали ? Они могилами замѣнили чертоги свои , населенные ше перь совами.»

Между тѣмъ какъ Эмиръ Мусса списывалъ и эту прекрасную надпись , другіе изъ его спутниковъ разсуждали о средствахъ , какъ проникнуть въ городъ. » На что вы рѣшились ? спросилъ ихъ Эмиръ.—Мы думаемъ, отвѣщивовалъ Талибъ, сынъ Села , что должно употребить лѣстницы, потому что ворошъ нѣтъ въ городъ.—» Средство превосходное , сказалъ Эмиръ Мусса ; я о немъ давно уже думалъ , запасайся плотниками и кузнецами.» Последніе тотчасъ принялись за работу и не менѣ какъ въ мѣсяцъ была готова лѣстница , удивительная по своей твердости. Когда она была кончена , Эмиръ Мусса сказалъ : » Кто изъ васъ взлѣзетъ первый!— Я, отвѣщивовалъ одинъ изъ плотниковъ.—Онъ взлѣзъ по лѣстницѣ , но до-

сплитулъ последней ступени, испустилъ крикъ и съ вышины стѣны упалъ въ городъ. » Волкъ чудная вещь! » вскричалъ Эмиръ Мусса. « Не мудрено; ишоби того-же не было и со вѣпоримъ, что случилось съ первымъ. По мнѣ, едва-ли не лучше всего оставишь эшошъ Мѣдный городъ и возвратишься, » Но плотники и кузнецы такъ воспламенились, что дошли непремѣнно попытать своего счастья одинъ послѣ другаго. Двѣнадцать изъ нихъ взлѣзали по очереди и всѣ имѣли одну участь. » Вижу наконецъ, сказалъ Шеихъ Абдосъ-Самедъ, что только я могу взлѣзть. « Эмиръ Мусса употребилъ всѣ средства, чтобы отвратишь его отъ такого предпріятія, но Шеихъ былъ упоренъ въ своемъ намѣреніи. Онъ подошелъ къ лѣстницѣ, произнося слова: » Во имя Господа! » и на каждой ступени читалъ новую молитву. Взошедъ на верхъ, онъ продолжалъ молиться и воскликнулъ наконецъ: » Не бойшесь ничего! Я внѣ всякой опасности искушенія; мнѣ видны отсюда двѣнадцать плѣнительныхъ красавицъ, на копорыхъ бывшіе здѣсь прежде меня бросали взоры, исполненные преступныхъ желаній. — Волкъ причина ихъ гибели; но меня онъ не введущъ въ искушеніе. » Потомъ онъ пошелъ по стѣнамъ отъ одной стороны къ другой и доспигъ мѣста между двухъ башенъ, гдѣ думалъ найдти ворота и гдѣ въ самомъ дѣлѣ былъ ходъ внизъ. Шеихъ увидѣлъ испуганъ всадника,

державцаго въ рунѣ блоко, на которомъ были написаны слова:

» Вынь гвоздь изъ подковы моей лошади и пошри его двѣнадцать разъ, если шм хочешь, чтобы дверь для тебя отворилась.»

Шейхъ тотчасъ поверъ гвоздь двѣнадцать разъ и ворона съ шумомъ, трему подобнымъ, повернулась на крыльяхъ своихъ. Шейхъ чрезъ ворона сѣлъ, который съ высочайшм свѣтъ велм въ городъ, прошелъ внизъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли какого нибудь средства: спустить жуда и спущиковъ свои, которые были еще за спѣною. Онъ пошелъ въ укрѣпленія подъ валомъ и увидѣлъ тамъ множество мерзвухъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, съ щитами на рукахъ, обнаженными саблями, копьемъ впередъ и нацѣпленнымъ лукомъ, какъ будто-бы они только что гоноридисъ напасць на неприятели. » Вѣрно зно спражи народа, подумалъ Шейхъ, и вѣрно ключи должны бытъ у одного изъ нихъ, » Помогъ онъ подошелъ къ спарику, который казался приврашикомъ, и весьма обрадовался, зашшигъ въ самый дѣдъ ключи на его поясѣ. Вороны были загорожены и зашпазданы роганками. Но Шейхъ превозмогъ наконецъ всѣ препяшсвія и отворилъ ихъ, къ великому удовольствію ожидавшихъ за спѣною. Для предоспорожности, Эмиръ Мусса велѣлъ войдши только половину людей сво-

икъ, для того, чтобы опасные спереглы снаружи. Прежде всего они ошмыкали шѣла плащниковъ, упавшихъ со спѣны. Попомъ въ полномъ порядкѣ пришли они на городское шоржище, гдѣ лавки были еще наполнены шоварами; люди всѣ были мертвые, но они сохраняли по положенію, которое прилично продавцамъ и покупщикамъ и протягивали другъ другу изсохшія свои руки. Путешественники, прошедши шоржище, гдѣ продавались драгоценныя камни, оружія и шелковыя матеріи, подошла наконецъ къ огромному зданію, которое дворъ наполненъ былъ различнаго рода оружіями, подвѣшенными на золотыхъ цѣпяхъ. Здѣсь въ одной изъ комнатъ находились прости изъ слоновой кости; украшенный золотомъ, «вокругъ котораго спяла толпа людей, обратившихся въ совершенныя муміи. Эмиръ Мусса не могъ наглядѣться на красоту и богатство зданія. Вокругъ, по верхней части корнiza была надпись золотыми буквами по голубому полю. Она содержала въ себѣ правила нравственности въ стихахъ; стихи сіи не были ни менѣе высоки, ни менѣе разительны въ сравненіи съ шѣми, которые прочтены были на мраморныхъ доскахъ. Смысль этой надписи былъ почти таковъ :

» Спранникъ! Разсмотри мѣста сія, прежде нежели пойдешь далѣе. Пушникъ! помысли, что ты не болѣе, какъ простой пушникъ.

» Запасишься добрыми дѣлами и не забудешь, что никто надолго не основался въ этомъ временномъ жилищѣ.

» Они соорудили зданія. Къ чему они послужили имъ? Они скопили сокровища. Какую отъ нихъ получили они пользу?

» Гдѣ сѣи красавицы, которыхъ прелести вошли въ поговорку? Онѣ цвѣли подобно розѣ: блистательный румянецъ ихъ обратился въ цвѣтъ пепла. Онѣ почили озаренныя блескомъ и свѣжешью, и проснулись подобныя муміямъ!»

Ахъ! Онѣ проснулись подобныя муміямъ! воскликнулъ Эмиръ Мусса. Какъ справедлива эта мысль! какъ она разительна!

Посомъ вошли они въ другую комнату, въ чепырехъ углахъ которой было по отдѣленію. Посрединѣ находилось огромное водохранилище, изсѣченное изъ мрамора и украшенное водометномъ, надъ которымъ простирались чепырь изъ самой богатой шкани, гдѣ золото не болѣе пощажено было, какъ и на другихъ украшеніяхъ комнаты. Вода текла въ хранилище по чепыремъ каналамъ и въ каждомъ имѣла особенный цвѣтъ: дно перваго было изъ краснаго гранита, втораго изъ изумруда, прешьяго изъ алебастра, чепыршаго изъ чернаго мрамора. Путешественники вошли прежде въ первое отдѣленіе, въ которомъ было множество золота, серебра, жемчуга и

драгоценныхъ камней. Во второмъ нашли они богатыя оружія, шлемы, щиты, украшенные золотомъ, Индійскіе булавы, жельтути Давида и множество другихъ подобныхъ вещей. Въ прешемъ спѣнцъ были обставлены шкафами, закрытыми шелковыми занавѣсами съ золотымъ шпьемъ; опдернувъ ихъ, они увидѣли куски богатыхъ матерій всякаго рода. Наконецъ въ четвертомъ отдѣленіи находились золотые и серебряные сосуды и все пошребное для убора вельможи: сосуды изъ серебра и золота, изъ фарфора и горнаго хрустала, ониксовыя и агатовыя чаши; каждый бралъ, сколько могъ только унести. Идучи назадъ той же дорогой, они замѣтили еще большую дверь, набранную слововою костью и чернымъ деревомъ и прикрытую шелковымъ занавѣсомъ съ золотомъ. Она заперта была серебряными запорами и опворилась не ключемъ, а скрытою пружиною, кошорая шопчасъ успушила покушеніямъ Шеиха Абдосъ-Самеда. Они вошли въ залу, украшенную великолѣпнымъ ковромъ, на кошоромъ представлены были всякаго рода чепвероногія и пшицы, всякаго рода деревья и цвѣшны, видимые въ природѣ. Недалеко опшуда находилось еще небольшое опдѣленіе, мраморныя спѣсны кошорого были шакъ гладки, что казались спальными. Оно наполнено было множествомъ жемчуга, рубиновъ и превосходныхъ изумрудовъ. Спранники наши шакъ присшально смопрѣли на сімъ сокровища, что мо-

желѣ спаніеся вѣчно-бы не сошли съ мѣспгъ своихъ , если-бы Эмиръ Мусса не попросилъ Шеиха разрушити очарованіе и опвести его спутниковъ. Послѣ этого пришли они подѣ огромный куполь изъ краснаго гранита , котораго красивость пре-восходила все , что они до шѣхъ поръ ни видѣли. Посреди купола была комната , въ родѣ опчивальни или моельницы , изъ кошорой окна были на всѣ спороны главнаго покоя ; въ опверспіи оконъ были вдѣланы изумрудныя рѣшенки , осыпанныя алмазами. Посреди этой комнаты сполалъ золотой пікани намешъ , поддерживаемый золотыми же сполбами ; на каждомъ изъ сполбовъ сидѣло по ппщѣ съ изумрудными перьями и рубиновыми клѣвомъ. Подѣ намешомъ видно было ложе , осыпанное алмазами и дорогими каменьями ; на немъ лежала молодая женщина , котораю красотою своею запмила-бы блескъ солнечный. Ее украшали золотой вѣнецъ , жемчужное ожерелье , алмазный поясъ и повязка , блескомъ своимъ ослѣпывшая всѣхъ , хопѣвшихъ взглянуть на нее. Эмиръ Мусса былъ внѣ себя опъ этой небесной красоты ; онъ подошелъ къ ней и поклонился съ глубокимъ поапненіемъ. « Она не спанешъ опвѣташь на эшошъ поклонъ , сказалъ Талибъ , сынъ Селовъ , пошому что давно уже умерла. Розы и лиліи на лицѣ своемъ она сохраняетъ пошому , что набальзамирована искусною рукою ; а сіи блестящія очи , которыя кажутся исполненными

жизни, одушевляюща движениемъ рпуши — для чего доспапочно самаго легкаго вѣпра, кошорый вѣспѣзъ вокругъ нее.» Въ ногахъ эпои красавици на не большомъ ложѣ, сполвшемъ на возвышеніи, находились два раба, кошорые также казались живыми: такъ искусно были они набальзамированы! Одинъ изъ рабовъ былъ бѣлый, а другой черный; первый держалъ спальное копье, а другой обнаженный булапъ. Между ними находился споль, на кошоромъ прочтена слѣдующая надпись:

» Во имя Бога милосердаго и милующаго! Во имя Господа вѣчнаго и непремѣннаго! Во имя Господа, Владыки началъ и судьбъ! О смнѣ чловѣческой! какъ безумны шщеславныя надежды швои. Или ты не вѣдаешь, что смерть всегда спорожитъ тебя? Гдѣ Адамъ, праопецъ смертныхъ? Гдѣ Ной? Гдѣ Цари Индіи и Цари Ирака? Гдѣ Хозрой и Цезари? Амалекипы и Фараоны? Цари Аравіи и Персіи? Гдѣ могучіе Владыки зѣмли? Гдѣ Гаммамъ? Гдѣ Гаруны? Гдѣ Шедадъ, смнѣ Аадовъ, и смны Хананейскіе? По повелѣнію Господа они оспавили зѣмлю. Имъ насупишъ время опдашь опчешъ въ дѣлахъ своихъ въ день судный.

» Смнѣ чловѣческой! Если ты меня не знаешь, шо я повѣдаю тебѣ, кшо я. Я Тадморъ, дочь Царя Амалекипскаго. Я владычеспивовала со славою и правотою надъ спранами, кошорыя были обшпритѣ всѣхъ прочихъ, принадлежавшихъ дру-

гнѣ Царягъ. Подданные мои благодарствовали. Я жила въ лонѣ могущества и счастья до шѣхъ вѣръ, пока голодъ, продолжавшійся цѣлымъ семь лѣтъ, не поразилъ моего царства. Послѣ того, какъ бить эпюпъ постигъ насъ, въ земляхъ моихъ не ослабалось болѣе средствъ къ пропитанію. Живошныя, пошребныя для воздѣлыванія земли, были испреблены и дни моей жизни должны были прекратиться. Напрасно распочала я всѣ свои сокровища: я не могла получить за нихъ ни одного куска хлѣба. Голодъ пожралъ моихъ подданныхъ такъ-же, какъ и меня; Ангелъ смерти принялъ души наши, и мы оспѣлись, какъ ты видишь, примеромъ для будущихъ вѣковъ.»

Эмиръ Мусса пролилъ потоки слезъ, чинная сія глубокія слова, и распроганный—продолжалъ далѣ:

» Страхъ Божій есть начало премудрости. Все кончашся наконецъ смертію. О снѣ человѣческой! Примеромъ своихъ предшесвенниковъ научись быть мудрымъ. Не ожесточай своего сердца и не возгоржайся своимъ могуществомъ. Я вопроша уже себя, и вопрошаю еще: Гдѣ пираны вѣковъ прошекшихъ? Фараоны, Нимвроды, двурогіе Александры? Они погибли и съ племенами своими—месцію Бога, Владыки земли.

» О странникъ, достигшій сего города! Не предавайся міру и суешнымъ его радостямъ. Рас-

кайся въ погрѣшеніяхъ своихъ , бойся Бога ; швори благо и собери жапву добрыхъ дѣлъ своихъ въ день судный. Тотъ , кому Господь благоволилъ проникнуть въ городъ сей , можешь взять опсюда все , что ему угодно. Но да не коснешся моего пѣла и да сохранишь завѣтъ цѣломудрія , даже и въ отношеніи къ мертвымъ. Тотъ-же , кто осмѣлился нарушить его , кто , увлекаясь моею красою , вожделѣніями спраспи , осмѣлился вознести на меня пресупную руку свою , шотъ въ одно мгновеніе получишь казнь за свое безразсудство. Вотъ , о путникъ ! что я должна была тебѣ повѣдать. »

Эмиръ Мусса гошовъ былъ задохнулся опъ своихъ рыданій ; пришедши-же нѣсколько въ себя , прежде всего поспѣшилъ тщательнo списать сію надпись на памяшныя доски свои. Потомъ повелѣлъ онъ спунникамъ , съ нимъ бывшимъ , взять золоша и жемчуга сполько , сколько они могли , и спрого запрешилъ касаться ложа и одеждъ Царевны. » Стыдно было-бы однакожъ , сказалъ Талибъ , сынъ Селовъ , для сокровищницы Халифа не унести эпого алмаза , ослѣпляющаго очи. — Развѣ ты не чиналъ угрозъ , изъясненныхъ въ эпой надписи ? возразилъ Эмиръ. — Пустяки ! продолжалъ Талибъ ; эпоимъ не обижаются и во время жизни , пѣмъ менѣ послѣ смерти. — Сказавъ слова сіи , онъ хопгѣлъ спунить на ложе Царев-

ны; какъ вдругъ оба раба векочили, одинъ съ копьемъ, другой съ своимъ булашомъ, и поразили его въ голову и въ спину, такъ что шопъ мерш-
вый упалъ на мѣстѣ. » Господи! помилуй его ду-
шу! воскликнулъ Эмиръ. Вотъ что бываетъ съ
векочными! Въ чертогахъ сколько богатствъ,
сколько желанъ можно. » Каждый взялъ, что хо-
шѣлъ; и караванъ, богато навьюченный, оставивъ
Мѣдный городъ, продолжалъ далѣе путь свой.

Онъ прибылъ наконецъ къ высокой горѣ, въ ко-
порою изсѣчены были пещеры; пещеры сіи служи-
ли жилищемъ для племени Черныхъ людей, копо-
рые вмѣсто одежды покрывали пѣло свое рогами-
ми. По приближеніи каравана, мужчины разбѣжа-
лись, а женщины и дѣти, удержанныя любопыт-
ствомъ, оспались при входѣ въ пещеры. Верблю-
ды были развьючены и поснавлены были паланки.
Вскорѣ послѣ того Царь Черныхъ сошелъ съ горъ
и поклонившись Эмирамъ, спросилъ ихъ: кто они,
люди или геніи? » Мы люди, отвѣщивовалъ Эмиръ
Мусса, а вы вѣрно поколѣніе геніевъ.— Ныпъ,
возразилъ Царь Черныхъ, мы опъ племени Хама,
сына Ноева, и живемъ на берегахъ сего моря, ко-
порое называется моремъ *Плѣна*.— » Такъ вы не
виѣли опкровенія опъ Господа и Пророка его?—
Не правда, отвѣщивовалъ Царь: однажды изъ
средины этого моря поднялся человекъ съ лицомъ
лучезарнымъ и воскликнулъ такимъ голосомъ, что

онъ былъ вездѣ слышанъ : » Дѣши мой ! спрашиваешь того , кошорый видишь васъ , не будучи самъ видимъ вами ! Изреките : нѣтъ Бога кромѣ Бога , и Мугаммедъ Пророкъ его ! Я , говорящій вамъ , я сынъ Хизра , спража при источникѣ жизни . » Кромѣ того каждую пятницу ночью видимъ мы свѣтъ , сходящій на землю , и слышимъ мощіе голоса : » Хвала , слава Владыкѣ Ангеловъ и духовъ ! Вся милоспъ ошъ Бога , вся сила и могущество въ немъ Великому ! »

Мнѣ очень ушѣшипельно эшо слышанъ , ошвѣщспивовалъ Эмиръ Мусса ; насъ-же повелишель вѣрующихъ и Владыка правовѣрныхъ , Халифъ Абдалмелекъ , сынъ Мервана , ошправилъ для ошѣисканія мѣдныхъ сосудовъ , находящихся въ эшомъ морѣ , въ копорыхъ заключены геніи со временъ Саломона . Мы были-бы вамъ очень благодарны , если-бы вы могли намъ доспанъ нѣсколько шакихъ сосудовъ . Царь велѣлъ пошчасъ призвашъ масперовъ опускапья на дно морское , кошорые и принесли ошшуда двѣнадцать сосудовъ , запечатанныхъ печатью Саломона . Эмиръ Мусса сдѣлалъ великолѣпные подарки Царю Черныхъ , кошорый съ своей спорони далъ ему двухъ прекрасныхъ морскихъ дѣвицъ , вынупыхъ вмѣспѣ съ мѣдными сосудами . Эмиръ Мусса былъ въ воспоргѣ ошъ шакого подарка , ибо думалъ , чпо сіи дивныя сущеспва понавпьяся Халифу болѣе даже сосудовъ Саломоновыхъ .

Онъ проснулся съ Царемъ Черныхъ и благополучно возвратился въ Дамаскъ, пробывъ внутренность Африки и Египта. Халифъ выслушалъ съ великимъ удовольствіемъ повѣствованіе о его путешествіи и весьма сожалѣлъ, что самъ въ немъ не участвовалъ. Онъ велѣлъ открыть одинъ послѣ другаго двѣнадцать привезенныхъ сосудовъ, откуда поднимались гении, восклицая: » Проси, Пророкъ Божій! теперь мы не оплохнемъ болѣе отъ тебя! » и потомъ исчезали. Такія чудеса весьма поразили изумленіемъ Халифа и весь дворъ его.

Что-жъ касается до морскихъ дѣвицъ, то онѣ пущены были въ большое водохранилище, гдѣ однако погибли отъ зноя Самума. Халифъ далъ во почепной шубѣ всѣмъ участвовавшимъ въ путешествіи; ибо сокровищъ и безъ того они довольно вывезли изъ Мѣднаго города.

» Хвала Господу! сказалъ Халифъ. Только одному Саломону благоволено было дать такое могущество! » Эмиръ Мусса, желая написать все видѣнное имъ во время спростованія, не хотѣлъ снова принять на себя дѣлъ правленія и просилъ Халифа передать сыну его по достоинству, въ которое прежде онъ самъ облеченъ былъ. Послѣ чего онъ удалился въ Иерусалимъ и умеръ въ удивленіи, посвятивъ всѣ часы досуговъ сему истинному повѣствованію своего спростованія.

(Съ Франц.)

Traité de Physiologie appliquée à la Pathologie, par J. V. Broussais. Paris. 1823 et 1824.

Traité de Physiologie-pathologique, par Bégin. Deuxième édition. Paris. 1828.

Précis élémentaire de Physiologie, par Magendie. 2 vol. in 8. Deuxième édition. 1825.

(Окончаніе.)

Между тѣмъ какъ большая часть Физиологовъ безошчетно слѣдовала стремленію къ опытности, нѣкоторые отдѣлялись отъ нея и шли путемъ противоположнымъ. Школа Монпельская и особенно Гр. Бераръ и Лорда, искуснѣйшіе изъяснители оной, не переставали защищать устарѣлыя ученія спиритуалистовъ; не оставляя и Баршезова жизненнаго начала; но все это они измѣняли, каждый по своимъ частнымъ идеямъ, такъ что Физиологія, послѣ столькихъ переменъ и послѣдовательныхъ переворотовъ, оставалась смѣшанною, неопредѣленною и казалась какъ-бы плававшею между двумя теоріями, діаметрально противоположными. Невѣрная въ своемъ движеніи, она повиновалась каждому дуновенію ученій и непрерывно переходила отъ одной крайности къ другой. Была оставила ее въ томъ состояніи, которое можно назвать приговорительнымъ: за нимъ необходимо должны были слѣдовать разномысліе и несогласія; слѣдственно, Физиологія неминуемо долженствовала подвергнуться продолжительнымъ колебані-

ямъ, прежде вступленія на прямой путь истины. Поэтому-то нынѣшняя Физиологія, изъясняемая въ нашихъ книгахъ и преподаваемая въ нашихъ училищахъ, есть только уцѣлѣвшій обломокъ ученія Биша: это пайпникъ, мѣсами подновленный снаружи, но разрушенный въ основаніи. Нынѣ цѣлѣбною должностію, но безъ вѣры говоряшь о жизненныхъ свойствахъ. Послѣ сего не будемъ удивляться, что въ послѣднее время наука сдѣлала не много существенныхъ успѣховъ въ своей общности; или, лучше сказать, что въ ней совсѣмъ нѣтъ общности: шаково было время, что надлежало занимашься болѣе подробностями. Въ подробностяхъ сдѣлано множеству открытій; но только два человека пыпались дать Физиологіи общее направленіе, толкнувъ ее, каждый со своей стороны, на пути совершенно противоположныя.

Одинъ изъ нихъ, Г. Бруссе, рѣшишельный партизанъ витализма, простиеръ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можешь бышь далѣе вѣтъ своихъ предшественниковъ. Здѣсь я смотрю на Г-на Бруссе не какъ на Медика и Патолога; забываю на минушу безчисленныя, оказанныя имъ заслуги, дающія ему столько правъ на нашу признательность, и не входя даже ни въ малѣйшій разборъ идей, введенныхъ имъ, думаю, что дабы наспоющимъ образомъ судить о немъ какъ о физиологѣ, надобно забышь на время его труды и разсматривашь его вообще. Тогда, мнѣ кажется, увидимъ, безъ всякаго предубѣжденія къ его общимъ и частнымъ ученіямъ, что Физиологія его, въ томъ видѣ какъ она есть, осуждаешь себя уже самымъ своимъ про-

исхожденіемъ , пошому что онъ шедъ въ Медицину не ошъ нея , но , напрошивъ , вывелъ ее изъ своей практики. Г. Бруссе, прежде всего занимался практикою ; онъ былъ одаренъ рѣдкою проницательностью для изученія и наблюденія болѣзней ; послѣ всего , самымъ наблюденіемъ будучи приведенъ къ изъясненію причинъ того , что видѣлъ , и желая соединить всѣ болѣзненные явленія въ одномъ всеобщемъ началѣ , онъ нашелъ его въ одномъ словѣ : раздражительность. Но это не все. Относя всѣ болѣзни единственно къ раздражительности , Г-нъ Бруссе вызывался ошыскашь и въ здоровомъ состояннн шже самое явленіе , равно единое , равно способное для всѣхъ изъясненій. Къ несчастію , оно было недоспапочно. Тщешно существовало , но обшояшельствамъ большее или меньшее раздраженіе , или раздраженіе преобразенное : оно оказывалось слишкомъ крапко ; должно было , чтобы симпатія , съ ея измѣняющимися формами и безчисленными дѣйствіями , помогла заблуждающейся теоріи и послужила , нѣкошорымъ образомъ , основаніемъ зданія , напередъ выспроеннаго. Нѣтъ сомнѣннн , что симпатія существуетъ , но не такая , какую создалъ намъ Г. Бруссе. Онъ былъ принужденъ увеличить ея могущество , дабы извлечь изъ нея то , чего въ ней нѣтъ , а это завлекло его въ шпранныя предположенія. Здѣсь онъ палъ. Сей мнѣннн догматикъ оказался такимъ-же эмпирикомъ , какъ и другіе : эмпирикомъ конечно удивительнымъ , но и ни чѣмъ болѣе. Вскорѣ , никакое искусство человѣческое не могло скрывать , даже онъ простолюдиновъ-наблюдателей , ужаснаго безпорядка , ко-

шорні господствоваля во всемь его ученіи, гдѣ Физиологія явилась послѣ практики. Если-бы теперь попребовали нашего мнѣнія объ основаніи Физиологическихъ идей Г-на Бруссе, то мы были-бы принуждены изъявить совершенно противоположное его мнѣнію. Сколько искуснымъ и разсудительнымъ почитаемъ мы Г-на Бруссе въ его медицинской практикѣ, столько-же онъ кажется намъ далекимъ отъ истины въ своей Физиологіи. Во первыхъ, онъ собственнн вишалнзмъ, а уже одно это несогласимо съ нашимъ образомъ мыслей, и послѣ этого, пусть думаешь онъ щакъ иди идиате о частныхъ предметахъ науки, гдѣ онъ не рѣдко можетъ бытъ правъ, но все это не важно въ настоящемъ случаѣ: мы не можемъ идиши съ нимъ одною дорогою; мы говоримъ не однимъ языкомъ; мы въ здѣшнемъ мірѣ судимъ объ умѣ другихъ только своимъ собственнымъ умомъ, и пошому просимъ позволенія намъ высказывашь свое мнѣніе со всѣмъ пряמודушіемъ, какое должно управлѣть критикомъ.

Г. Мажанди пошелъ путемъ противоположнымъ, напередъ можно сказать, боате вѣрнымъ. Не бывши еще медикомъ, онъ сдѣлался физиологомъ. Будучи отъявленнымъ непріятелемъ вишалнзма, отвергаемаго его умомъ и оспориваемаго его опытами, онъ отбросилъ все преданія сей школы, изгнавъ изъ науки весь грузъ словъ, которыми загромождали ее, не объясняя ничего; опираясь на свидѣтельственно чувствнвъ, онъ прибѣгалъ къ опытамъ, пошому что мочилась изъ единственнмъ средствомъ, ведущимъ къ познанію истины. На-

Мартъ 1829.

конецъ, онъ призывалъ въ помощь себѣ всѣ свидѣнія, какія непрерывно представляли ему постепенные успѣхи въ наукахъ Физическихъ, и стараясь утвердить Терапевтику на семь-же основаніи, онъ особенно занялся химическими свойствами лекарствъ. Такимъ образомъ, изъ опытности воздвиглось ученіе; и потому Г-нъ Мажанди дѣйствительно шелъ въ Физиологіи своимъ путемъ. Галлеръ и Биша конечно произвели уже множесно опытовъ надъ живыми животными, но одинъ Г-нъ Мажанди производилъ оныя съ общою цѣлію. Не говоря здѣсь о всѣхъ частныхъ трудахъ сего превосходнаго Физиолога, не споря даже объ истинѣ ученій, которыми онъ старался утвердить, я замѣчу только, что даже потому единственно, что онъ оставался въ событіяхъ, онъ принялъ уже твердую мѣтуду; что развитіе идей его было совершенно благоразумно и правильно, и что если-бы было даже доказано, что иногда онъ употреблялъ во зло Физику и Химию, примѣняя ихъ слишкомъ прямо къ изученію органическихъ тѣлъ, то и тогда его услуги Физиологіи были-бы не менѣе велики, въ томъ, что онъ непрерывно сблизилъ означенныя науки, съ жаромъ таланта и силою разсудка поражалъ витализмъ новыхъ школъ, и, что всего важнѣе, приучалъ умы къ тщательному наблюденію явленій и къ опытному изысканію причинъ въ дѣйствіяхъ. Если-бы онъ даже заблуждался въ заключеніяхъ, выведенныхъ имъ изъ собственныхъ своихъ трудовъ, то усилія его были-бы не потеряны, и явленія, которыми онъ открылъ и утвердилъ, нѣмъ не менѣе остались-бы

утвержденными явлениями для науки, приобретенной оныя. Должно изслѣдовать шодько, до какой степени опыты надъ живыми животными могутъ вести къ заключеніямъ относительно человека, и особенно человека, находящагося въ здоровомъ состояніи: вопросъ важный, перебующій продолжительнаго развитія и пошому здѣсь мы не можемъ останавливаться на ономъ.

Я говорилъ подробно о Гг. Бруссе и Мамади, не шодько для шого, чшобы отдать дань уваженія ихъ испещенно-высокому достоинству, сколько для яснѣйшаго показанія двойственнаго направленія, какое со времени Биша во Франціи приняло изученіе Физиологіи. Я напередъ объявлялъ это раздѣленіе на двѣ школы, показавъ провозглашаемыя ими ученія соединенными въ сочиненіяхъ Биша, и замѣтивъ, что они были сообразны съ духомъ ѣка, слѣдственно должныствовали бытъ вмѣстѣ и приняты живымъ предшавшелемъ онаго, Биша. Но какъ изъ двухъ противоположныхъ силъ, дѣятельной и неподвижной, послѣдняя непременно должна уступить первой, шакъ школа вишнелшповъ не могла выдерживать соперничества опытной школы; даже народные успѣхи Г-на Бруссе были явнымъ доказательствомъ сей истины. Не должно и думать, что въ послѣдніе годы общервниманіе было обращено на догматы Г-на Бруссе о раздражительности; болѣею частію о нихъ не заботились, или безопчешно принимали его мнѣніе о раздражительности; главнымъ дѣломъ было ученіе о размѣщеніи брѣдней въ органахъ и, по важности, приданная Патоогическоі Анатоміи

пищеварительной системы, однимъ словомъ, разрушенію того, что Г-нъ Бруссе называлъ *Медицинскою Онтологіею*, къ несчастію только замѣненою имъ, по мнѣнію нашему, другою Онтологіею, отличною отъ первой. Теперь, когда система Г-на Бруссе ошжила свой вѣкъ, когда всѣ догматическія и эмпирическія мнѣнія сего знаменитаго учившаго перешли, такъ сказать, черезъ горнило крипички и обнажены отъ всего ложнаго и преувеличеннаго, теперь у него оспаривается слава неопытная; но мы думаемъ, что ею онъ болѣе одоженъ своимъ трудомъ, нежели мнѣніемъ. Въ этомъ случаѣ вѣнъ насъ происходящаго такъ, что общественная справедливость доходитъ до неблагодарности. Сила ума, употребленная на составленіе превосходнѣйшихъ системъ, спавшихся ни во что! людямъ надобно только вещественнаго! Они ошвергаютъ даже очевидность, если она не касается самыхъ грубыхъ чувствъ, и кто рѣшился заслужить благоволеніе общества, тотъ долженъ все описывать, не стараясь ничего объяснять: описывать Анатомію, описывать Физиологію, описывать болѣзненные признаки, описывать патологическія измѣненія, описывать самые медикаменты и яды. Толпа, составляющая медицинскій народъ, никакъ не можетъ понять, что наблюдения сами по себѣ бесплодны, если имъ не помогаешь на всякомъ шагѣ размышленіе, руководствующее наблюдателя, или помогающее ему въ употребленіи собранныхъ имъ свѣдѣній. Скажемъ наконецъ, что у насъ опытная метода дошла уже до злоупотребленія, ибо мы никакъ не позволимъ раз-

мыслию вытѣшавшись въ наши опыты: Угодно-ли видѣть разширенный примѣръ этой наблюдательной неподвижности, за которую мы укоряемъ Медицину? Ни одна часть нашей науки не запечатлена столь рѣзко симъ характеромъ, какъ Патологическая Анатомія, о которой мы недавно говорили: мы и должны заняться здѣсь ею, ибо въ ней также есть своя Физиологія, составляющая часть общей Физиологичіи шѣла человѣческаго.

Вы признали правиломъ, что изученіе различныхъ состояній патологическихъ надъ трупами, есть лучшее средство достигнуть къ познанію болѣзней; это совершенно справедливо, совершенно основательно. Слѣдуя сему правилу, вы съ величайшимъ вниманіемъ изсѣдовали воъ разстройствѣ или поврежденіи, представляющіяся вамъ въ тернѣ, въѣшь и объемъ органовъ; каждое изъ поврежденій ошачено, названо особеннымъ именемъ, сравнено съ другими, и причислено къ шоту или другому болѣзненному признаку, наблюдаемому въ живомъ человѣкѣ. Все это очень очень хорошо, но, къ несчастію, все это весьма недосмачочно. Когда вы говорили: «Вонъ ракъ, вонъ воспаленіе, вонъ полипъ,» въ существѣ, лучше-ли вы узнали свѣйство болѣзни? Что значашъ слова: *ракъ, воспаленіе, полипъ*? Не ужели вы думаете, что употребляя сей языкъ, вами созданный, вы понимаете себя? Я также употребляю его ежедневно, хотя и съ ошвращеніемъ, но объявляю рѣшишельно, что мнѣ онъ не даетъ никакого пошнѣнія о сущности предметовъ, да и для всякаго,

кому угодно. будешь объ этомъ помыслишь, какъ сбивчива, неопредѣленна идея, оставляемая въ умѣ слѣдн выразеніями! Истинно удивительное дѣло эда легкосць, съ какою въ Медицинѣ опредѣляющаяся словами, и между шѣмъ, можешь быть итъ ни одной науки, въ кошорой слова имѣли-бы некое опредѣленное значеніе. Читай наши книги, можно подумашь, что Медицина сначала была воспѣта поэтами, и что потомъ уже о ней стали говорить писатели. Каждый предметъ разрисованъ разными красками: это совершенно метафорическій слогъ, весь составленный изъ образовъ. На примѣръ, шканъ шѣла покраснѣла и большой чувствуется въ ней жаръ; желая выразишь ощущаемое шѣмъ, онъ говоритъ, что шканъ воспалился. Слово: *воспаленіе*, отъ больного переходитъ къ недѣку и остается въ наукѣ. Но послѣ, когда начинаютъ опредѣлять и со вниманіемъ изучать явленія воспаленій, тогда не понимаютъ другъ друга, не понимая значенія слова: одни видятъ воспаленіе, другіе отказываются видѣть его. Это и не удивительно. Все затрудненіе происходитъ отъ того, что однимъ, неопредѣленнымъ, многозначительнымъ словомъ хотѣли выразишь цѣлый рядъ неизмѣняющихся, но постоянныхъ явленій. Воспаленіе не одно, состоянія въ немъ измѣняются, не измѣняется только выраженіе; словомъ, воспаленіе есть метафора, и вся Медицина зиждется на метафорѣ.

«Но,» скажутъ намъ, «Патологическая Анатомія не ограничивается только шѣмъ, что распрѣдѣляетъ болѣзнями измѣненія и означаетъ

ихъ особенными названіями : она тщательнѣе списываетъ оныя , изучаетъ ихъ формы , измѣряетъ , изѣшиваетъ , разсѣкаетъ ихъ , представляетъ ихъ намъ въ рисованныхъ или живописныхъ изображеніяхъ , показываетъ вытѣяенными изъ воска , изъ алебастра , или приготавливаетъ особенными способами и хранитъ цѣлыя собранія оныхъ въ кабинетахъ ; она исчисляетъ всѣ черныя пятна желтой горячки и заставляетъ васъ видѣть каждую выпуклость , каждое углубленіе . « Это справедливо , но , повѣряю , къ чему вѣдушь всѣ эти изысканія и описанія ? Чѣмъ объясните вы такимъ образомъ ? Чему научите вы меня , на примѣръ , касательно различныхъ свойствъ разныхъ родовъ рака , когда скажете мнѣ съ Лавиннекомъ : « Этошъ ракъ есть *ракъ клеекій* , а вошь эшошъ *ракъ мозговой* . » То есть , что первый походитъ на клей , а второй на мозговое вещество ? Но мнѣ стоило-бы только посмотрѣть на сіи предметы въ анатомическомъ кабинетѣ , и я узналъ-бы столько-же , сколько извѣстно о нихъ въ наукѣ . Не въ эшомъ составѣ истинная Патологическая Анатомія . Покуда не будутъ сблизать продуктовъ брѣзвчатныхъ съ продуктами здороваго состоянія , покуда не будутъ изучать однихъ такъ-же какъ другихъ , и послѣднихъ не будутъ изучать въ ихъ внутреннемъ составѣ , въ ихъ химическихъ свойствахъ , въ ихъ органо-генезическомъ развитіи , въ ихъ физиологическихъ отправленияхъ , въ ихъ отнoшеніяхъ къ общей экономіи шѣла , однимъ словомъ , покуда ихъ не будутъ сравнивать , дабы имѣть возможность судить , дошолъ вся наука ваша будещъ

бесплодна; ваши кабинеты Патологической Анастоміи будущъ похожи на тѣ мнимыя библіотеки, гдѣ находятся однѣ спинки книгъ, съ наклеенными заглавіями, но нѣтъ настоящихъ книгъ, которыхъ можно было-бы раскрыть. Циркуль, вѣски, кисть колориста, воскъ или гипсъ модельщика, не научатъ васъ ничему, совершенно ничему касательно болѣзней, и еще менѣе касательно средствъ къ излеченію оныхъ.

Говоря объ этомъ швердымъ голосомъ, я хочу показать, что ограничиваясь изученіемъ наружныхъ формъ, худо понимающъ Анастомію Патологическую, ибо въ этомъ образѣ воззрѣнія и изученія, опять, мнѣ кажешся, я узнаю тотъ-же духъ, о которомъ было говорено сію минушу: онъ господствуетъ и нынѣ; онъ особенно состоятъ въ томъ, что допускаешъ въ науку только самое вещественное и грубое; онъ, по инстинкту, предпочитаетъ Анастомію всѣмъ другимъ отраслямъ Медицины, единственно потому что она, въ строгомъ смыслѣ, обходится безъ сужденія. Въ Анастоміи онъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на кости и на мускулы, но поражаетъ ее именемъ *умозрительной Анастоміи*, какъ скоро она обращается къ наблюденію тонкихъ и нѣжныхъ частей организаціи; онъ отвергаетъ употребленіе микроскопа, потому только, что предметовъ, усматриваемыхъ черезъ сей инструментъ, не лзя ни шпртзашъ анатомическимъ ножомъ, ни шпрдѣлшъ бистуріемъ; онъ не вѣршъ нервнымъ струмъ и электрическимъ вліяніемъ въ шдѣлъ челошвческомъ, потому что ихъ не лзя ни ошупашъ,

ли схватили пальцами; онъ номѣщаетъ душу въ мозговую матерію, и думаешь, что такимъ образомъ онъ лучше пойметъ ее, потому что матерію онъ видишь, а души не видишь; онъ конечно называлъ-бы химерою изученіе газовъ въ Химіи, въ то время, когда ими занимались въ первый разъ; наконецъ онъ презираешь всякое сужденіе, сердясь на всякую теорію и означаетъ презрительнымъ именемъ *Метафизики* все, что ускользаетъ отъ чувства осязанія, или хоть зрѣнія послѣдняго изъ нашихъ чувствъ. Надобно согласишься, что это чрезвычайно дурное направленіе, и хотя въ настоящее время оно сдѣлалось общимъ, но я долгомъ почишаю осуждать его еще сильнѣе потому, что главное слѣдствіе онаго есть стѣсненіе умовъ и осужденіе разума человѣческаго къ полному бездѣйствію.

Къ счастью, это важное неудобство происходитъ, о чемъ я также упомянулъ, единственно отъ злоупотребленія превосходнаго основанія: отъ злоупотребленія наблюдательнаго духа, то есть существа духа свободы въ наукѣ, который заключаетъ въ себѣ и самое исправленіе; слѣдственно, въ немъ болѣе добра, нежели зла, какое могли причинить уклоненія онаго. Зло искореняется конечно съ трудомъ, особенно когда оно овладѣло всѣми, и напротивъ добро, обыкновенно нисходящее отъ высшихъ умовъ къ низшимъ, бываетъ еще незамѣтно и тогда, какъ существованіе и даже успѣхи его уже неоспоримы. Это происходитъ нынѣ въ нашей Медицинской наукѣ. Въ то время какъ почти всѣ кажутся неподвижными и закоствѣлыми въ

ціяхъ своихъ невѣрныхъ ученій, въ то время когда преподаваніе въ Медицинскихъ факультетахъ повсюду кажется слабымъ, безсильнымъ, несоотвѣтствующимъ потребностямъ умовъ; когда Профессоры почти вездѣ опшпали отъ учениковъ своихъ—въ ишинѣ, почти нѣкъ незамѣчемо, возрастаетъ нѣсколько человекъ, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ, которые можешь бышь почишають себя неспособными схватишь бразды могучею рукою и направить колесницу на истинный путь, но понимаютъ, что-бы должно было дѣлать. Имъ грустно при взглядѣ на нынѣшній ходъ вещей; имъ желательнѣе увидѣшь наконецъ перемѣну на лучшее; они съ вѣрою ожидаютъ возрожденія науки и шой минушы, когда можно будешь наконецъ слышашъ языкъ разсудка и говоришь на этомъ языкѣ. Конечно, у эшихъ нововводителей (потому что донинѣ ихъ все еще такъ называють) можно было-бы оспоривашъ правоту сужденія, которую предоспаляютъ они шолько себѣ и которой нѣтъ, по ихъ мнѣнію, въ старой школѣ, вскорѣ долженствующей угаснуть; но, слава Богу! въ то время какъ мы едва осмѣливаемся говоришь объ истинныхъ началахъ, они уже давно приложены къ дѣлу въ сосѣдственной намъ землѣ. Соединеніе наблюдательности, собирающей матеріалы, съ мысленіемъ, пользующимся ими, уже много лѣтъ назадъ существуетъ въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчательное-ли событіе, что на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ поприщъ ума, напримѣръ въ Юриспруденціи, въ Филологіи, въ Археологіи, въ Философическихъ наукахъ, эшотъ народъ нынѣ

опредѣлъ всѣ другіе образованные народы? Въ Физиологии особенно, какое разстояніе между нами! Самъ Галлеръ, о кошоромъ столько говорять во Франціи и кошорого никакъ не читають, Галлеръ былъ въ нѣкошорыхъ отношеніяхъ гораздо даѣе нежели мы, въ нынѣшнемъ нашемъ сошюніи. Въ Нѣмцахъ иногда встрѣчаемъ соединенными два качества ума, кажешся совершенно противоположныя: съ одной стороны, богатое воображеніе сѣверныхъ народовъ, часшо дерзко щеся въ неопредѣленности, но по крайней мѣрѣ никогда не убомающеся произведешіемъ, живущее въ системахъ, кошорыя поражаетъ оно съ удивительною легкостью; съ другой стороны, трудолюбивая шерцѣливость, не ужасаемая ни сложностью явленій, ни медленностью опытовъ, ни малымъ успѣхомъ первыхъ изысканій: усмиривъ глаза на одну и шюшь-же предметъ, она безпрерывно и внимательно разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ сосшавныхъ его частяхъ. Не лзя повѣришь, какая сила образуется изъ соединенія сихъ двухъ способностей; но, какъ все не бываетъ дано однимъ и шѣмъ-же людямъ, шакъ и у Нѣмцовъ нѣтъ шого вѣрнаго, методическаго ума, кошорый назначаетъ каждой вещи существенную цѣну и безъ кошорого все бываетъ сбивчиво и неопредѣленно.

Если-бы я не былъ принужденъ заключить сію статью въ шѣсныя границы, шо могъ-бы здѣсь распространиться о всѣхъ различныхъ ученіяхъ, занимавшихъ Германію въ послѣднее время: о Гомеопатіи Ганнемана, о полярности, наконецъ о

номъ ученіи, которое называли Натуральною Философією и Теллуризмомъ. Почти всѣ сіи ученія имѣютъ нѣчто недоставокъ, что они преувеличены, слѣдственно неполны и слѣдственно исключительны; но, по закону всѣхъ систематическихъ созданій ума человеческого, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ большее или меньшее число важныхъ истинъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, во Франціи никто и не подозрѣвалъ того, что происходитъ за границею. Не знали даже именъ Меккеля, Треншануса, Прохаски, Грюншгюйзена, Деллингера, Крейсига и многихъ другихъ, давно и далеко оставившихъ за собою всѣхъ блѣдныхъ и невѣжеславенныхъ изъяснителей Общей Анатоміи Витта. Первые Гр. Велларъ и Бленвиаль распространили во Франціи, между медицинскою публикою; Германскіи идеи. Послѣдній изъ сихъ мужей, исполненный рвенія и пылкости, одаренный живымъ и гибкимъ воображеніемъ, совершенно сходившимся съ теми авторами, которыхъ онъ переводилъ на нашъ языкъ, особенно обладалъ удивительною способностью сливаться, въ какомъ-нибудь образомъ, съ вдохновеніемъ другихъ и превращать его въ свое собственное вдохновеніе. Любовь къ наукѣ, желаніе убѣдить, безпрестанно волновавшее его и являвшееся во всѣхъ словахъ, движеніяхъ и даже въ слогѣ его, отрывистомъ и часто неправильномъ, все въ лекціяхъ его способствовало къ потрясенію слушателей. Сначала его почитали мечтателемъ, потомъ въ Физиологіи; потомъ привыкли къ его языку, и вскорѣ избранные ученики толпились вокругъ кафедры его и

каждо ведущивадысь въ его теоріи. Бекларъ былъ замѣчашеленъ совершенно различными съ нимъ качествами. У него совѣтъ не было воображенія, совѣтъ не было того, что Французы называютъ умомъ, и ничего оригинальнаго; но въ замѣну сего у него были свѣтлыя идеи, необыкновенная точность сужденія, рѣдкая способность къ шуду, удивительная память, наконецъ даръ изложенія, развитый до высокой степени. Въ изустныхъ лекціяхъ своихъ онъ отличался слогомъ не блестящимъ, но всегда удивительно яснымъ; изложеніе у него было совершенно методическое; въ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ онъ вообще писалъ дурно, но нѣтъ искусство говорить только то, что должно, если не все что должно; переводя слово въ слово цѣлыя страницы изъ Нѣмецкихъ авторовъ, онъ едва означалъ источники свои, но не крайней мѣрѣ онъ передавалъ намъ Нѣмцовъ, загроывая своимъ именемъ и покровительствуя своею извѣстностью мнѣнію, котораго былъ-бы безъ изслѣдованія онвергнуши за одно свое происхожденіе, когда-бы оно было извѣстно публикѣ, принявшей ихъ отъ Беклара и вѣрившей его словамъ. Впрочемъ, изъ этого происходила еще та безмѣрная выгода, что идеи, иногда странныя, въ концѣ истина перемѣшана съ заблужденіями, переходя черезъ его чрезвычайно вѣрный и строгій умъ, принимали характеръ болѣе проспой и положительный. Потому ранняя смерть Беклара была неознаградимою потерей для науки, ибо нѣмно спольно какъ онъ, не былъ способенъ усвоить намъ чужеземную мысль и дать ей право гражданства, не-

обходимое для того чтобы мысль сія была принята у насъ безъ отвращенія. Благодаря двухъ наименованныхъ мною челоѣкъ, и въ послѣдствіи усердными стараніями Гг-дъ Вреше и Журдана, основанія различныхъ Нѣмецкихъ школъ перешли къ намъ черезъ наши школы. Общая и Патологическая Анатомія Меккеля и его-же Сравнительная Анатомія, ученые диссертаціи Тидемана о развитіи нервныхъ центровъ, разныя сочиненія Земмеринга, были одно за другимъ переведены на Французскій языкъ, и по слѣдамъ сихъ-то искусныхъ Физіологовъ мы обратились въ послѣднее время съ такимъ жаромъ къ изученію Сравнительной Анатоміи.

Величайшій изъ Французскихъ анатомовъ, Викъ д'Азиръ, первый увидѣлъ всю важность сего изученія и первый нуснулся на сіе поприще, нослъ него со славою и въ чрезвычайно обширномъ объемѣ пройденное Г-мъ Кювье, знаменитымъ его послѣдователемъ. Гг-да Дюмериль, Фридрихъ Кювье, и особенно Жоффуа Сентъ-Илеръ и Бленвиль, безпрерывно обогащали науку. Но, должно признаваться, Германія нитѣла предъ нами то преимущество, что въ ней Сравнительная Анатомія сдѣлалась всеобщимъ, народнымъ ученіемъ, тогда какъ у насъ она была заключена въ тѣсный кругъ Сада Расшеній и Факультета Наукъ. Поэтому, не говоря о людяхъ высшихъ, каковы Окенъ, Карусъ, Майеръ, Гейзингеръ, и многіе другіе, тамъ было столько-же Естественныхъ шашелей, сколько Медиковъ; поэтому-то Естественная Исторія съ одной стороны и Медицина съ другою, изумительными образомъ распространили

свои границы, заимствуя одна отъ другой всё открытiя, и безпрерывно освѣщаясь своимъ взаимнымъ свѣтомъ. Наконецъ и во Франціи начинаютъ чувствовать необходимость подобныхъ сближеній. Въ этомъ отношеніи замѣтно движеніе умовъ, и, что общаешь хорошія послѣдствія отъ онаго, это движеніе происходитъ между людьми молодежи, или еще неизвѣстными въ ученомъ свѣтѣ.

Впрочемъ, доннѣ сія дѣятельность обращалась особенно на внимательное изученіе развитія зародившейся челоука и животныхъ: но посредствомъ нвожества сближеній между явленіями, дошолъ онъ дѣльнымъ и худо извѣстными, Физиологія обогатилась уже драгоценнѣйшими трудами. Ошселъ рождалась и та великая идея, столь обильная послѣдствіями и ежедневно подтверждаемая новыми наблюденіями, что существа возвышеннѣйшія на лѣтвицѣ животныхъ, предшавляютъ во время первой своей организаціи не иное что, какъ претоящій образъ всегдашняго сосноянія существъ самыхъ высшихъ. Однимъ словомъ, движеніе дано имъ исполненн надеждъ, и для сего столь живаго и столь всеобщаго стремленія нужно шодько благо разумное направленіе. Конечно, всѣ перенесенныя въ Германіи во Францію идеи еще весьма неопредѣленны и сбивчивы, однакожь, сквозь облака, закрывающія будущность науки, мы можемъ провидѣть яркій свѣтъ, которій вскорѣ долженъ блескомъ своимъ освѣтитъ мракъ Физиологіи и расширитъ невѣдомый дошолъ свѣтъ на Патологическую Анапомію, на Терапевшику и даже на самую пракшику Медицины.

- Вотъ нынѣшнее наше состояніе!

Но что-же наконецъ должно заключить изъ сего состоянія науки Физіологической? Не видимъ-ли мы ясно, что наука сія, испытавъ сколько измѣненій въ ходѣ своемъ, все еще находишься въ томъ же неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ оставалась всѣ науки, не осіянная методами? Это справедливо, пошому что для всякаго знанія бываетъ двѣ эпохи: первая, когда каждый идетъ безъ направленія, безъ правилъ, безъ существенной цѣли, собираешь хуже или лучше наблюдаемыя явленія и свѣдѣнія выводимъ изъ оныхъ послѣдствія, если несовершенно ложныя, то всего чаще слишкомъ поспѣшныя. Эта первая эпоха бываетъ не бесполезна для науки, но она не сопровождается никакими общими послѣдствіями; она только собираешь матеріалы, гдѣ хорошее свѣдѣно съ худымъ, истина съ ложью. Но послѣ наступаетъ вторая эпоха, эпоха методъ, гдѣ всѣ собранныя матеріалы приводятся въ порядокъ, гдѣ умъ, болѣе суровой на выводы, начинаетъ прежде всего утверждать дѣйствительность явленій и принимаетъ ихъ только условно, если они сами не возвращаются и не объясняются другими явленіями. Только въ эту эпоху можно сказать, что существуетъ наука. Но, не явно-ли послѣ сего, что Физіологія нынѣ еще въ младенчествѣ? Каждый управляетъ съ нею и обрабатываетъ ее по своему. Она мягка, какъ воскъ въ рукахъ художника; она принимаетъ; одно за другимъ, различныя впечатлѣнія, переходя изъ однихъ рукъ въ другія; слѣдственно, наука остается шаткою, непрочною, мнимую наукою, коиброй ничто-

квотъ явно обличается самою покорностью ея; воображеніе господствовало въ ней слишкомъ часто, а на событія обращали слишкомъ мало вниманія, ибо событія не измѣняемы и не исстребляемы; въ нихъ никогда не можешь быть благосклонной уклончивости, поддавлявающейся ко всѣмъ гипотезамъ и прихвѣляющей ко всѣмъ ученіямъ.

Но, послѣ столькихъ уклоненій и возвращеній движеній, скоро-ли наснанешь для Физиологій правильное движеніе, и скоро-ли соединишь наука сія къ общему успѣху разума человѣческаго? Я думаю, скоро. Но какъ достигнешь сего? Однимъ средствомъ: внеси въ Физиологію духъ мѣтоты. Только эпитъ можно водворишь въ ней единство, первое и необходимое правило всякаго созданія ума.

Утвердившись на эпитъ, мы немедленно приступимъ къ главнѣйшему затрудненію: какую мѣтоту должно принять въ ученіи Физиологій? Мѣтоты бываютъ двухъ родовъ: естественныя и искусственныя. Последнія суть шолько пригошовительныя; онѣ бываютъ болѣе или менѣе превосходны, часшо свадкиваются съ истиною, но, рано или поздно, уступаютъ новымъ пошребностямъ ума. Мѣтоты естественныя, единжды открытыя, продолжаются вѣчно, ибо онѣ выражаютъ шолько то, что существуетъ. Но есть-ли вѣрное средство открытъ естественную мѣтоту? Безъ сомнѣнія: должно слѣдовать естественному ходу ума человѣческаго, дѣйствовашь анализомъ. Всякая неконченая наука должна быть аналитическою, шо есть должна сначала наблюдать явленія, дабы вывести изъ нихъ

Мартъ 1829.

ученіе. Явленія держать на себѣ ученіе, какъ дерево плоды, какъ фундаментъ зданіе; посему должно знать явленія, а ученія придуть сами собою.

Примѣнимъ это общее правило къ Физиологіи; начнемъ, сколько возможно, нашими чувствами, и мы окончимъ нашимъ умомъ.

Не выстукая на сцену, какъ всегда дѣлавали донынѣ, съ положительными афоризмами о жизни, о жизненныхъ силахъ, объ отличительныхъ свойствахъ существъ органическихъ, что непременно должно быть послѣднею почкою, послѣднимъ выродомъ науки, прежде всего изслѣдуемъ явленія, посредствомъ коихъ жѣла обнаруживаютъ свое существованіе. Пусть Физиологія, сначала наблюдая дѣйствія, постепенно возвышается къ познанію причинъ, вмѣсто того чтобы всегда нисходить отъ воображаемой причины къ вѣроятнымъ слѣдствіямъ; пусть она правильно идетъ впередъ, и осматривая въ сплоронѣ отвлеченности, идеальныя общности, коими наполняются всѣ промежутки, изучаетъ явленія, по мѣрѣ того какъ представляются они ей, и описываетъ ихъ съ строгою точностью; пусть сравниваетъ ихъ съ другими, равно достоверными явленіями; пусть показываетъ, какимъ образомъ многія изъ нихъ заключаются въ одномъ, а сіе въ другомъ, еще болѣе общемъ, допотѣ, пока наконецъ вскрѣпшитъ она границу сего продолжительнаго ряда причинъ и откроешь ту причину, которая должна быть началомъ всѣхъ другихъ, и гдѣ останавливается умъ человѣскій. Когда всѣ наши слѣдствія будутъ приведены къ концу, и въ этомъ состояніи взглядъ нашъ будетъ смущаться, знанія наши

оставлять насъ, тогда, пусть желающій приметъ какое-либо начало частное, начало жизненное, для шихъ умовъ, кои хощають идти далѣ явленій; пусть назовешь его жизнью, археей, το *ἄειον*, это значить немного: это начало невѣдомое, и настоящее имя даю будешь ему тогда, когда люди откроютъ его!

Вошь единая, испинно правильная метода. Она такъ вѣрно единая, основательная, что, кажешся, принявъ ее, мы поступимъ весьма просто, естественнo, такъ, что иначе не лзя и поступить; однакожь, пославивъ это правиломъ для Физиологии, мы приведемъ новость, и, кто-бы повѣрять? сдѣлаемъ совершенно прошивное шому, что дѣлалось донинѣ. Вошь до какой степени справедливо, что къ естественнымъ средствамъ прибѣгають послѣ всѣхъ другихъ.

Наконецъ, скажемъ однимъ словомъ, что должно быть первымъ преобразованиемъ въ общемъ направленіи ученій Физиологическихъ. Физиология должна быть аналитическою. Такъ должно быть, если хощають, чтобы Медицина была когда-либо естественною, положительною наукою. Конечно, вошь былъ-бы непоспимимо дерзко, кто-бы вообразилъ, что одинъ онъ имѣеть въ рукахъ ключъ къ наукѣ и свѣтильничку, долженствующій озарить всѣ глубины оной. Къ счастью, обыкновенный разумъ можетъ оправдать насъ и показатъ, что мы не имѣемъ этого смѣшнаго требованія. Дѣло идеть не о шакомъ предметѣ, для котораго пошребень геній, или даже опытность, приобретаемая необыкновенною силою ума и продолжи-

шельнымъ, тяжелымъ трудомъ. При первомъ взглядѣ на науку, можно поспѣшь видѣть въ ней безмѣрный промежутокъ, и послѣ этого всякій вѣрный умъ самъ собою стремился къ изысканію средствъ, коими можно дополнить сей недоспашокъ. Наукѣ надобно правило здраваго смысла, а на это весьма естественнаго ошваживашьяся.

Съ Франц.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Книги 1828 года.

Начертаніе древней Исторіи Бессарабіи. Съ присовокупленіемъ историческихъ выписокъ и картъ, сочиненное Генеральнаго Штаба Шшабсъ-Кацшаномъ Вельшманомъ. М. 1828 г. въ ш. С. Селивановскаго, и 8, XVI и 74 стр.

Сію книгу можно причислишь къ составляющимъ хорошіе матеріялы для Исторіи. Авторъ, съ особеннымъ щцаніемъ, перебралъ множество древнихъ и новыхъ писашелей, и извлекъ изъ нихъ все, что касается до исторіи области, называемой *Бессарабією*, и нынѣ принадлежащей Россійскому Скипетру. Само по себѣ разумѣшья, что въ *древней Исторіи Бессарабіи*, не столько мѣ-

сва должна занимать небольшая частица земли, въ послѣдствіи Бессарабію наименованная, сколько исторія народовъ, переходившихъ черезъ сію частицу земли, или заселявшихъ обширныя пространства окрестъ ея. Авторъ начинаешь съ самыхъ первыхъ извѣстій, Киммеріянами и Скивами; потомъ изображаешь Греческія поселенія по Сѣверному берегу Чернаго моря, излагаешь исторію Гетовъ, Бастарновъ, Гошеовъ, Гунновъ, Аваровъ, Булгарь, Славянь, Угровъ, Печенѣговъ, Узовъ, образованіе Молдавіи и Валахій, поселенія Генуезцовъ, и съ появленіемъ именъ *Бессарабіи* и *Буджака*, прекращаешь древнюю *Исторію Бессарабіи* и книгу свою. — Въ окончаніи оной сѣдуютъ выписки (*pièces justificatives*) подлинныхъ словъ изъ сочиненій Иппократа, Трога-Помпея, Арриана, Схимна, Тацита, Аммиана-Марцеллина, Помпонія-Меды, Плинія, Птолемѣя, Страбона, К. Вописка, Зосимы, Пейшингера, Географа Равенскаго, Юрнанда, Менандра, Малшебрѣна, также книгъ Графа Помоцкаго и Сестренцевича-Богуша. Кажешся, въ самомъ расположеніи своей книги Авторъ взялъ въ руководство извѣстное сочиненіе Графа Помоцкаго: *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves* (Брауншвейгъ, 1795 г. 3 ш. in 4). Предлагаю однакожь извѣстія и выписки, Авторъ входитъ и въ кристическія изслѣдованія: въ числѣ ихъ особеннаго вниманія достойны мнѣнія Автора о Траянскихъ валахъ (сшашья сія помѣщена была въ Телеграфъ, 1828 г. № IV, стр. 568). Допытъ судя о силѣ ошашкахъ древности на угадь, по слухамъ,

географы и исторжки думали видѣшь въ нихъ работу: Римлянъ, и полагали, что Императоръ Траянъ ограждалъ границы Римскія отъ варваровъ валами, сохранившими его имя (*). Г-нъ Вельшманъ, ищательно обозрѣвъ остатки валовъ, и сообразивъ на мѣстѣ положеніе ихъ, рѣшилъ, и, какъ намъ кажется, совершенно справедливо, опровергаетъ это мнѣніе, и утверждаетъ, что напрошивъ Траяновы валы должны были служить защитою обитателямъ Бессарабіи (можетъ быть *Бастарнамъ*) отъ Римлянъ.

Намъ пріятно думать, что занятіе военною службою не навсегда отвлечетъ Г-на Вельшмана отъ занятій Исторіею, и что со временемъ можемъ мы надѣяться увидѣть дальнѣйшіе труды его; изданная имъ книга, какъ начало, подаетъ намъ надежды, что въ немъ Литература Русская можетъ увидѣть достойнаго сподвижника на поприщѣ Исторіи.

При книгѣ Г-на Вельшмана приложена историческо-географическая карта Бессарабіи, литографованная въ Тульчинѣ.

— *Землеописаніе извѣстнаго Древнимъ свѣта, изъ разныхъ источниковъ составленное, С.П.бургскаго Унив. Ад. Профессоромъ Александромъ Брутомъ.*

(*) Но точно-ли слово: *Траянъ* означаетъ Императора *Траяна*? Нѣтъ-ли подобозвучнаго слова у туземцовъ, которое показало-бы намъ совсѣмъ другую этимологію сего названія?

Ч. 1. СПб. 1828 г. въ ш. Мед. Деп. Мин. вн. дѣлъ,
№ 8, VI и 308 сшр.

Года чешыре тому, говоря о переводѣ Ничева сочиненія о Древней Географіи (Тел. ш. IV, сшр. 17), мы дозольно подробно изложили наше мнѣніе о томъ, какъ должно вообще представлять себѣ Древнюю Географію, сообразно новымъ понятіямъ объ Исторіи и Исторической Криптикѣ, и о томъ, какъ должно, по нашему мнѣнію, издать учебную книгу Древней Географіи для Рускихъ. Съ 1825 г. Древняя Географія не получила у насъ на свою долю ни одного сочиненія, ни одного перевода. Честъ Г-ну Брушу, что онъ рѣшился дополнить чувствительный недостапокъ въ нашей литшерашурѣ; еще болѣе благодарности за то, что его книга показываетъ собою болѣе предшествовавшихъ ей книгъ совершенства въ понятіяхъ о наукѣ; но все мы не можемъ похвалить книги Г-на Бруша безусловно, и принуждены сказать, что для Древней Географіи, и послѣ изданія новаго сочиненія, на нашемъ языкѣ мы не имѣемъ удовлетворительныхъ пособій.

Самое названіе книги: *Землеописаніе извѣстныхъ Древнихъ свѣта*, показываетъ, что Авшеры берется передать намъ только то, что Древніе знали о земномъ шарѣ. Слѣдовательно: мы не должны ожидать свѣдѣній о томъ, что съ ономъ дѣлъ было, или могъ быть земной шаръ, для чего должно-бы соображать извѣстія не однихъ Грековъ и Римлянъ, но и Восточныхъ Индешелей, Скандинавовъ, Арабовъ, новѣйшія изслѣдованія,

вынѣшнее сословіе странъ и племенъ народныхъ. Авторъ берется передать намъ только то, что знали Греки и Римляне (подъ именемъ Древнихъ, онъ разумѣетъ сіи два народа).

Какъ жаль, что мы, Рускіе, никакъ не можемъ приучиться къ высшимъ воззрѣніямъ на науки, открывшимъ въ новѣйшія времена. Подумаете, что на границахъ Имперіи нашей устроена таможня, черезъ кошорую позволяють провозить только тѣ умшвенные товары, кошорые произведены до половины прошлаго вѣка. Ограниченіе Географіи Исторической составленіемъ сборниковъ, подъ именами: *Географіи Священной*, *Географіи Грековъ*, *Географіи Римлянъ*, принадлежишь къ понятіямъ стараго времени. Число такихъ сборниковъ можно умножишь до бесконечности, и ничего не выиграешь. Какихъ не бывало этому примѣровъ! Иной ученый выберетъ названія всѣхъ растеній изъ пяти книгъ Моисея, и издаетъ книгу: *Ботаника Пророка Моисея*; другой описаніе поваренныхъ снарядовъ изъ Иліады, и предлагаетъ: *Историческое изслѣдованіе о кухнѣ Грековъ во времена Троянской войны*. Такъ и въ Древней Географіи: выберешь вамъ нomenclатуру земель и народовъ изъ Омира, Геродота, Фукидида, Тацитша, Птолема, Страбона, расположишь по странамъ, и думаешь, что Древняя Географія готова. Какъ не догадаться, что подобная книга представляешь смѣсь беспорядочную, и что Древняя Географія не можетъ бышь излагаема такъ, какъ новѣйшая; что необходимо для нея историческое изложеніе, ибо Омировы свѣдѣнія въ Гео-

графин совѣтъ не то, что Геродотовъ, а Тацитовы не то, что Сирабоновы, и какъ упорно держашься Ничей; Маннершовъ, Данвилей, которые были, безспорно, ученѣйшіе люди, но все компиляторы, не болѣе, когда уже послѣ него писали Шлецеры, Риштеры и Малшебрѣнн?

Г-нъ Брушъ держишся старой мѣшоды. Ошдасть полную справедливосшь его *Введенію*, гдѣ говоришъ онъ *о состояніи Землеописанія въ древніе вѣки*, излагая ходъ географическихъ познаній отъ Омира до Юлія Гонорія или Эника (начала 5-го вѣка по Р. Х). Если-бы онъ также исторически расположилъ и самое Землеописаніе, или по эпохамъ Географин, какъ Малшебрѣнн, или раздѣливъ весь міръ, извѣстный Древнимъ, на части, какъ Риштеръ сдѣлалъ эшо съ Географіею Африки, и каждую часть проходилъ исторически, мы ничего не могли-бы сказашъ въ осужденіе его книги. Судя по знаніямъ, какія видны въ книгѣ Г-на Бруша, мы имѣли-бы тогда превосходное руководство къ *Географіи Грековъ и Римлянъ*, которое, излагаясь въ таблицахъ при концѣ книги, замѣнило-бы и то, чѣмъ наполнилъ всю книгу свою Г-нъ Брушъ. Теперь будемъ мы имѣть два тома о Географіи Грековъ и Римлянъ, изъ коихъ одинъ уже изданъ, а вскорѣ будешъ изданъ и другой; но какая будешъ отъ нихъ замѣна Ничевой книгѣ, которую въ предисловіи (стр. IV) называешъ Авшоръ *неудовлетворительнымъ руководствомъ*? Никакой.

Намъ сполно-бы разобралъ описаніе одной какой-либо страны, чшобы доказашъ, какъ сбивчива

и неудовлетворительна метода, послѣдуемая Авторомъ, даже и для того, чтобы свидѣнія Грековъ и Римлянъ предсхавишь яснѣе и почтнѣе. Не говоримъ уже о томъ, что географическія свидѣнія только Грековъ и Римлянъ не дають надлежащаго понятія о Древней Географіи, и что свидѣвательство ихъ недостапочно.

При второй части будутъ приложены каршы. — Не льзя не замѣтитъ, что правописаніе именъ въ книгѣ Г-на Бруша вездѣ весьма исправно; но, мы не понимаемъ: почему, въ иныхъ мѣстахъ, спарался онъ Лашинское: æ, выражать по Русски бужвою э, отъ чего вышли спранныя для насъ слова: *Эгипетъ*, *Птоломэй*, *Палестина*, *Тимэй*, *Гэтудзіл*? И въ то-же время чышаемъ: *Кэсарія*, *Вноннія*, *Ливія*.

— *Дамская Энциклопедія*, или письма о дамскомъ туалетѣ. Соч. Г-жи Элизы Вояршъ. Вольный переводъ съ Французскаго. М. 1828 г. въ ш. Рѣшешникова, in 18, 208 стр.

Г-жа Вояршъ, вмѣстѣ съ Г-жами Кампанъ и Гизо, почитаепся нынѣ во Франціи осплочно писательницею для дамъ. Мы недавно чытали во Французскихъ журналахъ громкія похвалы книгѣ ея: *Six amours*. Изъ *Дамской Энциклопедіи* дамы могутъ занять много добрыхъ, истинно полезныхъ наспавленій, не о томъ, какъ надѣвать модныя чепчики, модныя ленты, но какъ сберегать свою красосу безъ припираньевъ, простыми, естественными средствами сохраняшь свѣжесшь лица, одѣваться мило и просто, и не думаешь, что все

водное хорошо. Въ книгѣ Г-жи Вояршъ могушь овѣ также узнать исторію корсешовъ, причесокъ, румянъ, бѣлъ, и проч. и проч. Конечно не всякой дамѣ пристанешь щегольство ученостью; но какъ будешь хорошо, если иная дама загоняетъ Профессора археографическими познаніями о дамскомъ шуалешъ! Для этого надобно шолько прочиташъ Дамскую Энциклопедію Г-жи Вояршъ. Тушь всему шуалешу полная исторія, начиная съ Греціи и Рима.

КНИГИ 1829 ГОДА.

Описаніе водныхъ сообщеній между С.Петербургомъ и разными Россійскими губерніями. Соч. Д. Кафтырева. СПб. 1829 г. въ ш. А. Смирдина, in 8, 45 стр. съ картою.

Книга, кошорая можетъ бышь ручною для занимающихся судоходствомъ, и справочною для географа и спашисшика Русскаго государства. Авторъ исчисляетъ всѣ рѣки и каналы, составляющія систему водныхъ сообщеній между Петербургомъ и другими мѣстами Россіи; именуешь пристани, мѣста складокъ, пороги, просяженіе каналовъ и рѣкъ, прибавляя и крашкія спашисшическія замѣчанія. Весьма-бы любопышно было видѣть шупль-же и количество судоходства по разнымъ направленіямъ и въ разные годы, чшо можно сосшавишь изъ печашныхъ свѣдѣній.

Водныя сообщенія, какъ жили въ человекѣ для кровообращенія, необходимы для обращенія пролэведеній въ государство. Эштъ *ходлящія дороги*,

по выраженію Моншана, есть одинъ изъ нѣтъ предметовъ, на кошорые ни правительству, ни частнымъ людямъ не должно жалѣть расхода, ибо свободное обращеніе произведеній есть необходимое условіе богатства народнаго, и гдѣ нѣтъ свободнаго обращенія, тамъ нѣтъ жизни: въ одномъ углу будешь гнить хлѣбъ, когда въ другомъ люди будутъ умирать съ голода. Изъ числа-же сообщеній ни одно шакъ не важно, какъ водное. Взглянемъ на Англію, и подивимся, какъ умѣли Англичане понять важность водяныхъ сообщеній. Франція ежегодно ошкладываетъ на каналы и пуши сообщеній ошъ 30 до 40 милліоновъ франковъ; изъ 5,453 мириаметровъ, составляющихъ пространство Франціи, пользуется сообщеніями по каналамъ *пятя* часть (975 мир.) и прошиженіе каналовъ на квадрат. мириаметръ составляетъ 1127 меш.—Судите-же о преимуществѣ Англій попому, что въ ней изъ 1,507 мир. составляющихъ все пространство государства, *болѣ половины* прорѣзано уже каналами (801 мир.), и каналы составляютъ на квадрат. мириаметръ 4,823 *метра*! Въ Россіи далеко еще не сравнялись мы, не шолько съ Англією, но даже съ Францією. Исполняскій геній Петра видѣлъ важность каналовъ, и можно-ли довольно оцѣнить величіе подвиговъ сего безсмертнаго генія, когда вспомнимъ, что онъ, за сто лѣтъ до нашего времени, при бѣдныхъ финансахъ, среди раззорительныхъ войнъ, мыслилъ о помѣ, о чемъ и нынѣ мы еще не смѣемъ мыслить: онъ предполагалъ соединеніе Дона съ Волгою, и въ землѣ, едва покоренной, началъ Ладожскій каналъ, на 104 вершны простирающій-

ся. «*Деньги тратить не жалѣйте, только-бы даром не шли окъ,*» говаривалъ Петръ Великій; определялъ милліонъ рублей на каналъ, и обѣщаль повѣсить шого, кто украдетъ изъ милліона копѣйку. Мы видимъ и нынѣ, какъ благодѣтельное наше Правительство стремится повсюду оживить каналами безжизненный пространства земель, обширнѣйшихъ и лишенныхъ взаимнаго живительнаго сообщенія. Пожелаемъ, чшобы духъ общественности скорѣе возмужалъ въ частныхъ людяхъ, и чшобы они принялись ревностно содѣйствовать со своей стороны попеченіямъ Правительства. Напрасно думать о трудностяхъ и издержкахъ: Англичане пробили горы, заснавили шечь воду рѣкъ черезъ другія рѣки, по водопроводамъ, рылись подъ рѣками, а не ограничивались выпрямленіемъ трубъ водяныхъ, проложенныхъ уже до челоука самую природою. Къ чему-же умъ челоука, которому все повинуется? Къ чему деньги, эшопъ колошокъ, которымъ можно разбить гранишныя горы и сбить въ море цѣлыя шѣны земли, чшобы море сердилось и не смѣло переступить за предѣлъ, указанный ему челоукомъ?

— *Poэye Adama Mickiewicza (Стихотворенія Адама Мицкевича)*. 2 части. Новое, дополненное издание. СПб. 1829 г. въ ш. К. Крайя, in 16, XXXIV, 284 и 300 стр.

Были примѣры, въ нашей литературѣ, и у другихъ народовъ, славы литературной, казалось, огромной, изумлявшей современниковъ, но мгновенной, перелетной, дѣлавшейся въ послѣд-

сшвиѣ, даже и не у позднаго попомсшва, шуинкою и прищчею. Вспомнимъ у Французовъ Ронсара, у насъ Сумарокова и Хераскова. Не писали-ль о Сумароковѣ, что онъ *Русскій Расинъ*, что въ *басняхъ превзошелъ* онъ Лафонсеца? Хераскова не называли-ль *Омиромъ*? И гдѣ *нашъ Расинъ*, *нашъ Омиръ*? — Послѣ сего можемъ-ли мы надѣяться на прочную славу современниковъ, которыхъ называемъ *великими, славными поэтами*?

Вопросъ кажется затруднительнымъ, но рѣшеніе его не невозможно.

Не говоря о шѣхъ людяхъ, которыхъ слава должна спановиться всеобщѣ и свѣдѣе съ каждымъ вѣкомъ, о людяхъ, покорявшихъ своему вліанію челоувѣчество, шворцахъ, создававшихъ новые роды поэзи, новый міръ мысленія челоувѣческаго, мы должны мѣрять каждаго поэта по его вѣку, отношеніямъ и обстоятельствамъ, и тогда ничто достойное не останеться безъ заслуги, нищто замѣчательный не будетъ рѣшительно презрѣннымъ въ глазахъ нашихъ, всякому ошдася его мѣсто. Это понятіе ошкрышо намъ новѣйшими мыслителями, и съ нимъ легко намъ оцѣнать вѣрно и справедливо славу и предка и современника.

Далѣе, скажемъ смѣло, что мы, нынѣ, лучше можемъ судить, нежели судили нами предки. Тутъ нѣтъ ни хвасшвства, ни желанія унижить предшешвенниковъ нашихъ. Все преимущество состоить въ томъ, что мы родились *позднѣе*, и слѣдовательно, *должны быть опытнѣе*, ибо челоувѣчество идетъ впередъ и совершеншвуется съ каждымъ поколѣніемъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе описуемъ имъ къ началу образованія каждаго народа, тѣмъ болѣе найдемъ дѣтскаго. Увеличеніе, надушность выраженій всегда были принадлежношью младенчества народовъ. Когда Ронсара называли *Кмземъ повомъ*? Въ XVI вѣкѣ, въ дѣтствѣ Французской лирической перашуры. Когда Сумарокова и Хераскова называли Расиномъ и Омиромъ? Въ дѣтствѣ Русской лирической перашуры, едва начавшейся, едва перешупанной на помочахъ Французскихъ. *Votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le goût sont de tout pays*, написалъ Вольшеръ къ Сумарокову, , хотя въ шестъ-же письмѣ прибавилъ: *Je ne sais pas un mot de votre langue*. Какъ-же было *не повтримъ Вольшеру*, что *Сумароковъ земій*, хотя Вольшеры и не понималъ ни слова въ трагедіяхъ Сумарокова? Не посмотрите на: Французскую лирическую перашуру Ронсара, посмотрите шеверъ у насъ въ лирической перашурѣ. Французы хвалили и Расина, и Вольшера, и Мольера, но кто называлъ кого нибудь изъ нихъ царемъ, княземъ повшовъ? Кто у насъ шевера о исподражаемомъ Крыловъ скажетъ, что онъ емме *Лифонтена*, и кто Пушкина поспавилъ на ряду съ Байрономъ? Это показываешь совершенствованіе. Чѣмъ мужественнѣе спановишся царедъ, тѣмъ вышеле получилъ онъ него шество князя, барона или маркиза повшовъ. Въ наше время для сего собирается цѣлый сеймъ народовъ, и рѣшается дѣло. Слѣдовательно, при болшей точности, оынности, вѣрности въ сужденіяхъ нашихъ, мы не похваляемъ надежнѣе для современниковъ, нежеде идеалы прежнихъ повшамъ онъ ихъ современни-

ковъ. Мы даже выдаемъ въ противоположность : *мало хвалимъ*, потому, что *вообще отыкали хва-*
лимъ, и холодную недоувѣрчивость считаемъ му-
 дросшю. Такъ и должно бытьъ нынѣ, ибо важная
 аксіома Крыпяки: «*все хорошо и худо по отноше-*
ніямъ времени и обстоятельствамъ, въ какихъ кто
живетъ,» въ шже время принята за основаніе
 сужденій о поэсахъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ наро-
 довъ, и даетъ намъ средства къ справедливой
 оцѣнкѣ достоинствъ каждаго. Отъ того шакъ вы-
 соко ставимъ мы поэзію современнаго намъ Бай-
 рона, а патриотизму Французовъ отъказываемъ во
 всеобщей славіи Делавиня. «*Байронъ былъ яко Ис-*
туринъ всемірной начала XIX вѣка,» говоримъ мы ;
 «*Делавинъ, какъ представившій духа своего народа,*
послѣ паденія воинской славы Французовъ, и при
належавшемся переворотѣ новаго порядка дѣлъ,
ведникъ для Франціи, но для насъ онъ поэтъ сли-
шкомъ частный, односпоронній: въ немъ мы не
видимъ представившаго цѣлаго міра.»

○ Песнѣ Байрона, міръ еще не отъзывался своимъ
 вознонъ, и, можешь быть, долго еще не отзо-
 вется. Причина видна: народы не сброшены ше-
 перь въ одну общую пучину; они отдѣлены одинъ
 отъ другаго, и шумъ бурь на берегахъ каждаго
 изъ нихъ, можешь быть уподобленъ мѣсячнымъ
 ураганамъ. Теперь, каждый изъ народовъ возст-
 дѣшь на развалинахъ прошедшаго, и создаетъ
 свою народность. Люди обитались мнѣніями и
 понятіями; они раздѣлили умственное наследіе вѣ-
 ковъ, и *аклектической* умъ сдѣлался умомъ всѣхъ и
 каждаго изъ нихъ. Отъ того шеверь видоношнѣ

мають идею народности въ Изящныхъ Искусствахъ, и во всемъ; ошь шого спремится шеперь изыскательный умъ челоуѣка познашь особность каждаго народа, дорожишь вѣрною передачею Санскрипскаго, Арабскаго, Могиканскаго, Исландскаго, Шотландскаго, Русскаго духа, называешь поэта въ отношеніи къ его народу поэмомъ великимъ шѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе выражаешь поэшь особность, народность свою. Но надъ сими частными спремленіями, какъ небо надъ землею, распространяется великая идея челоуѣчества, по которой прошекали солнца всемірной поэзи: въ міръ древнемъ—*Омиръ*; въ міръ среднемъ—*Данте* и *Шекспиръ*; въ міръ новомъ—*Гѣте* и *Байронъ*. Мѣра спремленія къ симъ идеаламъ поэзи опредѣляешь мѣру генія поэта. Чѣмъ болѣе духъ общности, выражаемый вѣкомъ, проникаетъ созданіе какого либо поэта, чѣмъ сильнѣе, дѣйствительнѣе можешь онъ выразить болѣе народностей, чѣмъ лучше можешь онъ пересоздать себя въ шѣ формы, въ какихъ хочешь высказашъ душу свою, шѣмъ онъ болѣе въ глазахъ нашихъ, шѣмъ огромнѣе. Здѣсь понятно, что шолько самобытность, народность, естественность могутъ бышь свидѣтельствомъ великости поэта; здѣсь открываешся и ничтожность подражанія, и оскорбленіе вкуса, какое причиняешь невѣрное выраженіе природы, или предмета, кошорый изображаешь поэшь.

Могли-ль сіи понятія принадлежать предкамъ нашимъ? Никакъ; они плодъ опытности новаго

Мартъ 1829.

13

вѣка, когда взоръ нашъ обнимаешь весь небосклонъ поэзіи человѣчества, когда онъ по вѣрному размѣру опредѣляешь достоинства поэтовъ, и уступаешь имъ славу съ боя, который долженъ выдержашь поэтъ прошивъ холоднаго, разсудительнаго ума нашего времени.

За то слава поэта въ наше время надежнѣе, за то она быстро пролетаетъ отъ одного конца міра до другаго. Вѣнокъ лавровый въ наше время дается не съ приговора земляковъ, но, какъ мы выше сказали, съ приговора народовъ; за то вѣнка славы не долго дожидаться нынѣ челоуѣку гениальному: пускай только подвиги его будутъ велики; изъ бездѣлокъ, лѣнность, холодность нашего вниманія не захочешь и взглянуть приспально на пѣвца.

Мы съ радостнымъ удовольствіемъ обращаемся здѣсь къ нашему Мицкевичу. Когда въ 1822 году, въ Вильнѣ, вышли двѣ книжечки его стихотвореній, которыхъ книгопродавцы не смѣли взять отъ юноши, боясь убытка, кто знавшій тогдашнюю неизвѣстность Мицкевича, и нынѣшнюю славу его, не скажешь съ нами, что въ такое время сдѣлать такой шагъ, можешь только великій поэтъ, и что удивленіе наше могло быть куплено только великими подвигами. Здѣсь не учтивая фраза какого нибудь Француза, но вѣрное убѣжденіе заспавляетъ насъ вѣрности славы поэта, котораго мы называемъ великимъ, не младенческое удивленіе, но спротивъ голосъ кришки ошдаешь ему лавровый вѣнокъ безсмертія.

Въ новомъ изданіи стихотвореній Мицкевича помѣщены всѣ прежнія, всѣ послѣ 1822 года явившіяся его сочиненія, и нѣсколько неизвѣстныхъ; къ сему присовокуплены и переводы.

Въ 1-й части напечатаны: *Конрадъ Валленродъ*, поэма; *Гражина*, Липовская повѣсть; мѣлкія стихотворенія. Между сими послѣдними замѣшимъ новыя пьесы: стихи на *Грегескую комнату Княгини З. А. Волконской*; *Новый годъ* (мысль Ж. Поля); *Сонъ* (изъ Байрона); *Фарисъ и Шанфарій*, двѣ Арабскія кассиды (*первая* собственное созданіе Мицкевича, *вторая* переводъ съ Арабскаго); *Прощаніе Чайльд-Гарольда* (Байрона); *Уголю* (изъ Данте); *Мракъ* (Байрона); *Путешественникъ* (Гёте); *Воспоминаніе* (переводъ стиховъ Пушкина) и *Сербскую пѣсню*.—Во 2-й части находящяся прежнія и новыя баллады и романсы; *Праотцы*, поэма; *Сонеты*; остальныя мѣлкія пьесы.

Вошь права Мицкевича на славу, права великія, при сличеніи твореній его съ твореніями другихъ современныхъ поэтовъ. Когда умолкъ Гёте, когда нѣтъ Байрона, Мицкевичъ—будемъ гордиться этимъ—не шолько *первый* поэтъ Польши, но, едва-ли не *первый* изъ существующихъ нынѣ поэтовъ. *Валленродъ*, *Праотцы*, *Сонеты*, *Фарисъ*, суть созданія шворческаго воображенія, которымъ ни одинъ изъ существующихъ нынѣ поэтовъ Англіи, Германіи, Франціи и Италіи, ничего прошивопоставишь не можешь. Да благословишь Провидѣніе полети юнаго орла, который успрямился

къ небесамъ; будемъ слѣдовать за полетомъ его , радуясь , что онъ *ишь* , эпошь гордый сынъ неба!

Мѣлкія сочиненія и переводы Мицкевича были бы досташочны для того , чтобы доставить ему почетное мѣсто между Польскими поэтами. Но *Праотцы* (ихъ опчастя знають уже Русскіе читатели по переводу Г-на Вронченки , въ *Невскомъ Альманахѣ* сего 1829 года) показали самобытность Мицкевича и геній выше обыкновенныхъ. Суевѣріе народное одушевилъ онъ огнемъ поэзіи ; непонятнымъ символамъ просонародныхъ обрядовъ далъ жизнь и значеніе. За пѣмъ слѣдовали *Сонеты*. Русскими читателями они уже извѣсны , хотя также не вполне , однакожь столько , что они имѣють досташочное понятіе. Здѣсь поэтъ , казалось , испощилъ природу Востока и дышалъ сладкимъ воздухомъ Италіи. Но Мицкевичъ гошовилъ швореніе , совершенно противоположное двумъ первымъ. Въ *Валленродѣ* воскресилъ онъ дикій бытъ Литвы , и показала всю силу генія своего. Читайте послѣ сего *Фариса* , и скажите : когда воображеніе Европейца горѣло пламеннѣе огнемъ воссочнаго неба? Фарисъ , кажешся , могъ бытъ вдохновенъ только пламеннымъ солнцемъ Аравіи ; но онъ созданъ среди снѣговъ Стѣра , и только показываешъ величіе поэта , котораго съ вѣрною надеждою ощущаемся мы называешъ *первымъ* изъ существующихъ нынѣ.

Мицкевичъ оставляешъ шеперь Россію и ѣдетъ въ Италію. Тамъ , на развалинахъ Рима и гробницахъ бессмертныхъ людей , ждушъ его новыя вдо-

швенія. Далекіе соошечественники, далекіе друзья, мы будемъ ждашь новыхъ пѣсноуіній его, и надѣмся, что онъ явишь намъ новыя великія шворенія. Кто знаетъ, гдѣ остановишь поэзія Мицкевича, подкрѣпляемая необыкновенными его сдѣлніями во всѣхъ лишперашурахъ, его необыкновеннымъ просвѣщеніемъ?

Чуть не забыли мы сказать, что при новомъ изданіи спихошвореній Мицкевича, о которыхъ извѣщаемъ чинашелей, приложено разсужденіе поэта о критикахъ и рецензентахъ *Варшавскихъ*. Здѣсь Мицкевичъ, не отвѣчавшій ни на одну критику, ни на одну рецензію, безпрерывно выходящая въ Польшѣ, за одинъ разъ опдаешъ опчешъ въ своихъ поняшійхъ о Лишперашурѣ Польской, о Классицизмѣ, Романшизмѣ; и о критикахъ Польскихъ. Превосходное произведеніе эшо желательнo-бы видѣшь въ Русскомъ переводѣ. Оно пригодилось-бы для нашихъ классиковъ — критиковъ. Эшошь народъ видно вездѣ на одну спашъ: шѣже замашки, шѣже нелѣпости, таже ограниченность взгляда, таже закоснѣлосшь въ старыхъ предразсудкахъ. И какъ одна шупка ума свѣшлаго, необыкновеннаго, сбиваешъ съ ногъ эшихъ классическихъ рашоборцевъ, эшо мѣлкое племя шрлящиковъ шаланша и генія! Свѣшно и жалко смошрѣшь на нихъ, цѣпляющихся въ паденіи за Посланіе къ Пизонамъ и Пійшику Буало.

— О *системѣ Россійскихъ малубаятурныхъ издѣлій*, выходящей опкрывшая въ Маѣ мѣсяцъ 1829-го

года. Спб. 1829 г., въ ш. Эксп. загошовленія государ. бумагъ, in 8, 12 стр.

— *Разборъ отвѣтныхъ сочиненій на задачу по части Политической Экономіи*, предложенную Императорскою С. Пешербургскою Академіею Наукъ въ 1826-мъ году. Спб. 1829 г., въ ш. Академіи Наукъ, in 8, 37 стр.

— *Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1828-й годъ*. Спб. 1829 г., въ ш. Главн. Управд. путей сообщения, in 8, 30 стр. и 4 таблицы.

— *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*. Читано въ собраніи Вольн. Экон. Общества Професс. Щегловымъ. Спб. 1829 г., in 8, 15 стр.

— *Обозрѣніе важнѣйшихъ изобрѣтеній по части промышленности*, сдѣлавшихся извѣстными въ 1827 году, соч. и чит. въ собраніи Вольн. Экон. Общества Професс. Щегловымъ. Спб. 1829 г., in 8, 54 стр.

Истинный сынъ общества не можешь не порадоваться, замѣчая, что годъ ошъ году болѣе и болѣе начинается появляться у насъ книгъ, касающихся практической жизни общества. Ремесла, художества, искусства, приложенія наукъ и теорій къ практикѣ, Политическая Экономія, практическая Статистика, находятъ непрерывно новыхъ дѣлашелей и сподвижниковъ. Еще ихъ немного, еще далеко не досташаешь до пошребнаго числа; но прежде вовсе не было; теперь они уже есть, и — довольно. Все будешь со временемъ: приучаешь и практики слушаешь теоретиковъ, и теоретики усшремаешь

минаніе на практику. Благія послѣдствія такого порядка дѣлъ неизбѣжны, и подобное стремленіе для Россіи, въ нынѣшнемъ состояніи ея, необходимо.

Осподадимъ прежде всего справедливую похвалу мудрому попеченію Правительсва: оно прежде всѣхъ поняло пользу практической дѣятельности прежде всѣхъ начало передавать намъ свѣдѣнія статистическія, говорить, писать, дѣйствовать. Оно предприняло журналы: Военный, Горный, Морской, Инженерный, Мануфактурный, Коммерческій; старалось возбуждать соревнованіе производителей, дѣлашелей, кошорые, въ свой чередъ, стали заводиль общества, писать, издавать книги и журналы. Теперь духъ практической дѣятельности проникаеть повсюду. Не встрѣтите книжки почти ни одного журнала, гдѣ-бы не являлся онъ болѣе или менѣе.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Правительства, касательно промышленности мануфактурной, мы находимъ въ прошломъ 1828-мъ году, при особенно замѣчательныхъ событіяхъ, оныхъ коняхъ можно ожидать важныхъ польвъ. Это суть: учрежденіе въ С. Петербургѣ *Практическо-Технологическаго Института*, какъ средства воспитывать въ Россіи мастеровыхъ; учрежденіе *Мануфактурнаго Совѣта* въ С. Петербургѣ, съ Оздѣленіемъ въ Москвѣ и Губернскими Комитетами и Корреспонденцами, какъ особаго рода правительственнаго постановленія, могущаго бытъ посредствующимъ между Правительствомъ и производителями; наконецъ, установленіе *выставки Россійскихъ издѣлій*.

О сей выспавкѣ было уже повѣщено въ Вѣдомостяхъ, Журналѣ Мануфактуръ и Коммерческой Газетѣ. Теперь издано особенною брошюркою это повѣщеніе, чшобы Г-да фабриканшы и заводчики могли удобнѣе получишь полныя свѣдѣнія.

Цѣль выспавокъ всякаго рода бываетъ двоякая: ознакомленіе производителей съ публикою и Правительствомъ, и возбужденіе соревнованія. Гдѣ, если не въ одномъ назначенномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, собранные образцы издѣлій могутъ лучше показашь взаимныя отношенія пошребителей и производителей, ихъ пошребности, нужды, способы, шруды? Соревнованіе также важное дѣло. Это не зависть — спрась подлая и низкая — но чувство благородное, побуждающее къ совершенствованію, къ взаимной борьбѣ соперниковъ, свѣдѣніемъ коей бываетъ общая ихъ польза. Установленіе различныхъ публичныхъ выспавокъ есть одно изъ древнѣйшихъ общественныхъ уснановленій, ибо законодашечли издревле поняли пользу его, узнали его въ самыхъ первоначальныхъ временахъ. Израильяне шри раза въ годъ должны были предснавашь предъ лицо Бога, съ плодами полей своихъ; въ Греціи, Римѣ, Венеціи, по временамъ бывали выспавки для произведеній Изящныхъ Искусствъ, и иногда для произведеній искусствъ вообще. Но мысль учрежденія постоянныхъ выспавокъ мануфактурныхъ издѣлій принадлежитъ Франціи. Тамъ, въ 1819-мъ году, въ первый разъ осуществлена счастливая идея почтеннаго вельможи Французскаго Франсуа — Нѣшаго. Донынѣ было въ Парижѣ три выспавки, ибо онѣ уснановлены че-

реть чешире года. По примѣру Французской, теперь учреждены выставки въ Америкѣ, Австрiи, Пруссiи, Баварiи, Вогемiи.

Съ каждымъ полезнымъ дѣломъ соединяешь и неудобство. Въ выставкахъ мануфактурныхъ неудобство состоить въ томъ, что многіе старающіеся пощеголять шолько, сдѣлашь на показъ бездѣлку, и бездѣлка эша привлекаеть иногда удивленіе зрителей, когда полезное лежишь забышо. Въ Парижской выставкѣ 1827-го года находился коверъ изъ спрусовыхъ перьевъ: онъ составлень былъ изъ 4000 перьевъ, и стоилъ двухъ лѣтъ работы; публика дивилась ему болѣе, нежели деревяннымъ башмакамъ (sabot, обувь Французскихъ поселянъ) лучшей формы, кошорыя спасушь, можешъ бышь, жизнь нѣсколькихъ тысячъ человекъ поселянъ, въ нынѣшнихъ неловкихъ башмакахъ подверженныхъ болѣзнямъ и смерти.

Правительство объясняеть нашимъ мануфактурщикамъ, что не блескъ, а полезность будешъ оно дѣлать дороже. «Желашельно (шакъ сказано въ объявленіи), чтобы ошь каждой фабрики присланы бысла наилучшія издѣлія: тогда можно было-бы вѣрнѣе судить, въ какомъ родѣ и до какой степени совершенства доведена у насъ фабрикація. Впрочемъ, не одни шолько отличнѣйшія произведенія будушь допускаемы на выставку: самыя прѣсныя и обыкновенныя, но по добротѣ своей дешовыя, и потому наиболѣе полезныя и имѣющія самый удобный и вѣрный сбытъ въ большихъ количествахъ, будушь принимаемы и уважены по до-

«спонисшву. Укажемъ на одинъ примѣръ: у насъ
«дѣлаются бумажныя шабакерки, хоша весьма про-
«стыя, но чистой ошдѣлки и хорошей доброты,
«коя продаются по два рубля дюжма; такія, и
«подобныя имъ издѣлія могутъ смѣло явиться на
«судъ публики. Мы весьма-бы желали, чтобъ ѣ у
«насъ, подобно, какъ во Франціи, дѣлались часы,
«довольно вѣрныя и прочныя, цѣною за 10 рублей.
«Торжество мануфактурной промышленности со-
«стоитъ въ томъ, чтобы дѣлать какъ можно лучше,
«и вмѣстѣ какъ можно дешевле.»

Что должно составлять выставку? Таковъ во-
просъ многихъ. Ошвѣчаемъ: все, что производятъ
промышленность заводская и фабричная, ремесла,
художества, и даже все то, изъ чего онѣ произво-
дятъ. Въ выставку Французскую допущены были
образцы шерсти и форшепіяны, химическія произ-
веденія и мебели, кожи и литографическіе рисун-
ки, паровыя машины и переплѣты книгъ. Для на-
шей выставки такое-же разнообразіе предположе-
но правиломъ, ибо въ ней можеть бытъ все, что
«составляетъ предметъ заводскаго, фабричнаго и
«ремесленнаго производства, отъ великолѣпнѣйшихъ
«шерстяныхъ шканей до добротнаго солдатска-
«го и ливрейнаго сукна, и самой шерсти разныхъ
«соршовъ; отъ шончайшихъ батистовъ и кисей до
«скромной холстинки, равендука, Фламеканаго по-
«лопна и нишокъ; отъ драгоценнѣйшей парчи и
«глазета до простой шелковой манеріи; отъ бу-
«лачныхъ саблей и дорогаго оружія до гвоздей,
«долошъ и сѣнокосныхъ косъ; отъ великолѣпной
и бронзы и галаншерейныхъ вещей изящнѣйшей ош-

«дѣлки до булавокъ; ошъ роскошнаго фарфора и
«хрустала до простой, но добротной стекляннѣй,
«фаянсовой и глинянѣй посуды; ошъ прекраснѣй-
«шихъ сафьяновъ, до простой кожи и юфти; ошъ
«шончайшихъ физическихъ и хирургическихъ инстру-
«ментовъ до перочинныхъ ножичковъ, бришвъ и
«игловокъ, и проч. и проч. Въ выставку допуска-
«ются также и домашнѣй мануфактурныя и иску-
«ственные издѣлѣя, обращаемаы на продажу, какъ-
«шо: Архангелогородскѣя и, такъ называемаы, гос-
«подскѣя полотно, нитки, пряжа, ковры шканыя и
«вышитыя, вышивки золошомъ, серебромъ, шелками,
«или бумагою, разныя поченыя и рѣзныя вещи: ко-
«стяныя, роговыя, деревянныя и металлическѣя;
«шерсть разныхъ соршовъ и ленъ, какъ первые ма-
«териалы суконныхъ и полотняныхъ фабрикъ, и
«проч. и проч.»

Новость дѣла, крашкѣй срокъ (выставка будетъ
въ Маѣ), непривычка нашихъ производителей, даже
трудность доставки, по причинѣ прѣстранства
Империѣ, конечно будутъ важными препятствѣями
для совершенства первой выставки Русской ману-
фактурной промышленности, но все совершен-
ствуется со временемъ. Правительство поощряетъ
въ семь случаевъ всякими пособѣями, назначаетъ осо-
бое, прекрасное зданѣе для выставки, усердѣе и ста-
ранѣе фабриканшовъ будутъ вознаграждены знаками
отличѣй. Повторимъ здѣсь слова Правительства:
«Европа обращаетъ взоры на успѣхи сего важнаго
«учрежденѣя. Ошъ патрѣотическаго усердѣя Г-дѣ
«заводчиковъ и фабриканшовъ завистьъ будетъ,
«чтобы сѣи выставки сдѣлались блещательнѣй-

« шими и любопытнѣйшимъ торжествомъ, ошече-
« сственной мануфактурной промышленности. » Бу-
демъ ожидать, что надежды Правительства оправ-
даются дѣломъ, и съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣй-
шихъ извѣстій о выставкѣ : они важны для каждо-
го просвѣщеннаго гражданина.

Но если предполагаемая выставка обращаетъ на
себя общее наше вниманіе, то для наблюдателя про-
свѣщеннаго, для желающаго блага общественнаго,
важна и брошюрка, изданная Академіею Наукъ :
это ошечетъ Г-дъ Академикомъ Шторха и Германа
о рѣшеніяхъ задачи по части Политической Эконо-
міи, кошорую Академія предложила въ 1826-мъ году.
Здѣсь видны успѣхи нашего просвѣщенія : учное
общество предлагаетъ задачу, касающуюся важнѣй-
шихъ частей государственнаго хозяйства; ее рѣша-
ютъ публично, и получившій награду за лучшее рѣше-
ніе, есть чиновникъ, занятой службою (*А. И. Воиновъ*,
контролеръ въ Департаментѣ разныхъ податей и
сборовъ). Кроме того было прислано въ Академію
семь отвѣтовъ, изъ коихъ два удостоились благосклон-
наго отзыва Академіи (отвѣтъ Г-на *Д'Изарна*,
бывшаго офицера Французской службы, и отвѣтъ
Г-на Мантейфеля, Эстляндскаго помѣщика). Же-
лательнаго, чтобы рядъ такихъ радующихъ явленій
продолжался далѣе; чтобы наша публика приняла
съ участіемъ и задачу, и рѣшенія, и судъ Академіи
о рѣшеніяхъ. Нашимъ политическимъ экономамъ и
нашимъ публицистамъ не должно молчать. По край-
ней мѣрѣ, Издашеть Телеграфа почишаешь долгомъ
представитъ на судъ просвѣщенной публики свое
мнѣніе. Подробная рецензія *Разбора отвѣтныхъ со-*

именіи будетъ помѣщена въ 8-й книжкѣ Телеграфа.

Обращаемъ вниманіе читателей еще на важный предметъ : опчетъ Вольнаго Экономическаго Общества. Общество сіе , основанное 63 года назадъ , оказало донинѣ важныя заслуги отечеству. Книги , имъ изданныя , доказываютъ трудолюбіе членовъ его , съ самаго основанія. Имѣя въ распоряженіи своемъ довольно огромныя капиталы , оно въ 1828-мъ году дѣйствовало имъ рачительно и дѣлательно ; какъ мы видимъ изъ опчета. Изъ дѣйствій его , кромѣ приведенія въ лучшій порядокъ библіотеки (къ чему способствовали усердіе и дѣлательность почтеннаго библіотекаря Общества , К. И. Зейделя) музеевъ и кабинетовъ , важнѣйшимъ дѣломъ Общества должно почестъ стараніе его о распространеніи прививанія коровьей оспы. Оно напечатало наставленія объ оспопрививаніи на девяти языкахъ (между прочимъ на Эстскомъ , Латышскомъ , Чухонскомъ , Грузинскомъ , Армянскомъ и Ташарскомъ) , разослало сотни тысячъ инструментовъ для прививанія оспы , и со времени поступленія сей части въ вѣдѣніе Общества—4992 человека выучены оспопрививанію , и привита оспа болѣе нежели 2-мъ миліонамъ младенцовъ. Дѣла , достойныя благословенія !

Насъ изумило только одно въ дѣйствіяхъ Общества : ревностное участіе , какое приняло оно въ С. Пешербургской Земледѣльческой Компаніи. Общество , изъ своего капитала , положило взять 100 акцій Компаніи , на 25,000 рублей. Кажется , что предпріятіе , при настоящихъ обстоятеляхъ не могущее принести такихъ польвъ , какихъ можемъ

ожидашь ошъ предпріятій другаго рода, не должно было привлекать къ себѣ столь огромной части капиталовъ Вольнаго Экономическаго Общества, которые могли обратиться на предметы, болѣе существенной пользы въ себѣ заключающіе. Впрочемъ, да не причтешся мнѣніе наше къ мнѣніямъ прошивниковъ новаго предпріятія. Желаніе добра было основною мыслию Земледѣльческой Компаніи, и съ желаніемъ добра, мы осмѣливаемся излагать свою мысль. Дѣйствія и дѣла Компаніи должны разрѣшитьъ всё, даже и малѣйшія сомнѣнія.

Основательность мнѣнія нашего можешь подтвердить превосходная диссертація, читанная Н. П. Щегловымъ, въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества, 8-го Декабря 1828-го г., и изданная Обществомъ, подъ названіемъ: *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*. Здѣсь ученый Профессоръ указываетъ намъ на нѣкоторые предметы, которые должны обратиться на себя общее вниманіе сельскихъ хозяевъ, преимущественно предъ земледѣліемъ. Мы остановимся шолько на одномъ изъ нихъ: выдѣлываніи сахара изъ опечесственныхъ произведеній. Свекловичный сахаръ былъ для Европейской промышленности однимъ изъ тѣхъ благъ, которые доставила ей коншиненціальная система Наполеона. Теперь мы видимъ уже въ ней важную отрасль промышленности, которая, уменьшивъ у насъ въ Россіи безмѣрную производимость хлѣба, можешь избавить насъ ошъ шяжкой подаши иностранцамъ, и милліоны рублей оставишь въ опечесствѣ. Вѣрными разсчетами, Г-нъ Щегловъ доказываетъ, что

обращивъ только 25,000, изъ 60-ти миллионъ десятины, обращенныхъ въ сельское хозяйство, мы выдѣлаемъ миллионъ пудовъ сахара, ежегодно получаемый въ Россіи. Вотъ предметъ, который долженъ быть внимательно разсмотрѣнъ нашими сельскими хозяевами, и не лзя не благодарить тѣхъ, которые ревностно принялись теперь за свекловичный сахаръ. Тутъ частная и общая польза, такъ очевидны, что бесполезно было-бы входить въ дальнѣйшія доказательства.

Рекомендуемъ Русскимъ производителямъ и другую диссертацію, читанную Г-мъ Щегловымъ въ Собраніи Вольнаго Экономическаго Общества 29 Января 1829 года. Онъ обозрѣваетъ важнѣйшія изобрѣтенія по части промышленности, сдѣлавшіяся извѣстными въ Европѣ въ 1827-мъ году. Содержа въ себѣ техническія подробности, это сочиненіе Г-на Щеглова будетъ подробно изложено въ одномъ изъ слѣдующихъ № Прибавленія къ Телеграфу. Распространеніе подобныхъ свѣдѣній есть обязанность каждаго изъ насъ, желающихъ блага отечеству. Мы не можемъ не сказать, что въ семъ отношеніи Г-нъ Профессоръ Щегловъ дѣйствуетъ, какъ истинный патріотъ; пожелаемъ, чтобы и другіе Профессоры наши рѣшились слѣдовать похвальному его примѣру. Къ сожалѣнію, какъ многіе изъ нихъ думаютъ, что проговоривши старое съ кафедры, и перекавивши своихъ студентовъ, они исполнили долгъ свой ошчизнѣ, и заслужили то издвигеніе, которое издерживаетъ на нихъ Правительство, заслужили и ту честь, какую даетъ имъ почтенное званіе ихъ въ народномъ мнѣніи. Профессоръ, кромѣ

своихъ лекцій, долженъ быть полезнымъ гражданиномъ; и если взоръ публички и слухъ знашковыхъ не проникаешь толстыхъ стѣнъ аудиторій профессорскихъ, это не даешь никому изъ профессоровъ права думать, что имъ можно дѣлать что угодно. Общественное мнѣнiе можешь показашь такимъ людямъ, какою бѣдною славою они пользуются, а у насъ напустило уже то время, когда и сидя за кафедрою, можно подорожишь общественнымъ мнѣнiемъ.

С М Ъ С Ъ.

По ревизіи, сдѣланной со всевозможною тщательностью, число жителей въ Парижѣ, въ 1817 году, простиралось до 713,966 человекъ; въ томъ числѣ было 56,794 человекъ, живущихъ безъ своего хозяйства (9,484 въ гостинницахъ; 15,549 въ военныхъ заведеніяхъ; 17,296 въ больницахъ и богадѣльняхъ; 3,223 въ шюрмахъ, и 11,332 въ разныхъ заведеніяхъ), 657,172 жили хозяйственнымъ образомъ; въ семь числѣ было муж. пола 305,247 и женскаго 351,925; народонаселеніе это занимало 26,801 домъ и составляло 224,922 хозяйства (ménages). Все пространство Парижа составляешь 3,440 гектаровъ (гектаръ = 2209 кв. саж.), изъ коихъ дома и зданія занимають 1944, остальное занимають площади, улицы, каналы, сады, буль-

вары, рѣка, и ш. д. Дома въ Парижѣ многіе естъ въ семь этажей; вся окружность Парижа 23,754 мешра (мешръ = 22,5 вер.), и на немъ находится 58 заставъ.

Испребленіе нищенства всегда и вездѣ составляло особенный предметъ спараній попечительныхъ правительствъ. Долгшическая Экономія рѣшила уже важный вопросъ: полезно-ли безъ разбора учреждать благотворительныя заведенія для пропитанія нищихъ, и по всякой возможности, каждому просящему подавать милосшыню? Къ сожалѣнію людей благотворительныхъ, она говоритъ: Нѣтъ! Учрежденіе кассъ для бѣдныхъ, прокормленіе бродягъ, и сборы для нищихъ, только умножаютъ зло. Если разсмотрѣть нищенствующихъ, то найдемъ ихъ шри рода: свободные бродяги и шунеядцы; люди, коихъ обязаны кормить владѣльцы, и наконецъ—точно безпомощные люди: бѣдные спарники, спарухи, увѣчные, сироты. Само по себѣ разумѣется, что для послѣднихъ общество должно жертвовать частію избытка, учреждать больницы и богадѣльни, и призрѣвать спарость и бѣдствіе. Но все это должно быть дѣлаемо съ великимъ разсмотрѣніемъ и общественно; припомъ, эшотъ классъ людей, самый малочисленный, и не составляющъ язвы общества: два другіе класса суть истинное его зло. Здѣсь одно средство: *дать работу*, а отнюдь не подавать милосшыни. Если владѣлецъ не въ состояніи прокормить подвластнаго ему человѣка, онъ долженъ лишиться правъ на владѣніе имъ, посто-

Мартъ 1829.

му, что уже съѣлъ его трудъ; если-же работа ни-
 чего не будешь шолько пропитывать бѣдняка, давать
 ему теплую одежду и насущный хлѣбъ, то обще-
 ство уже выигрываетъ, потому, что ничего не
 теряетъ. Изъ числа многихъ средствъ, коими мож-
 но произвести благотворное прекращеніе нищен-
 ства, особенно важно средство, употреблен-
 ное нынѣ въ Нидерландскомъ Королевствѣ. Тамъ,
 съ 1818 года осуществлено уже благотѣльнѣйшее
 предпріятіе: *колоніи бѣдныхъ*. Генераль *Фан-Дель-
 Бошъ* первый далъ мысль объ оныхъ, и *Общество
 Благотворенія*, основанное подъ предсѣдательств-
 вомъ Принца Фридриха, втораго сына Короля,
 начало и довело теперь ихъ до цвѣтущаго состо-
 янія. Собранны были изъ всѣхъ Нидерландовъ не-
 имѣющія пропитанія и работы семейства и бро-
 дяги, поселены на дикомъ мѣстѣ въ Дрентъ, не
 далеко отъ Утрехта, и, при небольшомъ пособіи,
 въ 1822 году уже существовалъ въ Нидерландахъ
 новый городокъ, *Фридрихово селеніе*, гдѣ 3500 чело-
 вѣкъ обоаго пола были призрѣны, одѣты, обу-
 ты, сыты, и составили собою 3500 человекъ поле-
 зныхъ гражданъ. Тогда-же начатъ былъ другой го-
 родокъ, который нынѣ также представляетъ кар-
 шину умѣреннаго довольства, и черезъ нѣсколько
 лѣтъ нищенство и бродяжничество совершенно
 истребился въ Нидерландскомъ Королевствѣ, умно-
 живъ производительныя силы государства. Это
 событіе заслуживаетъ особенное вниманіе каждаго
 просвѣщеннаго гражданина, въ каждомъ просвѣщен-
 номъ государствѣ.

Содержатель Парижской Итальянской Оперы объявилъ, что не смотря на 20,000 франковъ Королевскаго пособия, и огромные сборы, онъ не можеть имѣть Итальянскаго театра въ Парижѣ дѣль годъ; и обязывается содержать его только полгода; остальные шесть мѣсяцовъ хочеть онъ употребить на спектакли въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ, дабы дополнить недосташокъ доходовъ. Можно судить о томъ, чего стоимъ въ Парижѣ содержаніе Оперы Итальянской, если узнаемъ, какое жалованье получаютъ главные пѣвцы и пѣвицы. Г-жа Малибранъ, *первая пѣвица*, получаетъ 75,000 франковъ и бенефисъ; дѣвица Зоншагъ 35 ш., два мѣсяца отпуска и бенефисъ; дѣвица Пизарони 42 ш., Г-жа Блазисъ 36 ш., Г-нъ Донзелли 37 ш., Г-нъ Барбаджа, первый теноръ, 50 ш., Зукелли 26 ш., Бордонни 25 ш., Г-нъ Зукелли 23,000 франковъ.

Издольте дѣль нибудь испугать людей! Въ прошломъ году, когда разнесся слухъ, что въ 1832 году дождя похлещеть нашу землю, отъ чего вода подыметъ въ ровень съ высочайшими горами, люди заговорили, иедугались, струсили; но наделали ли? Теперь щазъ же мало говорятъ и думаютъ о шалкѣ комедии, какъ о прошлогодней молѣ на пшеницѣ. Мы дошли перечесть для нашихъ читателей свашью, которая, изъ *Ежемесячной Переписки* (Monatliche Correspondenz, т. XXII), издававшейся дѣль двадцать тому, перепечатава была въ *Астрономическихъ извѣстіяхъ* (Astronom. Nachrichten, Beilage, n. N° 128). Барона Цаха,

но побоялись математическия вычисления испугать читателей. Спатья эта писана астрономомъ Ольберсомъ, и оны доказываетъ, что одна изъ кометъ *непрямико* *должна* *встрѣтиться* *съ* *землею*. Но когда, и какъ? воиъ вопросъ! Г-нъ Ольберсъ доказываетъ, что кометь, проходящихъ черезъ нашу солнечную систему, должно быть 439 миллионъ, и что *въ* *теченіе* *219,631,150* *лѣтъ* *одна* *изъ* *кометъ* *должна* *встрѣтиться* *съ* *землею*. «Чего-жь я думать? Есть время подождать!» скажутъ многіе. Извините, ММ! ГГ. дѣло идетъ о землѣ нашей, и шуть не велика важность 70 или 100 лѣтъ, которые *вы* предполагаете прожить. Важно то, что *когда* *нибудь* комета исполнитъ нашу землю. Въ 1770 году, одна изъ такихъ гостей подошла къ землѣ на шесть такихъ разстояній, въ какомъ находимся мѣсяць отъ земли, а по взрному вычесу, въ теченіе 88,000 лѣтъ одна комета будетъ отъ земли такъ-же близко, какъ мѣсяць. Впрочемъ, кому *какая* *надобность*, что будущее поколѣніе разсмотритъ какую-нибудь комету лучше нашего, или что *какая* *нибудь* *комета* *даже* *и* *задѣнетъ* *его*? *Что* *было* *то* *видѣли*, *то* *будетъ* *то* *видѣли*, прекрасное правило! Одному только-бы хотѣлось выиграть процессъ; другому продать поварь; третьему одержать безъ убытка откуны четвертому не бытъ обидѣну при наградѣ кредтомъ. Счастливые люди! Недавно давали въ Москвѣ Гайденово *Сотвореніе* *міра*, и шуть были слушатели — спокойно спавше. Скажемъ-ли имъ: «счастливые люди?» Не сказать-ли лучше: «зачѣмъ вы приходили въ концертную залу?» И послѣ

этого можешь бышь; но: у кого придется спро-
силь: за чѣмъ-же ты называешься: *теловѣкъ*, ш. е.
творение, одаренное разумомъ? Славшіе слушате-
ли Гайденовой Оратори, вѣроятно, отвѣтятъ
всемогущимъ словомъ: *такъ!* Чтѣо, если и на во-
просъ: *для чего ты называешься теловѣкомъ*, бу-
дешь отвѣчать: *и мы потому знаемъ? Такъ!*

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Un gros de Naples tout nouveau, fond chamois à raies ver-
tes et violettes, espacées de trois doigts, sert à faire des cha-
peaux et des capotes. La passe des chapeaux est étroite des
côtés et large du devant: le dessus de la forme est plissé en
coquille. On met sur ces chapeaux des plumes vertes et des
plumes violettes. La garniture des capotes consiste en lon-
gues boucles de rubans verts et violets placées sur la forme
et sous la passe.

Les chapeaux de crêpe crépé jaune citron ou bleu anglais,
sont très à la mode; on fixe au bas de leur forme, avec une
rosette de ruban de gaze, une branche de lilas à trois grappes.
La direction de cette branche est verticale: en dessous, une
haute blonde fait le tour de la passe.

Pour la promenade en voiture et pour les soirées, ce sont des
chapeaux, dits à la François Ier, dont la passe large est reco-
quillée du devant et laisse voir une très longue plume, qui,
dans sa partie inférieure, touche les cheveux.

Le dessus de forme des chapeaux de grande parure est plissé
en coquille.

Quelques capotes de gros de Naples vert anglais ont une

(*) До 15 Марта (Н. С.) 1829-г.

ruche de blonde noire au bord de la passe, et de plus un demi-voile de blonde.

- Vendredi de la semaine dernière, plusieurs élégantes profitant d'un beau soleil, étaient descendues de leurs voitures, et se promenaient dans la contre-allée du bois de Boulogne. Elles avaient, toutefois gardé leurs robes de velours, leurs boas et leurs manchons.

Les hommes étaient en redingote brune ou bleu de roi, à double rangée de boutons, gilet blanc ou d'étoffe de soie brune, pantalon gris-jaunâtre, et bottes à talons hauts.

Les parures en pierres de couleur ne sont plus nommées *arlequines*, mais *écossaises*. Au lieu d'un *collier-arlequin*, c'est une *chaîne-écossaise* que désire une jeune mariée. Les boucles d'oreilles, les bracelets, l'épingle à la *Sévigné*, la boucle de ceinture à pendeloques pour mettre par devant, ou la boucle de ceinture en carré long à placer par derrière, les bagues, tout cela en pierres alternativement rouges, bleues, jaunes, vertes, violettes, blanches, de couleurs foncées ou de nuances tendres, de nature opaque ou transparente, porte le nom de *bijoux écossais*. Le complément est un papillon, ou bien trois fleurs qui vacillent.

On met quelquefois des boutons d'acier sur un gilet de soie. Sur un gilet de petit velours, les boutons sont en or.

Les cravates noires ne sont plus en taffetas, mais en satin.

Головные творы. Совершенно новый гроденапль, цвѣта терны, съ зелеными и фіолетовыми полосками, вѣстоящими одна опъ другой на три пальца, употребляется на шляпки. Поля такихъ шляпокъ узки по обѣимъ сторонамъ и широки спереди; верхъ шульи дѣлается раковинною; ихъ убирають зелеными и фіолетовыми перьями. Шляпки-капопы изъ сего гроденапля убирають длинными баншами изъ

зеленыхъ и фиолетовыхъ лентъ, которыми накладываются на шюль и подъ полями.

Шляпки изъ крепь-крепе, цвѣтновъ желтаго-лимоннаго и голубаго, называемаго *bleu Anglais*, въ большой модѣ. Вызю шюль такихъ шляпокъ, розеткою изъ газовыхъ лентъ утверждаютъ вѣтку сирени: она должна быть поставлена прямо; вызю, вокругъ полей, вдушь широкія блонды.

Для прогулокъ въ карешъ и на вечера надѣваютъ шляпки *Франциска 1-го*, у которыхъ поля широкія, спереди согнутыя, и длинное перо.

Верхъ шюльи у нарядной шляпки дѣлается раковинною.

Нѣкоторыя изъ гроденаплевыхъ шляпокъ-капотовъ, цвѣта зеленаго, называемаго *vert-anglais*, убираются рюшемъ изъ черныхъ блондъ по краямъ полей, и блондовымъ полу-вуалемъ.

Костюмы для прогулокъ. Въ пятницу на прошедшей недѣлѣ, многія щеголихи, пользуясь ясною погодою, вышли изъ карешъ и прогуливались въ аллеяхъ лѣса Булоньскаго. Онѣ были въ бархатныхъ платьяхъ, съ боа, и съ муфсами.

Мужчины были въ шемныхъ, или синихъ (цвѣта называемаго *bleu de roi*) сюртучкахъ, съ двумя рядами пуговицъ, въ бѣлыхъ, или изъ шемной шелковой матеріи жилетахъ; панталонахъ, цвѣта сѣро-желтопашаго; въ сапогахъ, съ высокими каблуками.

Модныя мѣлочи: Галантерейныя вещи изъ цвѣстныхъ камней называютъ уже нынѣ не *Арлекинскими*, но *Шотландскими*. Въмѣсто *ожерелья-Арлекина*, молодая супруга требуетъ у мужа своего *Шотландской цѣпи*. Серги, браслеты, булавки *à la Sévigné*,

пяржкн поясныя съ подѣсками, зашегиваемыя окрѣди, пряржкн поясныя, продолговатыя, чешырехъ-угольныя, зашегиваемыя сзади шалия; перстни, все выше, если оно пестро, сдѣлано изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ, бѣлыхъ, шемныхъ цвѣтовъ и нѣжныхъ опшѣнковъ, прозрачныхъ или шускыхъ каменьевъ, называется — bijoux écossais. Прибавше къ ошону и бабочку, или лучше оказашь, шри цвѣшка, на дрожащемъ шебелѣхъ.

Мужскія моды. На шелковыя жилеты сшавлять иногда стальныя пуговицы, а на бархашныя жилеты пуговицы золошыя. — Черныя галстуки дѣлають ашласныя.

На приложенныхъ каршинкахъ:

1. *Дама.* Бархашная шляпка; платье изъ кашмирской шкани, вышншое шелкомъ; шумаковое боа.

2. *Мужина.* Пуховая шляпа; суконный сюршукъ и суконныя паншалоны; гургурановый жилетъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ нѣмъ, чшобы по опшечатаніи предствалены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Марша 23 дня 1829 года.

Ценсоръ Сергей Глишка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

к ъ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 6. *Мартъ* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

ИСКУСТВА УКРАШАТЬ САДЫ.

(Окончаніе).

Но у Ленопра не было-ли соперниковъ? Природа и друзья оной не возспавали-ль на него? Если усиливается, какая-бы то ни было, исключительная система, всегда начинаешся и прошиводящая система, и если уже сущесивуетъ она, то долженъ бытъ и какой-нибудь предспавишель, провозвѣспникъ оной; такъ и прошивъ Ленопра долженспивоваль явившься какой-нибудь соперникъ. Дѣйствивпельно, онъ явился. Кто-же онъ былъ? Никшо другой, какъ одинъ изъ каммердинеровъ Короля. Всѣ знаютъ комедіи Дюфрени; но не всякій знаешъ, что эшотъ умный человекъ былъ способенъ ко многимъ родамъ заняшій, и имѣлъ дарованія ко всѣмъ Изыщнымъ Искусшвамъ. Не зная Музыки, онъ сочинялъ аріи для оперъ и пѣлъ ихъ Грандвалю, который клалъ ихъ на ноты. Онъ

умѣлъ вырѣзывать фигурки, и соспавлялъ прекрасные ландшафты изъ клочковъ эспамповъ, которые онъ разрѣзывалъ и наклеивалъ на картоны. Слава объ его искусствѣ и дарованіяхъ была такъ велика, что Аббашъ Пажо, другъ его, имѣвшій прекрасный домъ подлѣ Венсана, вмѣсто того, чтобы опшеспись къ Ленопру, или его ученикамъ, просилъ Дюфрени соспавить ему планъ сада. Взглянувъ на мѣстоположеніе, неровное и спрванное, Дюфрени вдругъ началъ думать о нововведеніяхъ, и опбросивъ линейку и ваперпасъ, онъ успроилъ садъ совершенно неправильный. Въ немъ не было ни одной прямой аллеи, ни газоновъ, ни деревьевъ, расположенныхъ группами; словомъ: это было маленькое сокращеніе ландшафтовъ.

Такая новость надѣлала много шуму; полпани приѣзжали смотрѣть садъ Аббаша Пажо. Нѣкто Миньо, и другіе, послѣдовали примѣру Аббаша, и ввѣрили сады свои Дюфрению. Наконецъ, успѣхи его были такъ велики, система его приобрѣла такую довѣренность, что чрезъ нѣсколько времени, когда надобно было спроить Версаль, и успроивашъ шамъ сады, Дюфрени осмѣлился соперничать съ Ленопромъ, и предспавилъ Королю свой планъ. Сей планъ соспоалъ въ помъ, что Дюфрени хотѣлъ превратить въ обширное поле все проспранство, занимаемое нынѣ паркомъ и Трианонами, и надѣлалъ пушъ разныхъ

живописныхъ явленій, болѣе или менѣе искусствен-
ныхъ и спранныхъ; шумъ кошгль онъ еще на-
спрошилъ (какъ украшенія ландшафта) память и
силы церквей, деревень, ушесовъ, разваливъ.

Всего необыкновеннѣе было въ семь случаевъ,
что Король колебался. Его великолѣпіе не было
оскорблено тѣмъ, что заключалось сельскаго, мѣ-
ншикаго въ эшомъ планѣ: нововведеніе было
столь смѣло, что возбудило его вниманіе; онъ
взначилъ пенсіонъ Дюфреню, но Ленопру пре-
поручилъ успройство Версальскихъ садовъ; да
по совѣспи Людовикъ XIV и не могъ измѣнить
Ленопру, какъ послѣдовашело системы порядка
и симметріи, бывшихъ основаніемъ всѣхъ дѣй-
ствій Людовика XIV.

Что касается до системы Дюфрени, удача ея
была непродолжительна. Выборъ Монарха сдѣлал-
ся указомъ Двору. Топчасъ забыли нововводите-
ля и его самовольныя выдумки, и начали удив-
ляться только Версали и Ленопру. Садъ Абба-
на Пацо сдѣлался даже смѣшнымъ, и никто уже,
не боясь прослыть самовольникомъ или дуракомъ,
не смѣлъ успроить себѣ чтонибудь подобное.
Самъ Дюфрень, не столько любившій свои поня-
тія о садахъ, сколько свое спокойствіе и удо-
вольствія, остерегался вспунать въ борьбу, и
признавалъ себя побѣжденнымъ. Его подвижное во-
ображеніе внушило уже ему новое занятіе: онъ оп-

казался опъ садовъ , опъ придворной жизни , и началъ въ Парижѣ писать комедіи.

Но система его, изгнанная изъ Франціи, удалась въ землю менѣе неблагодарную. Въ то время Англія, не такъ какъ материкъ Европы, испышала уже революціи, и привыкла къ нимъ. Она ласково встрѣшила идею нашего беззаботнаго нововводителя, и онъ такъ понравился Англіи, что она присвоила даже себѣ начало ихъ. И по правду, что Англія, какъ будто была предназначена къ живописной системѣ садовъ: и въ садахъ и въ Поэзіи, опечество Шекспира долженствовало быть врагомъ Французскаго вкуса. Между тѣмъ, Французскій вкусъ владыествовалъ въ Англіи: Сшуарпы ввели его, и до самаго паденія ихъ, онъ былъ въ модѣ. Но вмѣсто того, чтобы оспаться вѣрными спрогому, величественному стилю Ленотра, Англійскіе садовники прежде всего переняли у Французовъ всѣ пуспаки, всѣ ребячества ихъ садовъ. Они только и знали, что приляжи, бесѣдки изъ зелени, вырѣзки и фестоны деревьевъ. Но когда къ этому первому водворенію дурнаго вкуса начали еще присовокуплять обрѣзанныя площадки, угольники, зигзаги, и другія симметрическія мѣлочи, привезенныя Королемъ Вильгельмомъ изъ Голландіи, то клики негодованія раздались со всѣхъ сторонъ, и мода на живописные сады явилась у Англичанъ во всей силѣ. Бриджеменъ и Эйръ первые подали голосъ

въ пользу ихъ, Броунъ послѣдовалъ примѣру и помогаль усиленно; Кенпъ нанесъ послѣдній ударъ противоположному вкусу. Кенпъ, какъ нашъ Ленопъ, былъ одинъ изъ пѣхъ спрогихъ людей, которые, огрившись одною системою, не поддаются ни на какія уснупки въ пользу другой. Онъ положилъ въ основаніе мысль, что Природа есть обширный садъ; что она одна предспавляетъ образецъ садовъ, и что слѣдспвенно, дабы устроишь искусственный садъ, есть одно средство, именно: должно списывать Природу, списывать черша въ черпу, и вполнѣ, по еспъ безъ выбора. Садъ, незаключающій въ себѣ образчика всѣхъ главныхъ измѣненій Природы, не есть настоящій садъ, ибо не походитъ на обширный образецъ садовъ, а предспавляетъ только неполное сокращеніе. Такимъ образомъ, Кенпъ началъ подражать Природѣ, и довелъ почность подражанія до самаго спраннаго мѣлочничества. Не довольно было ему ввести въ сады свои необработанныя земли, пески, дикіе кустарники, полуразрушившіяся дома, полусторѣвшія хижины: въ садахъ Кензингтонскихъ, онъ насадилъ даже сухихъ деревьевъ, чтобы придашь своему ландшафту самый вѣрный характеръ образца.

Сія роскошь подражанія была впротемъ необходимымъ слѣдспвіемъ начала, опъ коего пошелъ Кенпъ, по еспъ: исключительности живописной

системы. Когда вы не хотите прибегать къ искусству, когда смотрите, какъ на пресупленіе, на всякую уборку, всякое облагороженіе природы, вы прудитесь не для того, чтобы нравиться; вы будете имѣть цѣлью совѣтъ другое: быть истиннымъ: цѣль, какъ намъ кажется, недоспа-шочная. Но Англія удовольствовалась ею. Англія шакъ неперпѣливо хотѣла выйдти изъ своихъ зеленѣющихъ оградъ, освободиться отъ своихъ спр-женихъ деревъ, и дышала внѣ своихъ скучныхъ бесѣдокъ, что съ воспоргомъ приняла все пред-ложенное ей нововодителеми. Одни, подобно Кенпу, осуществляли систему подражанія при-родѣ во всей ея спрэгоспи; другіе не спарались о почтвѣйшемъ подражаніи природѣ, но не пере-спавали бытъ вѣрными неправильности. *Не на-добно симметрии, какова-бы ни была она, хороша или дурна:* шакое было правило на-шихъ сосѣдовъ, и донимѣ они ни сколько не пе-ремѣнили его.

Но между шѣмъ, какъ всѣ парки Англійскіе бы-ли шакимъ образомъ въ движеніи и въ революціи, что дѣлала Франція? Она оспавалась неподвиж-ною, оспановившеюся. Напрасно память о славі Ленопра измѣнялась безпреспанно; напрасно пра-вильный спилъ дѣлался спраннымъ, манернымъ, смѣшнымъ: Ленопръ все былъ обожаемъ; шѣнь его все еще держала скицешръ садоводства. То-гда было у насъ время продолжительности мнѣ-

ній. Вспомните о музыкѣ Люлли : на 70-мъ году былі сей музыки, точно какъ и при началѣ оной, число удивлявшихся ей не уменьшалось; посмотрите на всѣ другія искусства : одинаковое долготіе ! Можно было сказать, что въ эпохѣ оплошени не существовала Французская легкость. Но очарованіе приходило къ концу. Буйнымъ, безпокойнымъ шагомъ приближалась Философія ; въ полголоса начинали говорить во Франціи о Природѣ, о независимости садовъ, а это не общало добра спрриженнымъ деревьямъ и обрубленнымъ густарникамъ. Еще не наступалъ часъ ихъ; еще не смѣли явно проповѣдывать любви къ неподдѣльной Природѣ, и только полковали о любви къ паспуществу, о сельскихъ добродѣтеляхъ. Философія, еще робкая, одѣвалась въ крестьянку. Осприя слова Коласа, или Машюрена, и сенпенціи Колетти служили предисловіемъ, предугошвлениемъ къ Эмилію и *Рѣчи о неравенствѣ состояній*. Чію-же ? Ничто не мѣшало усвоить паспущество симметрическимъ садамъ. Глиняный Машуренъ, съ посошкомъ въ рукѣ, и Колеша съ прялкою, образовывали прелестную фигуру подлѣ шисовъ, обсприженныхъ на подобіе овецъ, охраняемыхъ собачкою, выссприженною изъ газона.

Благодаря паспуществу, переворотъ ошдался еще на нѣсколько лѣтъ; но онъ загремѣлъ наконецъ, съ шумомъ, съ громкимъ воплемъ проспивъ чловѣчества, искусства, науки и граждан-

ской образованности. *Да здравствуетъ Природа! Да здравствуетъ первобытный человекъ!* восклицали Рипоры—и эхо заля ршкликалось въ свой чередъ: «*Да здравствуетъ человекъ, житель лѣсовъ! да здравствуютъ дѣвственные лѣса! да здравствуютъ матери, не пеленающія дѣтей своихъ! да здравствуютъ садовники, которые не стригутъ деревьевъ!* Завишыя, напудренные, шапомаженные головы, одна передъ другою, спорили о томъ, кто скорѣе объявишь себя варваромъ и первобытнымъ человекомъ, кто лучше придетъ въ умилеііе при одномъ имени Природы. Доспапочно было, разумѣеяся, и эшой санпименпальной лихо-радки, дабы съ корнемъ ниспровергнушь всѣ большія и малыя Версали, коими усѣяна была Франція. Но когда къ эпому пропиво-симметприческому порыву присоединился еще жестокой припадокъ *Англолюбія*, сопровождавшійся вскорѣ введеніемъ во Францію многочисленнаго количеспва иноспранныхъ деревьевъ, нѣжныя, прелеспные листья коихъ опказывались отъ оскорбленія и обиды ножницъ и рѣзца; когда, наконецъ, самая полипика присоединилась, казалось, къ бѣшеному заговору прошивъ несчастпныхъ правильныхъ садовъ, какъ будпо-бы они были сообщники и подпоры спариннаго порядка дѣлъ, между шѣмъ какъ соцерники ихъ, неправильные сады, казались залогомъ Англійской свободы и символомъ Англійскихъ

Нарламеншовъ, спрасшь къ реформѣ совершенно вышла изъ предѣловъ: это былъ общій приступъ на издыхающую систему; повсюду заспучали попоры, и безъ жалости изрублены были прямы аллеи, боскепы, бесѣдки: все падало и сокрушалось, какъ стѣны Иерихонскія. Таково зрѣлище, которое представляешъ намъ исторія садовъ во Франціи, лишь за шестьдесятъ до нашего времени.

Но едва явилась между нами живописная система садовъ, какъ внутреннее междуособіе началось между ея послѣдователями. Съ одной стороны принялись за вкусъ Кипайцовъ; съ другой пристрастились ко вкусу Англичанъ. Въ сей мимолетной борьбѣ, кажешся, что за Кипайцами остался погда вытрышь; впрочемъ: узнашь, за чья-ли именно, дѣло невозможное, ибо Кипайскій и Англійскій вкусъ въ садоводствѣ Французовъ разнились между собою весьма мало. *Англійскимъ* называли у насъ погда вкусъ, не имѣвшій никакого отношенія къ системѣ Кенпа; это совсѣмъ не было подражаніе явленіямъ природы, но самая нелѣпая роскошь на искривленныхъ дорожки, змѣистыя аллеи, лабиринты, и улипокъ. Что такое почипающъ своимъ вкусомъ Кипайцы, мы не знали, и Французскіе послѣдователи Кипайцовъ употребляли сей вкусъ предлогомъ только для устройсва кривыхъ дорожекъ. Такимъ образомъ, поборники обѣихъ споронъ ребя-

чѣлись: одни разсыпали въ садахъ кривыя бесѣдки, подъ названіемъ пагодовъ, кіосковъ, зоншиковъ и колоколовъ; другіе прашали деньги на устройсво упесовъ изъ крашенаго алебаспра, постройку храмовъ и развалинъ, и обдѣлку моспиковъ съ одного клочка газона на другой, по сухому мѣсту.

Друзья Природы возспали прошивъ всѣхъ шакихъ шалостей, и сильными спорами подвергли опасносши всю систему нововведеній. Имъ удалось насмѣшками обратишь многихъ къ спаранной симметрин; желая болѣе успѣховъ, они приуались писать. Сперва перевели книги Уапелея и Горація Вальполя; потомъ Вапеле написалъ свое разсужденіе. Жирарденъ, щедро заплачившій свой долгъ живописной системою въ устройсвѣ Эрменонвиля, издалъ любопытную брошюрку; наконецъ архиспекпоръ Морель написалъ два шона, опчаспи на шонъ элегін, опчаспи на шонъ деирамба. Но полчища прозаиковъ, казалось, все еще Недоспашочно: для предводительства ихъ надобень былъ поэтъ, и къ сему подвигу вызвался Аббашъ Делиль. На дудочкѣ, которую называлъ онъ лирою, очень мило проиграны были имъ чешыре огромныя пѣсни, въ честь еспешственныхъ садовъ. Делилева поэма, какъ извѣспно, долго была единспвеннымъ руководспвомъ въ садоводспвѣ, для обшашащелей Парижскихъ гостинныхъ: средспво сильное, копорое могло внесши въ до-

и ренность и благосклонность превосходные уроки, въ повѣ Делиля заключающіеся.

Когда Поэзія однажды призвана была на помощь, живописная система не могла не воспоржесствоваться. И по правда, что, можешь бышь, еще болѣе убѣдительныя доказательства явились тогда въ ея пользу. Эрменонвиль, Мулень-Жоли, Прюней, Ле-Ринси, Меревиль и множество другихъ великолѣпныхъ парковъ, какъ будто очарованіемъ успроившихся окрестъ Парижа, были доказательствами вкуса публики, гораздо сильнѣйшими всѣхъ дидактическихъ фразъ Делиля. Сіи сады приобрѣли успѣхъ необыкновенный, и надобно сказать, что по многимъ отношеніямъ они достойны были своей знаменитости, особливо достойны ея имѣть, когда расписательность вполне развила въ нихъ свои величественныя формы. Въ нихъ находимъ мы картины, превосходно составленныя, и ландшафты, почти естественныя: кажется, больше этого нѣчего сказать въ похвалу. Пусть-же защитники ихъ согласятся съ нами и въ томъ, что сантиментальныя мѣлочи и игрушки разсыпаны въ нихъ съ довольнымъ изобиліемъ. Вы видите въ сихъ садахъ не только гробы, вусупни, гробницы, но и деревни безъ жипелей, мизы безъ мизняковъ, и хижины, выспроенныя какъ будто для смѣха: это чистое ребячество; это значить играшь Природою, какъ маленькія дѣвочки играютъ въ дамы. Но еще болѣе смѣшна

роскошь на надписи, сенпенціи, нравспвенныи и романическія фразы, копорыя вспрѣчаеше вы повсюду, копорыя вездѣ загораживающъ вамъ дорогу. Вамъ не позволяющъ самому думати; вамъ надувающъ въ уши непрерывно чужія мысли. Кажешся, что владѣтельница сада безпреспанно ходишъ съ вами и шепчетъ вамъ на ухо: «*Здѣсь, сударь, надобно немного помечтати; тамъ, подлѣ ручья, прошу васъ вздохнуть; когда вы подойдете къ водопаду, придите въ восхищеніе.*» Присоедините еще къ эпимѣ пуспякамъ, болѣе нежели дѣшское смѣшеніе намятниковъ всѣхъ вѣковъ, и со всѣхъ часшей свѣша: феодальный замокъ подлѣ Греческаго храма; Русскую избушку подлѣ Швейцарскаго шалаша, и урну Пешрарка подлѣ гробницы Капитана Кука.

Будемъ впрочемъ справедливы; съ двадцати, а особливо съ десяти послѣднихъ лѣтъ, живописцы-садовники опказались отъ фальшивой шумихи, послѣдней развалины Англо-Китайскаго вкуса. Сады, насажденные съ сей послѣдней эпохи, почти не предсшавляющъ намъ слѣдовъ изысканности, ни украшеній, слишкомъ высканныхъ; напропивъ: простиона, копорую можно назвати благородною, кажешся, руководспвовала при ихъ расположеніи. Воображенію и чувспвамъ сдѣланъ рѣшишельный оппускъ. Трава, деревья, кусты, едва нѣсколько цвѣщовъ: и вопъ весь садъ рцольнѣ. Если еспъ спроенія, шо ихъ немного, и

они не для того только поставлены, чтобы обманывать зрѣніе: это павильоны для занятій, для отдыха, молочни, хлѣвы, голубятни. Зрители все еще иногда обманываютъ, но уже не по прежнему грубо. Тщательно скрываютъ спѣну, помощію группы деревьевъ искусно разчисленныхъ, замѣняютъ здѣсь или шпалы огорожки рвами или канавами, и шпалы образомъ соединяютъ съ садомъ сосѣднее поле и деревню; разбиваютъ аллеи, легко искривленные, но иногда не перегибаютъ ихъ, и иногда дѣлаютъ аллеи просто прямыя; наконецъ даютъ неровности земли неправильности, но не излишнюю неправильности: шпалы нынѣ спаранія искусства, шпала послѣдняя граница, до которой достигла живописная система садовъ.

Но послѣдняя-ли это граница искусства украшать сады? Не думаемъ; нѣтъ сомнѣнія, что сей родъ украшенія садовъ, простой, легкій, пристойный, заслуживаетъ наше уваженіе. Уже и по много значить, что мы отказались отъ изысканнаго и ложнаго; значить и по что-нибудь, если мы сдѣлались бережливы на уборы, и наконецъ, можетъ быть, много садовъ, которымъ только нѣвысшій, простой вкусъ, приличенъ. Когда жилища наши строятся нынѣ просто и естественна, ничто вокругъ ихъ не должно быть черезчуръ изукрашено: искусство не имѣетъ пути права показываться; ему надобно прятаться. Если шпалы, то не думайте, что вы разводите садъ;

показывайте видъ, что вы хотите оставить Природу, какъ она есть; это́ всего лучше. Но, если уже вы хотите создать предметъ Искусства, если вы хотите дать жилищу вашему друга, его достойнаго, п. е. благороднаго, изящнаго, величественнаго, и если я вижу, что для достиженія сей цѣли, вы, съ большими издержками вашими, довольствуетесь подражаніемъ въ вашей загородѣ тому, что дѣлается въ оной, и вмѣсто поэтическихъ, изящныхъ украшеній, садите, какъ Кенгъ, сухія деревья, позволите мнѣ остановитъ васъ, и показатъ вамъ, сколь пошло, ложно, недоспадно и неполно мнимое Искусство, или, лучше скажатъ, искусничанье, взятое вами въ руководство. Чпѣ хотите вы сдѣлать? Обманъ для зрѣнія? Вы хотите плутовать противъ друзей, которыхъ поведете въ свой паркъ? Хотите наслаждаться ихъ обманомъ и вашею мѣлочною ловкостью? Но, прежде всего скажу вамъ, что вы ихъ не обманете: будьте въ этомъ увѣрены; да если и обманете, какое-же бѣдное по искусство, которое за величайшее себѣ достоинство поспавляетъ обманывать людей! Гораздо лучше его будетъ Искусство такое, которое, не надѣвая маски, умѣетъ нравиться намъ и обольщать насъ. И такъ: прочь лицемерство; повѣрьте, что это всего лучше; скажите откровенно, что вы усроиваете садъ, и потомъ постараемся сдѣлать его изящнымъ.

Чпѣ такое *садъ*? Опредѣленіе сего слова не-

сомнительно : это мѣсто , предназначенное для прогулки , и расположенное въ тоже время для увеселенія зрѣнія. Соглашаемся , что шупъ еще ничто не прошивишься вамъ взявъ за образецъ просхо деревню , потому , что мы съ наслажденіемъ прогуливаемся въ поляхъ и лѣсахъ , и зрѣніе наше часто бываетъ развлечено шамъ весьма пріятно. Но не позабудемъ важной сшащны: садъ есть собственно принадлежиоспъ жилища ; онъ служитъ ему шоварищемъ , окруженіемъ , и въ нѣкошоромъ смыслѣ , это лишняя комнаша , прибавокъ къ дому. Какимъ-же образомъ Искусству , поспроившему и украсившему домъ , опказашъ въ правѣ внѣшашься въ успройство и уврашеніе внѣшняго дома ? Не надобно-ли согласить эшотъ внѣшній съ наспоющимъ домошъ ? Ваятель обдѣлываетъ не одну только сшащну : онъ обрисовываетъ ее внѣшнимъ образомъ , онъ обдѣлываетъ и пѣдеспалъ оной. Уважыте-же границы , кошорыи мы начертали для сада. Пусть за ними все подражаетъ чему угѣдно , оставыте все , какъ оно есть ; пусть Природа будетъ въ своемъ шлафрокѣ ; это хорошо , прекрасно ! Но окрестъ жилища , кошорое не выросло безпорядочно на своемъ мѣстѣ , какъ дикое дерево , кошорое своими фризами , карнизами , линиями , колоннами переноситъ меня въ область Искусствъ , дозвольте свободно дѣйствовать Искусству , дайте ему безъ закрпшя выказашъ свои уборы , свое богатштво , свое изящество.

Тайна вкуса вся состоишь въ выборѣ украшеній, коими скрываютьъ переходъ отъ Искусства къ Природѣ; отъ того изъ сада должно дѣлать родъ преддверія, приличнаго спилу обшалаща. Архитектура, или, по крайней мѣрѣ, камень и мраморъ, не всегда бываютьъ шуть необходимы. Если фасадъ вашего жилища проситъ, если комнаты ваши болѣе удобны, нежели блестящи, болѣе изящны, нежели богаты: изобиліе цвѣтотвъ, группированныхъ ашажами, на доспашочномъ проспраншвѣ, расположенныхъ корзинами, купами, амфитеатрами, можетьъ быть, доспавишь вамъ самое вѣрное средство соединить произведеніе Зодчества съ произведеніемъ ландшафтной Живописи.

Но, если я вижу фасадъ богатаго, украшеннаго спила, если вижу въ залахъ вашихъ размѣры величественные и огромные, тогда чего бояться нагородишь каменье въ подлѣ дома? Вашему зданію надобеть огромный пьедесталь. Противоположность будетьъ слишкомъ поразительна, если вы заставите меня изъ вашихъ величественныхъ залъ перепрыгнутьъ прямо въ поле, или на сельскій лужокъ. Я хочу сойти въ садъ вашъ по широкому, величественно проложенному уклону; на дорогѣ мнѣ надобно видѣть болѣе цвѣтотвъ, кустотвъ, расцвѣтннхъ, дорогихъ, обольщающихъ меня своими опшнѣнками, различіемъ формъ, продолжающихъ для меня богатство мебелировки вашихъ залъ. Не уравнивайте подъ ногами моими уклону, и не ведите

кни обманчивыми изворотами на долину; и въ
вѣрнѣе оспановишься у васъ на величественной
пещраѣ, копорую купы деревьевъ искусно вѣн-
чаютъ своею гнѣною, когда въ шоже время иже ея
видны ивѣ длинныя проиженія балюспрадъ, по ко-
поримъ зрѣніе мое съ удовольствіемъ скользятъ,
какъ по узору драгоцѣннаго кружева. Благодаря
снѣ созданіямъ Искусства, въ садѣ своемъ вы да-
дите вашему жилищу согласнаго съ нимъ пова-
раца, копорый увеличинъ красоту его. Но это
еще не все; собдише сами въ совершенно-дикую
часъ вашего парка, обратишесь къ вашему жи-
лищу, и посмотрише: какое волшебное дѣйствіе
произвели вы своими архитектурными лнніями!
Посмотрише, какъ все ихъ окружающее приняло
характеръ благородный, гордый, шоржественный.
Лнніи, въ отношеніи къ Природѣ, шоже, что мѣ-
ра и рѣна къ поэтической мысли: онѣ облагоро-
живаютъ, онѣ совершенствуютъ поэзію ландшаф-
товъ.

Такъ, надобно признашся : эпои-шо поэзи и
лнті въ новѣйшихъ садахъ нашихъ; не споримъ,
что шакой недоснапокъ не мѣшаетъ имъ бытъ пре-
лестными, и великіе успѣхи ихъ вѣрныя эпого
деказательства. Можетъ бытъ, прозаическая про-
свопа ихъ, шо, что мы осмѣливаемся называть
ихъ недоснапкомъ, даже еспъ главная причина
снѣ успѣховъ, ибо она посшавляетъ ихъ въ со-
ощѣствленности съ нынѣшнимъ вкусомъ публи-

ки во всемъ, съ холоднымъ, разсудительнымъ расположеніемъ нынѣшнихъ умовъ. Живописная снѣга садовъ, такая, какова она нынѣ, совершенно соотвѣтствуетъ тому, что въ либерашурѣ называютъ *школою дѣйствительности*, школою, у которой мы, менѣе всякаго другаго, рѣшимся оспаривать достоинство, и то, что она явилась очень къстати. Но какъ-бы благосклонно ни принимала публика новыя комедіи, разсчитанныя по дѣйствительной, неукрашенной природѣ, какъ-бы ни любила она всѣ сіи собранія сценъ политическихъ, историческихъ, комическихъ и всякихъ, которыми наводнена наша либерашура въ послѣдніе два или три года, съ нами конечно согласятся, что если не вредя истинѣ — главному достоинству сихъ твореній — мы найдемъ простое, легкое и скорое средство, ввести въ нихъ нѣсколько болѣе возвышенности, поэзіи, *идеальнаго*, такъ сказать, это будетъ новый и чистый барышъ для публики и сочинителей. Такое средство предлагаемъ мы для живописныхъ садовъ: пусть они уступятъ немного вліянію Архипекшуръ, и ихъ *проза* исчезнетъ. Будемъ надѣяться, что садовники-поэты согласятся на такую прибыльную уступку, и пусть рѣчь не объ одной только прибавкѣ изящества: это средство, единственное, можетъ быть, средство обезопасить сады наши отъ прихотей новой моды, и упрочить ихъ будущность, ибо все исключительное не-

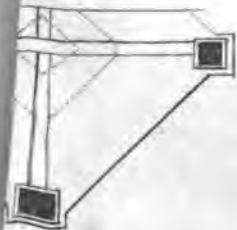
продолжительно, и необходимо носить въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія. Оспережемся бытъ въ садахъ нашихъ только естественными; будемъ нѣсколько поэтами, соединимъ въ нихъ порядокъ съ свободою. Если-же мы не хопимъ эшого, по независимосшъ наша непрочна, и вскорѣ, можешь бытъ, мы дождемся новой революціи, бѣшеной, слѣпой, исключительной въ свою очередь, кошорая испровергнетъ наши подражанія Природѣ, и замѣнитъ ихъ однообразными и тяжелыми пемницами спаривныхъ симметрическихъ садовъ.

(Съ Франц.—Соч. Вите.)

При семъ № Прибавленія приложены изображенія Англійской ново-модной цвѣтоткары, въ Готическомъ искусствѣ, и ново-модной Парижской цвѣтоткары.

С. Моск. Мар. 1829.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

НОВЫХЪ НАРОДОВЪ. Соч. Барона Экштейна.

Статья 1-я.

I. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ званіяхъ общества должна была явиться потребность въ великихъ развлеченияхъ и общественныхъ забавахъ, послѣ того какъ прекратились блестящія празднества и турниры, осиявающіе въкошорме, опдаленные уже вѣка нашихъ летописей такимъ же блескомъ, какой разливаютъ на героическія времена древней Греціи общественныя, блестящія ея игры. Къ сей общей потребности всѣхъ странъ, равной для народовъ всѣхъ исповѣданій, у Протеспантовъ присоединилась необходимость замѣнить опмѣненные празднества и великолѣпныя церемоніи Каполической церкви. Напротивъ въ странахъ, оставшихся при своихъ древнихъ вѣрованіяхъ, сценическія представленія естественнѣе произошли отъ религиозныхъ обрядовъ, потому что у хрестіанъ, такъ-же какъ

древле у Грековъ и Индійцовъ, первымъ началомъ шаптральныхъ игрлицъ были мисперія; върованія облекались и украшались всѣми своими символами, дабы раскрывашь, среди общеспивенныхъ шоржествъ, свой величеспивенный характеръ.

Для народовъ, достигшихъ зрѣлости въ образованіи, Поэзія Драматическая еслъ шже, чшо Эпическая Поэзія была для народовъ въ вѣка геронческіе: шшошъ ходъ ума челошвческаго можно замѣшшшъ и въ древнемъ и въ новомъ мѣрѣ. При началѣ искусствва, Драматическая Поэзія, шакъ-жѣ какъ и Эпопея, не различала родовъ прагитического и комического. Общеспивенная жизнь была еше не разъединенною: она заключала подъ одною оболочкою и, еслъ сшшо шакъ выразишья, въ одномъ, неразвернушемся цѣшкѣ, и сладкое и горькое. Важное соединялось съ пародією, и изъ сшхъ противоположностей родилась иронія, дѣйсшвіе высокого и безприсраспнаго разума: она соспошпъ въ удержаніи равновѣсія между всѣми умшвенными силами. Иронія являешся легкой улыбкою при видѣ боренія спраспей и нравспивенныхъ силъ; она бываешъ достпошвіемъ шого, кто высшмъ умомъ проникаешъ въ сильное и слабое предметовъ, кто судшпъ объ основаніяхъ, не оснанаиваешся на вѣшнихъ образахъ.

Начало шаптра бываешъ вездѣ одинаково, еслъ

только оно не основывается на подражаніи чужеземному, но еспіь если оно родилось у того народа, гдѣ мы видимъ его развитіе. У Грековъ и у Индійцевъ, единственныхъ народовъ древности, имѣвшихъ самыя зрѣлыя зрѣлища, находимъ два особенныя элемента оныхъ. Одинъ строгій и прагматическій; другой веселый, насмѣшливый, шупливый, выводящій изъ перваго значеніе, умѣряющій смыслъ онаго и освѣжающій цѣлое созданіе легкою проницею, которая придаетъ ему особенное единство, превосходящее единство цѣлаго рода. Трагическій и комическій элементы сяхъ сочиненій имѣють источниками своими символы, мифы и обряды религіи. Сіи различныя начала выражаютъ противоположныя свойства природы человѣческой, иногда живописуя мрачными, ужасающими красками генія зла, являющагося во всей силѣ своего могущества, или, въ очеркахъ болѣе кѣжныхъ, пакъ сказаній, неволью выказывающаго свою злобу; иногда выводя на сцену благаго генія природы человѣческой, въ борьбѣ величественной, или въ легкой шушкѣ, въ играхъ, касающагося невинныхъ удовольствій жизни.

Такимъ образомъ, въ началѣ своего шествія былъ откровеніемъ нашей умственной природы; не принимая на себя догматическаго тона проповѣдниковъ, онъ обращался къ сердцу человека со своими глубокими нравственными истинами.

Онъ естественнѣе склонялся къ идеальному искусству, являясь свободнымъ и очищеннымъ отъ всякаго близкаго примѣненія предмета къ событіямъ обыкновенной жизни. Развязка совершалась при посредничествѣ добраго или злаго могущества, обнимавшаго всю басню поэмы и соединявшаго земныя событія съ высшими опредѣленіями Божества, дабы незамѣтнымъ образомъ согласить ихъ съ паниспвенною природою вещей.

Если въ началѣ своемъ драматическія сочиненія предсказывали только грубые очерки, то пѣтъ не менѣе въ нихъ заключалось зерно самаго идеальнаго совершенства. Вы узнаете это состояніе лишь перапуры у Грековъ, гдѣ оба рода, сначала соединенные, вскорѣ раздѣлились, и видите его у Индійцевъ, у коихъ они продолжали вспомоществовать одинъ другому. У сихъ народовъ, первые олимпійскіе игрища трагическихъ и комическихъ усшремлены были къ иносказательному изображенію борьбы мнимыхъ боговъ, изъ коихъ одни старались уничтожать, другіе поддерживать хаосъ, до того времени, когда Демиургъ сошелъ въ бездну и принудилъ непріязненныя могущества склониться подъ одинъ, общій законъ. Потому сотвореніе, слѣдствіе борьбы, послѣдуемое общимъ миромъ между двумя соспизавшимися спорами, было первою задачей Драматической Поэзіи, выражалось въ послѣдовашихъ аллегоріяхъ и было изображаемо

труппою мимовъ, въ маскахъ и копурнахъ. Въ поже время, сіи созданія ума являлись пародированными въ саширическихъ представленіяхъ, гдѣ пакже упопреблялись маски и паншомимы, и гдѣ лицами были, у Эллиновъ сапиры и циклопы, у Индійцовъ люди-обезьяны, управляемыя Гануманомъ, Паномъ ихъ Миеологіи. Сіи аллегорическія существа забавлялись иногда надъ порядкомъ сошворенія, надъ богами, и иногда надъ человѣкомъ и всею природою; они смѣшнымъ образомъ подражали движеніямъ и дѣйствіямъ боговъ и типановъ; они передразнивали ихъ борьбы и оканчивали сіи представленія шупливымъ подражаніемъ ихъ шоржеспвеннымъ процессіямъ.

Въ позднѣйшее время, въ сіи сценическія игры, исполнѣ соспоявшія изъ Миеологіи, введены были слогъ и мысли болѣе изысканные: паншомима была согнана со сцены; герои и народъ въ свою очередь явились на театръ Древнихъ и замѣнили боговъ и сашировъ, принявшихъ такимъ образомъ форму человѣческую, но въ поже время оставшихся невидимыми власшешелями собыпій, дабы сохранишь онимъ характеръ идеальной возвышенности. На Греческомъ театръ народъ соспавлялъ хоръ въ прагедіяхъ; но на комической сценѣ онъ игралъ роль дѣятельную и совсѣмъ иначе важную. На театръ Индійскомъ эпо былъ какой-то шупъ-совѣщякъ, изображавшійся возлицею царей и воишелей, мудрецомъ подъ по-

кровомъ смѣшнаго ; онъ никогда не оплачивался мужескивомъ.

Два основныя элемента , соспавлявшіе у древнихъ народовъ Драмащическую Поэзію , раздѣлились въ Греческой Литтературѣ и произвели два противоположныя рода : трагедію и комедію. Причина сего различія основывается частію на главныхъ идеяхъ *изящнаго* , какія развились у Эллиновъ , частію на политическихъ началахъ , относящихся къ соспаву государства , ибо не должно забывать , что , особенно , и , такъ сказать , единственно въ Аѳинахъ театръ оказалъ замѣщныя успѣхи на пути къ совершенству.

Въ городѣ Минервы , трагедія , которая образовалась въ важныхъ созданіяхъ Эсхила и Софокла , происходила прямо отъ мистерій : она была опкровеніемъ первобытнаго , духовнаго и героическаго міра ; однимъ словомъ , она была чистымъ вдохновеніемъ высшей и церковной аристокраціи. Представляла предметы строго миеологическіе , упомянушыя два великіе поэта вспрѣчающіяся съ мыслию , различнымъ образомъ смѣлою , но всегда иносказательно выраженною и припоровленною къ символическимъ предметамъ , выводимымъ ими на сцену. Самыя ирогательныя , патетическія событія , замиспвованныя изъ сферы прошлыхъ человѣческихъ дѣйствій , облакаются подъ ихъ высшюю идеальнымъ цвѣтомъ , и

такимъ образомъ получающъ значеніе, высшее обыкновеннаго, видимаго въ нихъ какъ въ дѣйствіяхъ опредѣленныхъ. Извѣстно, что сіи два автора были изъ числа посвященныхъ въ таинства, и даже Эскимъ былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ дерзко открылъ конецъ покрыва, закрывавшаго великія таинства. Эврипидъ не можетъ быть здѣсь раземашриваемъ нами, ибо явившійся во время софизмовъ, паденія, онъ находился совершенно внѣ сей черпы.

По одному качеству посвященныхъ въ таинства и по аристократическому вдохновенію своей Музы, оба безсмертные прагика, копорыми особенно мы занимаемся, не могли пародировать предметовъ важныхъ и идей высокихъ, входившихъ въ составъ ихъ великихъ картинъ. Следственно, у нихъ народъ могъ являться на сценѣ трагической не иначе, какъ идеальнымъ и поэтическимъ образомъ, и таковы были хоры, гдѣ народъ соспавляетъ свипу царей и героевъ. Ясно, что естественная сила вещей заспавляла ихъ различать роды драмы.

Но такое послѣдствіе обратилось въ пользу искусства; идеальная красота сочиненій приобрѣла высокую степень превосходства, потому что *изящное* не можетъ имѣть ничего общаго съ комическимъ или пародіею: небесное по своей природѣ, оно опшмеваетъ все, что не величе-

сшвенно, не спрого, что пріятно безъ благородства, нѣжно безъ энтузіазма, чистоты. Изъ всѣхъ народовъ міра, Греки наиболѣе обладали шонкимъ чувствомъ красоты, которому во всемъ совершенствѣ его мы удивляемся между поэтами у Софокла, между метафизиками у Платона. Можно сказать однакожъ, что трагедія Эллиновъ, и по своимъ предметамъ, заимствованнымъ изъ временъ баснословныхъ и по аристократическому направленію своему, кажется болѣе сходна съ идеями Дорійцевъ, оставшихся аристократами, нежели съ идеями Іонійцевъ, и особенно Аѣнянъ, рѣшительно приславшихъ къ демокрашіи. Поэтому-то трагедія послѣ Софокла измѣнилась; и у Эврипида являешся уже въ видѣ спрашнаго, чрезвычайно папешческаго романа, обремененна ширадами, восклицаніями и софизмами, представленными въ видѣ правилъ, свойственныхъ вѣкамъ разврата.

Началомъ комедій, въ Аѣнахъ и во всей Греціи, были не мистеріи, собственно такъ называемыя, но празднества и церемоніи сапирическія, въ коихъ пародировали дѣйствія боговъ, безъ всякихъ послѣдствій и не возмущая общешвеннаго благочестія. Вскорѣ комедія сдѣлалась чисто демократическою, ибо склонность сія заключаешся въ ея природѣ. Аристофанъ былъ самымъ народнымъ поэтомъ и вмѣстѣ жесточайшимъ говншелемъ глупостей и нечестивствъ про-

спонародимхъ. Будучи дерзокъ въ своихъ разбирательствахъ, онъ усвоилъ себѣ аллегорическій родъ, но не такъ, какъ первые прагматическіе авторы; олицетворяя народъ различными образами, онъ показалъ его предводителей и сифантовъ, и осмѣлился выставить на позоръ ужасную наготу общественнаго порядка. Здѣсь оканчивается жизнь древней комедіи. Менандръ, явившійся въ послѣдствіи, создалъ, или лучше сказать, усовершенствовалъ новую систему: можно сказать, что она имѣетъ всѣ достоинства, кромѣ достоинства истинной поэзіи.

По смыслу Аристофанова псапра, комическій идеалъ основывается на несходствѣ между средствами и цѣлью лицъ: мысль ихъ въ основаніи своемъ ничтожна и проспонародна, мудрость ихъ шѣсна, но они имѣютъ высокую идею о силѣ своего ума и могутъ вредить, пошому что будучи дробями высшей государственной власти, они суть члены ея; это заславляетъ ихъ ужасно увеличивать свои средства, и опъ пого честолюбивая спранность выраженія и пошлость мысли находяща у нихъ въ непрерывной противоположности. Они желали-бы взлѣсть на небо и предпринять дѣла самыя невозможныя; но желанія ихъ скоро спотыкаются о глупость, и они падаютъ въ грязь лицомъ, гдѣ поэтъ спѣшивъ показавъ намъ ихъ, подъ ударами своего сатирическаго бича, сберегаемаго имъ на ихъ по-

срамленіе. Древняя Аппиическая комедія имѣла въ виду совсѣмъ не красоту и еще менѣе истинну нравовъ, копорую видимъ въ пьесахъ Менандра: ея цѣлю было самое смѣлое, дерзкое въ мысляхъ и осмѣяніе слабости человѣческой, спре-млящейся къ великимъ дѣламъ, копорыхъ она не понимаетъ. Идеаль комедіи, постигнутой гениемъ Аристофана, склонялся къ политикѣ и къ Философіи.

Въ Индійскомъ театрѣ, по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстны пружины онаго, не было такой строгой раздѣлительной черты между трагедіею и комедіею, какъ въ театрѣ Греческомъ. Однакожь на Санскритскомъ языкѣ есть философскія комедіи, въ родѣ Аристофановыхъ, гдѣ дурачества сектъ и мешафизиковъ замѣняютъ нѣ дурачества народа и его сикофаншовъ, какія были предшавляемы на театрѣ Аѳинскомъ. Въ драмѣ: *Саконтала*, есть нѣчто наивнное вкусомъ Софокла и вмѣстѣ внутреннее чувство идеальной красоты. Комическая часть ея нѣжна, умѣренна, какъ въ драмѣ Испанской, столь различной въ семъ отношеніи съ Шекспировскою. Разногласія самыхъ событій прагматическихъ и противоположность оныхъ съ веселою, сатирическою частью, скоро сглаживаются, и поэма всегда спарается оканчиваясь первоначальными противорѣчія гармоніею. Гений Кальдерона (если осмѣлюсь сказать, самого вѣрующаго изъ поэтовъ)

нѣтъ нѣкоторое сходство съ разсмаприваемымъ нами родомъ : вѣрованіе всегда заславляетъ его оканчивая и смягчая прагматическое своей драмы небеснымъ предвѣдніемъ о будущей жизни. Язычество Индійцевъ, въ коемъ болѣе испицизма, тѣмъ въ Греческомъ язычествѣ, даетъ основную мысль ихъ сценъ ; оно часто возвышаетъ взоры наши къ высшему блаженству и показываетъ намъ совершенную гармонию элементовъ, усмиранныхъ умомъ Всевышнимъ. Напримѣръ, въ трагедіи Грековъ предметомъ обладаетъ вѣрованіе въ неизмѣнимую судьбу, и потому въ ней все оканчивается тѣмъ, что нравственные элементы поэмы низвергаются въ хаосъ, безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ. Одинъ Софокль старался прибавлять нѣсколько утѣшенія къ эпическому ужасному предопредѣленію и услаждаетъ эту неприимную горечь : душу его, такъ-же какъ душу Платона, можно назвать полу-христіанскою. Замѣтимъ, что Шекспиръ, въ семъ случаѣ противоположный Кальдерону, всегда оканчиваетъ свои созданія гибелью своихъ героевъ, безъ всякаго смягченія, почти такъ-же, какъ дѣлалъ это Эсхиль.

Драматическія сочиненія, подобно Индійскимъ сохранившія въ большей или меньшей степени первобытное соединеніе элементовъ, прагматическаго и комическаго, имѣютъ такъ-же свой идеалъ, какъ по можно замѣтивъ въ театрѣ Щек-

спира или въ шеапрѣ Испанцовъ. Идеаль сей составляетъ сама иронія, не только служащая основаніемъ сочиненію, но и обладающая всею его общностью, какъ высшій разумъ, которому все покорно: онъ видитъ всѣ предметы въ ихъ противорѣчіяхъ, взвѣшиваетъ, умѣряетъ одинъ другимъ, и, какъ сказано, по наружности удерживаешься произнести сужденіе, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ предоспаляешь себѣ въ эпосѣ полную и совершенную свободу. Здѣсь уже нѣтъ идеала красоты прагматической, нѣтъ полипико-философическаго идеала древней комедіи Эллиновъ: это идеаль самаго зрѣлаго и рѣзкаго разума, какой видимъ въ произведеніяхъ Шекспира. Въ шеапрѣ Индійскомъ, какъ-же какъ въ Испанскомъ, комическая пародія событій прагматическихъ развивается менѣе. Впрочемъ, по причинѣ развязки, совершенно миспической и религіозной, какою Индійцы и Испанцы спарались оканчивають великіе, изображаемые ими предметы, данныя рода драматическаго не выражаются у нихъ столь полно, какъ у Англійскаго поэта, и почти совершенно сходятся съ красотой, ознаменовавшею классическій шеапрѣ Грековъ.

II. Хрисціанская религія (*), съ ея символами

(*) Говоря о религіи новыхъ народовъ, Авторъ вездѣ разумѣетъ религію *Римско-Католическую*. *Прим. Перев.*

и шапкисшвами, предсавила изобрѣшательному генію среднихъ вѣковъ предметы для многихъ празднествъ и церемоній, коихъ созданіе часпо величественно, часпо прекрасно. Сіи празднества, въ самой торжественности своей были перемѣшаны съ веселостью и сатирическими чертами, которыя справедливо могутъ быть опвергаемы вышнимъ вкусомъ нашимъ, которыя умъ нашего вѣка можетъ почитать оскорбленіемъ священныхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе это было, во времена не столь высокаго просвѣщенія. При основаніи сихъ церемоній господствовала даже мысль, испинно философическая: мы раскрыли характеръ оной, сказавъ выше сего нѣсколько словъ о древнихъ сатирическихъ праздникахъ и отношеніи оныхъ къ театру. Слѣды грубости, цинизма, пошлости выраженія, даже духъ подробностей, относяся къ исполненію и вовсе не касающяся основанія предмета. Кто умѣетъ цѣнить талантъ Рабеле и постигать его, такъ сказать, сквозь грубую, покрывающую его кору, тотъ долженъ признасть въ шутовствахъ среднихъ вѣковъ печать генія, похожаго на геній Мѣдонскаго рассказчика. Однакожь безпрестанныя насмѣшки сего послѣдняго надъ священными предметами, показывающъ худо скрываемую ненависть, между тѣмъ какъ въ упомянутыхъ сатирическихъ празднествахъ, священное, хошя и пародируемое языческимъ, оспается предметомъ глубочайшаго ува-

женія и со славою выходитъ изъ испытанія, которое служилъ ему подкрѣпленіемъ, свидѣтельствуя о его достоинствѣ самымъ блестящимъ образомъ.

Мистеріи нашей религіи, перенесенныя новыми народами на драматическую сцену, имѣютъ характеръ аллегорическій и религіозный, сохраненный подъ самую поэтическую форму въ Испанскихъ *Autos sacramentales*, въ числѣ коихъ находились нѣсколько превосходныхъ созданій возвышеннаго Кальдерона. Кромѣ религіозныхъ предместовъ, основывающихся на шпанскихъ Троицы, воплощенія Іисуса Христа, и на Богочленіи Пресвятой Дѣвы, нѣкоторыя нравственныя идеи объ искушеніи человека, представленныя въ борьбѣ двухъ началъ, даютъ понятіе о подробностяхъ поэмъ. Борьба происходивъ между ангеломъ хранителемъ и дьяволомъ; утверждающій побѣждаетъ отрицающаго; послѣдній насмѣхается, уклоняется, старается возбудить страсти людей, дабы совратили ихъ съ надлежащаго пути. Одинъ—нѣжный и сильный, милующій и карающій, всегда благородный, проспой, прагматическій, иногда романтический своимъ характеромъ: это символъ Божественной любви и брагскаго попеченія о родѣ человеческомъ. Другой, шушливый, безстыдный, веселый, комическій, забавный, ненавидящій, злой, безобразный; насмѣшливое лицо его занимаетъ нѣчто отъ спрашнаго вида головы Медузыной; черты его спранны и спроги,

ужасны и вѣснѣ несообразны. Таково вообще основной характеръ сего рода сочиненій. Они часто представляютъ разительное сходство съ пещерными представленіями языческихъ мѣстечерій, хотя ими преобладаетъ совсѣмъ другой духъ. Всего хуже въ нихъ аллегорическіе разговоры между добродѣтелями и пороками: эпитолицепворенія бывають всегда холодны, потому что они ошвлечены; они должны быть приводимы въ дѣйствіе въ видѣ Божества, человека или дьявола, дабы сдѣлались занимательными, а эпито невозможно, какъ скоро ихъ называють существенными именами.

Мѣстечеріи, съ ихъ нравственными аллегоріями, ошались только въ Испаніи, гдѣ родъ сей, освобожденный ошъ всего, что было въ немъ холоднаго и грубаго, сохранилъ свой глубокій характеръ и идеальную тайнственностъ. Такъ-же какъ въ другихъ пещерныхъ сочиненіяхъ сей страны, всѣ слишкомъ рѣзкія противоположности, слишкомъ сильныя противодѣйствія, которыя разуть Шекспира всегда выставляемъ впередъ, потому что онъ слѣдуетъ другимъ даннымъ, были еще смягчены въ Autos sacramentales Пиренейскаго полуострова. Въ нихъ прагматическое строга; комическое часто дышетъ тонкою ироніею, но положенія не глубоко обдуманы въ ихъ тайныхъ изгибахъ и только мясшическая развязка даетъ общности сихъ сочиненій истинное ихъ значе-

ніе. Сочиненія Кальдерона принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ, нѣжнымъ и прелестнымъ созданіямъ ума человѣческаго. Въ семъ случаѣ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ братьевъ Шлегелей, разбиравшихъ сочиненія Кальдерона.

Фаустъ Гётевъ и Донъ Жуанъ Мольтеровъ (последній заимствованъ изъ Испанскаго театра), суть истинныя мистеріи, заключающія въ себѣ мысль глубочайшую: они совершенно входящъ въ составъ первобытныхъ категорій религіозной поэзіи. Надобно признаться однакожъ, что Французскій писатель не сознавался самъ себѣ истиннымъ образомъ въ высокомъ достоинствѣ предмета, который обработалъ онъ съ удивительнымъ умомъ, но не столь поэтически, какъ требовалъ того сей предметъ. Лордъ Байронъ недавно открылъ намъ, въ своемъ Каинѣ, какое сокровище поэзіи скрывалось въ этомъ родѣ, совсѣмъ не къ стати забывомъ. Еще Данте, въ своей *Divina Comedia*, часто приближался къ драматической формѣ, потому что она совершенно удобна для подобныхъ предметовъ. Доказательствомъ справедливости сего мнѣнія служитъ то, что Мильтонъ и Клопштокъ, облекшіе сіи предметы въ число эпическую форму, являютъ менѣе движенія и жизни, до такой степени, что последній впадаетъ въ однообразіе, не взирая на возвышенный тонъ своего сочиненія. О Мильтонѣ доказано,

тво ей знаменитый пивецъ нашель, идео, своего предмета въ одной изъ множества мистерій, допоря въ семнадцатомъ вѣкѣ, били, еще представляемы въ Испани.

Мы видѣли, что роль комическая, вышедши у древнихъ изъ сферы существъ сверхъестественныхъ и перенесши въ среду человѣческаго рода, сдѣлалась существеннымъ удѣломъ поэмы; но роль поэмовъ. Такъ пещръ Аристофановъ представляеть народъ самовольнымъ и вмѣстѣ безсильнымъ повелителемъ; такъ пещръ Индйскій показываешь его шупливымъ совѣщникомъ, забавнымъ властипелемъ, представляющимъ роль мудрости: онъ управляеть колесницею государя, не прикасаясь къ кормилу государственному. Высше классы общеспвенные, въ опношеніи къ высшимъ, играють роль духа оприцанія; они сильно и зло кривкуютъ правительство; народная пословица: *Гласъ народа, гласъ Божій*, справедлива только до того времени, покуда народъ не отдѣляется отъ властителя: но это было въ Ассирахъ, и народъ подвергся лозѣ Аристофановой. Сервантесъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, схвативъ эту народію высшаго общеспвеннаго порядка, которую Ла-Манчскій герой выражаешь пакъ забавно и вмѣстѣ благородно, воспользовался ею истинно неподражаемо. Шекспиръ, въ своемъ *Фальсификатѣ*, представляеть ту-же каршину и также въ уди-

вительной, хотя и совершенно различной оградѣ. Впрочемъ, въ шпорческой силѣ оны соснизаешиа съ Испанскими Авторами.

Въ новомъ театрѣ, комическая роль не надолго была исключительно предоспавлена дьяволу и подобнымъ сверхъ-естественнымъ существамъ. Она испышала здѣсь такую-же перемѣну, какъ на театрѣ древнихъ, и послужила маскою, подъ коптою спали предспавляшь народъ. Какъ сашира величя и пропивооложностъ высшихъ классовъ, она была назначена преподавашъ мудроспъ подъ одеждоу дурачеспва. Наконецъ, подъ всѣми видами, въ какихъ поэши уопребляли это лицо, оно служило имъ пріапноу, нѣжноу и забавноу народіеу, или насмѣшливоу каррикатуроу пороковъ и недоспавтковъ ума человеческого и общеспвеннаго порядка; однимъ словоу, характеръ сей былъ появпъ новымъ съ такимъ-же шаланномъ, какъ и поэшами первоышной комедіи.

Лицо сіе являлось на сценѣ сообразно народноу духу и особенно сообразно шому, къ югу или къ сѣверу Евроши принадлежали сами поэши. Въ Италии и въ Испании, маски и другія комическія лица являюпъ болѣе пріапности; въ Германіи и особенно въ Англіи, они глубокомысленнѣе появпшъ; это мнѣніе мы подшвердимъ различными примерами.

У Лапшицовъ существовала. шолько подражательная поэши. Они поспавляли себѣ образцами или

позднѣйшую Аппиническую комедію, изобрѣтенную Филемономъ и Менандромъ, и предназначенную, подобно пнеанру нашего времени, для изображенія сценъ домашней жизни, или, иногда, подражали поэмамъ Александрійскимъ и изобрѣненнымъ ими формамъ, чуждымъ генію первобытныхъ Греческихъ сочиненій. Однакожь и въ коморья саширическихъ пѣсняхъ и комическихъ представленія, гдѣ являлись характерныя насмѣлки, насмѣхавшіяся надъ пороками и смѣшными спорами природы человѣческой, принадлежали имъ собственно. Эти представленія, извѣстныя подъ именемъ Апелланъ, были фарсы, но они дышали оживленною, искреннею, совершенно народною веселостью, и носили съ истинною поэзіею имѣли сходства болѣе, нежели сцены изъ домашней жизни, заимствованныя у преобразователей комедіи Афинской. Въроятно они перешли въ иткопорья празднества, гдѣ господствовали шаловливая веселость и совершенное дурачество. Духъ ихъ сохранился особенно въ Римѣ, и даже во время христіанства, ибо мы видимъ, что въ продолженіе карнавала, кошорый есть подражаніе Сантурвалимъ, являлись характерныя роли, подъ одеждою новой Италіи напоминающія намъ Апелланамъ. Семья Арлекиновъ, Коломбинъ, Пьеро, Спассиновъ (забиякъ), и другія лица сего разряда принадлежатъ къ тому роду, кошорый обладавъ въ древніа времена Плавствъ.

Маски и гротески Итальянскіе имѣютъ собственное свое достоинство и особенный философскій оппѣнокъ. Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ глубокихъ идей, заключающихся въ сатирическихъ лицахъ древняго Греческаго театра, котораго образчикъ оспался у насъ въ Ариспосанѣ; въ нихъ нѣтъ той оригинальной мысли, какаѧ находится въ дьяволѣ пьесы Фаустъ, въ духа пьесы Донъ Жуанъ; они даже не приближаются къ оригинальному созданію ума, придворнымъ шушманъ среднихъ вѣковъ, которыхъ Шекспиръ вывелъ на сцену такъ смѣло, а Кальдеронъ такъ прелестно. Но не равняясь ни съ Фальстафомъ, ни съ Санчо-Пансою, они весьма выгодно оплмчаются отъ хрѣотодныхъ аллегорическихъ лицъ, подъ именами пророковъ и добродѣтелей являвшихся въ представленіяхъ мистерій двенадцатаго вѣка. Духъ различныхъ мѣстностей Итальянскихъ въ нихъ, оппѣворенъ весьма забавно, и такъ, что каждый изъ народовъ, сославляющихся сю прекрасную часть Европы, показывается въ свою очередь, съ чистыми своими дорогами и смѣшными оппоронами, при помощи сихъ неизмѣняемыхъ и такъ сказанъ, спереопытныхъ существъ. Какъ жаль, что люди высокіе, каковы Аріосто и Макиавелъ, подражали комедіямъ Теренція: это было безплодно, потому что въ нравахъ ихъ не было ничего общаго съ Аѣнскими обычаями временъ Менандровыхъ. Потому не рѣшились они овладѣть грубыми

началами Испальнської комедіи и не обрабатывали ихъ, вспомошествоуемые, однимъ своимъ глубокимъ, нестерпаемымъ талантомъ наблюденія, другою прелестью своею фантастической, прихотливой, но всегда остроумной, милой поэзіи! Только Гольдони и Карло Гоцци старались показать достоинство ролей, о которыхъ говоримъ: первый былъ одаренъ талантомъ гибкимъ, второю воображеніемъ блестящимъ, но оба они мало заботились о своемъ поэтическомъ языкѣ и не углублялись въ свои предметы.

Лица театра Испальнскаго оставались совершенно чуждыми лицамъ Англійскаго и Испанскаго театровъ въ то время, когда они послѣдніе процвѣтали совершенно народнымъ образомъ и съ независимостью, истинно иностранною. За тѣмъ, они съ ранняго времени утвердились въ Германіи, и, впоследствии, даже во Франціи; но, существенно, они успѣли овладѣть только одною за-Рейнскою стороною, и только тамъ одѣлись въ одежду совершенно мѣлпную; на здѣшнемъ берегу Рейна (во Франціи) они были подраженіемъ, заимствованнымъ вначалѣ у комедіаншовъ, пришедшихъ изъ Испаліи, и никогда не достигли здѣсь такой народности, какъ въ Германіи. Гансвурстъ театра Гансъ Сахсова, Арлекинъ, хотя форма его груба форм оригинала; въ немъ есть мужицкій умъ, обыкновенно означающій практическую мудрость мелкихъ классовъ народа. Гансвурстъ занималъ

въ народѣ шу-же роль, какув при дворахъ государей играли шуны, по ещѣ онъ говорилъ истинну подѣ видомъ глупости и въ награду получалъ деньги и палочные удары, а самъ, мимоходомъ, хлещалъ бичемъ неумолимой сатиры. Въ народномъ театрѣ Южной Германіи, гдѣ праздники имѣють уже нѣчто одинакое съ Испальянскими праздниками, другія лица и другіе гротески, подѣ характеристическими чертами, изображаютъ пороки и смѣшныя спорныя различныя мѣстности. Тамъ всегда естѣ роль плутовагаго крестьянина, закрытаго личиною простоты и глупости, но явнѣе, нежели напримѣръ во Французскомъ театрѣ, сдѣлавшагося характернымъ лицомъ. Въ числѣ сихъ шупливыхъ лицъ находится многочисленныя Липперле, Касперле, Бауерле, забавляющіе народы Австріи. Правда, что все это еще очень грубо; но было-бы несправедливо не признавать, что здѣсь заключается истинно комическій элементъ.

Никогда поэтическій міръ не былъ свидѣтелемъ такихъ смѣшныхъ, забавныхъ сценъ, какъ во время торжественнаго опроверженія *Гансвурста*, Арлюина ярмарочнаго театра въ Германіи: оно было произнесено знаменитымъ Готтшедомъ, одинъ вѣкъ назадъ предписывавшимъ законы раздававшемуся Парнассу своего опечесства. Готтшедъ и недавника его супруга рѣшились очистишь въ одинъ день городъ Лейпцигъ отъ прослонародныхъ грубостей, оскор-

бывшихъ ихъ вкусъ. Они изгнали Шьеро, Коломбину и всю ихъ важную семью, шакъ, что судейскою власпью Унивѣрситетскаго Ректора, рѣшитель-но было запрещено народу смѣяться и забавлять-ся. И въ самомъ дѣлѣ на Сѣверѣ Германіи Арле-кинны исчезли какъ-бы опъ удара молніи, и не являлись снова до шѣхъ поръ, когда нѣкошорне уцѣные люди увидѣли все смѣшное эшого событія. Юспусъ Мозеръ, одинъ изъ глубокомысленнѣй-шихъ Исшориковъ и славнѣйшихъ публицистовъ новаго времени, не боялся уронить свою важ-ность, иронически защищая несчастныхъ опвер-женцовъ, сначала едва осмѣливавшихся показывать-ся, не смотря на шоль шоржественную защиту: шакъ испугалъ ихъ педантизмъ и гнѣвъ преслѣ-дователя. Наконецъ Гёте, и еще позднее его Тикъ, облагородшвовали сей родъ, сблизивъ его съ саширическою драмою Арисшофана и упошре-бивъ въ пьесахъ, болѣе или менѣе корошкихъ, но забавныхъ въ высочайшей степени.

Во Франціи лица сіи были выведены на сцену трезвычайно остроумно, весело и прелесшно, въ пьесахъ, сочиненныхъ для шештровъ, шакъ назы-ваемыхъ ярмарочныхъ, гдѣ ошличались Лесажъ, Леграссъ, Фюзелье, и нѣкошорне другіе: ихъ пьесы эфемерны, но онѣ конечно шюлятъ гораздо болѣе, нежели куца приправленныхъ сенсацией драмъ, кошюрими хоптали ихъ замѣинишь. Впрочемъ воде-вилъ, приспособляющійся къ народнымъ напѣвамъ

и близко соединенный съ общественною жизнью Французовъ, долженъ былъ одержать верхъ надъ этимъ родомъ, пересаженнымъ изъ Испальнской земли въ чужую почву.

Въ Испанскомъ театръ, комическое лицо, такъ сказать, *идеализировано*. Изъ него сдѣлали характеръ остроумный, забавный, очищенный отъ всѣхъ грубостей, но за то и вовсе лишенный глубокости оригинальной роли. Граціозо, въ пьесахъ Кальдерона, шутитъ пріятно; самыя пороки его не возбуждаютъ негодованія. Его плутовство и сатирическій юморъ не увеличены, не усилены въ отношеніи къ самому характеру; его веселость есть пародія строгаго умоначертанія Испанцовъ, блестящаго въ лицахъ высшихъ званій; его прусость составляетъ противоположность съ честолюбивою гордостью сценическихъ героевъ и героинь, но она не презрительна въ глазахъ нашихъ; однимъ словомъ, въ его характерѣ есть какая-то младенческая злость и слабость, а это не можетъ возбуждать никакого ощущенія, кромѣ снисходительности.

У Шекспира придворный дуракъ являлся весьма различно. Въ комедіяхъ Шекспира, отличавшихся чѣмъ-то южнымъ въ краскахъ и шутѣ, и дышавшихъ совершенно фантастическимъ юморомъ, соединеннымъ съ легкимъ и блестящимъ воображеніемъ, онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Граціозо пьесъ Кальдероновыхъ; но Бригадскій по-

эпгъ, по своему обычаю, для начертаній сего характера глубоко изучилъ человѣческую природу. Дураки его трагедій, напримѣръ дуракъ; играющій споль страшную и прогательную роль въ *Король Лиръ*, есть шворческое лицо, по глубокости своей безпримѣрное. Никогда, можешь бышь, въ Шекспирѣ видѣть сполько трагическаго, какъ въ по время, когда онъ смыкаетъ губы и на устахъ его скользящъ горькая улыбка при взглядѣ на слабое человѣчество. Такъ, когда онъ шупшишь со смерщью и спонришь на жизнь какъ на драму, разыгрываемую человекомъ въ качествѣ важнаго дурака, окруженнаго всею наружною важностшю—его дуракъ, выведенный для смѣха, спановишися испиннымъ мудрецомъ шьесм, споль-же глубокимъ по своему уму и внушренной мысли, сполько спрасный герой легокъ и легкомысленъ въ глубинѣ души своей. Изъ всѣхъ писателей; одинъ Шекспиръ сдѣлалъ сей характеръ истинно-высокимъ и умѣлъ прогати насъ до слезъ его покорностшю и вмѣстѣ застапляшь смѣяться, спешашъ и мыслишь при звонѣ гремушекъ дурачества.

Здѣсь я долженъ упомянуть о соединеніи прагического съ комическимъ, особенно замѣчательномъ въ Шекспировомъ шеатрѣ, одномъ, испинномъ предшавишель шеатра Англійскаго. Братъя Шлегели уже разсатривали сей вопросъ; но на обширномъ полѣ изучения искусства, идя по слѣдамъ ихъ, можешь бышь найдемъ и мы еще видпо:

Въ Англіи просцолоудини-кришники думали, что Шекспиръ хошѣлъ шолько подражашь природѣ: и справедливо привлекли они на себя извѣстный опдѣспъ Вольтера, впрочемъ несколько не понимавшаго генія Англійскаго поэта. Неоспоримо, что Авторъ спольныхъ изящныхъ сочиненій приближался къ народной формѣ опетественнаго театра его времени, гдѣ прагматическое и комическое было смѣшано, вслѣдствіе той-же причины, которая прежде имѣла вліаніе на представленіе мистерій. Шекспиръ совершилъ это соединеніе двухъ элементовъ, по видимому разнородныхъ, желая какъ можно болѣе развить искусство, а искусство, для надлежащаго уразумѣнія онаго, должно бышь опредѣлено не по ограниченному мѣрлу второй эпохи Греческаго театра, гдѣ роды были раздѣлены по теоріи изящнаго, собственно принадлежащей Грекамъ. Англійскій поэтъ представлялъ въ картинѣ жизни, и печальную существенность, и забавную пародію мірскихъ дѣлъ, иногда создавая, иногда разрушая свое зданіе и облекала, все цѣлое, своею высшею мыслью, сдѣлавшеюся великою проническою цѣлью его сочиненій, вмѣстѣ разсмашриваемыхъ. Никогда, ни одинъ поэтъ не опдавалъ самому себѣ споль вѣрнаго опчета, какъ возвышенный Шекспиръ: но невѣрояшная глубокость его мыслей была причиною множесшва ложныхъ сужденій объ истинной его природѣ, и, кажешся, нарочно вела его криши-

когъ къ шому, чшобы они пали жершвою передъ раздраженною пѣнью великаго, какъ извѣстными живошными, нѣкогда приносимыя во всесоуженіе на алшаряхъ Аполлона Гиперборейскаго.

Легенды или жшпія свяшыхъ мужей, писанія въ драмашической формѣ и представляющія бореніе двухъ прошивоположныхъ началъ добра и зла, не могли развисья поэшически и освободисья ошъ своей первобышной грубоспи въ сѣверныхъ странахъ, обрашавшись къ Протеспанпспву. Но мы видимъ въ Autos sacramentales Кальдерона, какого идеальнаго совершенспва могли достигнуть сія сочиненія; Поліевкпъ великаго Корнеля показываептъ, какъ счастлииво могли бышь примѣнены подобные предметы къ шеатру, установившему различіе родовъ на правлѣ вкуса, чуждомъ генію древноспи. Въ наше время Нѣмецъ Тикъ снова ввелъ легенду на шеатрѣ своего народа, въ произведеніяхъ, дышущихъ просшою испинно-оригинальною, напоминающею иногда слогу Лафоншена, иногда Миннезингеровъ, пѣвцовъ любви въ средніе вѣка. Однакожъ сочиненія сія назначены болѣе для чпенія, нежели для представления, слѣдспвенно прошивны цѣли драмашическаго испуства.

ОТРЫВОКЪ

✓ ИЗЪ ПОЭМЫ ЛОРДА БАЙРОНА : ДОНЪ ЖУАНЪ.

(Начало 1-й пѣсн.)

I.

Героя нужно мнѣ; но, странно!
 Какъ для меня героя нѣтъ,
 Когда, что день, труба газетъ
 О нихъ звучитъ и такъ пространно?
 Конечно, послѣ, вѣкъ другой
 Найдешь, что это не герой.
 Такихъ людей я нѣтъ не спашу:
 Я лиру посвящу Жуану,
 Продаваю друга моего.
 Мы видѣли его заранѣ,
 Послали къ чоршѣ; ничего!
 Я спашу нѣтъ о Донъ Жуанѣ.

II.

Мясникъ извѣстный Кумберландъ,
 Говъ, Гевкъ, Вернонь, Принцъ Фердинандъ,
 Вольфъ, Гренби, Кешпель, и Бургонья,
 Тошъ благородень, шопъ подлець,
 И все-же каждый наконецъ,
 Явился похвалы доспоннъ,
 И каждый въ родинѣ своей
 Былъ прапорщикъ, какъ Веллеслей.

Считая жизнь и смерть забавой,
 Ища известности пустой,
 Они весь вѣкъ гнались за славой,
 Всѣ дыши наперѣ одной.
 Французамъ, Нѣмцамъ участь шаже:
 Клоопъ, Дайнонъ, и Лацкъ, и даже
 За тысячу мы видимъ лицъ,
 Въ *Débats* имѣюшъ сто страницъ.
 Тамъ каждый воднесенъ по мѣртъ;
 Ошъ славы люди въ забытѣ,
 Но Бонапартъ и Дюмурье
 Имѣютъ мѣсто въ Монюшертъ.

III.

Барнавъ, Бриссо и Лафайетъ,
 Марашъ, Пешьонъ, и Кондорсешъ —
 Французамъ, Рускижъ, повсемѣстно,
 Ихъ имя сдѣдалось извѣстно.
 Есть очень много и другихъ,
 Людей безчестныхъ и честныхъ,
 Которыхъ имя не забышо
 И лаврами чело удишо.
 Моро, Жуберъ, Дезе, Марсо,
 Прославлены народнымъ плескомъ,
 Увѣнчаны хвалою и блескомъ,
 И въ храмъ вѣчности; но все,
 Нуждаясь не въ шакомъ героѣ,
 Я всѣхъ оставляю ихъ въ покоѣ.

IV.

Британскииъ Марсомъ былъ Нельсонъ
 Былъ Марсомъ и шеперь-бы онъ.

Но ходъ вещей переѣвился;
 Теперь на что уже морякъ?
 Все иначе, и все не такъ:
 Въ Нельсона урѣ погружился
 И Трафалгаръ. Время рѣка
 Уносишь быстро все въ природу;
 Теперь ужь не морскія вѣ' модѣ,
 А сухопутными войска.
 Его Величество ужасно
 Солдашъ и коней полюбилъ,
 Нельсона-жъ, впрочемъ и напрасно,
 Съ Дунканомъ, съ Говомъ позабылъ.

V.

Передъ Агамемнономъ мало-ль
 Доспойныхъ родилось людей?
 И послѣ, славныхъ не бывало-ль,
 Безстрашныхъ мудростью своей?
 Еще прибавлю я къ тому-же,
 О сходствѣ лицъ не говоря,
 Что были многіе не хуже
 Сего Микенскаго Царя:
 Но не печатались газетны,
 О нихъ не вспомнили поэмы,
 И—позабылъ ихъ цѣлый свѣтъ.
 Я никого не унижаю,
 Но лучше Донъ Жуана, знаю,
 Героя для поэмы вѣтъ.

VI.

Гераціи, шонъ, что очень тѣло
 Насъ судишь, но имѣешь вѣсъ,

Сказалъ , что эпикъ не рѣдко
 Впадающъ *in medias res*.
 Герой , подъ видомъ эпизода ,
 Что было прежде , говорѣшь ,
 И пообѣдавши сядишь
 Въ саду , подъ липкой огорода ,
 Съ любовницею во дворцѣ ,
 Начало сжавя на концѣ.

VII.

Но это страхъ обыкновенно !
 Любя началомъ начинашь ,
 Хочу не шу мешоду взяць :
 Къ концу дойду я поспешенно ,
 Хошя-бы въ полчаса , хошя въ часъ ,
 Со всѣми познакомлю васъ ;
 Мнѣ должно къ исполненью плана
 О всѣхъ : о мапери Жуана
 И объ онцѣ поговорѣшь ,
 Сюда не входяшь ошсшупленья ,
 И , съ ващего я позволенья ,
 Намзрень къ дѣлу присшупишь .

VIII.

Жуанъ былъ родомъ изъ Севиллы —
 Какъ всѣ окрестности шамъ милы !
 Въ опчизнѣ пламенной его
 Прелесны горы и долины ,
 Но , ахъ ! прелеснѣе всего
 Красавицы и апельсины .
 Тощъ жалокъ — такъ народъ сказалъ —
 Въ Севиллѣ ишо не побывалъ ,

И эшо шамъ швердять всечасно,
 А гласъ народа — Божій гласъ!
 Въ Севиллѣ побывашъ прекрасно,
 Я въ эшомъ увѣрю васъ.
 Воображенъе разогрѣшо
 Пылающей красою шамъ;
 Хоть Кадиксъ, можешъ бышь... но эшо
 Рѣшишь я предославлю вамъ.

IX.

Его родителъ Жозомъ звался,
 Донъ Жозомъ; онъ Гидалго былъ —
 Кто благородствомъ съ нимъ равнялся!
 Сей мужъ, какъ предки, не любилъ
 Непозволительныхъ смѣшеній
 Съ Испанскимъ чуждыхъ поколѣній.
 Сей славный мужъ происходилъ
 Ошъ Гомеовъ истинно Испанскихъ;
 Онъ славилъ родъ важнѣй любви,
 И не было въ его крови
 Израильскихъ или Мавришанскихъ
 Часницъ. Вы можете судить,
 Каковъ былъ Жозъ, ошець Жуана,
 Ошець... но погодише, рано
 Еще объ эшомъ говорить.

X.

А мамъ по пальцамъ всѣ науки
 И всѣ шаланшы перечла;
 Въ Лоренщупу ѣздилъ ошъ скуки
 И мудрой дамою слыла.

Въ ней дарованья всѣ являлись ;
 Съ ея ученостью равнялись
 Лишь добродѣтели ее.
 Предъ ней ничтожество свое
 Враги публично находили ,
 И зависли скрывая видъ ,
 Другъ другу громко говорили ,
 Что всѣмъ она сосѣдямъ спыдъ.

XI.

У ней была не память — чудо !
 Неисчерпаемый родникъ.
 Моншанъ сказала , что эшо худо ,
 Но въ эшомъ виновашъ шарикъ.
 Лопецъ де-Вегу , Кальдерона ,
 Хоть первый ужась-какъ великъ ,
 Такъ наизусть узнала Донна ,
 Что если-бъ иногда акшёръ ,
 Запушался и началъ вздоръ ,
 Она суффлёра-бъ роль сыграла ,
 И все безъ книги подсказала.

XII.

Изъ всѣхъ наукъ , какія есть ,
 Къ математическимъ приспращна ;
 Поступками измѣривъ честьъ ,
 Къ порокамъ женскимъ непричасна :
 Умомъ ашшическимъ сильна ,
 Великодушія полна ,
 Какъ рыцарь вѣчно благородна ,
 Какъ вѣшеръ мыслями свободна ,

И, воспаряя до небесъ ,
 Она въ рѣчахъ была ошважна ,
 Двусмысленна и вѣчно важна ;
 Короче — чудо изъ чудесъ !
 Не знаю, по какой причинѣ ,
 Была въ камлошѣ поушру ,
 А въ гроденацѣ ввечеру ,
 Не рѣдко-жь льшомъ въ муселинѣ ,
 Зимой въ машеріяхъ другихъ —
 Инымъ названье очень чудно ,
 Но подобралъ мнѣ рифмы шрудно ,
 И шакъ — я умолачу о нихъ .

XIII.

Она Лашины довольно знала ,
 И Патеръ Ностеръ весь чашала ;
 Хошь меньше, въ Греческомъ она ,
 Какъ говоряшъ , была сильна ;
 Но какъ шпроку Лопецъ де-Веги ,
 Ошъ альфы даже до омеги ,
 Всю азбуку, какъ дважды два ,
 Прочла-бы вамъ , по крайней мѣрѣ ,
 И знала наизустъ едва
 Не шпрочку цѣлую въ Гомерѣ ,
 Въ ученѣ вдавшисъ далеко .
 Хошь выговоръ имѣлъ изьяны ,
 Она Французскіе романы
 Чашала — эше же легко !

XIV.

Еврейскій , Англійскій любила ,
 И въ корень шакъ узнала ихъ ,

Чшо анадогію открыла
 Большую очень въ обоихъ:
 Она намъ эшо подшвердила
 Ошрывками изъ книгъ свяшмхъ,
 А я предославляю свѣшу,
 Какъ испину ошвергнушь эшу.
 Всегда въ сужденіяхъ горда,
 Она не даромъ никогда
 Цѣны вѣсмъ древнимъ не давала:
 «Всѣ были нехриси они,
 «Развращники!» — мнѣ повшоряла,
 Когда мы были съ ней одни.

XLII.

«Овждій прославлялъ Зевеса,
 И Августа, и шму боговъ,
 И видно изъ его спиховъ,
 Чшо онъ шалуниъ, чшо онъ повѣса.
 Найдите Фердинанда въ нихъ,
 Иль Германдаду? Ни подслова.
 О Паиъ Піъ, о другихъ...
 Я бишь его за шо гошова;
 Чишашъ спихи его — бѣда!
 Анакреонъ — хошь иногда
 И милъ — но лакомъ до красавиць;
 Мнѣ больше-бъ нравился Тибуллъ,
 Когда-бъ не Лезбія... Капуллъ!...
 Вошь грѣховодникъ, вошь мерзавецъ!»

XLIII.

«А Сафо? эшошь гимнь одинъ —
 Пускай онъ нравится Лонгину,

Я знаю лучше, чѣмъ Лонгинъ,
Его чишашь не дамъ я сыну.
Виргилій чище, глаже слогъ,
Его чишашь-бы сынъ мой могъ;
Но что-жь? Скажише, ради Бога,
Вопь эша гнусная эклога,
Которую шакъ началъ онъ:
«*Formosum Pastor Corydon!*»

XLIV.

Такъ Донна часто говорила,
Превыше будучи всего:
Она изъ виду ничего,
Какъ кажется, не проронила,
И глядя на весь міръ вблизи,
Она и золошо въ грязи,
И пышна въ солнцѣ находила;
Среди неизмѣримыхъ думъ
Являла намъ изящный умъ;
Короче: всѣмъ была задачей,
Ее не знали, какъ поняшь,
И можно-бы ее назвашь —
Энциклопедіей ходячей.

Н. Марксентъ.

ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
 Зоиль Пахомъ печалился глубоко;
 На Цензора вошь подавъ онъ доносъ;
 Но Цензоръ правъ, намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
 Иная брань конечно неприличность,
 Не лъзя писать: *Такой-то-де старикъ*
Козель въ откахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь и подль: все это будешь личность.
 Но можете печатать, напримѣръ,
 Что Господинъ Парнаескій шаровѣръ
 (*Въ своихъ статьяхъ*) бессмыслицы орашоръ,
 Ошмѣнно вялъ, ошмѣнно скучновалъ,
 Тяжеловашъ, и даже глуповашъ;
 Тушь не лицо, а шолько лиштраторъ.

А. Пушкинъ.

УСТОРЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА.

Хвала, маспушый нашъ Зоиль!
 Когда-шо Дмиѣривъ бѣсилъ
 Тебя счастливыми спрунами;
 Бѣсилъ Жуковскій въ савдѣ за нимъ;
 Вошь бѣсилъ Пушкинъ: какъ любимъ
 Ты дальновидными Судьбами!

Три поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье приводілі;
Пекись о здравіи своемъ,
Чтобы подобно первымъ шремъ
Другіе шрі себя бѣсілі.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

I.

Графъ Славскій къ своему другу.

Наконецъ я на родинѣ!—Но не радуйся за меня, мой другъ: я не нашель здѣсь того счастья, которое ожидалъ найдти. Знаю, что послѣ того перепѣванія, съ какимъ я желалъ бѣжать въ опускъ, послѣ нѣхъ разговоровъ съ шобою, въ которыхъ съ такимъ восхищеніемъ описывалъ я Людмилу, тебѣ кажется это спрашно; но что дѣлалъ? Человѣкъ на то созданъ, чтобы безпрешанно обманываться въ надеждахъ! Слушай, мой милый, и горюй вмѣстѣ со мною.

Въ седьмой день послѣ нашей разлуки (ты можешь предсавишь себѣ, что я не жалѣлъ денегъ ямщикамъ на водку), часа въ три послѣ обѣда, я увидѣлъ мѣсто, къ которому спремился душою. Еще издали блеснулъ креснь сельской коло-

кольни, и изъ обнаженной рощи, показалась бѣлая, покрытая снѣгомъ кровля, подъ копорою жили существа, мнѣ любезныя. Сердце мое сильно забилось; сладкія воспоминанія наполнили душу, и шри года опсупствія, казалось, совершенно исчезли въ моей жизни... Приптно возвращишься на родину, когда надѣмся шамъ найдши людей близкихъ и милыхъ намъ: мамъ, сестру, и еще кого нибудь, кпо, по сильному закону природы, милѣе для насъ самыхъ кровныхъ; но какъ-же и грустно въ самомъ эпомъ человекѣ увидишь перемѣну! Ты удивляешься еще больше? Какъ бышь: эпо моя участь!

Глядя на знакомые мнѣ предметы, вспоминая прошедшее, и съ темнымъ волненіемъ угадывая будущее, я подѣхалъ къ родному прагу. Колокольчикъ заставилъ вспрепенуться домашнихъ; кпо бросился на лѣспницу, кпо къ окошкамъ; въ одну минупу разнеслось по дому, что я приѣхалъ, и множество радоспныхъ лицъ выбѣжало ко мнѣ на встрѣчу. Но я по какому-то чувству медлилъ выходипъ изъ саней... Знаю, что Людмила никакъ не могла (если-бъ даже и хопѣла) встрѣпишь меня у крыльца; но кажется сердце мое, вопреки разсудку, эпого желало. Наконецъ, я опомнился; однако-жь по лѣспницѣ шель очень тихо — все какъ будшо-бы чего-то ожидая. Въ сѣняхъ встрѣпила меня старшая сестра. «Чего-бы лучше, вмѣстѣ съ нею!» — подумалъ я; но ея

всё не было и сердце мое рѣзало , какъ ножомъ .
 Добрая сестра подумала , что я боленъ , и я въ
 самомъ дѣлѣ сказалъ , что измучился отъ доро-
 ги . Рука въ руку , вошли мы съ ней въ залу .
 Мамушка заплакала отъ радости , увидѣвъ меня .
 Людмила казалось также была пронута ; я по-
 дошелъ къ ней ; рука ея дрожала , щеки вдругъ
 загорѣлись . Тушь нѣ спало легче , но только
 на одну минушу .

Послѣ первыхъ объятій , вопросовъ и отвѣ-
 совъ , обыкновенно бывающихъ при свиданіи , мы
 наконецъ поуспокоились и усѣлись . Мамушка рас-
 прашивала о моей службѣ , радовалась , что я
 произведенъ въ Корнепы , и , какъ водится , лю-
 бовалась мною . Одна Людмила не принимала уча-
 стія въ разговорѣ . Во все время она была мол-
 чалива и задумчива ; тысячу разъ собрался я за-
 говорить съ ней , но никакъ не собралъ духа .
 Казалось , что какая-то шайная грусть лежитъ
 у ней на сердцѣ . Но не ужели свиданіе со мною
 не могло развеселить ее , хоть на нѣсколько
 времени ? Не ужели она въ эту минушу могла
 думать о чемъ нибудь другомъ ?

Не ужасно-ли , послѣ прехъ-лѣпней разлуки ,
 въ первые два часа свиданія , не слыхашъ ни одно-
 го слова , не видашъ ни одного взгляда любви ,
 отъ той , копорю я только и жилъ , эти три
 длинныя года , и копорю жить буду кажешъ-

ся, цѣлый вѣкъ? Ты скажешь, что присущшіе другимъ мѣшало ей. Ахъ! другъ мой, какъ ты ошибешься! Развѣ не было у насъ прежде язка, понятнаго только намъ однимъ, и которыми могли говорить мы въ присущствіи тысячи свидѣтелей? Нѣтъ, я вижу ясно перемѣну ужасную! Съ какою милою радостью встрѣчала она меня всякое утро, всякій разъ, когда я входилъ въ комнату! однимъ взоромъ высказывала она мнѣ всѣ чувства души своей. Тогда она была такъ близка ко мнѣ; казалось, я одинъ замѣнялъ ей друзей, семейство, цѣлый міръ!.... А теперь мы такъ чужды, такъ далеки другъ отъ друга, какъ-бы все еще были за тысячу верстъ, которыми я проѣхалъ.

За ужиномъ, я хотѣлъ занять мое прежнее, всегдашнее мѣсто—подлѣ нея; но она посадила на свой стулъ десяти-лѣтнюю сестру мою. «Сядь, миленькая, возлѣ брата» сказала она, «ты давно не видала его.» Малышка исполнила это съ дѣтской радостью, и я поцѣловалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ будто желалъ опомниться пѣтъ Людмилѣ... не спранны-ли сердце влюбленнаго!..

Наконецъ, наступила минута, которой я ждалъ и боялся. Послѣ ужина, мапушка и старшая сестра вышли, и мы съ Людмилой остались въ гостиной одни. Сердце мое сильно билось.

Людмила сидѣла усpreмивъ взоръ на рабошу, кошора, какъ мнѣ казалось, дрожала въ рукахъ у нея; я ходилъ по комнашѣ, не могъ выговоришь ни слова, и не зналъ, чѣмъ начашь разговоръ. Между шѣмъ маленькая сеспра играла съ собачкой. Желая прекрапишь молчаніе, и не придумавъ ничего лучшаго: «Счастливыиъ возрастѣ», » сказаль я, посмотривъ на нее «какъ-бы я хотѣлъ возвращаишь его себѣ! Даже хотѣлъ-бы шолько возвращаишь послѣдніе при года моеиъ жизни!» — Я сама завидую дѣшамъ, ошвѣчала Людмила, не поднимая глазъ и какъ-бы не слыхавъ послѣднихъ словъ моихъ. — Тогда сердце не знаешъ приуужденія. Но — прибавила вздохнувъ — сколько-же и глупостей дѣлаемъ мы въ шо время! — Я хотѣлъ продолжашъ, хотѣлъ высказашъ все, что у меня лежало на сердцѣ, но шупъ вошла мапушка и помѣшала намъ. Мнѣ спало еще грустише. Я не слыхалъ чшо говоряшъ, не понималъ о чемъ меня спрашиваюшъ, ошвѣчалъ не въ попадѣ и, наконецъ, сказавъ, что успалъ опъ дороги, поспѣшилъ уйдши въ свою комнашу, чтобъ на свободѣ подумашъ обо всемъ мною видѣнномъ и съ горя написашъ къ шебѣ.

Я все ожидалъ, что Людмила, покрайней мѣрѣ въ шу минушу, когда мы оспанемся одни, обнаружитъ чувсшва свои; но она не удоспомла меня даже и взглядомъ. . . сказала шолько какой-шо логогрифъ, кошораго я не понимаю. Жалѣя о

прошедшемъ , она называетъ вмѣстѣ съ нѣмъ
прежніе поступки свои глупостями—по крайней
мѣрѣ я такъ догадываюсь изъ словъ ея — опъ
чего-же это? . . . Но я такъ смущенъ , распро-
енъ , упомяну , что ничего теперъ не могу со-
образишь хорошенько. Завтра буду продолжатъ
письмо мое и , можетъ быть , что нибудь
узнаю

Тревожимый думами и догадками, перевернув-
шись разъ сто съ боку на бокъ , я заснулъ нако-
нецъ вчера, но сонъ мой походилъ на горячку, а
пробужденіе было такъ горестно, что я не зналъ,
куда мнѣ дѣваться. Въ домѣ всѣ еще спали; я
пошелъ бродить , и чпобъ чѣмъ нибудь занявъ
себя , вздумалъ посмотреть машушкиныхъ лоша-
дей и экипажи. Вхожу въ сарай и первый пред-
метъ, попавшійся мнѣ въ глаза, была карета , въ
которой мы ѣздили въ Петербургъ и привезли
съ собою Людмилу , когда машушка взяла ее изъ
пансіона. Въ этой каретѣ началась любовь наша,
и при взглядѣ на нее, всѣ подробности счастли-
ваго времени оживились въ душѣ моей. Какъ
сильна , мой другъ , какъ прелестна первая лю-
бовь! Чшо значащъ , въ сравненіи съ нею, всѣ
глухныя волокитства и несчетныя добѣды нашихъ
записныхъ удалцовъ въ этомъ ремеслѣ? Истин-
ная любовь можешъ сущесшвовашъ въ сердцѣ

одинъ только разъ, и я скажу съ любимымъ моимъ поэтомъ :

Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья!
Не прилепаете вы вновь.

Никогда не забуду я блаженныхъ минутокъ, которыя доставила мнѣ эша дорога! Мы сидѣли съ Людмилой шакъ близко, что каждый полчекъ, каждая качка кареты невольно заставляли насъ касаться другъ друга, и опть всякаго прикосновенія электрическій ударъ пробѣгалъ по мнѣ. Я видѣлъ, что эши удары сообщались и ей. Легкій румянецъ игралъ на щекахъ ея и грудь волновалась.... Одинъ разъ, когда мы ѣхали ночью, ма-тушка и сестра заснули, но я—могъ-ли я спать? Голова моя пылала, сердце сильно билось. Я осмѣлился взять ея руку; сначала чуть касаюсь ей, потомъ пожимаю, потомъ прикладываю къ губамъ и осыпаю милую ручку поцѣлуями... Людмила мнѣ не прошивилась, не опнимала руки своей и казалась спящею; но я видѣлъ, что она не спитъ: сильный шрепетъ и невольный сладкій вздохъ измѣнили ей. . . Вотъ каковы женщины! Если Людмила, сама невинность, умѣла въ пятнадцатъ лѣтъ пришворяться, чего-жь не лъзя послѣ этого ожидать опть другихъ?

Приѣхавши, я напомнилъ ей эту ночь и узналъ,

что она сама вспоминаетъ о ней съ удовольствіемъ. Не было-ли это яснымъ признаніемъ любви? Съ тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ сердца наши совершенно понимали другъ друга, чувствуя наши слезы въ одно.

Правда, что я никогда не осмѣливался сдѣлать ей объясненія по *формѣ* (они знаете, какъ въ 17 лѣтъ бываемъ мы робки съ женщиной, копорую любимъ). Но неужели, чтобы удостовѣриться въ любви взаимной, должно непременно съ колѣнопреклоненіемъ, шеномъ шапраннаго героя объявить спрасть свою? Нѣтъ, мнѣ кажется, истинная, пылкая любовь предупреждаетъ всякое объясненіе и безъ словъ высказываетъ себя, въ самую шу минушу, когда рождаются въ сердцѣ.

Сообразивъ все это и такъ живо вспомнивъ прошедшее, я опять началъ было надѣяться, что вчерашняя холодность Людмилы была принужденная и происходила, можетъ быть, отъ застѣнчивости; однако-жь и нынче, въ продолженіе цѣлаго дня, видѣлъ все тоже. Людмила не-респала любить меня! я почти въ этомъ увѣрился. Она такъ холодна ко мнѣ, какъ ледъ, и равнодушіе ея несноснѣе для меня самой ненависти. Кажется, какъ будто я не существую для нее совершенно и ей все равно, здѣсь-ли я, или нѣтъ, живъ, или умеръ... Такою-ли

встрѣчу ожидать я найдши? Думалъ-ли пакъ жестоко обманушься?... Не ужели шю, что я считалъ любовью, было одно только кокетство? Невозможно! Въ пятнадцатъ лѣтъ не лзя знать эту науку пакъ тонко.

Я бросаюсь изъ одной крайности въ другую: по начинаю думать, что она спала слишкомъ горда, узнавъ цѣну своимъ прелестямъ. Правда, что она удивительно похорошѣла и расцвѣла, какъ пышная роза, и считаетъ меня недостойнымъ своего выбора; по приходитъ мнѣ въ голову, что излишняя скромность напоминаетъ ей разность нашихъ состояній. Но въ первомъ случаѣ говорить въ мою пользу—между нами будь сказано—самолюбіе; во второмъ—она знаетъ образъ мыслей моихъ; словомъ, чѣмъ больше я думаю, шѣмъ менѣе понимаю ее. Кажется даже, что она убѣгаетъ случаевъ быть со мною наединѣ. Но я добьюсь этого, во чтобъ по ни спало, буду говорить съ ней откровенно, объясню мои чувства, мысли, намѣренія; напомню прошеднее и тогда—или возвращу его, или—провалюсь сквозь землю.

II.

Капитанъ Шмитъ, къ своему брату.

Давно, любезный братъ, я не писалъ къ тебѣ, да и, правду сказать, писать было нѣког-

да. Мы цѣлые полгода прогуливались, по на работу дорогъ, по въ караулы, и не болѣе мѣсяца какъ оспановились на зимнихъ квартирахъ. Теперь, ошдохнувъ отъ шрудовъ, поустроившись и поогладѣвшись, пользуюсь свободнымъ временемъ и хочу поговорить съ тобой.

Здѣсь стоимъ намъ довольно весело. Ты знаешь, что насъ военныхъ вездѣ любящъ и принимаютъ, какъ не лзя лучше; а въ здѣшнемъ округѣ множество помѣщиковъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, что также имѣешь свою пріятность. Правда, что я никогда не былъ волокитой; но это отъ того только, что до сихъ поръ не находилъ дѣвушки по своему нраву. Польки казались мнѣ слишкомъ вътрени и обхождение ихъ всегда меня заспавляло краснѣшь; въ Русскихъ барышняхъ также не много проку: всѣ почти онѣ слишкомъ распотшпелны, любящъ наряды и совсѣмъ не хозяйки. А я желалъ-бы, чтобъ жена моя не совѣщплась сходить въ кухню и умѣла-бы приготоовить биръ-сущъ и гуся подъ капустой. Пришомъ-же многія изъ нихъ очень насмѣшливы, а я смерщъ не люблю насмѣшекъ. По этому-то я и не думалъ о женщпнахъ; занимался только службой и рошой моей, и не иначе располагалъ жениться, какъ возвратившись въ Ревель, на какой нибудь доброй и скромной вашей землячкѣ.

Теперь вдругъ мысли мои перемѣнились и весь

планъ пошелъ къ чоршму. Служба не занимаетъ меня, роша надобла; одна мысль о семейственномъ счастьи вершился безпреспадно въ головѣ моей, и желаніе имѣшь поскорѣ жену шакъ во мнѣ усмилось, что я даже, говоря съ фельдвелемъ, называю его: душенька и жизнь моя. А все это опъ шого, что я увидѣлъ здѣсь дѣвушку, какой еще никогда не видывалъ: милую, добрую, прекрасную—и по уши влюбился въ нее, не смотря на то, что она Русская.

Вершахъ въ шестии опъ моей кварширы, въ прекрасномъ помѣстьи своемъ живешъ нѣкто — Графиня Славская, вдова не шакъ еще спарая, у копорой сынъ (онъ служилъ въ гусарахъ) и двѣ дочери: одна невѣспа, а другая дѣвочка лѣтъ десяти. Спаршая дочь прекрасна, но опяшь шаки мнѣ не годилсь: во первыхъ пошому, что черезъ чуръ богата и слѣдспвенно въ замушесѣвъ будетъ разборчива; а во впорыхъ шакъ насмѣшлива, что я всегда держу себя опъ нее на благородной дистанціи. Но у Графини живешъ еще воспитанница, Людмила Павловна Лидина. Отецъ ея былъ какой-шо чиновникъ, копорый ходилъ по дѣламъ покойнаго Графа, и пришомъ былъ шакъ чешень, что умеръ не оспавивъ дочери ни копѣйки. Графиня взяла ее изъ пансіона, куда отецъ ея при жизни опдалъ, воспитала вмѣстѣ съ своей дочерью какъ не лзя лучше, и даешъ въ приданое 20,000. Эша дѣвушка при всѣхъ сво-

ихъ прелестныхъ имѣетъ прекрасную душу, и на ней-шо именно я хочу жениться. Самъ однакожь я объяснишься съ ней не рѣшусь, а думаю прежде сдѣлашь предложеніе Графинѣ, черезъ одну знакомую мнѣ даму, хотя и увѣренъ почти, что Людмила мнѣ не откажетъ. Богатство ея не огромно, родословнымъ деревомъ она также похвастать не можешь, слѣдовательно я для нее женихъ хоть куда. Правда, что грѣхъ мнѣ похвастать красою; но за то мой Капшанскій чинъ, сословіе и мундиръ—такіе магниты для сердца женщины, которые заставляють забывать все прочее. Я испыталъ это недавно: невѣстя, еще гораздо познатнѣе дѣвцы Лидиной, сама навязывалась мнѣ на шею.

Не далеко отъ Графини живешь двоюродный братъ ея мужа, также Графъ Славскій, спарикъ, едва передвигающій ноги, съ женой и съ тремя дочерьми. Средняя изъ нихъ, Аглада, очень не дурна собою: блондинка, съ большими голубыми глазами, съ воспренькимъ носикомъ, вздернутымъ вверхъ, съ русыми кудрями, мягкими какъ шелкъ, и съ премиленькимъ алымъ роникомъ, словомъ красочка. И эша-то красочка—новѣришьли—изволила въ меня влюбиться... Однакожь я устоялъ пропивъ искушенія и предпочелъ ей Людмилу. Тебѣ вѣрно покажется странно, почему я Графиню промѣнилъ на дѣвушку не знатной породы? Это отъ того, что Ея Сіанельснью

Апрѣль 1829.

показалась мнѣ слишкомъ бойка и лукава, и я увѣренъ, что мужъ ея скоро послѣ свадьбы попадетъ въ роговосцы; а во моему, это не такая бездѣлица, какъ многіе думаютъ.

Вольное обращеніе Аглаиды даже иногда меня смущаетъ; впрочемъ мнѣ пріятно быть съ ней, и я часпо къ нимъ ѣзжу. Сестры ея также дѣвушки любезныя, только воспитаны на потѣ-же покровой. Мать ихъ, сидя цѣлый день за Библіей, совсѣмъ не занимается ими и даетъ полную свободу привлекать къ себѣ обожателей, надѣясь, можешь быть, эскимъ средствомъ скорѣй сбыть ихъ съ рукъ безъ приданого, котораго отецъ имъ не много оставилъ. По всему этому ты можешь судить, что я гораздо буду счастливѣе съ Людмилой, нежели съ коморой нибудь изъ эскихъ Графинь, и что я умѣлъ согласить любовь съ разсудкомъ. Прощай! надѣюсь скоро увидишь тебя о помолвкѣ.

III.

Людмила къ своей подружкѣ.

Онъ здѣсь, моя милая, онъ пріѣхалъ! Я могу видѣть его, говорить съ нимъ, восхищаться глядя на него! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ хорошъ, какъ благороденъ! Затѣмъ я не могу показатъ его тебѣ и гордиться моимъ выборомъ?... Но что я сказала! Радость свиданія съ нимъ

сдѣлала меня безумной, заспавшила забытъ все, меня, которую ожидаютъ въ будущемъ однѣ горькія слезы и шоска вѣчная!...

Ты знаешь, съ какимъ намѣреніемъ ждала я его. Думала-ли я, что эпа минуша будешь для меня пакъ гореспна! Все время разлуки съ нимъ я жила однимъ воображеніемъ. Засыпала, думая о немъ, пробуждалась съ пою-же мыслию. Въ самыхъ сновидѣніяхъ одна любовь мечпалась мнѣ. Я была счастлива, и не хопѣла проникнуть въ будущее, не умѣла носпигнуть, что эпа любовь должна оправить всю жизнь мою!.. Но ты не понимаешь меня. Выслушай-же и пожалѣй обо мнѣ.

Дни за при до приѣзда Графа, сидя съ Графиней и сеспрой его, мы разговорились о немъ. Графиня сказала, что онъ долженъ скоро приѣхать. Сердце мое забилося отъ радости и я никакъ не воображала, чтобъ разговоръ, начало котораго было пакъ приятно для меня, могъ кончиться смерпнымъ моимъ приговоромъ.

Рѣчь зашла о службѣ и мало по малу склонилась на Гренадерскій полкъ, который спойтъ здѣсь. Мы судили объ офицерахъ; Юлія забавляла насъ своими крипическими замѣчаніями на бѣдныхъ гренадеровъ, изъ которыхъ многіе, вадыхаютъ, глядя на ея прелестное личико.

«Знаешь-ли ты, Людмила, Капитана Шмица?» спросила меня наконецъ Графиня.

— Я его видѣла разъ пять.

« Каковъ онъ тебѣ кажется ? »

— Я глядѣла на него совершенно безъ замѣчанія , и потому ничего не могу вамъ сказать.

« Можно-ли глядѣть безъ замѣчанія на этого чудака — подхватила Юлія — съ его журавлиными ногами , огромнымъ носомъ и любимой пословицей: признаюсь , которую онъ говоритъ ко всякому слову , попирая себѣ руки , какъ будто онъ у него вѣчно заблунуть. »

— Онъ очень добрый человекъ — сказала Графиня съ видомъ нѣсколько недовольнымъ.

« Я объ этомъ не говорю ни слова , мапущка; развѣ длинный носъ мѣшаетъ кому нибудь быть добрымъ человекомъ ? »

— Ты очень насмѣшлива, Юлія, и иногда совсѣмъ не у мѣста. Ты не оставишь ни одного человека безъ того , чтобы не опыскавъ въ немъ какого нибудь недосыпанка. Эта спрассъ насмѣхаться очень мнѣ не нравится. Развѣ могутъ быть люди совершенные? Ты еще сама не узнала , каковъ будешь у тебя мужъ — прибавила она улыбувшись.

« О , вѣрно уль лучше Шмиппа ! »

— Если только лицомъ , пакъ это еще не много. Я говорю тебѣ , что Шмиппъ добрый человекъ. Онъ командуешь рошой , исправень , хорошаго поведенія , любимъ своими шоварицами , однимъ

словомъ : можешь быть прекраснѣйшимъ мужемъ , вопреки своему сужденію . И я бы не совѣщивала пренебрегать такимъ женихомъ , особенно дѣвушкамъ безъ сословія . — Тутъ Графиня взглянула на меня , и я задрожала , какъ въ лихорадкѣ .

«Развѣ , мапущка , Шмишъ такъ богатъ?» спросила Юлія , устремивъ на нее приспально взоръ и не замѣшивъ ни взгляда ея , ни моего смущенія .

— Видно богатство такой палецманъ , который и на тебя дѣйствуетъ ? Но успокойся : онъ не милліонщикъ , а имѣетъ порядочное состояніе .—

«Напрощивъ , богатство меня совѣтъ не прельщаетъ . И если-бъ Шмишъ былъ втрое богаче Персидскаго Шаха , то и тогда не могъ-бы быть моимъ мужемъ , со всей его доброшю и прекрасными качествами .»

— Почему-же ? —

«Потому . . . потому , что онъ очень похожъ на гуся .»

Этотъ отвѣтъ , сдѣланный съ припворнымъ просподушіемъ , засшавилъ насъ засмѣяться .

— Но скажите , мапущка , продолжала Юлія , отъ чего вы такъ хорошо знаете и дѣла и добродѣтели Шмиша ? Я подозреваю , не хотите-ли онъ сдѣлать мнѣ честь , предложивъ свою руку и сердце ; и не это-ли васъ засшавило обо всемъ такъ подробно развѣдать ?—

« Нѣтъ милая , ты ужь опоздала . »

— Чшо вы хопише эшимъ сказаць ? —

« То , чшо выборъ его ужь сдѣланъ . »

— Неужели ! Кто-же эта счастливая соперница ?
 коюрой однакожь я не слишкомъ завидую .

« Ты ее очень хорошо знаешь . »

Тутъ я и Юлія оставили работу и устремили глаза на Графиню .

— Ради Бога , машушка , не мучьше меня . Я неперпяливо хочу знаць , кто-бы это такая ?.. Ужь не Пышкина-ли ? (Эта Пышкина дѣвушка лѣтъ въ 40, очень безобразная собою). Въ шакомъ случаѣ я ошдаю справедливосць вкусу Г-на Шмипа и соглашаюсь , чшо онъ не могъ для себя выбраць лучшей пары .

« Повѣрюя тебѣ , Юлія , чшо твои вѣчныя насмѣшки не носны , » сказала съ сердцемъ Графиня . « Вкусъ Шмипа совсѣмъ не такъ дурень , какъ ты думаешь ; выборъ его палъ на твою подругу . » Тутъ она указала на меня .

Юлія сначала подумада , чшо это шушка ; вышаращила глаза на мать свою и хотѣла засмѣяшься , но видя , чшо она говоритъ не шуця , закусила губы . А у меня такъ зарябило въ глазахъ , чшо я не увидѣла ни узора , ни палець , въ кошорыхъ шила . Молчаніе продолжалось нѣсколько минуць .

« Чшо-жь ты на это скажешь , Людмила ? » спросила наконецъ Графиня .

— Я... я...—говорила я заикаясь—я не знаю, что вамъ сказать.

« Правда, продолжала она, что я дѣлаю себѣ предложеніе въ минушу не самую выгодную для Шмиша, по милости этой выпреницы, которая теперь прикусила языкъ; но я знаю свое благоразуміе и увѣрена, что пустыя насмѣшки шалуньи не могутъ себѣ опровергнуть отъ человека хорошаго, почему и совѣтую не шуня подумать объ этомъ дѣлѣ.»

— Но не ужели мнѣ должно идти непременно, за перваго кто за меня посващается? сказала я въ отчаяніи,

« Если-бъ я себѣ совѣтовала идти за бродягу сорвавшася съ висѣлицы, тогда-бы ты могла сдѣлать это замѣчаніе. Но я люблю себѣ, какъ дочь, и всякой день себѣ это доказываю; слѣдовательно ты можешь разсудить, что я хорошо обдумала, выгодно-ли для себя это замужство. Шмишъ — повсюду еще—честень, добръ...»

—И очень не дуренъ собою—подхватила Юдія.

« Замолчише, сударыня, или я васъ выгоню вонъ. Не слушай ее, милая Людмила; ты сама слишкомъ благоразумна и знаешь, что наружность есть послѣднее дѣло.»

— Но если можно согласишь одно съ другимъ.. прибавила я занимаясь и не зная что говорить.

« О, я вижу, что ты разборчивая невѣста. Бе-

ретишь, чшобъ съ побою не случилось того-же, что съ невѣстой Крылова. Жениха совершенно мудрено найдши и съ богашствомъ, а съ своимъ состояніемъ всего скорѣй попадешь за калѣку.»

— Что касается до меня, я ни за кого-бъ идши не желала, кромѣ его—договорила я въ мысляхъ.

«Чтожь, развѣ ты цѣлый вѣкъ хочешь просидѣшь въ дѣвкахъ? Это не шакъ легко, какъ ты думаешь, и я не повѣрю ни одной дѣвушкѣ, которая никогда не хочетъ идши за мужъ, чшобъ она говорила ошь души. Подъ этими словами всегда скрывается надежда выбрать жениха по-лучше. Если и ты имѣешь шже въ виду, то совѣшную одумалъсь. Не заносись слишкомъ высоко, чшобы послѣ не раскаявашься.»

Сказавъ эти слова голосомъ нвердимъ и нѣсколькo сердцннмъ, Графиня вышла; а я, не понимая что со мной дѣлается, очнши въ совершенномъ безпамятствѣ сидѣла, какъ прикованая къ своему мѣсту. Слезы капилдсь изъ глазъ моихъ, и я готова была утаснть въ обморокъ. Юлія подбѣжала ко мнѣ на помощь и спаралась успокоить меня. Но могла-ли я быть покойна? Я знала, что принудишь меня къ ненавистному замужству не можешь никакая сила человѣческая, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣла, что Александръ не существовалъ для меня. Слова его мащери ош-

крыли глаза мои, показали мнѣ, что бѣдная Людмила не можешь быть невѣсткой Графини Славской.

Черезъ три дня послѣ этого ужаснаго разговора привѣхалъ Графъ. Я хотѣла-бы лепѣтъ къ нему и первая его встрѣпишь, но я поклялась скрывать чувства мои отъ него, надѣясь, что, можетъ быть, припворной холодносью, заставляю забыть себя, погашу въ сердцѣ его любовь, которая такъ дорога мнѣ... Не хочу разстроивать семейственнаго счастья, и лучше буду страдать одна, но не буду причиною несогласія между сыномъ и матерью; не хочу, чтобъ она сказала: я согрѣла змѣю у себя на сердцѣ!

Но, милая, ты можешь судить, какъ дорого спонилъ мнѣ это припворство! Можешь судить, каково мнѣ казаться равнодушной къ тому, кого я люблю больше себя! Боже мой! что онъ подумаетъ обо мнѣ? Онъ все также меня любитъ, а я раздираю сердце его!... Какимъ голосомъ, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ со мной; но я всегда отвѣчаю односложно, сухо и кажусь холодна какъ камень. Даже убѣгаю его, потому что всякую минуточку гоню измѣнишь себя. Все это убиваетъ его; онъ не понимаетъ, что со мной сдѣлалось; ищешь случая спросить меня, не находишь и день что для спановишься печальнѣе и задумчивѣе.

Вчера послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, онъ съ мрачнымъ видомъ ходилъ по комнапѣ.

« Скажи мнѣ, брапецъ, спросила его шупя Юлія, ужь ты не влюбленъ-ли? Ты чпо-шо очень задумчивъ: не разлука-ли съ милой заспавляетъ тебя крушишься? » Тушь она взглянула украдкой на меня и вѣрно замѣшила, какъ я покраснѣла, пошому чпо мы сидѣли очень близко.

— Какъ ты хорошо знаешь сердце человѣческое — опвѣчалъ Графъ, сначала не много смѣшавшись, но попомъ принявъ шопъ-же шупочный шопъ—ты угадала. Я даже хочу у мапушки просишь позволенія женишься. — Тушь и онъ посмопрълъ на меня.

« Эшо ужь слишкомъ поспѣшно, » сказала Графиня засмѣявшись. « Я-бы по крайней мѣрѣ прежде желала видѣшь швою невѣспу. »

— О, я хочу вашего согласія безъ всякихъ условій.

« Спало бышь ты пренебрегашь моимъ мнѣніемъ? »

— Нѣшъ, мапушка, но я слишкомъ на себя надѣюсь.

« Не совѣштую. Однакожь въ шакомъ случаѣ нечего шебѣ бояшья показати мнѣ свою невѣспу. »

— Вѣрно она богаша, брапецъ?

« Напрошивъ, ничего не имѣешъ. »

— Спало бышь мой Александръ—сказала опашь

Графиня—хочетъ сдѣлаться романтическимъ героемъ : построишь хижинку и въ ней поселишься съ своей любезной.

« Нѣтъ, я самъ большой ненавистникъ хижинъ, особливо съ нѣхъ поръ, какъ служу въ военной службѣ и каждую зиму имѣю удовольствіе жить въ нихъ вмѣстѣ съ параканами. Но мое сословіе не допустило меня до этого, хотя-бъ будущая жена моя въ самомъ дѣлѣ была нищая. »

— Я вижу, что ты говоришь шути, мой другъ; но и я также шути прибавлю, что себя слишкомъ рано думаешь о женитьбѣ, и что я шерсть не могу женатыхъ Корнетовъ.

« По крайней мѣрѣ машушка любитъ женатыхъ Капитановъ, » прибавила Юлія засмѣявшись; но взглядъ Графини заставилъ ее замолчать.

Графъ, не понимая значенія этихъ словъ и желая завлечь меня въ разговоръ, въ продолженіе копорого я сидѣла какъ на иголкахъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ :

— Что вы не скажете намъ вашего мнѣнія ?

« Что касается до меня, отвѣчала я, спаряясь оправилась и поддержишь шутку, которая правду сказать не слишкомъ была для меня забавна, но я иначе не рѣшусь выйти за мужъ, какъ развѣ за Генерала.

— Право, вы съ нѣкопорохъ поръ спали очень

горды—сказалъ Графъ шакимъ пономъ , который лвно давалъ чувствованъ упрекъ.—Но, прибавилъ онъ смягчивъ голосъ—съ вашими достоинствами и красотою это простиительно.

« Прекрасно, братецъ! ты живучи съ своими гусарями, все еще не научился дѣлать комплиментовъ. Но берегись, чтобы я не сказала этого твоей любезной. »

— Напрасно будешь прудиться: моя любезная шакъ холодна ко мнѣ , какъ Январь мѣсяцъ, и слѣдственно совѣтъ не резнива.

« Опять упрекъ!» подумала я; хотѣла сказать чтонибудь на это, но слова замерли на губахъ моихъ, и мы разошлись.

Всякой день я слышу эти упреки. Сердце мое разрывается, и я боюсь, что не въ силахъ буду выдержать такой пытки. Пиши ко мнѣ, ради Бога, моя милая! Дай совѣтъ, что мнѣ дѣлать? Никогда я шакъ не желала съ тобой видѣться. Ты-бы раздѣлила шоску мою, дружба швоя успокоила-бы мое сердце. . . Зачѣмъ не могу я опять перенестись въ пансионъ нашъ, гдѣ были мы шакъ веселы и безпечны? Думала-ли я тогда, мечтая съ тобою о будущемъ, что оно принесетъ мнѣ горестъ и слезы? Дай Богъ, чтобы ты по крайней мѣрѣ была счастлива! Прощай, милая! цѣлую тебя тысячу разъ.

Я.

Графиня Аглада, къ сестрѣ своей.

Ну, сестрица, съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ тебѣ, у насъ случилось много новенькаго, и я спѣшу сообщить тебѣ припныя вѣсти: припныя, по крайней мѣрѣ для меня; а шакъ какъ ты меня любишь, шо я увѣрена, что порадуешься со мною.

Вижу напередъ швое любопытство, вижу, что ты хочешь опгадашь, въ чемъ еосвоишь дѣло; но не безпокойся, моя милая! не ломай головы своей. Не смотря на всю швою пронципальность, кошорой опдаю полную справедливость, я гошова бинься объ закладъ на цѣлуя Петербургскую модную лавку, что ты ровно ничего не опгадаешь.

Послѣднее письмо мое опъ доски до доски было наполнено однимъ только Шмипомъ, и ты вѣрно полагаешь, что я шеперь я буду говорить о немъ, и пришлю тебѣ подробную реляцію совершенной побѣды надъ эшимъ чудакомъ, кошорый, если шакже ловко нападаетъ на неприятели, какъ на женщинъ, шо не много имъ сдѣлаешь урона; но ты ошибешься. Опъ одной шолько скуки, опъ нечего дѣлать, вздумала я удосвоить его взоромъ, и похожа была на Венеру, кошорая, за неимѣниемъ лучшаго обошателя, из-

вошла веселилась съ хромоногимъ Вулканомъ. Но что значить Вулканъ, когда явился Адонисъ? А чтобы не поминь долѣ своего любовннства, которое и такъ уже довольно поспрадало, то скажу просто, что любезный брашець нашъ приѣхалъ въ оппускъ.

Ахъ, сестрица! какъ онъ перемѣнился, какъ выросъ, какъ спалъ хорошъ! Если ты увидишь его, то я боюсь, что мы изъ сестеръ-друзей сдѣлаемся сестрами соперницами. Ты поминь, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, и тогда ужъ мнѣ нравился, и тогда воображала я его героемъ каждаго романа, которые мы съ побою читали. Посуди-же, что я почувствовала, увидѣвъ его совершеннымъ человекомъ, съ прекраснымъ лицомъ, съ черненькими усиками и припомъ въ гусарскомъ мундирѣ? Я безъ ума отъ него! Видѣшь его у ногъ моихъ—пылаго, неперпѣливаго, сгарающаго отъ любви—вошь одна мечта, занимающая меня безпрестанно, одно желаніе, наполняющее мое сердце! и я рѣшилась достигнуть эпого, во чтобы то ни спало, или умереть съ шоски и досады.

Одно шолько меня беспокоить. Поминь-ли ты, какъ онъ былъ *друзенъ* съ Людмилой, нередъ отгѣздомъ своимъ отсюда? Замѣчала-ли, съ какимъ восхищеніемъ она говоритъ всегда о немъ и какъ перемѣнялся въ лицѣ при одномъ его имени? По всему эпому я заключаю, что она пред-

уредила меня, и предвижу, что буду имѣть въ ней опасную соперницу, если только разлука не охладитъ сердца брашцева. До сей поры ревность меня мучитъ, и еще болѣе подстрекаетъ вырвать побѣду изъ рукъ ея. Для этого я готова рѣшиться на все; употребить всѣ способы, привести въ дѣйствіе всѣ яружны, которыми только можно пронуть сердце человѣческое. Я составила ужъ въ головѣ своей планъ, и хочу сообщить тебѣ его—одобришь-ли ты мою тактику. Но прежде надобно тебѣ звать, что глупый Шмигль ужъ не въ числѣ моихъ поклонниковъ: и онъ также предпочелъ мнѣ эту несносную Людмилу, которая, кажется, для того только и создана, чтобы липать меня обожателей, и онъ хочетъ жениться на ней!... Сначала это было досадно мнѣ, но теперь, попрошивъ, я безъ памяти рада, что онъ въ такое время вздумалъ за нее свататься, и надѣюсь даже употребить это въ свою пользу. Думаю навѣрное, что Людмила не пойдетъ за него; но что до этого! лишь-бы только удалось мнѣ въ сердцѣ милаго брашца поселить хоть немного ревности. Потомъ, короткимъ обращеніемъ съ нимъ, на которое даетъ мнѣ право родство наше, я заставлю ревновать Людмилу, поссорю ихъ и опсдаю другъ отъ друга, а это главное; въ опсальномъ мнѣ ручается мое зеркало.

Теперь я должна тебѣ сказать, хоть и стыдно, что мнѣ жаль было пошерять Шмига. Онъ не

можешь быть прилипшимъ любовникомъ, ни своей наружноспью, ни деревяннымъ сердцемъ; но за шо-бы могъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ: добръ, проснъ, и припомъ съ хорошимъ состояніемъ. А эши при качесіва въ мужъ чрезвычайно милы, пошому что умная жена съ такимъ мужемъ можешъ дѣлать все, что захочешъ: бранить его, когда сама виновата, дремашь, когда онъ вздумашь говорить нѣжности, и даже наконецъ увѣришь его, что онъ боленъ, и уложишь въ постель, когда того потребуешъ нужда. Ты согласишься, что мнѣ, при моемъ характерѣ и при нашихъ разстроенныхъ обстоятельспвахъ, такой мужъ былъ-бы совершенный кладъ. Обдумавъ все это и судивши по часнымъ его посѣщеніямъ, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, я бѣсилась на его неловкость и застѣчивость; ждала всякой день объясненія, и наконецъ сама рѣшилась вирвать у него признаміе; но, вмѣсто того узнала, что онъ любитъ не меня, а Людмилу! . . . Эша сцена шакъ забавна, что я перескажу шебѣ ее.

Съ недѣлю пому назадъ, онъ прибхалъ къ намъ вечеромъ. У насъ никого не было. Сначала, какъ водался, разговоръ шель о погодѣ, о полишникѣ и пому подобномъ; но наконецъ, какъ-пю всѣ разошлись, и въ гостинной оспалась только я съ сеспрой и съ милымъ моимъ Селадономъ. Сеспра сидѣла въ углу за книгой, а я подѣла къ нему

на диванъ, посмотрила на него довольно нѣжно, т. е. какъ только могла посмотреши на эшакаго уroda, и вздвлася, что онъ начнетъ разговоръ. Не шутъ-по было: онъ сидѣлъ, какъ сонный. Видя, что такой удобный случай для объясненія проходить безъ пользы, я потеряла терпѣнiе; подвинулась къ нему еще ближе, и голосомъ самымъ тихимъ, показывающимъ участiе, спросила его: «Что вы такъ задумчивы, любезный Шмицъ?»

— Ничего, Ваше Сiятельство, отвѣчалъ онъ такъ хладнокровно, какъ-бы говорилъ съ своимъ фельдфебелемъ.

«Не вѣрю. У васъ что-нибудь лежишь на сердцѣ,» продолжала я еще тише, и надѣясь услышать что-нибудь нѣжненькое.

— Ей Богу, право ничего.

Эта клятва, произнесенная пономъ самымъ увѣрительнымъ, такъ меня взбѣсила, что я гошова была плюнуть ему въ глаза, и такъ смѣшалась, что я оподвинулась отъ него на цѣлй аршинъ, не зная, что еще говорить.

Молчанiе продолжалось нѣсколько минушь, и я опять начала шерять терпѣнiе.

«Какой жаркой разговоръ у насъ съ вами, любезный Шмицъ!» Я думала, что онъ скажетъ на это до крайней мѣры: *кто много чувствуетъ, тотъ мало говоритъ*, или что-нибудь

Апрѣль 1829.

подобное; но и шунъ ошиблась: онъ захохоталъ во все горло. Это привело меня въ опчальнiе; однакожь я опспушпшь не хотѣла.

« Вы , мнѣ кажется , озябли , сударь ? »

— Признаюсь, отвѣчалъ онъ, попирая по обыкновенiю руки — въ комнашѣ довольно холодно.

« Я это вижу, и думаю, что у васъ и языкъ и сердце замерзли ! »

При этомъ упрекѣ сестра не могла удержашься отъ смѣха, а испуканъ мой не понялъ его и просилъ съ удивленiемъ : Почему я шакъ думаю?

— Потому, что ты видишь шакъ близко возлѣ себя хорошенькую дѣвушку, которая расположена къ тебѣ недурно, и сидишь какъ деревянный — могла-бы я сказать, но разумѣется не сказала.

« Потому что вы слишкомъ молчаливы. »

— Да что-же мнѣ говоришь ? помилуйте !

Дуракъ, болванъ — думала я — если ты ужъ и этого не понимаешь, то что-же мнѣ съ тобой дѣлать ? Однакожь надобно было говорить яснѣе:

« Послушайте : вы не увѣрите меня , мой любезный Шмитъ , чтобъ у васъ не было на сердцахъ печали. Васъ шягошпшь какая-то дума. . . . Признайтесь : вамъ одиночество спановишсь въ шягоспшь, вы скучаете холоспой жизнью ? »

— Почему вы это угадали ? спросилъ онъ съ удивленiемъ. Боже мой, какъ вы хорошо знаете мои мысли ! . . .

Слава Богу! подумала я, наконецъ расчувствовался—и счипая эту минупу благопріятною, дружески положила руку на его эполетъ; между пѣмъ онъ опъ меня оподвигался, а я, приписывая это застѣнчивостя, продолжала его преслѣдовать до самаго угла дивана.

«И пакъ вы соглашаешесь, что я угадала. Къ чему-жь была эща скромность?... Вы влюблены; для чего-жь не опкроешесь?...

Голосъ, копорымъ я произнесла эти слова, далъ бы поняшь всякому другому, чего я хопѣла, и я ожидала спрастного признанія; но онъ покраснѣлъ, какъ буракъ, и видя, что ужъ нѣкуда больше двигашься, вскочилъ съ своего мѣспа.

— Влюбленъ, повпдрилъ онъ. Кшо вамъ это сказалъ?

Чорпъ — шепшала я, видя что пакъ глупо ошиблась — чорпъ, копорый-бы очень хорошо сдѣлалъ, если-бъ взялъ шебя въ эту минупу.

Сесипра, съ шрудомъ удерживаясь опъ смѣха, во все продолженіе разговора, наконецъ захохошала, видя мою неудачу, и вышла изъ комнашы; а я сидѣла какъ Дидона, осшавленная своимъ Энеемъ. Но надобно-жь было какъ-нибудь поправшсья, и я наконецъ собралась съ духомъ:

«Вижу, почпенный Карлъ Карловичъ, что слова мои огорчили васъ, что я была слишкомъ неоспорожна, желая узнать шайну вашу. Но если

вы разсудите, что это произошло отъ одного только участія, отъ желанія вамъ добра, что вѣрно не будете на меня сердиться. Повѣрьте—прибавила я, вставши и взявъ его за руку—повѣрьте, что одно только чувство истинной дружбы заслѣдило меня быть нескромной. Я думала, что вы заплашите за участіе довѣренностію; но, къ сожалѣнію, ошиблась, и прошу извинить меня.»

Краснѣя и запинаясь, пробормоталъ онъ мнѣ свою чувствительнѣйшую благодарность; изъяснилъ, что для него лестно все слышанное отъ меня и и проч. и проч.; а на другой день, въ знакъ признательности за мое участіе, объявилъ по секрету, что хочеть свататься за Людмилу!!! Не правда-ли, что это очень мило? . . .

При этомъ извѣстіи я осполебѣла, и видѣла, что оспалась въ чистыхъ дурахъ. Но сообразивъ опять, что Шмигъ не понялъ меня и въ самомъ дѣлѣ принялъ мое нападеніе за дружеское участіе, я оправдалась, какъ могла, и сначала поздравила его съ такимъ хорошимъ выборомъ, а потомъ, съ видомъ лукавымъ, прибавила совѣтъ: быть осторожнѣе, и намекнула о любви Людмилы къ Графу; я все еще не опчаялась привлечь его къ себѣ. Но теперь, дай Богъ ему совершеннаго успѣха! Я отъ души даю мое благословеніе. . .

Вообрази, какъ легко на поминѣ мнѣй браженецъ. Я услышала шумъ подъѣхавшихъ саней, бросилась къ окошку, и увидѣла, что онъ при-

ѣхалъ съ матушкой своей, съ сестрой и съ Людмилой. Сидшу одѣться и выйдши въ гостиную....

Еслибъ ты, сестрица, не была женщина, еслибъ не была даже одинакаго характера со мной и не имѣла, шакъ-же какъ я, маленькихъ, невинныхъ инпригъ, то тебѣ очень бы прудно было понять чувства, которыя волновали меня передъ выходомъ въ гостиную.

Я видѣла брата, по приѣздѣ его, одинъ только разъ и то въ церкви, и не успѣла даже поговорить съ нимъ порядочно; следовательно шеперешнюю минушу можно было счашать рѣшимельною, потому, что отъ перваго впечатлѣнія почти всегда зависипъ успѣхъ, или неудача. Да, милая, не бездѣлица послѣ долгой разлуки увидѣшься съ человѣкомъ, къ которому мы не совсѣмъ равнодушны, и котораго хопимъ засшавипъ любить себя! Я думаю по крайней мѣрѣ, что шупъ надобно имѣть присущствіе духа, равное Наполеонову, для шого, чтобы не сбипься съ назначеннаго пуши, и чтобы всѣ планы не пошли на выворощъ.

Разумѣешся, что первое дѣло мое было заипься шуалешомъ, который, не смотря на все нешерипіе мое, продолжался съ часъ. Кончивъ его, я выпила спаканъ холодной воды, чтобы хопъ нѣсколько успокоипъ волненіе свое; потомъ бросила еще одинъ взглядъ въ зеркало и

улыбнулась отъ удовольствія... Вижу, что ты кусаешь губы, насмѣшница! но, право, говорю это не отъ самолюбія: я точно нашла себя *хорошенькой*. На мнѣ не было огромныхъ накладныхъ кудрей, копорыя такъ любятъ наши дамы, особенно безобразныя, и закрывающъ ими половину рябыхъ и худыхъ лицъ своихъ; ни богатой пелерины, копорая снимаетъ красочу у плечъ и груди; словомъ, ничего изъ пѣхъ пышныхъ и глупыхъ уборовъ, копорыя не придающъ украшенія натуральнымъ прелестямъ, а служатъ только къ прикрытію недостатковъ. Природныя локоны мои небрежно вились и упадали, придавая лицу легкій опшѣнокъ. Простенькое, но со вкусомъ сдѣланное платьице; обрисовывало станъ мой и *округлости*. Каждый баншикъ, каждая булабочка были на своемъ мѣстѣ, и шаль, не приколовшая подъ горломъ, по нынѣшней глупой модѣ, но слегка накинутая, не душила меня, а пріятно обнимала легкими своими изгибами; короче: нарядъ мой имѣлъ шу прелесть, копорую описать нельзя, но ты ее вообразишь можешь, зная мой вкусъ и познанія въ наукѣ одѣваться, къ копорымъ сама такъ часто прибѣгаешь. Но дѣло не о томъ. Сбравшись съ духомъ, я вошла наконецъ въ гостиную.

Брашецъ окинулъ меня взоромъ съ головы до ногъ, въ то время когда я здоровалась съ дамами, и хотя я глядѣла совѣмъ въ прошивную

спорону, но, по дару, принадлежащему одиѣмъ женщинамъ, очень хорошо видѣла, что взоръ его выражалъ удовольствіе. Подошедши ко мнѣ, онъ шопчасъ-же устѣлся охипъ возмѣ машущимъ для продолженія разговора о службѣ, копорый они начали еще до моего прихода, и копорый, какъ кажется, былъ очень не весель для обоихъ. Я между шѣмъ занялась съ Юлей. Ты знаешь, какъ люблю я оспрый, шонкій и всегда насильшливый умъ ея: сходные въ эпой шочкѣ характеры наши всегда встрѣчающся съ новымъ удовольствіемъ и дѣлающъ для насъ занимательнымъ и пріятнымъ даже самый пуешой разговоръ. Бесѣда съ Юлей развеселила меня, разсѣла: безпокойныя мысли, копорыя бродили въ головѣ моей, по милоспи моихъ плановъ, и я возвращилась къ обыкновенной своей живосши.

Въ продолженіе эпого времени я внимательнѣо наблюдала за любезнѣйшимъ брашцемъ и за *несинной* Людмилой: оба они были мрачны и печальны, и мнѣ казалось, что какая-то скрыпная шоска шерзаешъ ихъ. Эпо было мнѣ подозрительнѣо: сневѣрояшно, чтообъ одни и шѣже чувства, въ одно время у обоихъ происходили ошъ разныхъ причинъ. Сначала я не могла понять, чтод-бы эпо значило; но послѣдствія заставили меня догадывашься, что брашецъ все еще не равнодушенъ къ *подругѣ дѣтскихъ лѣтъ своихъ*, и что

между ними естъ какая-то неприязнность, кою-рой я не могу достигнуть.

Людмила внималась въ разговоръ нашъ; но я видѣла, что она дѣлаешь это изъ одной благоприспособленности. Голосъ ея былъ какъ-то слишкомъ *томенъ*, взоръ унылъ и сквозь улыбку проглядывала горестъ душевная. Впрочемъ она довольно хорошо сумѣла преодолѣть себя и надобно было имѣть мои глаза и вниманіе, чтобы это замѣнить.

Бѣдный братецъ игралъ свою роль гораздо хуже: онъ едвѣмъ почти не умѣлъ скрыть своей грусти. Былъ молчаливъ, разсѣянъ и ошвѣчалъ не впопадъ. На бѣду его бабюшка, кошорый, какъ ты знаешь, любилъ вспоминать синарскую службу и то время, когда былъ Капшаномъ въ артиллеріи, замучилъ его безконечными анекдотами объ осадѣ Очакова и вопросахъ о нынѣшней службѣ, такъ, что онъ пришелъ наконецъ въ совершенное опчаяніе. Я сама начинала сердиться, что до сихъ поръ не могу свободно поговорить съ нимъ; но, благодаря судьбу, случай скоро представился.

Передъ самымъ чаемъ прѣхали гости: Надежда Карловна съ дочерью, Поручикъ Шмицовой роши и — онъ самъ. Замѣвъ, что при входѣ его Людмила поблѣднѣла. Машущка занялась дамами, бабюшка напалъ на офицеровъ, а братецъ освободился. Я думала, что онъ

воспользуешься этимъ и подойдешь къ намъ ; но кажешся , что прѣтензія, его на Людмилу не шуточная , потому , что сказавъ нѣсколько словъ мнѣ и сеспрѣ своей , онъ не взглянулъ даже на красавицу , взялъ чашку , которую ему подали , и выпелъ въ залу , закуришь свою трубку . Зная что шамъ никого не было , я почла эшу минушу удобной и пошчасъ полешѣла шуда . Съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ онъ одинъ и занимался своею трубкою ; сердце мое забилося , я подошла къ нему .

» Не больны-ли вы , любезный братаецъ ? вы шакъ невеселы и удалились опъ всѣхъ !

— Я всегда любилъ уединеніе — опвѣчалъ онъ улыбнувшись .

« Прежде я эшого не замѣчала ; но съ шѣхъ поръ , какъ мы не видались съ вами , многое могло перемениться . Какъ вы давно не были здѣсь ! »

— Да , слишкомъ шри года .

» И между шѣмъ , мнѣ кажешся , вамъ скучно у насъ ? Прежде шакже эшого не било : вспомните , какъ мы въ эшой залѣ рѣзвились и бѣгали . »

— Ахъ ! если вы замѣчаеше , что я шакъ пасмурень , шо эшо именно опъ воспоминанія шѣхъ невинныхъ удовольствій , которыми здѣсь наслаждался , и которыми процли шакъ скоро и невозвратно .

Тронувъ нечаянно спруну , кошорую мнѣ хо-

шѣлось пронуть , я сѣла подлѣ него , и видя , что онъ въ шакомъ плаксивомъ расположеніи духа , потчасъ сама перешла изъ веселаго шона въ **минорный**.

» И вы искренно жалѣете о нихъ ? « спросила я , вздохнувъ и взглянувъ на него нѣжно .

— Такъ какъ несчастный жалѣешь о прошедшемъ благополучіи .

« Намъ очень пріятно , милый брашець , что вы послѣ долгаго отсутствія не забыли насъ въ вихрь свѣта и его удовольствій ; но пріятныя воспоминанія должны были - бы сдѣлать на васъ впечатлѣніе совсѣмъ прошивное тому , кошорое вы шеперь чувствуете . »

— Боже мой ! Я вамъ говорю , что вспоминаю о прошедшемъ съ сожалѣніемъ , потому что не могу возвращить его .

Я очень хорошо понимала наспоціій смыслъ его разговора , и между шѣмъ продолжала его допрашивать .

» Право я не понимаю васъ : если-бъ вы , возвратившись на родину , не нашли ни родныхъ , ни друзей , съ кошорыми дѣлили невинныя игры дѣтства , тогда-бы печаль ваша и грустные воспоминанія были натуральны ; но родные ваши всѣ живы и здоровы , друзья по прежнему васъ любящъ

— А мнѣ кажется , что этого-то и нѣтъ ! Мнѣ кажется , что при года отсутствія заста-

вли всѣхъ чуждаюсь меня. Я замѣчаю во всѣхъ такую холодность, такое опущденіе, кошоры иногда прошивъ воли заспавляющъ меня думашъ, что вмѣсто родины моей я завхалъ въ Сѣверную Америку.

» По крайней мѣрѣ исключите меня изъ числа эшихъ холодныхъ друзей.

— Вы правы — сказалъ онъ улыбнувшись и взявъ меня за руку — въ васъ я вижу всё шу-же нилую, прелесную сестрицу, съ кошорой игралъ въ дѣнствѣ моемъ; и съ вами шолько, по приѣздѣ сюда въ первый разъ говорю шакъ свободно, шакъ опкровенно какъ-бы вовсе не распавался.

» Это для меня самый лестный комплиментъ, какой вы шолько могли сказашъ. И шакъ признайшесь — прибавила я шуша — что не всѣхъ женщинъ можно обвиняшъ въ вѣтренности.

— За пашъ минушъ я бы спалъ ушверждашъ прошивное; но шеперь не смѣю съ вами спорить.

Такимъ образомъ разговоръ нашъ спановился часъ опъ часу опкровеннѣе и живѣе, и мнѣ наконецъ удалось нѣсколько уменьшить печальное расположение грушнаго брапца.

Между шѣмъ, жалуясь на холодность всѣхъ его окружающихъ, онъ далъ мнѣ выразумѣшъ, и самъ не замѣчая шого, что это чувство неудовольшвія на весь свѣшъ происходишъ въ немъ опъ холодности одной Людмилы. Я вижу, что ему нуженъ другъ, кошорый бы дѣлилъ его

горести и, кажешся, эшошь жребій падесть на меня. Да, милый Александръ! шмь сдѣлалъ мнѣ ужь половину довѣренности, и я буду швоимъ другомъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ спрашнымъ другомъ; а ошъ дружбы, между мужчиной и женщиной нашихъ лѣтъ, до любви одинъ шолько шагъ. Пришомъ же — если шолько я не ошкблась, что грусть его происходитъ ошъ неудовольствій *любовныхъ* — играя роль друга, ушѣшая его, какъ хорошо, какъ удобно могу я выказашъ свои чувства и непримѣшно завлечь его въ сѣщи, кошорыя оцъ не прежде замѣшившъ, какъ совсѣмъ ужь запушавшисъ въ нихъ. Правда, я не знаю за что поссорилсъ они съ Людмилой, и можешъ бышъ одно объясненіе ихъ, если не разрушишъ плана моего, шно по крайней мѣрѣ ошдалишъ успѣхъ; но я надѣюсь на счастье, кошорое и въ эшошь разъ помогло мнѣ возбудишъ ревность въ сердцѣ брата, и шѣмъ самымъ ошдалишъ, можешъ бышъ, эшо объясненіе, кошорое для меня шакъ спрашно.

За ужиномъ я сѣла возлѣ него, и подъ шумнымъ разговоромъ другихъ мы могли свободно продолжашъ свой, въ прежнемъ шонѣ. Даже онъ невольнo пожалъ нѣсколько разъ мою руку. Ахъ, сестрица! Какъ вылокъ мой Александръ (не смѣйся, что я его шакъ скоро называю своимъ) въ наліяніи дружбы! Какова-жъ должна бышъ любовь его? . . . При одной мысли объ эшомъ, голова моя

кружилися, кровь кипитъ въ моихъ жилахъ.....
Прости невольному опешупленію: я поспѣшу
кончить разговоръ мой. Въ душѣ наслажда-
лась я шоржесствомъ надъ Людмилою, которая
по блѣднѣла, по краснѣла съ досады, видя, что
я шакъ сдружилась съ брашцемъ. На бѣду ея
Шмишъ, какъ слѣдуетъ учивому кавалеру,
успѣлся возлѣ нея и мучилъ ее своимъ разговоромъ,
на которой бѣдненькая должна была отвѣчать
изъ благоприсойности. Я готова бышся объ
закладъ что у нихъ далѣе погоды дѣло не
доходило; но милый брашець встревожился и
спросилъ меня о Шмишѣ.

Какъ было можно пропусшшь такой случай?
Сказавъ, что онъ за человекъ, я намекнула о
любви его къ Людмилѣ, прибавила, будто мнѣ
кажешся, что и она къ нему не равнодушна;
но о свашовствѣ его сказать не могла: это еще
секретъ, и объявивъ его, я могла дать замѣшшть,
что Шмишъ удостоиваетъ меня особенной до-
вѣренности, а я очень не желаю вывести этого
наружу.

Прощай, милая! Вошъ тебѣ полное описаніе
моего дня и перваго нападенія, которое нача-
лось гораздо лучше нежели я думала. Если все
пойдешъ шакъ, какъ я надѣюсь, то конецъ моихъ
желаній очень близокъ. Не брани меня, что пи-
шу шакъ подробно: воинъ любитъ вспоминашъ
шъ сраженія, въ которыхъ счастье и умъ хо-

рошо ему помогали. . . Знаешь-ли , что мнѣ пришло въ голову ? Если-бъ спармя женщины могли безъ зазрѣнія совѣсти говорить о прежнихъ интригахъ своихъ , то , ей Богу , рассказывали-бы о нихъ всѣмъ и каждому съ такимъ почто удовольствіемъ , съ какимъ бабушка рассказываетъ о бывшѣ Очаковской .

5.

Людмила къ своей подругѣ .

Боже мой ! Что со мной дѣлается , моя милая ! Графъ знаетъ , что Шмишъ за меня свашается и , что всего ужаснѣе , думаетъ , что я люблю его ; по крайней мѣрѣ я сама , безумная ! подала ему къ этому поводъ .

На дняхъ мы собрались ѣхать къ старому Графу , дядѣ Александра . Заложили двое саней и мы съ нимъ вышли на крыльцо , какъ-шо прежде Графини и сеспры его .

» Сядемъ-ше вмѣстѣ , сказалъ онъ мнѣ , а машушка пусть ѣдетъ съ сеспррой . «

Эти слова , произнесенныя пономъ , который напомнилъ мнѣ прежнее наше обращеніе , заставили меня запрепешать . Однакожь я кое-какъ собралась съ духомъ .

— Какъ вамъ пришло въ голову сдѣлать такое предложеніе ? — ошвѣчала я такъ покойно и серьезно , какъ шолько могла .

» Почему же? «

— Потому что, мнѣ кажешся, гораздо приличнѣе вамъ ѣхать съ машушкой, а мнѣ съ сестрицей вашей.

» Но, Людмила, развѣ прежде не бывало этого? «

— Вспомните, сколько этому времени. Мы тогда были дѣти и намъ всё было простиительно; но теперь, мнѣ кажешся, это неприлично: рассудите сами, какія могушь вывести заключенія; что скажешъ, или подумаешъ сама ваша машушка, увидѣвъ, что вы не захопѣли ѣхать съ нею?

» Если только это причина вашего отказа, то я долженъ уважать ее; но я подозреваю еще, что, сверхъ всего, вамъ въ шлягосъ бышь со мной; даже, простише меня, бывающъ минушы, въ кошорыя я начинаю думать, что вы меня ненавидите... « Ты можешъ посудить, милая, какъ больно мнѣ было слышать это; можешъ посудить, какой-бы опвѣщъ желала я сдѣлать; но мнѣ должно было скривать чувсшва свои и шерпѣть адскую муку.

— Не обижайте меня — сказала я, едва удерживая слезы — какъ могу я ненавидѣть сына моей благодѣшельницы?

» Этошъ опвѣщъ показываешъ равнодушье, кошорое для меня убійсшвеннѣе самой ненависти. Послушайте, Людмила — прибавилъ онъ голо-

сомъ умоляющимъ — если вы только божесь мнѣнія свѣта и неудовольствія машушки, по дайше мнѣ слово, что назадъ мы поѣдемъ вмѣстѣ; тогда будешь вечеръ и я всё шакъ постараюсь уладить, что это сдѣлаешся какъ-бы случайно.... Дайше мнѣ поговорить съ вами свободно хоть полчаса.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! — сказала я съ какимъ-то невольнымъ страхомъ и опчаяніемъ, боясь этой роковой минуши — оставьте меня, избавьте меня отъ этого разговора!..

Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; хотѣлъ говорить, но шупъ вышла Графиня; онъ съ видомъ пасмурнымъ, подалъ ей руку и сѣлъ съ нею, а я поѣхала съ Юліей.

Цѣлый день Графъ былъ печаленъ и спарался убѣгать меня; а въ вечеру я замѣшила, что онъ очень дружески говоритъ съ Графиней Агландой (которую ты знаешь по моему описанію). Это произвело во мнѣ какое-то непріятное чувство, которое было очень похоже на ревность, хотя я и спаралась увѣрить себя въ прошивномъ. Какъ спранно, какъ непонятно сердце человеческое! Не сама-ли я удалялась отъ него, спаралась прекратитъ прежнюю связь нашу, и между шѣмъ не могла видѣть спокойно, что онъ находить пріятнестъ въ разговорѣ съ другой женщиной!.. Повѣришь-ли: мнѣ было шекъ грустно, шакъ больно въ эту минушу, что я гошова была за-

плакать и кусала себѣ губы, спараясь удерживать слезы, копорыя нѣсколько разъ навертывались у меня на глазахъ.

Къ несчастію моему приѣхалъ Шмишъ. Это меня смѣшало еще больше, попому что онъ за ужиномъ усѣлся возлѣ меня. Графъ между тѣмъ, сидя возлѣ Агланды, не обращалъ на меня вниманія и казался занимался только ею одной. Все это вмѣстѣ сдѣлало на меня шакое впечатлѣніе, что я насилу могла сидѣть на срудѣ, и кушанья, копорыя брала я машинально, оспавались у меня на шарелкѣ. — Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль: по какому-то невольному чувству, сама себя не понимая, я начала говорить съ Шмишомъ и даже спаралась казаться веселою. Мнѣ опъ этого спало не много легче, какъ будто-бы я опмѣшила тѣмъ Графу; но какъ-же дорого спойшъ мнѣ это горькое удовольствіе!

Несносный ужинъ кончился; мы приѣхали домой въ полночь, пошчасъ разошлись по своимъ комнатамъ — и я была безъ памяти рада, что наконецъ могу дать волю слезамъ, копорыя шакъ долго удерживала.

На другой день по упру я была блѣдна, какъ приговоренная къ смерти, шакъ что когда мы собрались къ завтраку, то Графиня спросила, не больна ли я; но Графъ казался не замѣтилъ ни ея вопроса, ни разспроеннаго вида моего.

Апрѣль 1829.

Онъ разговаривалъ съ сестрой и разговоръ ихъ склонился наконецъ къ вчерашнему вечеру.

» Какъ мила сестра Аглайда! » сказалъ онъ.

— Да — отвѣчала Юлія — ты далъ намъ замѣнить, что тебѣ очень пріятно бытъ съ ней, пошому что цѣлый вечеръ ею одной занимался.—

» Я нашелъ въ ней стараго друга, который ни сколько не перемѣнился (пусть онъ взглянулъ на меня), а что можешь бытъ этого пріятнѣе? Правдѣ, мы съ ней какъ будто не разсуживались.«

— Не дѣла-ли узнать, въ чемъ состоимъ разговоръ вашъ? —

» Мы вспоминали старину « сказалъ Графъ замѣтившись.

— То есть вспоминали, какъ вы играли въ жмурки и въ гулячки. А я, глядя на васъ, думала, что вы разговаривали о чемъ нибудь посерьезнѣе.

» Почему-же? «

— Пошому, что о пусыкахъ не говорашъ съ такимъ жаромъ и удовольствіемъ.

» Но развѣ воспоминанія прежнихъ удовольствій можно называть пусыками, хотя-бъ они были и въ самомъ дѣлѣ ребяческія — прибавилъ онъ вздохнувъ. «

— Правдѣ, брашецъ, ты секретничаетъ: я готова бытъся объ закладъ, что ты изъяснялся въ любви. —

» Могло-бы очень и вино случиться; но къ несчастію, она мнѣ звучашная сеспра. «

— О, если только за этимъ дѣломъ спало, шакъ съ Богомъ — я благословляю! Васъ разрѣшишь. —

» Какъ шебѣ въ голову приходять шакіе пущя-ки, Юлія? сказала Графиня.

— Пущь ея забавляешся на мой счетъ: я не въ претензіи.... Но скажише, машушка, вѣдишь-ли къ вамъ эшомъ долгоносый офицеръ... какъ бышь его зовушь? «

При эшомъ вопросѣ меня въ сердце кольнуло, какъ иглоу.

— Шмишь, хочешь шь сказать? —

» Да. «

— Онъ бываешъ у меня; на что шебѣ эшо? —

» Такъ; мнѣ-бы хошѣлось ошъ скуки познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ энихъ господъ. «

— И я шебѣ совѣшую именно познакомиться съ нимъ. —

» Ошъ чего же? «

— Ошъ шого, что онъ человекъ хорошій, и сверхъ шого, кажешся, что мы съ нимъ скоро будемъ имѣть сношенія самыя корошкія. —

Тутъ Графиня взянула на мѣня, и шволя бѣдная пріятельница желала-бы провалиться сквозь землю. Графъ шакже посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, пошому что лицо мое изъ блѣднаго вдрутъ сдѣлалось огненнаго цвѣща.

» Я что-шо эшого не понимаю, машушка? «

— Онъ свашается за Людмилу. —

» Свашается! « повпюрилъ Графъ заикаясь; и уронилъ ножики; копорымъ намазывалъ масло на хлѣбъ.

— Чшо-жь тебѣ кажешся эшо пакъ спранно? Я думаю, паршія для нея очень выгодна. —

» Ничего, мнѣ шолько шо удивительно, чшо я до сихъ поръ не знаю эшого и не поздравилъ... «

— Но, брашець, эшо еще не рѣшено, подхвапила Юлія, видя, чшо я чупь жива; Людмила еще не дала своего согласія.

» По крайней мѣрѣ по вчерашнему. ея обращенію съ Г. Шминомъ; я думаю; чшо эшо предположеніе не прошивно ей. Но — продолжалъ онъ, желая прекрашншь сцену, копорая спановилась для него пакъ-же месносна, какъ и для меня — я забылъ, чшо мнѣ надобно писашь множесиво писемъ и попомъ вѣхашь обѣдашь къ дядюшкѣ. «

Гупъ онъ вышелъ, а я сидѣла, опчаянная, безмолвная, и не въ силахъ была удерживашь слезы, копорыя капнулись по щекамъ моимъ.

» Чшо съ побой сдѣлалось, Людмила? спросила Графиня съ неудовольсвиемъ. Я право начала было думашь, чшо ты спала благоразумнѣе; а шеперь онашь вижу въ тебѣ пустые капризы, копорые очень глупы. «

— Ради Бога, сударыня, пощадише меня! . . . Знаю, чшо я вамъ всѣмъ обязана, и гошова по-

виноваться вамъ во всемъ; но не пребуише ошъ
меня жершвы, копорая выше силъ моихъ! . . .
Позвольте мнѣ лучше идти въ монастырь!—

«Эшо сѣшкомъ романически, моя милая.
Шагъ эшошъ шакъ важенъ, чшо о немъ на-
добно хорошенько подумашъ, да и Шмишъ,
мнѣ кажешся, не шакъ еще спрашенъ, чшобъ ошъ
него бѣжашъ за монастырскую ограду.»

Къ счастию въ эшо время доложили о вриздѣ
гостей. Я спремглавъ бросилась въ мою комна-
ту, и не знала какъ благодарить Бога, чшо из-
бавилась наконецъ ошъ эшой пышки.

Между шѣмъ мысль, чшо Графъ спанешъ подо-
зрѣвашъ меня въ любви къ другому, рвала мое
сердце.» Эшо опдалишъ его совсѣмъ ошъ меня,
засшавишъ ненавидѣшъ, презирашъ, «думаша
я — и ломая себѣ руки, въ опчаяннн ходила по
комнатѣ. . . . Были минушы, въ копорня я хотѣла
бѣжашъ къ нему, хотѣла опкрышъ ему: всѣ
спраданія мои, всю любовь мою. . . .

Къ несчастію подозрѣннн мои начали сбываль-
ся. Прежде, не емошра на мою холодность, онъ
всѣ шакже любилъ меня, безпрешанно искалъ
случая поговоришъ со мной, и эшо облегчало
тпоску мою. Мысль, чшо онъ любитъ меня, засшав-
ляла забывашъ всё и—признашья ли? кака-шо
шайная надежда прошивъ воли гнѣздилась въ мо-
емъ сердцѣ. . . . А теперъ онъ плашишъ мнѣ за
холодность холодношью; самъ убѣгаешъ ошъ

меня какъ ошъ спрашнаго призрака!... Съ самаго этого роковаго дня я почти не вижу его; онъ не живетъ совсѣмъ дома и проводишь цѣлме дни у своего дяди. Знаешь ли что? Мнѣ иногда кажется, что Графиня Аглана скоро займешь въ сердцѣ его мое мѣсто!...

Ты, можешь бышь, скажешь, что она сестра ему? Но я знаю ея характеръ — и развѣ нѣтъ такихъ кривирозъ? Впрочемъ можешь свашься, что это одинъ призракъ разспроеннаго моего воображенія и сердца, убишаго горесшью. . . . Но эта мысль шакъ ужасна, что я безпрестанно онгоняю ее, и со всѣмъ шѣмъ она всякую минушу вершишя въ головѣ моей.

Не понимаю, какъ могла я прежде, бывъ увѣрена въ любви его, говоришь, что я несчастна? Теперь я-бы кажешя согласилась бышь далеко ошъ него, никогда не видашья съ нимъ, шолько съ шѣмъ, чтообъ онашь возврашшь любовь эту. Мысль что онъ шакъ-же любишь меня, шакъ-же обо мнѣ думаешъ, шакъ-же грустишь, какъ и я, могла-бы сдѣлать меня счастливой, не смощра на разлуку съ нимъ. . . . Не похожа-ли я шеперь на опчально больного, кошорый ничего не желашъ, кромѣ возвращенія пошеряннаго здоровья, и не понимаешъ даже, какъ могъ онъ прежде желашъ чего нибудь другаго?...

Что мнѣ дѣлать, моя милая? Научи меня по крайней мѣрѣ переносишь мои спраданія, ко-

поры спяновяшся несперинимъ. Я не нахожу никакихъ средствъ помочь имъ и вижу, что въ здѣшнемъ мірѣ и самая надежда не существу-етъ для меня.

Я еще просила Графиню ошказашъ Шмишу ; но она всякой разъ за это сердилась ; не хочешъ меня слушашъ и говорилъ , чшобъ я не спѣшила и подумала. Я хочу сама написашъ къ нему и ошказашъ рѣшишельно , такъ однакожъ , чшобъ Графиня объ этомъ не знала.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.*)

A Winter's Journey through Lapland and Sweden with Observations relating to Finmark. By Arthur de Capel Brooke, M. A. etc. 1826. 4to. (*Зимнее путешествіе по Лапландіи и Швеціи , съ замѣчаніями о Финмаркѣ. Соч. Аршура Брука. 1826 1 ш. in 4*).

Если въ наше время есть еще противники успѣховъ въ искусствахъ и поклонники древней простоты , высокой мудрости , ограничивавшей свои потребности самымъ необходимымъ , блаженнаго невѣжества , не подозрѣвавшаго и не желавшаго ничего , кромѣ шого что было передъ его глазами , то они должны придти въ опчальніе : образованность проникаешъ всюду. Торговля , предметы роскоши , даже книги начинаютъ обладать Лапландією и угрожаютъ Шпицбергену ! Описаніе зимовки въ Лапландіи , издаемое Капитаномъ Брукомъ ,

въ сравненіи съ повѣствованіями первыхъ путешественниковъ, говорившихъ о сей странѣ, есть предметъ достойный любопытства и изученія. Съ сею двойкою цѣлью, представляемъ его нашимъ читателямъ.

Капитанъ Брукъ основалъ свою зимовку на островѣ Халонѣ, почти на градусъ южнѣ Сѣвернаго Мыса ($70^{\circ} 38'$ широты). Сей островъ имѣетъ въ окружности около 60 миль, серединою своею образуетъ высокую гору и обитаетъ только по берегамъ: здѣсь-то возвышается городокъ или деревенька Гаммерфосъ (*), подлѣ залива, совершенно безопаснаго для кораблей. Гавань сія во всѣхъ отношеніяхъ превосходна. Можно было-бы сказать, что Гаммерфосъ есть *Сѣверная Венеція*, ибо въ немъ не лзя иначе пробраться изъ одной части города въ другую, какъ въ лодкѣ. Съ самаго приѣзда своего, Капитанъ досталъ себѣ это необходимое средство сообщенія. Онъ шѣмъ болѣе не могъ обойтись безъ него, что всплывъ въ заливъ, остановился сначала на противоположной Гаммерфосу сторонѣ. Лодка его, привязанная передъ окнами корабля, всегда была готова, когда онъ хотѣлъ ѣхать ловить рыбу или охотничать въ окрестностяхъ и посѣщать знакомыхъ. Вода шамонскаго моря такъ-же прозрачна, какъ, по рассказамъ путешественниковъ, вода Чернаго Моря: въ ней, на довольно большой глубинѣ, можно различать рыбу. Туземные рыбаки, пользуясь

(*) Это самое сѣверное селеніе образованной Европы.

снѣмъ свойствомъ воды, по выбору устремляютъ свои нападенія на различныхъ обитателей моря. Капитанъ Брукъ рассказываетъ любопытныя подробности о ловлѣ камбалы и другихъ рыбъ.

« Въ шихую погоду, двое рыбаковъ садятся въ лодку. Одинъ изъ нихъ держитъ острогу, состоящую изъ двухъ острыхъ желтзокъ, съ зазубринами, вколоченныхъ въ тяжелый ошрубокъ, привязанный къ шонкой, но крѣпкой веревкѣ, длиною въ нѣсколько саженей; другой правитъ лодною, легонько ведя ее по водѣ и шихо взмахивая веслами, дабы не производилъ чувствительнаго волненія. Дно залива составляетъ бѣлый песокъ и рыбы на немъ ясно видны. Рыбакъ съ острогою выжидаетъ шу минушу, когда лодка надплываетъ на какую нибудь большую рыбу, и шушь вдругъ кидаетъ ошрубокъ въ воду. Рѣдко случается, чтобы онъ промахнулся и не вышацилъ острогою добычи. Часа въ два этой работы, лодка наполняется рыбами, изъ коихъ инныя вѣсомъ фуншовъ по 500. Острогою бьютъ и гораздо тяжелейшихъ; безразсудные рыбаки, втаскивая ихъ въ лодку, подвергаютъ опасности опрокинуть оную. »

Во время пребыванія Г-на Брука у оспрова Халозна, заливъ и гавань Гаммерфосшскіе были посѣщены многими купеческими кораблями, приходившими изъ Бремена, Фленсбурга, Дроншгейма и другихъ городовъ, но они были едва замѣнены въ множествѣ Русскихъ кораблей, приплывшихъ изъ Блага Моря. Капитанъ видѣлъ шамъ также два прекрасные Англійскіе бригга, прихо-

дѣвшіе взяли грузъ шрески, для Голландіи и Средиземнаго Моря. Они были посланы Г-мъ Кроу, кошорый сдѣлался главнымъ агеншомъ сообщеній между симъ угломъ земли и оспальнымъ образованнымъ міромъ. Черезъ его посредство жишелм оспрова и ближняго машерика получаютъ Европейскіе повары, а дамы имѣють средство украшашъ свои собсвенныя прелести нарядами, кошорые имъ очень къ лицу. Кажется, путешественнику очень понравился прекрасный полъ острова Халонна. «Видя эти убраншва,» говоритъ онъ, «эту любезность и шонъ хорошаго общества, съ трудомъ можешь увѣрять себя, что находишься на нѣсколько градусовъ далѣе полярнаго круга.» Въ Гаммерфосшѣ, Англійскій купецъ есть человекъ, пріятный для всѣхъ: онъ можешь быть увѣренъ, что его вездѣ примуть какъ не лзя лучше; ошѣздѣ его заставляешь проливать слезы, и женщины съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія теплаго времени и съ нимъ Англійскихъ купцовъ.

Народонаселеніе Лапландское и Финское раздѣляется на два класса: это жишелм береговъ или рыбаки, кошому что они всѣ рыбаки, и жишелм горные или хозяева оленей. Послѣдніе провождаютъ зиму на горахъ, но лѣшомъ сходятъ къ берегамъ. Внутренность оспрова и особенно огромные лѣса, покрывающіе большую часть онаго, бывають тогда наполнены настѣкомыми, до шакой степени, что ни человекъ, ни спода не могутъ шасть ошаваться. Къ тому-же Лапландцы увѣрены, что если оленя ихъ не пощють морской воды, то

упрашивать свое здоровье. Какъ скоро, сходя съ горъ, живописныя сѣи приближаются къ морю, они исть, даже никогда не видавшія моря, бѣгутъ къ нему и съ жадностью пьютъ соленую морскую воду.

Въ снранѣ, гдѣ природа не шолько не привлекательна, но спрашна и не притѣшлива, люди болѣе сблизаются и лучше пользуются удовольствіями общесства. Въ здѣшней снранѣ удовольствія состоятъ въ веселыхъ буйствахъ и искреннихъ разговорахъ между порядочными людьми: этому жишли предаются ошъ всего сердца. Каюта Капитана была всякой вечеръ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ здѣшнихъ удовольствій. Всѣ вещи Капитана, его росписи, коллекціи, книги, были разсматриваемы съ удивительнымъ восторгомъ; иногда шолпа любителей людей была даже шягосшна; но народъ здѣшній шакъ добръ характеромъ, шакъ честенъ и ошкровененъ, что ошъ него ошотно переносятъ маленькое принужденіе. Г-нъ Брукъ описываетъ одну изъ вечеровъ, проведенныхъ имъ съ гостями, и говоритъ, что когда дѣло идетъ объ осушеніи вдохновительнаго кубка, шо старая Норвегія можешъ послужить образцомъ для *веселой Англии*.

«Однимъ вечеромъ, все порядочное общесство Гаммерфосшское вздумало собраться у меня, съ хорошимъ запасомъ пуншу и шрубокъ. Капитаны стоявшихъ на рейдѣ кораблей шакже пожелаши участвовашъ въ пирушкѣ, слѣдственно бесѣда сошавилась довольно многочисленная. Каюта моя шычала ошъ шумныхъ порывовъ сердецъ, предавшихся грубой радости и нисколко не заботив-

шихся о завтрашнемъ днѣ. Передъ моими глазами возобновились тѣ старые дни, когда предки наши, достойные соревнователи Анакреона, презрительно осуждали будущій испорченный родъ людей, ньющихъ воду. Я былъ свидѣтелемъ богашырскихъ подвиговъ, и увѣренъ, что головы, которыя были-бы гораздо крѣпче моей, могли-бы тысячу разъ развалиться, но не выдержатъ боя со здѣшними героями. Усилія мои были напрасны: смѣлосшь и самая швердая рѣшимельносшь не давали мнѣ столько силъ, чтобы я могъ сражаться съ шакими аплешами, какъ Фогедъ, Аасгардъ и Дженшофъ. Первый изъ эшихъ господъ былъ гиганшъ и силачъ, безпримѣрный во всей Финляндіи. Обвишій густымъ облакомъ шабачнаго дыма, пожирающій большими глотками огненный напитокъ, онъ былъ душою всѣхъ веселій. Онъ приѣзжалъ изъ Альшена, куда часто призывала его судейская должносшь; возвращеніе его въ Гаммерфосшь было знѣкомъ всѣхъ забавъ. Пуншъ еошъ единственнѣйшій напитокъ, который здѣсь пьюшъ; вина не знаютъ, однакожъ иногда подъ именемъ вина подчивающъ дурною смѣсью, кошорой по нѣскольку бутылокъ достаютъ изъ Фленсбурга или изъ Бремена; но купцы благоразумно придерживающа любимаго напитка. Въ каждомъ семействѣ дамы мастереки приготавлиющъ пуншъ, и какъ скоро вы ошедали обольсшимельнаго нишья, пригошвеннаго ополь искоуно, то уже шрудно употреблять его съ утренносшью. Жаль, что сами онѣ не ньюшъ его, а только наливающъ въ опоражниваемыя стаканы. Собесѣдники собирающа лѣшомъ въ шесшь часовъ,

зимою въ чешыре, и расходящся по домамъ не раньше полуночи. Каждый приноситъ съ собою шрубку, потому что куришь здѣсь первая пошребность. Дуишь есть удовольствіе, шрубка необходимость; не имѣшь пабаку, значить бышь въ крайней бѣдности. Каюша моя была шакъ наполнена дымомъ, что едва могъ я узнавать сидѣвшихъ въ ней гостей.

« На всѣхъ вечерахъ раскрывали споы для каршъ и играли въ висшь, не осшавляя шрубокъ: эшо пусть будешь сказано единожды навсегда. Не игравшіе расшаживали по комнашъ, медленно и безъ шуку. Тушь хозяинъ дома предлагалъ первый шосшь: за старую Норвегію. Эшо приглашеніе всегда производило элекшрическое дѣйшвіе. Наполняли большіе спаканы, токались ими всъ, и опяшь брались за шрубки; шущъ всякій пригошвлялся услышашъ національныя пѣсни: онъ и начинались. »

Вся здѣшняя народная поэзія сосшопишь въ описаніи спраны и національныхъ нравовъ. Точно какъ жишель Темпейской долины, Лапландецъ поешъ наслажденія своей спраны, сшасшливую безопасность, какую онъ наслаждается въ своихъ горахъ, и просшую жизнь, которую онъ предпочишаетъ всѣмъ удовольствіямъ нашимъ, ибо молва сообщила о нихъ сбивчивое поняшіе ему, среди его снѣговъ и кочкарника.

Г-нъ Брукъ, какъ историкъ шщательный, не упускающій изъ виду ничего существеннаго, описываетъ спошь, шо есть одну изъ важнѣйшихъ принадлежношпей всякаго вечерняго собранія. Наши обычаи шамъ совсѣмъ на выворощъ: Гаммерфосшцы начинають чаемъ и вареною рыбою; жареная

дичина или четверть оленя и солонина составляюшъ у нихъ послѣднее блюдо. Танцы шамъ всегда кшани, пошому что дамы появляются въ шо самое время, какъ скоро загудишь скрипка. Эшошъ инструменшъ очень любимъ въ Гаммерфосшт; въ каждомъ семействѣ ештъ миншрель, и вызовъ ошкрышъ балъ обыкновенно принимаюшъ съ удовольствіемъ. Кромъ вальса и польскаго, у Финляндцовъ ештъ ошой народный шаецъ, и сверхъ того голска, коншрадансъ, болѣе чѣмъ нашъ разнообразный. Такъ-шо Капишанъ провелъ почти всѣ вечера и часть ночей, покуда онъ занималъ первое свое обшательще, на противоположной сторонѣ залива.

- Лапландскіе горцы сосшавляюшъ отличное поколѣніе ошъ Норвежцовъ, съ кошорыми обыкновенно жилъ нашъ путешешвенникъ. Ихъ спранспшвованія къ берегу начинаюшся въ Іюнь: погда земля ошкрыша, снѣгу нѣштъ, сани спршшаны и ошдаленныя путешешствія ошкладываюшся до зимы. Снаршды, ненужныя при наступленіи теплой погоды, складываюшся въ магазинъ, подлѣ церкви, и всѣ семейства ошправляюшся въ пушь со шпадами и оленями. Ихъ не шоль много прѣзжаешъ на берега Бошническаго залива, какъ на берега Норвегш, пошому что вѣтры, дующіе съ Океана, пошояннѣе, лучше освѣжаюшъ воздухъ и прогоняюшъ настѣкомыхъ, шоль несносныхъ въ сѣверномъ климатѣ. Лапландецъ, прежде всего, занимаешся своими оленями, ихъ здоровьемъ: послѣ эшого уже думаешъ онъ о себѣ. Какъ скоро онъ находишъ на берегу мѣсто, способное для рыбной ловли, слѣдшвенно и для процшшанія его семейства во время лѣта, шо

раскидываетъ палашку, и водвореніе его кончено. Это настоящій дикарь: онъ прогонишь васъ, если вы не задобрите его, подаривъ ему водки или шабаку; но явившись съ какимъ подаркомъ, получите все, что только можете сдѣлать для васъ это существо изъ рода человѣковъ. «Скорлуна этого орѣха тверда и шолопа,» говоритъ Г-нъ Брукъ; «но зерно въ немъ хорошо.»

«Само собою разумѣется, что домашнее хозяйство Лапландцевъ чрезвычайно просто. Кшо-бы поирля, что лѣто для нихъ есть время поста, воздержности, а зима возвращаетъ ихъ къ довольству. Лѣтомъ они и не думаютъ нишашься спадми, сберегаютъ ихъ, и запасаясь на зиму, довольствуются молокомъ. Они дѣлаютъ сыры и не едятъ никакихъ молочныхъ остатковъ. Ланей доятъ только лѣтомъ. При удобныхъ случаяхъ, когда сбирается молоко, часть его сберегаютъ для заморозенія; это служитъ запасомъ на непредвидѣнные случаи, во время девяти зимнихъ мѣсяцевъ, а еще болѣе лакомствомъ, самымъ утонченнымъ для вкуса Лапландскихъ прожоръ. Увѣряютъ, что замороженное молоко получаетъ весьма пріятный вкусъ (*). По крайней мѣрѣ извѣстно, что довольно большое

(*) У насъ въ Сибири, именно въ Иркутскѣ, зимою молоко не сохраняется и не продается иначе, какъ замороженное, *крутали*. Вкусъ его ни чѣмъ не различается отъ свѣжаго молока, и только при неискусномъ заморозеніи оно получаетъ нѣкоторую солодкуватость, *Прим. Перев.*

количество онаго отпускается во внутренность страны, что охотники покупаютъ его, не смотря на цѣну, и что эта вѣшь промышленности считается довольно прибыльною.

«Горный жидель Лапландіи чрезвычайно дорожитъ своимъ молочнымъ запасомъ. Будучи непривѣшливъ, онъ съ шрудомъ уступаетъ нѣкоторую часть онаго. Однакожъ, настойчивостью и кой-какими бездѣлками, подаренными къшапи, я пришелъ въ милость у моихъ сосѣдей. Имя Англичанина было также для меня выгодною рекомендаціею; словомъ, небольшое количество оленьяго молока приносили ко мнѣ каждое утро, и признаюсь, я находилъ въ немъ такой вкусъ, что совѣтую всякому Эпикурейцу, достойному сего имени, съѣздить въ Лапландію, для того чтобы отвѣдать этого нектара. Кажется, что ароматическій вкусъ свой молоко сіе принимаетъ отъ душистыхъ растеній, коими лѣсомъ питаются лани. Цвѣтомъ и качествами оно походитъ на сливки коровьяго молока, но при томъ такъ сытно, что не смотря на изысканный вкусъ, его не лзя пить много; вѣроятно даже, что этой лакомой снѣди не лзя безъ вреда ѣсть вдоволь. Однакожъ, какъ ни вкусно свѣжее оленье молоко, но сыръ выходитъ изъ него дурной; а можешь быть и то, что Лапландцы должны-бъ были поучиться у Англичанъ, Голландцовъ, или Швейцаровъ, пригошлять оный.

«До сихъ поръ мы болѣе занимались съ Капишаномъ Брукомъ описаніемъ лѣша Лапландскаго, а не зимы. Теперь послѣдуемъ за нимъ въ одной его поездкѣ по снѣгу.

« Утро было холодно и бурно. Я уснать и давно не имѣлъ покоя. Меня осматривали на произволь дикаго оленя (*), и я долженъ былъ на удачу влачиться по снѣгу Лапландіи, въ шемношъ: такъ надлежало проѣхать нѣсколько сотъ миль! Худо правилось мнѣ это путешествіе. Я превозмужился и безпокоился, какъ новичекъ-наѣздникъ, на неукротимомъ бѣгунѣ перескакивающей черезъ высокій заборъ, въ погоню за лисицею. Сани наши были поставлены рядомъ, однѣ подлѣ другихъ, и проводникъ (warrus), накрѣпко привязавъ каждого изъ насъ къ санямъ, вскочилъ самъ на свои сани, допронюлся легонько ремнемъ до оленя, и мы поскакали съ быстрой молніи. Я не успѣлъ ни проспиться со своимъ другомъ, ни опивчаться на его добрыя желанія: онъ желалъ мнѣ успѣшнаго путешествія, а самъ я не меньше желалъ возвратиться здоровымъ и невредимымъ.

« Въ шемношъ я никакъ не могъ управлять своимъ оленемъ, и потому предался его чужью. Онъ бѣжалъ на ряду съ другими. Но я не предвидѣлъ еще одного неудобства: какъ держаться въ равновѣсіи на легкихъ санишкахъ, какъ не опрокинуться вмѣстѣ съ ними или не свалиться на снѣгъ? Неровности, встрѣчающіяся на пути, причиняющъ сильныя и жестокіе толчки; сани иногда опскакиваютъ на аршинъ въ вышину. Вскорѣ меня сбро-

(*) Олени, на коихъ ѣздятъ въ сѣверныхъ странахъ по снѣгу, составляютъ особенную породу и называются также *лослями* и *сохатыми*. *Прим. Перев.*

шло на бокъ, и я спалъ чертinhoю полосу на снѣгу; находясь самъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, я не могъ пособить шѣмъ изъ своихъ товарищей, копорымъ было еще хуже, нежели мнѣ. На одномъ, довольно отягломъ, снукѣ, въѣзжая въ лѣсъ, я получилъ такой подчекъ, что сани совсѣмъ ошались на мнѣ, и въ этомъ невыгодномъ положеніи я былъ пацимъ очень долго. До этого подчка мой экипажъ былъ впереди всѣхъ; но пушь быспроша оленя необходимо была задержана; къ досадѣ своей, я увидѣлъ, что почти всѣ пушешественники опередили меня, и между шѣмъ нинко изъ нихъ не могъ ошановишься, поправить мои сани. Наконецъ одинъ Шведъ, опытный ѣздокъ, управлявшій своими санями съ удивительною ловкастью, занялъ первое мое мѣсто; а я между шѣмъ былъ предметомъ общаго смѣха. Къ довершенію несчастія, потерявъ равновѣсіе, я выпустилъ изъ рукъ вожжи: онѣ были на дюймъ отъ моей руки, но я не могъ ихъ схватить, пошому что мы не ѣхали, а лешѣли, и пошому что я былъ раздосадованъ своимъ, совсѣмъ новымъ для меня положеніемъ. Наконецъ глупркій смѣгъ заставилъ оленя ошановишься на мишуу, и все было приведено въ порядокъ. Я получилъ жестокій урокъ; но, сдѣлавшись искусѣе, чувствивалъ, что могу побуждать своего оленя и вознагражу потерянное время.

«Но я далеко ошталъ отъ всѣхъ, и уже не слыхалъ звона колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ оленей. На снѣгу не было ни одной чершы; направляшь свой пушь было не по чемъ; я находился совершенно во власни животноаго и долженъ былъ

положишься на его испинкшъ. Я понуждалъ его сколько могъ. Мы были тогда среди дремучаго пихшоваго лѣса, и ѣхашъ слишкомъ скоро было невозможно. По временамъ надлежало очищать сани: это послужило мнѣ впорымъ урокомъ. Прѣхавъ съ милою, по дорогѣ, чрезвычайно излучистой, копорая не подспоряла ѣзда, я услышала звонъ колокольчика, и нужно-ли сказывать, какъ обрадовался! Вскорѣ я дѣгналъ хвостъ нашего каравана: бѣднякъ, занимавшій тогда это мѣсто, былъ измученъ такъ-же какъ и я. Мы ушѣшали другъ друга. Немного послѣ этого, проводникъ останоуился покормить оленей и собратъ людей. Въ нѣсколько минутъ всѣ собрались на его призывъ, и, кромѣ того что иные имѣли маленькое неудовольствіе проволочиться по снѣгу, никто не поспрадалъ ничѣмъ. Мы находились на правой сторонѣ Альшена, близъ сей рѣки. Прошедшею ночью мы видѣли уже ее, и могли замѣнить, что она еще не замерзла. Надобно было переѣзжать черезъ нее: это всѣмъ казалось весьма непріятно.

« Въ полдень мы были на берегу Айуелю, небольшой рѣки, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Альшенъ. Опять необходимо было останоуиться, потому что средина рѣки оспауалась не покрытая льдомъ и переправа черезъ нее казалась невозможною. Но Лапландцы умѣютъ преодолеувать всѣ подобныя затрудненія. Тщательно осмоуравъ мѣсто, они рѣшили, что переправиться можно. Проспрансшво, оспауавшееся между льдомъ обонѣхъ береговъ, соспауляло около 7-ми фушомъ ледъ съ нашей стороны былъ нѣсколько выше, и, такъ какъ наклонъ

ность земли шла до самаго льду, шо и можно было перекинуться съ санями через незамерзшую воду, быстро перескочивъ черезъ нее. Эшо исполнено было споль-же удачно, какъ и умно. Проводникъ устроивалъ все: посшавивъ сани въ надлежащее разстояніе, онъ давалъ знакъ, олени пускались большимъ галопомъ, склоненіе земли ускорило бѣгъ саней, и прежде нежели путешественникъ имѣлъ время дасть себѣ опчешъ въ шомъ, что видѣлъ и чувствовалъ, онъ находился уже на противоположной сторонѣ. Однакожь не всѣ совершили опасный скачекъ съ равнымъ счастіемъ; я былъ изъ числа счастливыхъ; невысокая дама, не обременявшая своихъ саней, шакже не обломила льду; но нѣкошорые путешественники болѣе или менѣе погружались въ воду, соразмѣрно своей шяжести. Благодаря шолстой мѣховой одеждѣ, эшо погруженіе обезпokoило ихъ сполько-же, какъ-бы они повалились въ снѣгу.

«Мы ѣхали къ Альшену. Я оказалъ большіе успѣхи въ эквилибрическомъ искусствѣ; маленькая дама шоже. Правда и шо, что у нея былъ отличный проводникъ, мужъ ея, привыкшій ко всѣмъ случайностямъ Лапландскихъ путешествій, пошому что онъ каждый годъ объѣзжалъ внутренность сей страны. Олень дамы былъ привязанъ ка санямъ ея мужа. Во все эшо время холодъ былъ песьма умѣренный; мнѣ даже было жарко въ моей одеждѣ и вообще я не находилъ своего состоянія несноснымъ.»

Путешественникъ не прибавляетъ ничего къ извѣстнымъ уже описаніямъ Финскихъ и Лапландскихъ лыжъ. Онъ, въ нѣкошорыхъ отношеніяхъ, извиняетъ

скупость здѣшнихъ народовъ, указывая на причины, заславляющія ихъ не дорожись бумажными деньгами и зарывать серебряныя. Причинами онъ полагаетъ кочевую жизнь, бѣдность средствъ и недосышокъ просвѣщенія въ людяхъ, разсыянныхъ по землѣ безплодной. Серебро, какое собирается у нихъ, можетъ бысть имъ полезно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и они не видящъ никакой нужды имѣть его всегда при себѣ и въ своемъ распоряженіи; оно было-бы даже въ шагость имъ, при частыхъ переселеніяхъ. Чшо касается до бумажныхъ денегъ, шо они не знаютъ въ нихъ шолку, и чшобы объяснить имъ всѣ идеи, необходимыя для оцѣнки условной цѣны ассигнацій, для этого пошребно много времени, усилій, просвѣщенія и благопріяшныхъ обстоятельствъ.

Рыбная ловля составляетъ драгоценное пособіе для Финновъ: она даетъ имъ средства и для сущесшвованія и для шорговли. Иногда она бываешъ шакъ изобильна, чшо однимъ неводомъ вдругъ вышаскивають до 8000 фуншовъ рыбы. Рускіе приходятъ изъ Бѣлаго Моря къ здѣшнимъ берегамъ въ шо время, когда начинается ходъ рыбы. Морскія шшцы, слѣдующія за всѣми движеніями сей послѣдней, издалека ее показываютъ. Рускіе не занимаются ловлею рыбы, а покупають ее опъ Финновъ, получая за фуншъ муки пять фуншовъ свѣжей рыбы; но они сами соляютъ ее, берутъ на себя всѣ пригошвленія, переносятъ бочки на свои корабли, и возвращаются въ Бѣлое Море.

Моржъ ешъ живошное, принадлежащее сѣвернымъ странамъ. Его формы кажутся шолько оболваненными

что, можешь бышь, происходишь опъ здѣшняго климата, столь мало благопріятнаго для развитія органическихъ существъ. Упругіе мускулы и скачки шигра служатъ признакомъ шѣхъ спранъ, гдѣ солнце обильно разливаешь свѣтъ и теплому; но на сѣверѣ, огромный кишъ и тяжелый моржъ волнуютъ море. Пропивоположное полушаріе подтверждаетъ сіи наблюденія, пошому что изыщныя формы равно удалены опъ сосѣдства обонхъ полюсовъ. Кажешся также, что цвѣтъ живошныхъ завистишь, вслѣдствіе еще неизвѣстныхъ законовъ, опъ состоянія атмосферы, шемпературы и дѣйствія свѣта, болѣе или менѣе обильнаго. Около полярнаго круга путешественникъ видить только цвѣта бѣлый и шемный. Тамъ успрашають его совершенно бѣлые звѣри, или, еще ужаснѣшіе, сѣрые и шемные. Въ экваторіальныхъ спранахъ, цвѣта: красный, лазуревый, багряный, вся одежда радуги, украшаетъ живую природу. Г-нъ Брукъ имѣлъ случай собрать много свѣдѣній относительно моржей, и сообщаетъ оныя своимъ чипапедямъ.

« Во время пребыванія моего въ Гаммерфосшъ, я видѣлъ одно изъ сихъ живошныхъ на берегу, подлѣ *Краснаго дома*, куда привезли его съ острова Черри. Кожа у него была необыкновенной толщины; кажешся, что донимъ ни на что не употребляютъ моржовыхъ кожъ, ибо небольшое употребленіе ихъ для обвертыванія ячтъ на корабляхъ въ сей землѣ совсѣмъ незначиштельно. Я вывезъ съ собою длинную полосу моржовой кожи; мнѣ кажешся, что изъ нея вышли-бы превосходныя пошпромки для лошадей и ремни для карешныхъ рес-

соръ (*). Въ послѣдствіи узналъ я, что ее съ особеннымъ удобствомъ можно было-бы употреблять и для пожарныхъ ведеръ.

«Г-нъ Кольгоунъ, недавно возвратившійся изъ путешествія къ берегамъ Шпицбергена и Лапландіи, испытывалъ Конгревовы ракеты въ ловлѣ китовъ, и видѣлъ множество моржей на берегахъ оспрововъ, близкихъ къ Шпицбергену, и также на берегахъ оспрова Черри, гдѣ можно доставать ихъ большое количество. Самое лучшее время для ловли моржей есть время ошлива морскаго, когда они спятъ или отдыхаютъ на прибрежныхъ скалахъ. Если мапрсы, вооруженные оспрогами, ловки и искусны, и если имъ удастся убишь моржей, находящихся въ ряду ближайшемъ къ морю, то легко уже овладѣть всѣмъ стадомъ; животины, лежащія на берегу, образуютъ себѣ родъ охранной цѣпи, за которую нѣ одинъ изъ находящихся дальше на землѣ моржей не переступаетъ. При нуждѣ они отщипываются на землѣ, они не умираютъ спускаясь, а прошивопоснаживаясь, не прищипывая, и употребившееся сопрощиваеніе, употребив соединивъ свои силы и всамимъ помогая другъ другу; и всегда стадо ниню не безъ опасности для вобъдинителей. Если имъ не пре-

(*) Г-нъ Фужеру де Бударе дѣлалъ уже подобныя опыты съ кожею кашалопа, выкинутого, въ 1783 году, на берега Бретани; онъ вырѣзалъ изъ нея ремни для каретныхъ рессоръ и находилъ ихъ весьма удобными. Достойно сожалѣнія, что любопытныя опыты сѣ не были продолжаемы.

сѣчень путь къ морю, но они стараются достигнуть берега и бросаються вплавъ при малѣйшей опасности; если бываетъ ихъ иногда большое количество, то они взаимно мѣшаютъ другъ другу въ побѣгъ: иногда сильнѣйшіе спасаются, жертвуя слабыми; впрочемъ бой сильнѣйшихъ часто спасаетъ слабыхъ. Когда спсало моржей бросилось въ море, то лодки, преслѣдующія оное, легко достигаютъ плывущихъ, и всего скорѣе тѣхъ, которые ранены были своими товарищами, сильнѣе другихъ бѣжавшими и сильно принуждавшими дать себѣ дорогу. Въ морѣ, какъ и на землѣ, моржъ не сдаётся безъ сопротивления, и усилія его не всегда бываютъ бесполезны: ужасные клыки, коими вооружена голова его, легко могутъ пробить и пощипать лодку.

«Син животины ищутся моржеками и черепокъ живыми. Довольно ризекопрѣтъ образованіе ихъ рша, дабы видѣть, что моржъ не можетъ пожирать рыбу и морскихъ звѣрей, какъ увѣряли въ этомъ многіе. Вѣрнѣе, что клыки моржа суть орудіе; конию опрываетъ онъ себѣ пещу отъ морскаго дна и онъ утесовъ, ибо дно моря и утесы въ полярныхъ странахъ дѣйствительно покрыты животиными, служащими снѣдью моржамъ. Иногда помощію клыковъ моржи цѣпляются по утесамъ; случается, что они засыпають прицѣпившись къ утесу, море оплываетъ и тогда моржъ держится на утесѣ до тѣхъ поръ, пока волны морскія поднимутся до надлежащей высоты и освободятъ спсрадаца. Мнѣ сказывали, что въ проливѣ Магерейскомъ весьма часто случается видѣть моржей, прицѣпив-

шихся своими клыками и висящихъ на ушесѣ въ положеніи самомъ опасномъ.

«Хотя моржовый жиръ и клыки значительно уменьшились въ послѣднее время, но причинѣ величайшаго истребленія сихъ животныхъ, коней и донынѣ продолжаютъ бить безъ всякаго помышленія о будущемъ, но торговля сими двумя предметами все еще весьма важна. Поеліку земли, на конхъ бьютъ моржей, находятся весьма не далеко отъ Лапландіи, то ловцы успѣваютъ иногда совершить двѣ поѣздки въ одно лѣто. Известно, что косятъ клыковъ моржовыхъ предпочитается слоновой; жиръ ихъ также превосходной доброты.

«Слушая рассказы Лапландцевъ, подумаете, что они уважаютъ медвѣдей болѣе самихъ себя, и не льзя не удивляться, что они не воздаютъ медвѣдю суевѣрнаго поклоненія. Медвѣдь, говорятъ Лапландцы, сильнее противъ двѣнадцати и меньше противъ десяти челоуѣкъ. Однакожъ, Лапландцы нападаютъ на медвѣдя, и убитый медвѣдь есть самый знаменитѣйшій подвигъ; какимъ гордились Лапландскій охотникъ. Обыкновенно, когда Лапландецъ встрѣчаетъ красиваго медвѣдя, то натинаятъ съ нимъ говоришь, хотя, разумѣется, не получаете охоты. Такіе разговоры, гдѣ употребляетъ даръ слова только одинъ изъ разговаривающихъ, бывають иногда между охотникомъ и медвѣдемъ, когда охотникъ располагаетъ застрѣлить животное. Вотъ забавное происшествіе, бывшее съ однимъ Лапландцемъ, кошораго видѣлъ я въ Адъментѣ. Лапландецъ преслѣдовалъ оленя, но совсѣмъ нечаянно встрѣтился съ медвѣдемъ, хотѣлъ выстрѣлить, но ружье

осыклося; обезоруженный такимъ образомъ, онъ пропзнесъ къ медвѣдю саѣдующую убѣдительную рѣчь: «Господишь медвѣдь! ты будешь подлець и лгусь, ты долженъ будешь умереть отъ стыда, если нападешь шеперь на меня, человека бѣднаго и беззащитнаго. Подожди, дай мнѣ выправить ружье, и тогда будемъ мы сражаться, какъ молодцы.» Къ счастью Лапландца, встрѣтившійся съ нимъ дѣбрь была медвѣдица, съ двумя маленькими медвѣжатами, кошорая удалилась поспѣшно, Лапландецъ увѣренъ донынѣ, что онъ убѣдилъ животное своею рѣчью. »

Кацшанъ Брукъ изображаетъ зиму полярныхъ странъ въ карвинѣ патиншальной. «Уже давно былъ Ноябрь мѣсяць, а хорошая погода все еще продолжалась; многіе предсказывали даже, что она продолжится до конца зимы. Снѣгу, правда, не было: онъ совершенно неслезъ; но я не жалѣлъ о немъ, смотря на предметы, кошорые могли бытъ въ скрыты, шеперь же были совсѣмъ на виду. Зимой, здѣшніе купцы мало занимающа дѣлами и вешаютъ весьма поздно; въ десяшь часовъ никакого еще не видише; развѣ по случаю, совсѣмъ необыкновенному, можеша встрѣшшишь кое-кого, едва продирающаго глаза и зѣвающаго; изъ этого можно коняшь, какъ не хочеша здѣшнимъ купцамъ осваляшь свои пуховыя постели и принимаша за свои обыкновенныя упражненія въ лавкахъ и магазинахъ. Въ Гамберфосѣ, я почти всякій день прогуливался, передъ зашпритомъ, и всего чаще ходилъ на маленькую баншарею, откуда въ одно время открывалась передо мною, съ одной стороны разнообразнае цвѣща вос-

ходящаго солнца, съ другой мѣсяць, коего блескъ нисколько не ослабѣвалъ. Ни въ какомъ другомъ климатѣ не льзя составишь себѣ понятія о наслажденіи прелестнымъ, холоднымъ упрямъ Лапландіи; оно дѣлаешь еще здоровѣе превосходный воздухъ сей земли, веселишь, радуешь человѣка. Но красота зимы въ сихъ широтахъ шановишся еще удивительнѣе, когда солнце надолго скрывается за горизонтъ; тогда здѣшнее небо является во всемъ блескѣ, и воздухъ бываетъ освѣщенъ огнями, яркость коихъ превосходишь иногда блескъ ночныхъ звѣздъ.

«Воздухъ совершенно тихъ, шакъ-же какъ и вся природа. Самый слабый звукъ слышанъ на далекомъ разстояніи. Явственнѣе могъ я разслушашъ, что говорили на другомъ берегу залива, когда, напрошивъ, лѣтомъ самый сильный человѣкъ не могъ-бы подашь голоса шакъ далеко. Шумная лѣтняя жизнь измѣнилась съ переменною времени и была шочно шакова-же, какъ самое время; Лапландцы удалились; всякая дѣятельность постепенно уничтожилась; все опдыхало до возвращенія солнца. Лѣтомъ, маленькая башшарей была мѣстомъ сборища купцовъ, приходившихъ сюда наблюдашь соспояніе атмосферы, прибышис и ошѣзды своихъ кораблей. Но я любилъ приходишь сюда зимою, одинъ, съ моимъ ружьемъ; оспавадся здѣсь долгое время, спрѣлалъ въ спада ушокъ, пришедшихъ болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія зимы. Сии ушки принадлежатъ къ роду шѣхъ, съ кошорыхъ собирають пухъ, называемый *сагагымъ*. Иногда, но шолько весьма рѣдко, я занимчалъ оспрошѣдыхъ шюленей, при входѣ въ замкъ,

но никогда не видалъ я ни одного морскаго попу-
гая. Во все время пребыванія моего въ Гаммерфо-
стѣ, термометръ весьма рѣдко падалъ ниже по-
чки замерзанія и то едва на нѣсколько граду-
совъ.»

Нашъ путешественникъ удословился, что сѣ-
верныя сіянія бывають чаще, когда воздухъ совер-
шенно шихъ, и блестяще во время непродолжи-
тельныхъ легкихъ вѣтровъ, коимъ здѣшніе холода
не препятствуютъ душъ опъ времени до времени.
Капитанъ Брукъ особенно говоритъ объ одномъ
изъ сихъ воздушныхъ явленій, бывшемъ при юго-
восточномъ вѣтрѣ: его блескъ, казалось ему, превос-
ходилъ все, что онъ замѣчалъ до того времени,
имѣвши случай видѣть множество сѣверныхъ сіяній.
« Оно было опнюдь не выше четверти мили опъ
горизонта, говоритъ Капитанъ Брукъ, но раз-
ливало яркій свѣтъ на всѣ окружавшіе его пред-
меты.»

Не смотря на существенныя красоты поляр-
ной зимы, нашъ путешественникъ охотно оста-
вляетъ созерцаніе звѣзднаго неба и сѣверныхъ сія-
ній, дабы присоединиться къ добрымъ Норвежцамъ
и принявъ участіе въ ихъ забавахъ. Различныя обы-
чай ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суть шѣ-же,
какъ и въ другихъ Европейскихъ городахъ. Вошь что
говоритъ между прочимъ Капитанъ Брукъ.» Въ
каждомъ семействѣ молодыя особы встають ра-
нѣ другихъ, приготавлиють кофе для цѣлаго до-
ма, и всякій изъ старшихъ въ семействѣ пьетъ его
въ постели. Кто-бы могъ подумашъ, что найдешъ
подобную упонченность роскоши въ ледяныхъ сфра-

нахъ Сѣвернаго мыса? Но сей обычай, приличный образу жизни обитателей Гаммерфосста, распространился и въ другихъ областяхъ Норвегіи. Будучи по неволѣ беззаботны, во время большей части длинныхъ ночей, жителямъ почишаютъ лежанье въ постели лучшимъ средствомъ избавившись отъ лишняго времени, котораго у нихъ весьма много. Постель считается здѣсь мебелью самою необходимою, и на нее не жалуютъ издержекъ, употребляя въ пуховики гагачій пухъ. Признаюсь впрочемъ, что я никакъ не могъ приучить себя къ наслажденіямъ Гиперборейскихъ Сибаритовъ, и донинѣ предпочитаю Англійскія одѣялы и шюфляки Ладландскимъ пуховымъ подушкамъ и одѣяламъ. Подъ гагачьимъ одѣяломъ вы не почувствуете на себѣ никакой тяжести: его совсѣмъ не слышно, и между швами едва не задыхаетесь отъ жара. Съ такими предосторожностями прошивъ холода и съ огромнѣйшими печами, находящимися почти въ каждой комнатѣ, жители Норвегіи нисколько не боятся лютой зимы. Добрый Гаммерфосстскій купецъ просыпается, по его мнѣнію, весьма рано, когда открываетъ глаза въ семь часовъ утра; ему подають чашку горячаго кофе; проглотивъ сей напитокъ, онъ опять опускается въ свои подушки, спрашиваетъ о погодѣ, шумитъ; шумъ подають ему трубку, и вошь онъ садится въ своей постели, начинаешь попихоньку курить, и когда трубка уже пуста, сонъ его одолеваетъ и онъ еще рѣшается соснуть часа два-три. Я сказалъ уже, что молодыя особы въ семействѣ занимаются устроеніемъ приговоровъ кофе, и для иностран-

ца кажется это сначала весьма странно. Вообразите его спящимъ; вдругъ слышите оня, что нѣжная ручка шлокаетъ его; онъ прошираетъ себѣ глаза и передъ нимъ хорошенькая дочь хозяйна или хозяйка дома, которая мило предлагаетъ ему кофе; говоря, что сама его пригостила; но, впрочемъ, ничего не бойтесь! милая дѣвушка съ улыбкою выслушиваетъ обыкновенное Норвежское привѣтствіе: *toiin de tak* (тысяча благодарностей!), и быстро бѣжитъ хозяйствовать въ другомъ мѣстѣ дома.»

Все это уже доказываетъ нѣсколько Европейскую образованность; но что скажутъ наши свѣтскіе люди, когда мы извѣстимъ ихъ, что въ Гаммерфосѣ ходячая монета въ бослонѣ и виспѣ — моржовый жиръ? Впрочемъ, это сущая правда: у всякаго народа свой обычай.

«Послѣ шрубки, говоритъ Капитанъ Врукъ, карты составляютъ лучшую забаву здѣшнихъ жителей, и любимыя игры ихъ суть *омст* и *бостокъ*. Въ Гаммерфосѣ играютъ въ виспѣ почти такъ-же какъ въ Англіи, съ небольшими только перемѣнами, заставляющими игрока быть внимательнымъ. Послѣ игры, каждый записываетъ свой выигрышъ или проигрышъ въ книгу, которую ведетъ съ шакою-же тщательностью, какъ счетную конторскую. Въ концѣ года все пересчитываютъ, подводятъ балансы, и дѣйствительный проигрышъ платится моржовымъ жиромъ, обыкновенною монетою для карточной игры. Что касается до бослона, то въ немъ точно исполняются всѣ правила, принятыя для сей игры въ Англіи и на

Европейскому материка. Въ карточной игрѣ приняты здѣсь, для выраженія проигрыша и выигрыша, алгебраическіе знаки $+$ и $-$. Такимъ образомъ, если хочешь замѣлить, что А выигралъ 5, пишешь: $A + 5$, и для выраженія, что В проигралъ 5, пишешь $B - 5$. » Капитанъ Брукъ не говоритъ, давно ли введенъ сей образъ писанья.

Въ заключеніе скажемъ, что Англійская торговля не должна терять изъ вида новаго торговаго сбыта своихъ произведеній, какое открылъ ей достойный сынъ Британіи. Долгомъ починаемъ сообщитъ здѣсь нѣкоторыя подробности о семь челоувѣкъ, достойномъ бытъ болѣе извѣстнымъ, и о предпріятіяхъ, какими занимается онъ доннынъ въ полярныхъ моряхъ.

«Въ 1819 году Англичане завели въ Гаммерфостъ торговую коншору, первое Англійское учрежденіе сего рода на берегахъ Лапландіи. Джонъ Кроу (Crowe) служилъ въ Русскомъ флотѣ, и когда война между Россією и Англією была объявлена, вышелъ въ отставку. Часными обстоятельствомъ, со стороны посстороння политическимъ обстоятельствомъ Англій, принудилъ его оставить пушь, по коему слѣдовалъ онъ до шого времени. Г-нъ Кроу воспользовался познаніями, какія имѣлъ случай приобрести касательно торговли и языковъ обитателей самой сѣверной части Европы; онъ основалъ въ Фугдинасѣ, на берегу Гаммерфостскаго залива, прямо противъ сего города. Среди превосходныхъ гаваней сей части берега никогда не развѣдался дошолъ Великобританскій флагъ, и даже нынѣ весьма немногіе изъ нашихъ моряковъ знаютъ ихъ,

шакъ , что корабли , посѣщающіе гавани Вѣлаго Моря , не смѣютъ приблизиться къ здѣшнимъ берегамъ , почитая ихъ весьма опасными. Слѣдовательно Г-нъ Кроу, учинивъ вѣрнѣе и легче сообщеніе наше съ Сѣверомъ Россіи , въ тоже время открылъ нашимъ фабрикамъ новое мѣсто сбыта , теперь еще не значительнаго , но могущаго увеличиться и способствовать нашимъ мануфактурамъ и распространенію образованности.»

Пушешествіе Капитана Брука должно послѣдовать на ряду съ извѣстнымъ пушешествіемъ Г-на Ачерби. Авторъ послѣдняго изъ сихъ двухъ пушешествій показываетъ болѣе ученыхъ свѣдѣній , но большее число чашашелей конечно отдадутъ преимущество Г-ну Бруку. Выбирая изъ того и другаго приличные матеріалы , можно составить весьма хорошее описаніе Лапландіи , книгу , которая покажется новою , хотя мы имѣемъ уже довольно пушешествій и географическихъ замѣчаній о сей землѣ. Картины Итальянскаго пушешественника нравятся менѣе , нежели картины Англійскаго Капитана , но онѣ , кажется , вѣрнѣе. Г. Ачерби имѣлъ болѣе досуга и удобства изучать самую страну; Г. Брукъ болѣе говоритъ о жителяхъ. Соединивъ описанія ихъ обоихъ въ одно сочиненіе , методическое , богатое свѣдѣніями и очищенное отъ всѣхъ излишнихъ подробностей , можно было-бы удовлетворить всѣхъ родовъ чашашелей : и спарающихся научиться , и чашающихъ только для удовольствія.

(Изъ Англ. Журн.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

КНИГИ 1828 ГОДА.

— *Опыт энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искусства*, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, П. Э. Профессоромъ Военныхъ Наукъ Императорскаго Московскаго Университета, Коллежскимъ Совѣшникомъ и Кавалеромъ Гавриломъ Мягковымъ. М. 1828 г., въ ш. Университ., ію 8, XI, II и 169 стр.

Мысль Автора досшойна похвалы: онъ хотѣлъ «вывести изъ заблужденія гошоващихся всшупишь «на поприще рашное, что будшо Военныя Науки «заключающся въ одной копировкѣ множества си- «стемъ всякихъ безъ разбору инженеровъ, или, лучше «сказать, систематиковъ-выдумщиковъ, желавшихъ «замѣть мѣсто въ числѣ истинныхъ изобрѣтателей, «но какъ бредни (какихъ появилось въ свѣшъ не «мало) никогда не имѣли истиннаго употребленія» (стр. VI). Все эшо немного шемно, но въ благонамѣренности Автора не лѣзя сомнѣваться, читая его книгу. Такъ, напримѣръ, когда Авторъ говоритъ о богатыхъ офицерахъ: «Что препяш- ствуетъ заниматьсся науками шѣмъ, у кошорыхъ сшановишся денегъ на карешу, чешверкою запряженную, на богатые кафшаны, дѣлаемые своимъ людямъ, на пригожитъ верховыхъ лошадей, на модную мебель? Правда, что послѣ всѣхъ сихъ зашѣй

Апрѣль 1829.

они называютъ себя *порядочными людьми* (*hommes comme il faut*); но несравненно было-бы полезнѣе и для нихъ и для общества, ежели-бы на шѣ деньги, которыя они употребляютъ на обыкновенныя каршы, употребляли на каршы географическія; на шѣ деньги, которыя они промашываютъ на лошадей и каршны, купили-бы книги и планы; время, которое они убиваютъ на свой шуазель и на поклоненіе вельможамъ, употребили-бы на ученіе наукъ; вмѣсто того, чтобы мазать головы свои какимъ-то *масломъ актиль*, наполняли ихъ свѣдѣніями — тогда не въ однихъ столицахъ и не одними женщинами они были-бы уважаемы — и служба ихъ была-бы незыблемою общественною подпорою.»

Сначала помѣщена у Автора глава, подъ названіемъ: *О началѣ войны и Военнаго Искусства*. Авторъ выводитъ войну отъ Каина и Авеля. Потомъ говоритъ о Сезоспристѣ; выписываетъ многое изъ Военнаго Журнала; изъясняетъ правила *объявленія войны*, и проч. Авторъ вообще любитъ древнихъ (безпрерывно являющся у него Сквѣы, Святославъ, Киръ, Пирръ) и ужасно бранишь Наполеона; за то хвалитъ онъ Рускихъ. Потомъ слѣдуютъ пять частей Военныхъ Наукъ: *Тактика*; *Тактика Артиллеріи*; *Артиллерія*; *Фортификація*; *Стратегія*. Каждая изъ нихъ изъясняется *коротенько*, и за каждыиъ изъясненіемъ слѣдуетъ *нѣчто пространные*, въ родѣ повторенія уроковъ, хотя все изложено въ началѣ книги, и еще разъ повторяется въ концѣ книги. *Repetitio est mater studiorum*. Впрочемъ, Авторъ готовилъ свою книгу для преподаванія лекцій, на коихъ онъ подробно все рассказы-

вашъ , а въ книгѣ его не найдемъ отвѣтовъ на задаваемые Авторомъ вопросы. На лекціяхъ-же, вѣроятно , приводишь онъ все и въ систему, ибо въ книгѣ своей никакой системѣ не слѣдуешь. Въ концѣ сочиненія Авторъ совѣтуешь чѣшать книги, руководствующія къ приобретенію познаній въ Военномъ Искусствѣ, и приводишь названія книгъ десяшковъ шрехъ; слѣдовашельно *лучшихъ*? О , нѣтъ! »Надобно скажешь *однако*, что между предлагаемыми сочиненіями естъ *однако* и такія, копорыя не могушь » стояшь наровнѣ съ *прогнми, прославившимися своею изящностью*; но если справедливо сказалъ Плиній: » *nullum esse librum tam malum, ut non aliqua parte posset prodesse*, то и эши книги, *хотя-бы они были и посредственныя*, совѣтуемъ просмотрѣшь» (стр. 123-я). Авторъ присовокупляешь къ нѣкопорымъ даже своя кришическія замѣчанія: бранишь *Карнота* (ш. е. *Карно*) (и какъ не бранишь его: онъ служилъ *Буонапарту*, который былъ великій мастеръ обманывать Французовъ своими манифестами и пускать имъ золотую пыль въ глаза), а о книгѣ: *Полодный наставникъ*, восклицаешь такъ: «*Стоитъ-ли того, чтобы шакого перевода книгу покупашъ и чѣшать? эшо значило шеряшь деньги и время!*» (стр. 148).

Хорошо, что не всѣ рецензенты такъ сердиты, какъ Авторъ *Опыта энциклопедическаго обозрѣнія*, а шо иной сказалъ-бы ему поже самое о собшвенной его книгѣ. Мы лучше извѣстимъ чѣшателей, что въ самомъ концѣ книги идуть, отдѣльными спашьями, *высокы и ремарки* о Чингисъ-Ханѣ, Тамерланѣ, Спаршанцахъ, Римскихъ войскахъ, и — шако

заключается *Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искусства, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.*

— *Кавказскія минеральныя воды.* Описанныя Пешромъ Савенко, Императорской Медико - Хирургической Академіи О. Профессоромъ, Докшоромъ Медицины, разныхъ иноземныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ, и проч. СПб. 1828 г., въ ш. Ив. Глазунова, in 8, III, 111 и 220 стр., съ загл. грав. лисшкомъ и многими липогр. планами.

Цѣлишельныя Кавказскія воды описаны уже были нѣсколькими врачами (Описаніе минеральныхъ Кавказскихъ водъ. СПб. 1813 г.—Описаніе Кавказскихъ цѣлишельныхъ водъ, изд. А. Цез. СПб. 1817 г.—Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Соч. А. Нелюбина. СПб. 1825 г., 2 части); но чѣмъ больше будушь писать, шѣмъ лучше, шолько-бы хорошо писано было; въ семъ случаѣ книга Г-на Савенки никогда не лишняя. Бывъ въ 1827-мъ году на Кавказѣ, онъ собралъ свѣдѣнія новыя и почныя, многое наблюдалъ самъ, и издалъ книгу доспойную уваженія соотечественниковъ. Обозрѣвъ вообще положеніе всѣхъ Кавказскихъ водъ, Авторъ излагаетъ геологически шеорію водъ минеральныхъ (гдѣ любопышно для насъ, жителей Москвы, его мнѣніе о предметѣ, возбуждающемъ общее наше любопышство — *искусственныхъ минеральныхъ водахъ*); попомъ представляюща замѣчанія ошдѣльно о *сѣрныхъ, желѣзистыхъ, Кумо-горскихъ, Бугунтскихъ* и *кислыхъ* источникахъ. Вездѣ соединена топографія съ ученымъ медицинскимъ описа-

ніемъ, крашко, но досташочно. Рисунки, къ книгѣ приложенные, прекрасно литографированы Г-мъ Беггровымъ.

Книги 1829 года.

Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ ш. Деп. Народн. Просв., in 8, VII и 91 стр.

Съ появленіемъ въ свѣсъ сей поэмы, Пушкинъ спановишся на спепень споль высокую, что мы не смѣемъ въ крашкѣмъ извѣспіи изрекашь приговора новому его произведенію. Доселѣ Русскіе библиографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подѣ каждою его спраницею должно подписывашь: *прекрасно! превосходно!* Впрочемъ, эшо еспешественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, и послѣ уже даетъ время подумашь объ опчешѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ опъ рѣшишельнаго сужденія о *Полтавѣ*, мы скажемъ однакожь, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоишвахъ, новое: народность. Въ *Полтавѣ*, съ начала до конца, вездѣ Русская душа, Русскій умъ, чего, кажется, не было въ шакой полношѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина. Сердце шрепещетъ, когда читаеше, напримѣръ, слѣдующій опвѣщъ Кочубея Орлику:

Такъ, не ошиблись вы! при клада
Въ сей жизни были мнѣ опрада.
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ эшопъ пышка опияла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.

Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ :
 Мазепа эпомъ кладъ укралъ
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній ,
 Мой претій кладъ : свящую мечь !
 Ее гошовлюсь Богу снести .

Это голосъ Русскій, доходящій прямо до нашего сердца. Скажешь, можешь быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута однимъ духомъ. Блестящихъ мѣстъ, въ коихъ видна особенная сила генія, въ ней множество. Выписываемъ одно: ночной разговоръ Мазепы съ Орликомъ, накануне Подшавской битвы.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Пошропились мы не кшашимъ :
 Разсечь и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать? далъ я промахъ важной :
 Ошибся въ эпомъ Карлъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и отважной ;
 Два-при сраженья разыграшь ,
 Конечно, можешь онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать ,
 Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ;
 Не хуже Русскаго стрѣлка
 Прокрасься въ ночь ко вражью стану ;
 Свалить, какъ нынче, казака
 И обмѣнять на рану рану ;
 Но не ему вести борьбу
 Съ Самодержавнымъ Великаномъ :
 Какъ полкъ, вершиться онъ судьбу
 Принудить хочетъ барбаномъ ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ ,

И легкомысленъ и кичливъ ;
 Богъ въспъ какому счастью въришь ;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣришь—
 Сломить ему свои рога.
 Спыжусь : воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на староспъ лѣпъ ;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ ,
 Какъ дѣва робкая.

О р д и к ъ .

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войдши въ сношенья :
 Разбитый нами , нѣтъ сомнѣнья ,
 Царь не опровергнешъ примиренья.

М а з е п а .

Нѣтъ , поздно. Русскому Царю
 Со мной мириться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Слѣсенной злобой. Подъ Азовымъ
 Однажды я съ Царемъ суровымъ
 Во спавкѣ ночью пировалъ :
 Полны виномъ кивѣли чаши ,
 Кивѣли съ ними рѣчи наши.
 Я слово смѣлое сказалъ.
 Смутились госпи молодые —
 Царь , вспыхнувъ , чашу уронилъ
 И за усы мои сѣдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.

Тогда , смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ ,
 Опмстнншь себѣ я клятву далъ ;
 Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
 Младенца носишь. Срокъ насталь.
 Такъ , обо мнѣ воспоминаеъ
 Хранишь онъ будешь до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье ;
 Я пернъ въ листахъ его вѣнца !
 Онъ далъ бы грады родовые
 И жизни лучшіе часы ,
 Чтوبъ снова , какъ во дни былые ,
 Держашъ Мазепу за усы.
 Но есть еще для насъ надежды :
 Кому бѣжать , рѣшишь заря.
 Умолкъ и закрываешь вѣжды
 Измѣнникъ Русскаго Царя.

Библиографическая точность заславляешь насъ прибавишь здѣсь , что за нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ *Полтавы* , въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ журналовъ было упоминаемо о поэмѣ Пушкина , которую именовали : *Мазепа*. Это одно и то же произведеніе , которое послѣднимъ изъ сихъ именъ называли по имени главнаго дѣйствующаго лица. Впрочемъ , лшшпературнымъ вѣствовщикамъ не въ первый уже разъ ошибаться подобнымъ образомъ. Пушкинъ , при каждой изъ послѣднихъ своихъ поэмъ , поправлялъ ихъ : они говорили *Бахтисарайскій Фонтанъ* , а онъ написалъ *Бахтисарайскій* ; они писали *Онегинъ* , *Цыгане* , а онъ написалъ : *Онѣгинъ* , *Цыганы*. Наконецъ , вѣсно *Мазепы* явилась *Полтава*.

— *Лирическій Альбомъ на 1829 годъ*. Изданный М.

Глинкою и Н. Павлицевымъ. СПб. 1829 г., въ Литографіи Беггрова, въ продолговатую 4-шю л.

Это собраніе музыкальныхъ пьесъ, изданное въ видѣ Альбома, отличается прекраснымъ выборомъ и красотою изданія. Въ немъ помѣщены слѣдующія пьесы : *Воспоминаніе*, романсъ, слова Жуковского, музыка Н. Порова; *Вдرونъ къ вдрону летитъ*, пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Графа Віельгорскаго; *Вилія*, пѣсня изъ поэмы Мицкевича : *Валленродъ*, слова перев. Г-на Шеміота, музыка Г-жи Шимановской; *Память сердца*, романсъ, слова Башюшкова, музыка М. Глинки; *Черная Шаль*, пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Гр. Віельгорскаго; *Mio ben ricordati*, duettino per tenore e contralto, composto dal S. M. Glinka; *Stances*, tirées de Lamartine, mises en musique par N. Noroff; *Скажи, заглѣзь*, романсъ, слова Кн. С. Голицына, музыка М. Глинки. Всѣ сии пьесы составляютъ первую часть Альбома; она сверхъ сего украшена красивымъ заглавнымъ листкомъ и двумя литографическими картинками. Вторая часть, или *Прибавленіе къ Лирическому Альбому*, заключаетъ въ себѣ музыку для шанцовъ : 2 вальса, соч. М. Рубца, мазурка, соч. В. Доброга, *Котильонъ*, соч. М. Г***, *Кавалерійская рысь*, соч. Кн. А. Голицына; мазурка, соч. М. Г***, вальсъ, соч. Г. Павлицева, вальсъ, соч. Е. Шперича, наконецъ *Nouvelles contredanses* или *Французскія кадрили*, соч. М. Глинки.

— *Краткое описаніе села Сласкаго, Кусково тожь, принадлежащаго Его Сіятельству Графу Петру Борисовичу Шеремешеву. Сочиненіе Неизвѣстнаго. Нарисованъ Шеремешевымъ.*

печатаемо въ 1787 году. и прогулка въ селѣ Кусковѣ. Соч. А. Воейкова. СПб. въ ш. Шшаба Отд. корпуса внутр. стражи. 1829 года. 45 стр. in 8 («*Взято* изъ № VII и VIII Военно-Литтературнаго Журнала Славянинъ») прибавлено въ концѣ сей книжки).

Какъ лучезарное солнце, разливая благодѣтельный свѣтъ и шеплошу на обширныя страны, вѣстѣ съ симъ опогрѣваетъ всѣхъ и все, (такъ благодѣтельный Ценсурный Уставъ 1828 года, между прочимъ открылъ и Г-ну Издателью Славянина новое поприще дѣятельности. Оно для него ново пошому, что шеперь онъ безошвѣдно можешь перепечатывашь старье (пролежавшее законныя 25 лѣтъ) и наполняшь имъ свой *мнимо-литтературный* и *мнимо-военный* журналецъ: въ отвѣстѣ будущъ одни чисташтели его, и шо передъ самими собою. *Прогулка въ Кусковѣ*, еще въ 1825 году оказалась, по вѣрнѣйшимъ справкамъ и *противкамъ*, перепечашкою изъ старой книжки, кошорой заглавіе означено выше. Издатель Телеграфа какъ-шо упомянулъ объ эшомъ, а Издатель Славянина и радъ: онъ вновь шиснулъ эшу перепечашку, вѣстѣ съ оригиналомъ, въ своемъ журналецѣ, какъ доказательство, что его статья оригинальная. Вотъ что называется: *страху въ глаза поглядѣть!*») Справляешься-де и слычашь не слычушь; я же печашаю на счетъ чисташтелей Славянина!» Приправивъ шакшическою бранью свою вторичную перепечашку, Г-нъ Воейковъ какъ будшо ни въ чемъ не бывалъ. И славно! вотъ какъ надобно литтерашпорствовать! Мы слышали, что кто-шо *положилъ на мѣртъ*, привести себя въ шакое положеніе, чтобы ошвѣчать на его выходки было

стыдно ; приведши-же себя въ это блаженное положеніе , онъ рѣшился воевать своимъ перомъ , ибо знаешь , что ништо не спанешь ни слушаешь его , ни ошибаешь ему. Вотъ образецъ литературнаго вампирства ! Кто хочешь узнать , можешь-ли оправдаться Г. Воейковъ въ перепечашкѣ и выдачѣ чужой статьи за свою , шѣмъ совѣтуемъ заглянуть на 389—404-ю стр. Сына Ошечества , 1825 года , № 4-й. Для любопытныхъ прибавимъ , что заглавіе книжонки , о кошорой идешь рѣчь , списано нами , для показанія грамматическихъ свѣдѣній Г-на Воейкова , съ дипломатическою точностью.

— *Supplément au grand catalogue de musique et des instrumens de musique ,etc, qui se vendent chez C. L. Lehnhold. Прибавленіе къ Большому Каталогу разными ношамъ , музыкальнымъ инструментамъ и прочими вещамъ , продающимся у Карла Павлова Ленгольда , въ Москвѣ , на Ильинкѣ , въ домѣ Плошниковъ. М. въ Т. Семена 1829. 29 стр. in 8.*

Богатый музыкальный магазинъ Г-на Ленгольда (можешь быть одинъ изъ первыхъ въ Европѣ) ежегодно увеличивается и *освѣжается* всѣмъ , по возможности , что музыкальные гении создаютъ въ Европѣ. Начиная отъ великолѣпныхъ произведеній Россіи , до унылыхъ мелодій какихъ нибудь горныхъ пѣвцовъ , все спекается въ музыкальную сокровищницу Г-на Ленгольда. Всѣ усовершенствованные инструменты и разныя музыкальныя удобства также получаютъ здѣсь немедленно. Доказательствомъ сего , для иногородныхъ (ибо Московскіе жители могутъ удостовѣриться въ этомъ лично) ,

служить *Прибавленіе*, вновь изданное Г-мъ Ленгольдъ. Въ ономъ означены теорическія сочиненія и ношы, поступившія въ Магазинъ послѣ изданія Большаго Кашалоба, о которомъ мы извѣщали нашихъ читательницъ (см. Моск. Тел. Т. XXII. стр. 295, 1828). Одно сіе *Прибавленіе* составляетъ огромную роспись, гдѣ означено множество драгоценныхъ созданій старыхъ и новыхъ любимцовъ музыкальнаго міра: Моцарша, Россини, Гуммеля, Риса, Вебера, Верстовскаго, Мошелеса, Калкбренера, Пиксиса, Мендельсона, Листа, и другихъ.

—*Иванъ Выжигинъ*, нравственно-саширической романъ. Сочиненіе Фаддея Булгарина. 4 части. СПб. 1829 г., въ п. вдовы Плюшаръ, in 12, XXIII, XXIV, 222, 226, 261 и 377 стр., съ гравированною виньеткою и двумя липографированными картинами.

Вошъ истинный подарокъ Русской публикѣ! Сей давно ожидаемый романъ, ешь одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ Русской лишиературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ, составляютъ достоинства онаго; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что Авторъ шель по нуши, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или мене неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Онъ долженъ былъ сотворить даже слогъ для своего сочиненія, и въ эшомъ отношеніи самъ сдѣлался образцомъ. Но не въ одномъ эшомъ отношеніи онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ затрудненіями, для Русскаго романиста весьма многочисленными. Самые

характеры Русскіе еще шакъ неоригинальны, шакъ *не всеобщи*, что у насъ жишель Бахмуша будешъ за новосшь слушашъ рассказы о своихъ Ярославскихъ землякахъ; паркетный шаркунъ будешъ на слово въришь изображенію мужиковъ, живущихъ въ его же помѣстьяхъ; однимъ словомъ, у насъ нѣтъ общаго ошпечашка въ характерахъ, шакъ-же какъ въ физиогноміи. Но мы увѣрены, что многіе Русскіе поршрешы и характеры, выставленные въ *Выжигинѣ*, знакомы всѣмъ: это они, они, наши милые соошечешвенники! Если-же сіи слова повшоряшь всѣ непредубѣжденные чшашатели Г-на Булгарина, шо поздравляемъ его съ *генеральной* побѣдой. Надобно необыкновенное искусство, чтобы выбрать предметы общіе, вѣдомые Рускимъ, кошорые знаютъ себя хуже, нежели своихъ земляковъ по Европѣ: Нѣмцовъ, Французовъ и Англичанъ. Съ своей стороны, въ эшомъ ошношеніи, мы подаемъ голосъ за Авшора.

Наконецъ должно сказашъ и о завязкѣ или иншригѣ *Выжигина*. Въ планѣ Авшора было, какъ намъ кажешся, не иншриговать своихъ чшашателей романническими мистификаціями. Онъ хотѣлъ представшишь толпу характеровъ, нравовъ, повѣрій, обычаевъ Русскихъ, чему помѣшала бы зашупанная завязка, ибо при ней происшествіе необходимо должно-бъ было вершѣться между нѣсколькими лицами. Въ эшомъ *Выжигина* можно уподобить драмѣ, основанной на характерахъ, а не на иншригѣ. Но какъ въ драмѣ, развивая характеръ лицъ, не лзя соединить съ симъ зашупанной иншриги, кошорая имѣла бы свой характеръ и развивала-бы какую нибудь одну мысль, одну данную, шакъ и въ *Выжигинѣ* завязка не

запулана, потому что не это Авторъ имѣлъ въ виду. Чѣмъ восхищаемся мы въ Мольеровомъ *Мизантропѣ*, *Тартюфѣ*? Конечно не завязкою, ибо въ обѣихъ сихъ пьесахъ она не только проста, но и пошла. Что составляешь главное достоинство въ повѣстяхъ неподражаемаго Ваш. Ирвинга? У него, почти всегда, нѣтъ происшествія, и между тѣмъ нельзя закрыть книги, пока ему не угодно окончишь бесѣды съ чашашелемъ. Мы изложили сіи мысли здѣсь потому, что уже имѣли случай слышать мнѣніе *нѣкоторыхъ* чашашелей, недовольныхъ завязкою *Выжигина*. Но мы почишаемъ такое мнѣніе слишкомъ одностороннимъ. Десать безсмертенъ, а у него въ *Хромомомъ бѣсѣ*, въ *Жилбазѣ*, завязка еще простѣе нежели въ *Выжигинѣ*.

Предвидимъ, что, *еще нѣкоторые*, назовушь похвалы наши сему роману безусловными, безосчетными. Признаемся, что удовольствіе, доставленное намъ чтеніемъ онаго, виною всѣхъ эсихъ похвалъ. Но не подумайше, Гг. Антикришки, чтобы мы находили *Выжигина* совершеннымъ произведеніемъ! Нѣтъ. И мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литературномъ явленіи. Надѣясь, въ скоромъ времени, подробно изложимъ наши мысли о сочиненіяхъ Гна Булгарина — ибо они составляютъ въ нашей Литтературѣ явленіе, обращающее на себя общее вниманіе, слѣдственно явленіе важное, пребующее особеннаго разсмотрѣнія — мы не хотѣли бы говорить въ краткомъ извѣстіи о недостаткахъ *Выжигина*. Но въ доказательство тѣмъ изъ литературныхъ судей, которые только похвалы называютъ безосчетными, скажемъ,

что весь эпизодъ *Выжигина* о приключеніяхъ въ Киргизской степи мы почишаемъ вставкою, нѣтъящую свое большое достоинство, но неумѣстною; что *Милонидовъ*, по мнѣнію нашему, играетъ слишкомъ дѣятельную роль, въ ущербъ дѣятельности всего романа; что въ самыхъ описаніяхъ находящаяся нѣкоторая неясность. Въ примѣръ послѣдняго, мы укажемъ на описанія, коими Авторъ касается Москвы. Видно, что общество Московское ему извѣстно только по наслышкѣ. Гдѣ у насъ юноши-философы? что за ошдѣлъ людей *Архионные* юноши? Это кажется замѣтнымъ только издали; вблизи это очень мѣлко. Есть ошдѣлы Московскаго общества, гораздо болѣе достойные сатирическаго бича. На страницѣ 178-й 3-го тома Авторъ упоминаетъ о приходѣ *Василія Блаженнаго*. Церковь сія не имѣетъ прихода, потому что она *Соборъ*, иначе именуемый *Покровскимъ Соборомъ*. Вошь сколько крючочковъ и привязокъ наставили мы! Но здѣсь истощена почти вся громада нападеній. Чшобы разстаться съ *Выжигиннымъ великодушными врагами* (какъ говаривалъ Байронъ), прибавимъ, что прочитавъ его, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія Г-на Булгарина. Объявленіе о второмъ изданіи *Выжигина* подтверждаетъ наше мнѣніе, и показываетъ, до какой степени возбуждено любопытство публики.

— *Вудтокъ или Всадникъ*. Исторія Кромвелевыхъ временъ. — 1651 годъ. — Соч. Сира Вальшера Скопша. Перевелъ съ Французскаго С. Де Шапельшъ. Спб. 1829 г. въ ш. Деп. Нар. Просв. Ч. I. 278. стр.,

Ч. II-я 287 стр., Ч. III-я 285 стр., Ч. IV-я 336 стр.
и 12 (*).

Вудстокъ, одинъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ романовъ В. Скошпа, переведенъ Г-мъ Де Шаплетомъ очень хорошо. Имя Г-на Переводчика извѣстно у насъ по его прекраснымъ переводамъ *Пустынныхъ Жуи* и *Ружемона*; Русскій Вудстокъ подтверждаетъ сію добрую славу. Мы увѣрены, что всѣ любители романовъ неподражаемаго Шотландскаго Баронета, не имѣющіе средствъ читать оныя въ оригиналъ или во Французскомъ переводѣ, поспѣшашъ приобрести *Вудстокъ* въ переводѣ Г-на Де Шаплетта: шѣмъ они доставяшъ себѣ истинное наслажденіе. Пріятно на своемъ языкѣ читать хорошій переводъ изящнаго произведенія: въ этомъ членіи есть даже что-то особенно привлекательное. Книгу, знакомую намъ на языкѣ Французскомъ или Нѣмецкомъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ перечитываемъ на своемъ родномъ языкѣ. Одно условіе: что бы переводъ былъ хорошъ; пошому то мы ошъ души поздравляемъ Русскую публику съ симъ новымъ переводомъ: за него можно приниматься съ вѣрною надеждою на удовольствіе; а что Вальтеръ Скошпъ поспошъ за себя, объ этомъ и говорить нечего.

Изданіе сей книги весьма хорошо.

(*) Продается въ С. Петербургѣ у всѣхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ. Цѣна за всѣ 4 части, въ красивой печатной оберткѣ, въ С.П.бургѣ 10 руб., съ пересылкою во всѣ города 12 рублей.

С М Ъ С Ъ.

Французскую публику занимаетъ нынѣ процессъ, совершенно новаго рода. Александръ Дюмась, молодой поэтъ, написалъ трагедію: *Генрихъ III*. Она была принята на Французскій театръ и имѣла успѣхъ необыкновенный. Театръ, при каждомъ представленіи новой драмы, былъ полонъ, рукоплесканія не было конца. Это разсердило записныхъ классиковъ, тѣмъ болѣе, что по естественному ходу дѣлъ въ мірѣ, а не по чему либо иному, знаменитыя произведенія Французскихъ трагиковъ не привлекаютъ болѣе публику въ театръ, особенно послѣ смерти Тальмы. Что-же сдѣлали классики? Они вздумали просить Короля вступить за древнюю славу классицизма, запретить представленіе романтическихъ драмъ на Французскомъ Театрѣ и прогнать съ онаго пьесу А. Дюмаса. Просьба ихъ, чего и должно было ожидать, оставлена безъ вниманія. Послѣ этого образовались двѣ явныя партіи: Классическая, защищающая сторону подававшихъ просьбу классиковъ, извѣстныхъ писателей Арно, Жуи, Этьена, Вьенне, Леруа, и Романтическая, въ которой первенствуютъ протестовавшіе въ газетахъ противъ классиковъ литераторы: Делавинь, Скрибъ, Суме, Ансело, Дюваль, Мазеръ. Началась переспряка въ журналахъ, также раздѣлившись на двѣ партіи. Наконецъ въкоторыя изъ

Апрѣль 1829.

23

воюющихъ пишутъ особенныя книги о спорномъ предметѣ; сатиры, эпиграммы, личности сыплющіяся съ обѣихъ сторонъ. Два члена Французской Академіи, Н. Лемерсье и Боурь-Лорміанъ, издали сатирическія сочиненія: первый пародію мелодраму *Кантъ*, второй сатирическо-бранчивую выходку, названную имъ *Набатная пушка* (*Canon d'alarme*). Читая въ послѣдней пошлыя ругательства на романтизмъ, мы, кажется, видимъ послѣднее усиліе людей, для коихъ романтизмъ и нежность синонимы. Пора образумиться! И зачѣмъ унижаешь классицизмъ такими средствами, если онъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, умеръ для нашего времени? Но мы почитаемъ сіе происшествіе *всемірнымъ*. Французы даюшь тоноу всему: и у насъ опланинешя ихъ лишпературный процессъ.

Въ *Revue Britannique*, мы нашли слѣдующее важное извѣстіе: «Изъ числа многихъ средствъ, способствующихъ исцѣленію отъ ожога, самымъ благошворнымъ признано въ недавнее время прикладываніе хлопчатой бумаги на обожженное мѣсто. Употребляшь ее начали прежде всѣхъ Сѣверо-Американскіе Медики. По замѣчанію Г-на Андерсона, много разъ испытывавшаго сіе средство, первымъ дѣйствіемъ онаго бываетъ быстрое прекращеніе боли и раздраженія, каково-бы ни было состояніе раны, причиненной ожогомъ. Многіе изъ его больныхъ, коихъ онъ сначала пользовалъ другими средствами, немедленно чувствовали облегченіе, какъ скоро къ ранамъ ихъ онъ прикладывалъ хлопчатую бумагу, и

между шѣмъ ни что другое не могло произвести сего дѣйствія. Если даже рана шакъ обширна и глубока, что нѣтъ никакой надежды спасти жизнь обоженному, то по крайней мѣрѣ ошъ приложенія хлопчатой бумаги онъ немедленно чувствуешь большое облегченіе и даже совершенное прекращеніе боли. Въ случаяхъ не столь важныхъ, уменьшается жаръ, поска исчезаетъ, бессонница перестаетъ мучить больнаго и онъ снова получаетъ аппетитъ. Хлопчатая бумага, уменьшая воспаленіе въ наружныхъ, обоженныхъ частяхъ, ускоряетъ излеченіе оныхъ и часто даже препятствуетъ самому образованію сгруппа. Въ семъ случаѣ она составляетъ, вмѣстѣ съ влажностями раны, родъ оболочки, закрывающей сожженную перепонку или верхнюю кожу, защищаетъ открытое мѣсто ошъ раздражительнаго дѣйствія вѣтвяго воздуха и способствуетъ нарастанію новой перепонки. Одному угольщику, жестоко обоженному, хлопчатую бумагу не перемѣняли двѣ недѣли: послѣ сего, при перевязкѣ, нашли, что раны большею частію зашлянуло, и не поджившія мѣста были близки къ исцѣленію. У другой особы, кошора получила ошъ ожоги глубокія и почти одинакія раны на обѣихъ ногахъ, Г-нъ Андерсонъ одну ногу перевязалъ хлопчатую бумагою, а другую обыкновеннымъ спускомъ. Дѣйствіе хлопчатой бумаги было шакое, что въ обложенной ею ногѣ боль была весьма легкая и черезъ шри недѣли рану совсѣмъ затянуло; напрошивъ леченная спускомъ нога причиняла жестокою боль, была поражена воспаленіемъ и рана закрылась на ней не раньше какъ черезъ шри мѣсяца.»

« Въ 23й книжкѣ Телеграфа 1828 года, на страницѣ 382-й » пишешь къ намъ почтенный Г-нъ Бояркинъ « напечатано нѣсколько выраженій изъ условнаго языка прежнихъ Волжскихъ разбойниковъ, съ невѣрнымъ исполкованіемъ смысла. »

« Разбойничій крикъ на Волгѣ : *Сарымъ на кикку*, не значилъ : *бить всѣхъ*. Слово : *сарымъ* (а не *сарынъ*) значилъ почти по-же , что *свологъ*. Въ помятій униженіи , часто такъ и нынѣ называютъ артель бурлаковъ , или толпу рабочихъ людей на расшивахъ и другихъ судахъ , по Волгѣ ходящихъ. *Киккою*-же назывался носъ , или передній конецъ судна, прошивоположный концу заднему, называющемуся кормою. Когда , нападая на судно , разбойники кричали : *Сарымъ на кикку !* то , въ подлинномъ смыслѣ условнаго языка ихъ , слова сіи означали : *Бурлаки ! убирайтесь всѣ къ носу ! приляжь-те , молитте и съ мѣста не трогайтесь*. Когда сіе ужасное повелѣніе исполнялось , то грабили судно , и каюту, близъ кормы находящуюся , но къ бурлакамъ не прикасались ; били-же ихъ въ шакомъ только случаѣ , когда они крику : *сарымъ на кикку* , не повиновались.

» Слова : *Пусти краснаго пѣтуха !* значили на Волгѣ : *стрѣлай !* а на сухомъ пуши шѣже слова означали : *зажигай домъ !* Выраженіе : *по рѣкѣ волна прошла* , понималось : *за нами погоня*.

« Смыслъ сихъ и другихъ разбойничьихъ терминовъ , Волжскіе судопромышленники донинѣ твердо знаютъ. Но разбой нынѣ-да будетъ благодареніе Господу—давно уже на Волгѣ не существующъ ,

и составляють только часть историческихъ преданій и народныхъ воспоминаній.»

Съ истинною благодарностію принимая замѣчанія почтеннаго Г-на Бояркина, мы покорно просимъ его и всѣхъ любителей отечественнаго, присылать къ намъ сполъ любопытныя замѣчанія. Мы гошовы печашать ихъ немедленно въ Телеграфъ, и за сообщеніе извѣстій обо всемъ, что касается нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и вообще подробнаго познанія отечества нашего, будемъ особенно благодарны.

Дмитрій Прокофьевичъ Трошчинскій, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, разныхъ орденовъ Кавалеръ, бывший Министръ Юстиціи, скончался 26 Февраля, въ помѣстьѣ своемъ, селѣ Кибницахъ, Подшавской губерніи, Миргородскаго уѣзда. Онъ достигъ преклонной старости: 75 лѣтъ отъ рожденія, хотя посвящая всю жизнь, кромѣ послѣднихъ годовъ, государственному служенію, никогда не щадилъ здоровья въ занятіяхъ многотрудныхъ, требовавшихъ всякаго вниманія.

Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ и Кавалеръ, скончался 25 Марша, въ С. Пешербургѣ, гдѣ жилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни. Сей достопамятный мужъ находился Секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ при бессмертномъ Суворовѣ, во время Австро-Россійской кампаніи въ 1799 году. Изъ множества *Анекдотовъ*

о Суворовѣ, изданныхъ Е. Б. Фуксомъ, видно, что Герой особенно любилъ его и удостоивалъ своею довѣренностью до конца жизни. Какъ Липшера-шоръ, Е. Б. Фуксъ извѣстенъ *Исторією кампаніи 1799 года, Анекдотами о Суворовѣ* и нѣкоторыми мѣлкими спашьями, изданными имъ въ особой книгѣ. Вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отече-ству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всю ми-нушу его жизни.

Александръ Яковлевичъ Княжичъ, Генераль-Лейтенантъ, Членъ Военнаго Совѣща и Кавалеръ, скончался въ С. Петербургѣ, Марта 27 дня, отъ раны, полученной имъ въ сраженіи при Бородинѣ (24 Августа 1812 года). Но тяжелая рана сія, въ продолженіе 16-ти слишкомъ лѣтъ, не могла остано-вить его на цуши служенія отечеству. Излишніе труды по службѣ, какъ говорятъ, ускорили кончину сего достойнаго мужа. Въ Липшерашурѣ онъ извѣстенъ нѣкоторыми театральными пьесами, имѣвшими большой успѣхъ, и мѣлкими стихошворе-ніями.

П А Р И Ж С К И Я М О Д Ы (*).

Quelques capotes de gros de Naples , pour le matin , offrent de très-grands carreaux qui imitent les madras de l'Inde.

Les chapeaux de satin russe , rose ou bleu , ont , au haut de la forme , par devant , une cocarde composée de huit ou dix boucles de ruban de gaze. Par derrière , figure une cocarde plus petite , placée au bas de la forme.

On nomme *vis de bordeaux* une des nuances rouge-violet à la mode : les couturières l'emploient , soit pour robes habillées , soit pour redingotes , dites *élégant négligé*.

Chez les modistes , une couleur nouvelle porte le nom de *sumon*.

Sur le dos des robes , les tailles sont marquées par des liserés ou petites baguettes de la même couleur et souvent de la même étoffe que la robe. On nomme ces corsages *polonais* , ou *livoniens* : la fermeture , au milieu , par derrière , soit à agrafes , soit à lacet , est toujours cachée par une petite bande plate qui la recouvre. Les mêmes liserés ou petites baguettes , au nombre de trois au moins , et de cinq au plus ,

(*) До 25 Марта (Н . Г .) 1829 г .

marquent le haut d'un large ourlet , ou d'un biais qui monte jusqu'aux genoux. La ceinture, bouclée par derrière, offre sur ses deux bords, un liseré pareil. Enfin les manches à la *mameluck* ont toutes en haut un large croissant, plissé à petits plis, entre le corsage et la manche, puis, en bas, une double ou triple petite baguette faisant *poignet*. Sur ce poignet sont montés les plis de la manche, absolument comme aux larges manches de chemise des femmes de certains cantons suisses.

Dans un bal donné le 23 mars, la coiffure de Mad. la baronne de L... était un mélange d'épis en diamans et de fleurs. C'étaient des fleurs aussi, qui formaient le diadème de Mad. G... B; mais ces fleurs, figurant des boules de neige, étaient en améthystes et aiguës-marins.

Mad. L... portait une robe de crêpe noir à colonnes en or frappé, et à palmes dans le bas.

Fort peu de corsages étaient surmontés d'une blonde plissée; mais toujours on apercevait une chemisette brodée et bordée d'une petite dentelle.

Quelques robes de crêpe blanc avaient, à la hauteur des genoux, une large gairlande de lilas et d'œillets brodés en soie plate.

Les dames qui n'étaient point venues pour danser, portaient des chapeaux de la forme dit *cardinal*, ou des turbans en tissu d'or et tissu d'argent.

Les élégans étaient en pantalon collant, à sous-pieds ou sans sous-pieds; bas noirs à jour et brodés, ou bas gris; habit couleur œil de corbeau; gilet de dessous en gourgouran ou en piqué, fait à schall, et renversé sur le collet d'un gilet de velours à fleurs d'or; cravate à rosette, formée vers le milieu, et chapeau à cornes, avec large gance à l'anglaise en or passementé, et plumes dans l'intérieur.

Головные уборы. Нѣкоторыя изъ шляпокъ-капозовъ, надѣваемые при ушренныхъ выѣздахъ, дѣлающіяся изъ гроденапля съ огромными квадратами, похожаго на Индiйскiй мадрасъ. — Шляпки изъ Русскаго ашласа, розоваго или голубаго, убираются вверху шульи, спереди, кокардою, составленною изъ осьми или десяти баншовъ газовыхъ лентъ; сзади, внизу шульи, бываетъ также кокарда, только поменьше.

Модныя матерiи. *Бордосское вино*: такъ называютъ одинъ изъ модныхъ оштѣнковъ красно-фиолетовыхъ; матерiя сего цвѣта употребляется для нарядныхъ плащей и для редингозовъ, называемыхъ щегольскимъ неглиже. — У модискоковъ явился новый модный цвѣтъ, называемый цвѣтъ *семги*.

Модныя платья. На спинѣ платья шаль означается маленькимъ лезеромъ, одинаковаго съ платьемъ цвѣта, иногда шей-же самой матерiи, изъ какой сдѣлано платье; такiе корсажи называются *Польскими* или *Лифландскими*. Застѣжку ихъ посрединѣ (ат-
Апрѣль 1829.

раба или снурокъ) всегда закрываетъ маленькій парскій бантъ. Такіе-же, не менше шрехъ и не больше пюши, лизере показываютъ вышину широкой подшивки, которая идетъ до колѣнь. Поясъ, застегнутый сзади, обшивается такимъ-же лизере по обимъ краямъ. Мамелюкскіе рукава убираются сверху широкимъ полумъсдцомъ, сложеннымъ въ маленькія складки между корсажемъ и рукавомъ; далѣ къ кисти руки, дѣлаются двойные и тройные лизере. Рукавъ оканчивается складками, совершенно похожими на складки, какія бываютъ у широкихъ рукавовъ женскихъ рубашекъ въ нѣкопорохъ Швейцарскихъ областяхъ.

Бальные творы. На одномъ балѣ головной уборъ Баронессы Л. составляло смѣшеніе алмазныхъ колосьевъ и цвѣшовъ; изъ цвѣшовъ сдѣлана была и діадема Г-жи С. Б., но цвѣшы сіи, изображая собою булденейши, были изъ аметистовъ и аквамариновъ. — Г-жа Л. была въ креповомъ черномъ платьѣ съ золотыми полосами и съ пальмами внизу платья. — Весьма мало было корсажей съ блондовыми складками; но замѣчены щемцзепки, вышитыя и обшитыя узенькими кружевами. — Нѣкопорохъ изъ брлыхъ креповыхъ платьевъ убраны были широкою гирляндой, изъ сиреней и гвоздикъ, вышитыхъ шелкомъ. — Не шанцовавшія дамы были въ Кардинальскихъ шляпкахъ или въ шюрбанахъ, изъ золотой или серебряной шкани. — Кавалеры были въ узкихъ панталонахъ, въ черныхъ вышитыхъ чулкахъ ажуръ, или въ сѣрыхъ; фраки черного цвѣша, называемаго вороній глазъ; нижніе жилеты изъ гургурана или

цике съ шалью, которая закрывала ворошичскъ другаго, верхняго жилета, сдѣланнаго изъ бархаша съ золотыми цвѣточками; галстуки были завязаны спереди бантомъ; шляпы съ углами, съ широкимъ золотымъ галуномъ на Англійскій манеръ и съ перьями внутри.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ.

Издашеть Парижскаго Журнала Модъ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаетъ чашательницъ о новостяхъ, въ самомъ дѣлѣ довольно необыкновенной. Въ Константинополѣ, по повелѣнію Султана Махмуда, Парижскій Журналъ Модъ переводится на Турецкій языкъ, и каждый нумеръ онаго, съ Парижскими каршинками, препровождается въ Гаремъ Султана. Судтанскія жены въ восторгѣ отъ такой новости. Воображаемъ себѣ затрудненіе какого нибудь бородастаго Улема, которому по волѣ Султана достается тяжелая должность пересказывать всѣ модныя причуды.

«Autre triomphe des modes de notre beau pays!» восклицаетъ Издашеть Журнала Модъ. Весь триумфъ состоятъ въ томъ, что въ Стокгольмѣ, 24-го Февраля, на балѣ у Графа Монсалеберша, попеременно танцовали Французскія кадрили и Шведскія кадрили. За это любезный Издашеть называетъ Шведовъ Сѣверными Французами. Неужели до сихъ поръ въ Швеціи не танцовали

Французскихъ кадрили? По крайней мѣрѣ у насъ эта кадриль уже давно сдѣлалась опасною соперницею всѣхъ другихъ танцовъ: только еще кошмалеонъ и наурка сохраняютъ свои права на балахъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовый шюрбанъ, съ золошомъ (голубаго цвѣта шюрбанъ дѣлается съ серебромъ); блондовое платье, украшенное атласными углами, кошорые обшиты блондами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Марта 27 дня 1829 года.

Ценсоръ Сергей Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 7. *Апрѣль* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

И НЕДОСТАТКАХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ
ФАБРИКЪ.

(Окончаніе).

Куреня строю. Наконецъ мы собственнымъ опытомъ удостоверились, что можно упростить строеніе домиковъ, или бань, такъ, что никакого вреднаго слѣдствія для шелка, и неудобства для занимающихся на фабрикахъ, не будетъ. Въ скоромъ времени, мы надѣемся издашь подробное описаніе и рисунки куреней, которыя должны быть переносныя, а не подвижныя.

Вошъ средства, коими немедленно должно заняться, дабы привесъ въ совершенствую одну изъ важнѣйшихъ частей нашей промышленности, подверженную паденію отъ нашей не-

брежності, опъ вкравшихся въ нее злоупотре-
бленій, опъ того, что мы не думаемъ объ
улучшеніяхъ старыхъ методовъ.

Полагаемъ полезнымъ изложитъ въ окончаніи
нашихъ замѣчаній нѣсколько химическихъ из-
слѣдованій о шелкѣ и обработкѣ онаго, и въ
заключеніе, объяснитъ все сказанное нами въ
самыхъ краткихъ словахъ, кошорыя покажутъ
цѣль нашихъ замѣчаній.

Опчисшка шелка, болѣе экономическимъ и
менѣе продолжительнымъ способомъ, въ сравне-
ніи съ опчисшкою его мыломъ, съ давняго вре-
мени была предметомъ разысканій химиковъ.
Нынѣшняя метода опчисшки справедливо по-
читается вредною, ибо мыло, не разводясь со-
вершенно въ водѣ, но испытывая только болѣе
или менѣе разложенія, опъ дурныхъ свойствъ
воды, или опъ прибавленія землестыхъ солей,
означенныхъ нами въ спашъ о приденіи, про-
изводитъ слѣдующій процессъ: часпъ его на-
саяности, отдѣляясь въ бѣлыхъ кусочкахъ и
въ часпичкахъ весьма раздѣленныхъ, приспа-
етъ къ шелку, слоями чрезвычайно нѣжными,
и дѣлается препятствіемъ къ пропитыванію
шелка красящими веществами. Опъ того сіи
последніи необходимо должны имѣть менѣе бле-
ска, менѣе прочности, и бытъ подвержены ли-
нютности. Напрасно стараются пособитъ это-

му красильщики. Присутствіе мыльной масляности оказывается шухлымъ запахомъ, который раскрывается и распространяется отъ теплош, какой подвергають шелковыя матеріи при анирепурѣ. Запахъ сей споль силенъ, что каршоны, находящіеся между складками матерій и подвергнушые давленію двухъ желѣзныхъ, разгоряченныхъ пластинъ, навсегда оспаюшыя имъ процишаны.

Съ другой спороны, продолжшельность варки въ мылѣ необходимо измѣняетъ связь шелка, который дѣлается хлопковашъ и запушанъ. Извѣшно, что шелкъ, долго кипящій даже въ простой, чистой водѣ, наконецъ разлагается и разрывается въ хлопки.

Недоспашки нынѣшняго обрабопыванія споль извѣсны, что еще въ 1760 году, Ліонская Академія предлагала задачу для соспязанія, о шомъ: *сѣмь* должно замѣнить мыло въ опчишкѣ шелка. Нѣсколько разъ была повтораема сія задача, но безъ успѣшнаго рѣшенія. Г-нъ Женевъ, одинъ изъ опличнѣйшихъ членовъ Академіи, въ опчепѣ своемъ по сему предмету, совершенно справедливо доказываетъ, что мыльная масляность, запирая скважинки въ шелкѣ, препятствуетъ красящимъ веществамъ проникать въ оныя, заспавляетъ лянпъ бѣлый цѣтшъ, мрачатшъ лиловый и фіолешовый, и во-

обще дѣлаешъ цвѣта непротыми (Rapp. Acad. 1765). Знаменитые химики Макеръ и Бергманъ, копорымъ искусство красить одолжено споль многими усовершенствованіями, дѣлали почто такія-же замѣчанія.

Съ давняго времени, и большое число химиковъ занималось симъ важнымъ предметомъ. Г-да Риго и Нейре де Сень-Кенпенъ, и Г-нъ Боме, въ Парижѣ, испытывали бѣленіе шелка спиртомъ, смѣшаннымъ съ соленою кислотою; но сей способъ, прѣбующій ошъ 12 до 15 дней времени, и прибавляющій на цѣну шелка по 3 фр. на фунтъ, невозможенъ, шѣмъ болѣе, что онъ не совершенно ошчищаешъ шелкъ, а шолько не вполне обезцвѣчиваетъ его.

Химики: Бруньяшелли, Гермшведшъ, Крелль и Прусшъ повторили опыты, и испытывали бѣленіе парами, по методѣ Бершолле: но они далеко не достигли успѣховъ.

Если мы не ошибаемся, то, до Сочиншелли сей спашья никпо не испытывалъ селипренаго ээира. Въ одно мгновение бѣлишъ онъ погруженный въ него шелкъ, безъ асушировки; но сей маперіалъ сповшъ, по крайней мѣрѣ, 30 фр. за фунтъ, и его надобно-бъ было употребляшъ вѣсомъ прошивъ шелку, слѣдствен-но—опышъ удаченъ, но не годишся.

Г-нъ Роаръ, прежде бывшій Дирекпоръ Го-

беленовой мануфактуры въ Парижѣ, дѣлалъ множество опытовъ касательно очищенія шелка.

Въ 1806 г. читалъ онъ въ Инспишуи длинное разсужденіе, въ которомъ предложилъ способъ извлекать смолистость, очищать и бѣлить шелкъ мыломъ, за одинъ пріемъ. Его опыты повторены были въ Лионѣ, въ присутствіи Гг-дъ Эйцара, Раймона, Леруа, Барра, Дешана старшаго и Маргарона, кои все признали сей способъ невыгоднымъ, по многимъ отношеніямъ.

Когда Сочинитель сей статьи читалъ въ Италіи курсъ Химіи, ему былъ случай дѣлать множество испытаній надъ шелкомъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ и знаменитымъ шоварищемъ, Графомъ Москаши, столь рано и безвременно покинутымъ у наукъ и искусствъ, коихъ былъ онъ покровителемъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ. Дабы производить опыты по умственному основанію и на положительныхъ правилахъ, мы начали шѣмъ, что разложили совершенно 2500 граммъ шелка сырца, взятаго изъ филатуры Венеціанскаго Сенатора Дандоло, одной изъ превосходнѣйшихъ въ Италіи. Мы хотѣли узнать основныя начала шелка, по естѣ, шѣ различнымъ сущностямъ, изъ коихъ составлено драгоценное вещество, называемое: *шелкъ*. Продолжительно было-бы и излишне

для чипашелей описывашъ здѣсь способи разложенія, кошорые упошребили мы въ семь дѣлъ. Мы не повпорали опыровъ Пруста и другихъ химиковъ, спремившихся къ познанію шого, какія дѣйствія производяшъ разныя вещества на основную сущность шелка, закрышю въ шелковинѣ примѣсью другихъ веществъ. Мы хошѣли узнать, что именно, и въ какой точно мѣрѣ составляетъ основную сущность шелка. Вошъ выводы, сдѣланные нами, посредствомъ многихъ и разныхъ веществъ и дѣйствій, служившихъ при нашемъ изслѣдованіи.

Шелку сырцу взяли мы 2500 гр.

По разложеніи оказалось:

Живописныхъ волоконъ, превращенныхъ въ спудень	1855 гр.
Расшишельной смолы	508 —
Смолистой, красящей матеріи	105 —
Мыловашаго жира	8 —
Лешучаго масла	2 —
Попери при выпаркѣ, цѣженіи, и проч.	22 —

Всего 2500 гр.

Наше разложеніе оказалось почти сходно съ разложеніемъ Боме, Бруньяшелли, Крелля, Клапроша, Берара и Пруста; всѣ сіи химики,

шакъ-же какъ и мы , призвали , что шелкъ со-
шоптъ :

4-е. Изъ расшипелной смолы , похожей на
шу , кошорая покрываетъ листы шелковицы.
Ся-шо смола даетъ шелковинѣ швердосшь и
крѣпосшь ; она зеленовапа и крѣпнеть на воз-
духѣ.

2-е. Изъ машеріи красящей , смолистой , швер-
дой (solide) , плавящейся при 30° теплоты ,
по шоградусному шермомешру , и не раство-
ряющейсѣ въ водѣ , кипящемъ спиртѣ и сели-
шряномъ ээирѣ.

3-е. Изъ масла , лешучаго , пахучаго , кошо-
рое легко добыть , перегоня шелкъ на спиртѣ
или на ээирѣ , принимающихъ ошъ сего цвѣтъ
золота . Оно находисѣ въ пропорціи $\frac{1}{500}$ часши,
прошивъ вѣса свѣжаго шелка .

4-е. Изъ машеріи бѣлой , жирной , маслястой ,
наспоащемъ мыловашомъ жирѣ , кошорый ош-
крылъ Прусшъ и описалъ въ 66-мъ шомѣ *Жур-
нала Химіи* (Journal de Chimie) . Полага-
ющъ , что сіе вещество даетъ шелковинѣ бле-
спящій лакъ ; оно находисѣ въ пропорціи $\frac{1}{100}$
прошивъ вѣса шелка .

5-е. Наконецъ , изъ живошной спудени , сдѣ-
лавшейсѣ волокнистой посредшвомъ рабонимъ
настѣкомаго и дѣйшвія воздуха , ошъ коего она
бываетъ ссѣдающеюся и гибкою : эшо наспоащее

основное вещество, изъ числа составляющихъ нить шелка. Сочинитель сей снапья осмѣливался думать, что онъ первый совершенно узналъ его и опличилъ онъ другихъ веществъ, съ коими оно соединено, и онъ конкъ надобно освободить нитку, дабы заснапья ее принапья въ себя краску и бытъ способною для шканія маперій.

Такимъ образомъ, 400 килограммовъ шелку желшаго, сырца, недавно размошаннаго, должны содержать въ себѣ:

Вещества волокнистаго животного, или нитей собственно, около . . .	74 к.	280 гр.
Расшишальной смолы . . .	21 „	—
Смолиспосщи и красящаго вещества	4 „	—
Лепучаго масла	—	220 гр.
Мыловашаго жира	—	500 —
<hr/>		
Всего 400 к.		—

Бѣлый шелкъ содержитъ въ себѣ шѣже самыя вещества, исключая красящее, коего въ немъ нѣтъ, хотя смолиспосшь, съ коюю оно соединено, всегда естъ въ шелкъ. Такимъ образомъ, можно положить, что пошеря бѣлаго шелка, прошивъ желшаго, при опчискѣ будетъ 1 или 2 на сто менѣе.

Таковы вообще были опыты и выводы, которые довели насъ до средствъ, помощію ко-

ихъ мы могли опчищать шелкъ безъ мыла, заснавли дѣйснвованъ нѣкопоря изъ составляющихъ шелковину веществъ, и вещества мншящя, но не ншоощающя шелкъ.

Если докушеня предшесшвовавшихъ намъ химиковъ были безплодны, эшо происходило опъ недоспащка Химии, копорая не могла сдѣлашь разложеня полнаго и вѣрнаго. Мы напрошивъ приобрѣли удовлеспворншельные выводы, подшвержденные вѣрными опышами, и не случайно, но изслѣдованяи, въ десятилѣтншй курсъ Химии, преподаваннй нами въ Ишалии, и послѣ въ Лионѣ, гдѣ Сочинншель сей спашья семь лѣтъ имѣлъ случай бышь извѣспнымъ лучшимъ фабриканшамъ, красильщнкамъ и шкачамъ.

Такимъ образомъ, съ увѣренностю предлагаешъ онъ шеперь сошечесшвенннкамъ своимъ опышы семнадцаши лѣтъ, убѣжденнй въ шомъ, что насшоющя замѣчаня его побудяшь безъ оплагашельсшва приняшь мѣры, шребуемья обшпшшельсшвами, дабы предупредншь паденяе одной изъ важнѣйшихъ вѣтшвей нашей промышленосши.

Заклучаемъ спашью нашу обшчимъ изложеняемъ всего сказаннаго нами, и просимъ Г-дѣ фабриканшовъ, прочншавъ наше заклученяе, подумашь внимашельнѣе.

Изъ сказаннаго нами, если свесшн все въ немного словъ, выходяшь :

4-е. Нельзя узнать внутренней доброты шелка, ни убыли, какая можетъ въ немъ быть, но просиному разсмотрѣнію его, или по вкусу, и что полагая 25 на 100 убыли, можно ошибиться ошъ 3 до 5 на 100, что весьма важно, судя по цѣнѣ предмета.

2-е. Фабриканшы, не имѣя никакого вѣрнаго основанія, для расчета убыли, и вѣса, какой шелкъ можешь получишь при крашенѣ, подвергающа неопредѣленно значительнымъ убыткамъ и могутъ быть обкрадены людьми, кошорые обдѣлываютъ шелкъ и шкутъ шелковыя матеріи.

3-е. Единственный способъ опвратишь всѣ сіи неудобства естъ томъ, что должно установить предварительное, публичное испытаніе опдѣлкою. Тогда шорговцы шелкомъ спасутся ошъ обмановъ мопальщиковъ и сучильщиковъ, а фабриканшы спанутъ покупашь шелкъ съ извѣстностью, что изъ него выйдешъ, и шакже оградяшя ошъ обмановъ.

4-е. Слѣдуешъ совершенно оставишь опчиску мыломъ. Сочинишель сей спашь гошовъ опкрышь свой секретъ (для чего испрашивается онъ шеперь привилегію); вѣрныя свидѣтельства и омышь, подтверждающъ слова его, и могутъ убѣдишь всякаго, что способъ, ему извѣстный, и опчаспи изложенный выше сего;

при описаніи разложенія шелка, скорѣе, дешевле и проще нынѣ употребляемыхъ. Шелкъ не подвергается кипяченію, но только опблраешся въ жидкости, сосшавленной изъ веществъ легкихъ и не могущихъ измѣнить его. Довольно одного часа, дабы опчишшишь его совершенно, вмѣсто шести, употребляемыхъ при нынѣшней методѣ, и даже досшашочно получаешся, для шелка, назначеннаго въ просшые цвѣша. Пришомъ, шелкъ живѣе принимаетъ цвѣша, держишь ихъ прочнѣе, меньше шребуешъ красокъ. Ткани, сдѣланныя изъ шелка, опчищеннаго по методѣ Сочинишела сей спашьш, лучше берушь ашпретуру, и нѣшъ въ нихъ шого нешрѣшшнаго запаха масломъ, какой бшваетъ при нынѣшней методѣ.

5-е, наконецъ, и едва-ли не важнѣйшее: предлагаемыми здѣсь средсшвами испребишся совершенно шайка *кустарниковъ*, кошорые не будушь имѣшь средсшвъ и случая покупашъ воровской шелкъ, и пошомъ унижашъ цѣны фабричнымъ произведеніямъ.

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ,

ДЛЯ ФАБРИКАНТОВЪ И ЗАВОДЧИКОВЪ.

Предметъ Химіи есть познаніе элементовъ, или основныхъ началъ, которые составляютъ тѣла, и изслѣдованіе дѣйствій, какія производятъ тѣла, одно на другое, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Все сіе совокупно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ наукъ, ибо она объясняетъ намъ дѣйствія природы, въ различныхъ, производимыхъ ею непрерывно явленіяхъ, а въ приложеніи своемъ даетъ средства шочно узнавать, опредѣлять и распространять производства промышленности. Въ семъ-то послѣднемъ отношеніи, кратко излагаемъ мы здѣсь начала Химіи, дабы въ основаніяхъ сей науки показавъ фабрикантамъ и заводчикамъ сущность тѣхъ матеріаловъ, какіе они употребляютъ, и причины дѣйствій, какія они видятъ, не умѣя иногда опдать себѣ опчета въ видимомъ. Вся важность ученаго познанія соспоишь въ томъ, что ученый человекъ можетъ сказать, *для чего онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе*, когда дѣлая по намыслу, по навыку, производитель дѣйствуетъ совершенно безъ опчета. Опъ этого, очень часто производитель видитъ ошибку, и не знаетъ ни того, опъ чего она сдѣлалась, ни того, какъ ее поправитъ. Впрочемъ, конечно, никто не спа-

вещь спорить; что наука дело для фабриканша и заводчика полезное. Но ученые сочинения пишутся языкомъ непонятнымъ для простаго производителя, и припомъ часто онъ не имѣетъ даже довольно времени заняться ученымъ твореніемъ, по огромности его. Мы счастливыми себя почтемъ, если успѣемъ предсавить здѣсь какъ можно простѣе и яснѣ главныя основанія Химіи, чѣмъ могутъ чинатели наши руководствоваться въ дальнѣйшихъ занятіяхъ, приучаясь, какъ къ самому расположенію химическихъ книгъ, такъ и къ ученымъ словамъ, кои въ химическихъ сочиненіяхъ означаются разные предметы.

Всѣ различныя существа, производящія впечатлѣнія на наши чувства, вообще называюща; *тѣла* (corps). Тѣла бывающъ жидкія и твердыя: жидкими называюща они, когда находяща въ состояніи жидкомъ, или воздухообразномъ, и предсавляющъ весьма мало, или и совсѣмъ не предсавляющъ сѣпленія въ своихъ частицахъ; твердыми называюща они, когда предсавляющъ сѣпленіе частицъ, такъ, что измѣнишь форму тѣла не лзя иначе, какъ усилиемъ.

Тѣлъ въ природѣ находища безчисленное множество; но основныхъ сущностей, или элементовъ, изъ коихъ они составлены, весьма немного. Основныя сущности соединяюща и смѣшивающа одна съ другою; смѣшанныя опять соединяюща между собою и съ основными сущностями,

такъ, что соединенія въ природѣ безчисленны, и при каждомъ происходящѣмъ тѣла и явленія новыя; но разложите, изслѣдуйте, и вы найдете, что основная сущность все одна и таже, какъ-бы соединеніе и смѣсь ни были запущаны. Посему Химія и старается узнавать основныя сущности, а потомъ уже легко ей опредѣлять разныя соединенія и смѣшенія. Поэтому обыкновенное изученіе Химіи весьма просто. Надобно только сославившись себѣ вѣрное понятіе о предметѣ науки, знать химическія методы, знать основныя элементы тѣла, и главныя сложности, которыя происходятъ отъ соединеній.

Разборъ веществъ по химическимъ правиламъ, слѣдствіемъ коего бываетъ раздѣленіе веществъ, составляющихъ тѣло, называется *разложеніе*. Если вещества можно соединить снова для составленія тѣла, то сія химическая операція называется *составленіе*. Огонь есть одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ, употребляемыхъ при разложеніи, ибо онъ всегда стремится разъединить основныя вещества, посредствомъ своей расширительной силы; но иногда два, или болѣе, вещества соединены вмѣстѣ, и если составъ сей можетъ быть распоренъ, то раздѣляютъ вещества прибавкою новаго тѣла въ распворъ, которое производишь предпочтительное соединеніе нѣкоторыхъ изъ веществъ, и уничтожаетъ первое соединеніе, въ какомъ они находились.

Сила, копорю принуждены часпицы како-
 нибудь шѣла соединяшсья одна съ другою, назы-
 ваешся *сродство*; просшо *субъплениемъ* назы-
 ваешся по соспоянiе, при коемъ въ какомъ-либо
 шѣлѣ держался соединенными одна съ другою
 часпицы сего шѣла.

Часпицы каждаго шѣла могутъ бытъ наблюдае-
 мы съ двухъ различныхъ почекъ зрѣнiя. Если ча-
 спицы наблюдашъ, какъ проспыя сложности,
 образующiя соединенiемъ какое-либо вещеспво,
 въ копоромъ онѣ дѣйствуюшъ, тогда ихъ назы-
 ваешъ можно *составными частицами*; если,
 напрощивъ, смотрѣшъ на нихъ, какъ на часпицы
 сего шѣла, образованныя изъ шѣхъ-же элеменшовъ,
 изъ какихъ оно образовано, по ихъ называюшъ
 тогда *частицами существенными*, или про-
 сто *частицами*.

Не должно почитатъ за одно двухъ химиче-
 скихъ терминовъ: *смѣшенiе* и *соединенiе*.
 Въ смѣшенiи, шѣла, какъ-бы ни соединялись, со-
 храняюшъ всѣ свои часпныя свойспва, и обыкно-
 венно могутъ бытъ совершенно раздѣлены сред-
 ствами число физическими. Въ соединенiи, на-
 прощивъ, шѣла, соединенныя въ различныхъ про-
 порціяхъ, приобрѣтаюшъ свойства совершенно
 особенныя, перяя прежнiя, и только химическое
 разложенiе можетъ ихъ раздѣлитъ снова.

Тѣла въ пвердомъ соспоянiи никогда не имѣ-
 юшъ свойспва соединяшсья, и попому распворя-

юпъ ихъ въ жидкости, или плавяпъ съ помощію огня. Если для растворенія употребляется жидкость, то всегда есть какой предѣлъ, далѣе котораго растворительное свойство жидкости не дѣйствуетъ болѣе, и растворъ называется тогда *пресыщеннымъ*. Сія пресыщенность является болѣе въ возвышенной температурѣ, и пошому раствореніе, приготовленное помощію шеплоты, при охлажденіи своемъ отбрасываетъ часть растворенной сущности. Сія часть, принимая болѣе твердости, устанавливается на краяхъ, или днѣ сосуда, и ее называютъ въ Химіи *низвергъ* или *осадка*.

Мы сказали, что называютъ элементами, основными веществами (и также *простыми тѣлами*) различныя сущности, коихъ соединеніе производитъ *составныя тѣла*. Впрочемъ, мы не можемъ сказать, въ самомъ-ли дѣлѣ сіи элементы сами по себѣ не сложны, и состоятъ рѣшительно изъ одного, отличнаго отъ всѣхъ другихъ, вещества. Химики пошому почитаютъ ихъ такими, что они никогда не измѣняютъ своей природы, и что ихъ не лзя ни разложить, ни переобразить одно въ другое.

Такихъ *простыхъ веществъ*, элементовъ или основныхъ сущностей, донынѣ открыто до 55-ти. Мы ихъ означимъ здѣсь всѣ, но будемъ подробнѣе говорить о сущности и соединеніяхъ только тѣхъ, которыя входятъ въ кругъ фабрикъ

и заводоѡвъ. Для удобнѣйшаго изученія предсав-
лемъ здѣсь слѣдующую шаблицу.

I. Вещества простыя невѣсомныя.

*Теплотворѡ ; свѣтъ ; электричество ;
магнетизмѡ.*

II. Вещества простыя вѣсомныя.

A. Не-металлическія.

*Кислотворѡ ; водотворѡ ; азотѡ (или се-
липротворѡ) ; углетворѡ ; свѣра ; хлорѡ (или
солешворѡ) ; вромій ; іодій ; бурій ; фосфорѡ ;
селеній.*

B. Металлическія.

1-й Степени. Алюминій ; Силицій ; Магnezій ;
Ишпрій ; Глициній ; Цирконій ; Ториній.

2-й Степени. Кальцій ; Спронцій ; Барій ; Ли-
пій ; Содій ; Попассій.

3-й Степени. Марганецъ ; Цинкъ (штіаушеръ) ;
Жельзо ; Олово ; Кадмій.

4-й Степени. Мышьякъ ; Молибденъ ; Хромій ;
Вольфрамъ ; Колумбій ; Сурьма (Анпимонія) ; Ти-
шпаній ; Ураній ; Церій ; Кобольшъ ; Висмушъ ;
Мъдь ; Теллюрій ; Никкель ; Свинець.

5-й Степени. Ршуть ; Осмій.

6-й Степени. Серебро ; Палладій ; Родій ; Зо-
лошо ; Цлапина ; Ирідій.

(Продолженіе въ слѣд. N°).

При семъ № Прибавленія приложено изображеніе хозяйственной печи, которая устроена въ Военной Парижской школѣ. Противъ прежняго расхода каменнаго угля, употребляемаго на пригошовленіе кушаньевъ, она сберегаетъ онаго почти на 4 тысячи франковъ. Фигура 1-я представляетъ планъ сей печи, а фигура 2-я разрѣзъ. Одинакія липтеры означаютъ и одинакія части печи.

А. Большой кошелъ для супу и говядины. — В. Кошелъ поменѣе, для зелени. — С. Кошелъ съ горячей водою, которую цѣдятъ черезъ кранъ, для мытья посуды. — D. Подвижной кошелъ. — E. Подвижной сосудъ для воды. — FF. Печи; рѣшешки въ нихъ чугунныя. Для сохраненія каменнаго угля, вмѣсто назначенной на рисунокѣ мѣри и формы, нынѣ дѣлаютъ ихъ только до того мѣста, которое означено пунктиромъ *bb. cc.* Къ верху печи сіи ограничены чугунными перекладинами, или рѣшешками *m' m'*, проспирающимися по всей поверхности печекъ и непосредственно принимающими жаръ. Эша часть назначена для подвижнаго кошла E и всѣхъ каспирюль, пребывающихъ въ обыкновенныхъ кухняхъ отдѣльныхъ огней. Огонь и жаръ сихъ печекъ, по желанію проводился подъ кошлы A и B, посредствомъ каналовъ *d, d* и *e, e*, или отводился огнь оныхъ. Сія перемѣна производилась при помощи отдушинъ *f, f, g, g*; каналы *e, e*, совокупляются въ одинъ, который, не дохо-

дя до шрубы , проводишь жаръ подъ кошелъ съ горячею водою С. Каналы *hh* , проводящъ также подъ кошелъ С жаръ прошедшій уже подъ передними кошлами.

ii. Переднія форшки или дверки въ печи , подверженны раскаленію.

jj , двойныя дверки , предохраняющія поваровъ ошъ жара первой дверки.

Г , углубленіе для золы.

Н , проводники , имѣющіе видъ лебединой шем , доставляющіе холодную воду для кухни.

I, I, подогревальная печь , горизонтально раздѣленная на двое желѣзнымъ листомъ. Она служитъ для поддержанія жара въ пригопвленнхъ кушаньяхъ. При новой поспройкѣ сей печи въ одномъ госпишалѣ намѣрены уничтожитъ каменную заборку между кошломъ и подогревальною , и раздѣлитъ сію послѣднюю вершикальною перегородкою , кошпоя назначена линіею шочекъ *kk*. Ошъ этого , пламя , нагрѣвающее кошлы А , будетъ въ шже время разгорячатъ чугунную доску , кошпоя одна раздѣлитъ подогревальною ошъ копла. Увѣрены , что шакимъ образомъ въ лѣвой частп подогревальной можно будетъ жаритъ мясо. Съ обѣихъ споронъ печи , въ длину , находятся двѣ подогревальные , шакія какъ II , шириною равныя шринѣ кошловъ.

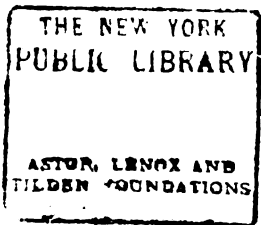
Вся печь крѣпко складена изъ кирпича и снаружи обложена чугунными досками , 7-ми линій въ шолщину.

1, Чугунная вспавка, для предохраненія нечи отъ ударовъ при запираніи опдушанъ.

Въ этой печи можно приготовлять кушанье на 600 человекъ. Въ обѣихъ печахъ отдѣльными топками, почему ихъ можно запапливать вмѣстѣ и отдѣльно. Пламя, что можно заключишь разсмотрѣвъ самый рисунокъ, сначала ударяетъ въ перекладины *т,т*, разгорячаетъ ихъ и проводится въ трубу оборотными каналами, которые сводятъ его въ средней общій каналъ, или въ каналы боковыя; когда же обращаютъ пламя къ кошмамъ, оно успрямляется въ одно время и ко дну и къ бокамъ оныхъ. Каждая изъ двухъ подогрѣвательней можетъ вмѣщать 28 блюдъ; каждого блюда доспашочно на 6 человекъ. На перекладинахъ можно варить мяса, подь соусомъ или подь рагу, въ кошлахъ; пушъ можно также варить зелень. Жаркія пригошворяются въ большомъ чешыреугольномъ блюдѣ, котораго поверхность равна поверхности одной изъ печей; въ бокахъ оно шестю вершковъ въ вышину; крышка его закупоривается герметически. Туда можно положишь, на примѣръ, 50 задковъ, безъ костей, раздѣленныхъ порціями на 6 часп.; они будутъ готовы въ $4\frac{1}{2}$ часа.

Печь сія чрезвычайно прочна и стоить 4500 франковъ со всѣми принадлежностями.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ АРМЕНИИ.

Ахалцихъ, 1828 г. Сентября 2.

На другой день по взятіи Карса, 24-го Іюня, граншейныя бапшарен съ ихъ длинными изгибистыми ложаменшами были разрыты и сглажены съ поверхностію зѣмли. И тамъ, гдѣ *вчера* неприятельскія ядра опхватывали Русскимъ канонерамъ головы, руки, ноги, гдѣ слышны были споны равныхъ и умирающихъ—*сегодня* тамъ рѣзвыя ребянишки, набѣжавшіе изъ крайнихъ домовъ Армянскаго форштадта, съ радостнымъ крикомъ подбирая валяющіяся по полю ядра, бѣжали съ ними къ оплоному мѣсту Карсъ-Чая и скапывая ихъ въ рѣку, смѣялись надъ ними, когда они, перепрыгивая черезъ каменья, погружались на дно рѣки, оставляя по себѣ брызги и пѣну.

Іюня 25-го, въ радостный день рожденія Императора нашего Николая, О отдѣльный Кавказскій корпусъ, передъ спѣными покоренной 160-ши пушечной крѣпости Карса, возсылалъ теплыя молитвы къ престолю Всевышняго о здравіи и

Апрѣль 1829.

25

долгоденствіи Царя своего по дарованной побѣдѣ.

Посреди обширнаго каре, коего правый и задній фасы сосставляла вся осадная и полевая артиллерія, при возглашеніи священникомъ: «*На враги-же побѣду и одолѣніе*» у всѣхъ 60-ши орудій размахнулись горящіе фитили. «*И сохрани Его на многія лѣта.*» — Прекрасные пѣвчіе 39-го егерскаго полка запѣли: *многія лѣта*, а Капитанъ осадной артиллеріи крикнулъ: *первая!* — раздался выстрѣлъ 24 фунтовой пушки — *вторая!* — *третья!* — и прогремѣли спо одна.

Начался церемоніальный маршъ. Впереди шла пѣхопа, за нею осадная артиллерія, тамъ полевая, потомъ регулярная кавалерія. Наконецъ Казаки, Грузины, Ташеры и коннокозачья артиллерія, съ радостнымъ крикомъ: *Ура!* пронесли мимо Графа Эриванскаго, какъ вихрь, какъ буря.

Графъ Эриванскій съ каждымъ взводомъ здоровался и всѣхъ поздравлялъ съ побѣдою; но «*спасибо ребята!*» говорилъ лишь только шѣмъ полкамъ, копорые были въ жаркомъ дѣлѣ; артиллерію-же башарей, боровшихся съ ужасною ципаделью Карса, привѣтствовалъ: «*Спасибо вамъ, друзья мои, спасибо!*»

Во весь эшопъ день до зари вечерней, по всему лагерю раздавались веселыя Русскія пѣсни и

грѣтѣла полковая музыка. Но Грузины аробщи-
ки, передъ длинными рядами своихъ парковъ,
до полуночи пѣли любимую, безконечную и одно-
образную: *о-ро-ло-ли, о-ро-ло* (*) и пляса-
ли до упада, такимъ образомъ:

Человѣкъ сорокъ и болѣе, сѣдѣвшіеся руками
одинъ съ другимъ за поясные ремни, на коихъ
висятъ широкополосные кинжалы, сославляющъ
обширный кругъ, по срединѣ коего шумишь му-
зыка: *зурна*, родъ нашей балалайки, мѣдный
рожокъ, надуваемый какъ гобой, и барабанъ; кри-
кунъ импровизапоръ, изъ аробщиковъ-же, рѣзкимъ,
звонкимъ голосомъ покрываетъ шумную музыку
всегда свѣжею, на-лепу сочиняемою, чепухою.

Танцующіе, съ пристукиваніемъ ногъ, по по-
даются на лѣво, по на право, и во все время
музыкѣ и крикуну акомпанируютъ припѣвомъ:
о-ро-ло-ли, о-ро-ло.

До 1500 человѣкъ плѣнныхъ Турокъ, ошдѣль-
во отъ лагеря, окруженные цѣпью егерей, под-
жавши ноги, сидѣли надъ крупнымъ берегомъ
Карсъ-Чая и, пошупивъ глаза въ землю, докурива-
ли послѣдній шабакъ. Доселѣ рѣзвые жеребцы
ихъ, повѣся головы, дремали надъ своими уны-
лыми всадниками и, казалось, раздѣляли горе
ихъ.

(*) Этого припѣва, по распросамъ моимъ отъ
Грузинъ, не значитъ ничего. Тоже, что и у насъ:
ай люли, ай люли.

Наши Гапарскіе кавалеристы, подѣлвню своихъ опкрытыхъ съ боковъ палапокъ , также сидѣли поджавши ноги и съ прубками ; но гордо, какъ побѣдители , и , *безъ надобности* , поправляя свои шашки , кинжалы и прочее оружіе , хладнокровно смопрѣли на умвіе Турокъ и на проспосердечную веселосшь мирныхъ Грузинъ аробщиковъ .

Проспранная , зеленѣющая долина , красиво извивающаяся около лагеря , рѣка , лучшее время лѣна , здоровый климатъ и наконецъ покореніе спрашной крѣпости : все это , вѣспѣ , при изобилии провіанта , водки и мяса , было для нашихъ солдатъ пріятнѣйшимъ Русскимъ праздникомъ — масляницею . А ихъ довольство , веселосшь , любовь къ начальникамъ и увѣренность , что они никѣмъ и никогда не могутъ быти побѣждены , радовали всѣхъ , начиная отъ молодаго замыкающаго прапорщика , до полковаго командира и выше—выше . И эта невольная радость , по мѣрѣ образованности , важности занимаемаго мѣсна , выражалась на лицахъ отъ проспой , оснаноившейся на устахъ улыбки , до сладкой , опцовской слезы умиленія . Ты не служилъ , Пашонъ , въ военной службѣ , тебѣ не случалось владѣть доувѣренностію и слѣдовательно сердцами Русскихъ солдатъ ; ты не былъ свидѣтелемъ тѣхъ опважныхъ подвиговъ , кошорыми они , въ бѣдовыхъ случаяхъ , выкупающі любимыхъ ими начальни-

ковъ собственною своею жизнію. Я также не испыталъ этого надъ собою, но видѣлъ примѣры подобнаго великодушія и благословляю край родной, свящую Русь.

Такимъ образомъ всеобщая радость разливалась по всему лагерю нѣсколько дней и, разумѣется — такъ созданъ человекъ — послѣ восхвипшельнаго побѣднаго дня, удовольствіе день опъ дня спановилось слабѣе и слабѣе, какъ опъ послѣдняго удара поспепенно исчезающій звонъ колокола—упихла, и неперпѣливое желаніе идши впередъ, къ новымъ завоеваніямъ, заспушило мѣсто радости.

Уже по вечерамъ старше солдаты, безъ пѣсенъ, безъ игръ, шолцились около своихъ палатокъ и безпресцанно посмашривая на большую спавку съ золошыми маковками, на палашку Графскую, поговаривали: *Да скоро-ли ее снимутъ? Долго-ли намъ стоять здѣсь?*

Каждый день при закашѣ солнца, Графъ выходилъ изъ своей палашки и прохаживался до поздняго вечера. Въ продолженіе сего времени всѣ чиновники его Шпаба, опъ Начальника онаго до дежурнаго Адъютанта, по приходили къ Графу съ докладами, по уходили для выподненія его приказаній. Во всемъ этомъ обыкновенномъ дѣйствіи солдаты видѣли одно: *распоряженіе къ завтрашнему походу.* «Видишь» говорили догадливые, «побѣжалъ адъютантъ? Не

даромъ : завтра похоть ! пойдеть ребяна поужи-наемъ и пораньше ляжемъ спать. »

Наконецъ вышелъ приказъ приготоувишься къ походу. Всеобщая радость ! Опять въ каждой ротѣ поднялись пѣсни , игры , въ каждомъ полку загремѣла музыка и въ каждомъ отдѣленіи подвижнаго магазина и артиллерійскаго парка Грузины аробщики зашянули свою любимую : О-ро-ло-ли , о-ро-ло !

Но послѣ сего радостнаго приказа , наканунѣ выступленія , открываешся чума и вскорѣ разливается по всему лагерю корпуса !

Съ чемъ сравнишь себѣ эпоху крупной , убійственнѣй переходъ отъ радости къ ужасу ?

Мнѣ кажется , что съ разоуженною головешкою въ рукахъ , легче пройдши корридоромъ како-го нибудь спараго , наполненнаго порохомъ по-гребя , чѣмъ въ военное время , на пуши къ громкой славѣ , бышь оспановлену гибельною чумою и нѣсколько дней , на бивакахъ , прожить въ каре 15-ти тысячнаго корпуса , ожидая всякую минушу смерти. Въ первомъ случаѣ : минушная оспорожность , минушнѣй спрахъ—и дѣло кончено ; а пушь мученьямъ нѣтъ конца ! Боишься приблизиться къ пріятелю , дашь руку искреннему другу !

Чума была оскрыта въ корпусномъ подвижномъ госпиталѣ , между ранеными Турками ,

пришедшими изъ гнѣздилища чумы — изъ Арзрума, для защиты Карса.

Спорожайшія мѣры, поспѣвъ взятыя проливъ разливающейся по корпусу лютой смерти, основали ея ужасное дѣйствіе, но все таки, черезъ день, черезъ два, въ какомъ либо составѣ корпуса, она вспыхивала изъ подъ плѣющаго пепла и сожигала одного, двухъ человѣкъ,

Прекрапилась наконецъ. — Іюля 16-го, Опдѣльный Кавказскій корпусъ, опдѣлавшись, какъ не лзя лучше, опъ новаго, ужаснѣйшаго непріателя—чумы, оставилъ мѣсто лагеря, напшанное кислотою и сѣрою, и съ развернутыми знаменами, съ музыкою и пѣснями, прошелъ мимо угрюмыхъ стѣнъ Карса къ Ахалкалаку.

Опъ Карса до Ахалкалака не болѣе 400 верстъ: но на эпомъ небольшомъ проспранствѣ Корпусъ шянулся восемь дней, опъ раннаго утра до позднаго вечера. По сему шь можешь судишь о шрудности дороги. Почши безпрерывно мы должны были по спускашьяся, шь поднимашьяся съ горы на гору и дѣлашь необыкновенныя усилія для подъема и своза осадной артиллеріи и ея шяжелыхъ парковъ. Горы сіи называющьяся Чалдырскими; на ихъ хребтахъ былъ мѣспами видѣнъ снѣгъ. И мы, въ Іюль мѣсяцѣ, по ушрамъ снимали палашки оледѣлыя. Вечерняя роса передъ ушромъ замерзала, и, пока не обогрѣешъ солнце, мы дрожали опъ холода.

18-го числа, послѣ весьма трудной, 12 часовъ продолжавшейся дороги и жаркаго дня, въ 4 часа по полудни, корпусный Шпабъ остановился у береговъ озера Чалдырь, именующаго окружность до 150 верстъ.

Послѣ каменистыхъ и почти безводныхъ переходовъ, это озеро показалось мнѣ моремъ и разумѣется *Чернымъ*, когда оно, бывало, въ это-же время года, покоясь въ совершенной тишинѣ, прельщало своею необозримою зеркальною поверхностію и вызывало Одесскихъ купцовъ и привлекающихъ изъ Польши, для цѣлебныхъ и вѣснѣ пріятнѣйшихъ купаній.

Былъ вечеръ. Солнце, казалось, довольное нашимъ миролюбивымъ движеніемъ, весело закатывалось за снѣжные хребты окружающихъ горъ, и вливало хорошее расположеніе въ каждого. По мѣрѣ какъ полки, слѣдуя одинъ за другимъ, занимали свои мѣста и разбивали палатки, озеро наполнялось купающимися, а берега его охопниками до рыбы, дичи; по срединѣ озера, поже охопники, плавали на инженерной парусинной лодочкѣ; въ лагерѣ играла музыка. Я купался, хоть безъ *тебя* и не въ *Черномъ морѣ*, но съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Два раза выходилъ я изъ воды, и опять, съ новымъ удовольствіемъ, кидался въ озеро и плавалъ съ шакою радостію, какъ дикая утка, вырвавшаяся

изъ рукъ немилосердаго повара. Но возвращаясь въ свою укронную палатку, я невольно вспомнилъ о прошедшемъ, невозвратномъ—и свиное уныніе опять налегло на мое несносное сердце.

Вмѣсто прелесной Лизы, мой добрый Фока, измученный прудностію похода, съ нахмуреннымъ лицомъ, подалъ мнѣ спаканъ негоднаго чаю. Ахъ, Цлапонъ! Долго-ли я буду мучаться воспоминаніями невозвратно прошедшаго счастья, слабо упѣшаться будущимъ и не основывашь себя на наспоющемъ, видимомъ?

Іюля 23-го, въ 8 часовъ утра, когда наши передовыя колонны начали спускаться съ хребта горъ на Ахалкалакскую равнину, влѣво на опдаленной горѣ, показалось до 400 человѣкъ непріятельской конницы; противъ нихъ послали Донской Казачій полкъ: Турки скрылись за гору. Передъ полуднемъ, въ 3 верстахъ отъ крѣпости, Корпусъ остановился лагеремъ.

Графъ Эриванскій поѣхалъ впередъ, взглянушъ на мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестности.

Ахалкалакъ имѣеть видъ продолговатаго чеп-вероспоронника, высокія стѣны до 5-ши сажней, хорошо укрѣпленныя швердыми башнями. Онъ построены между двухъ соединяющихся оспрымъ угломъ рѣчекъ: Тапаравани и Гендара-Чая. Высокіе, опрубистые берега сихъ рѣчекъ, съ юго-

воспочнои и сѣверо-западнои спорони , служашъ крѣпости неприсшупными рвами. Главная, сѣверо-воспочная спорона , прошиву нашего лагеря , шверже, и вооружена сильнѣе прочихъ стѣнъ.

Въ этой же сѣверо-воспочнои стѣнѣ и крѣпостныя , обороняемыя двумя могучими башнями , вороша , и за сею же стѣною, въ сѣверномъ углу, небольшая , но претвердая , командующая всею крѣпостію цитадель , а въ прошивуположномъ , южномъ углу , видны куполь и минарешъ мечети. Передъ сею , сильнѣйшею прочихъ стѣною, нѣтъ рва , но возвышающаяся поверхность земли , усыпанная многочисленными буграми и верпикально споящими плитами , какъ глассомъ закрываетъ стѣну; прошивуположная сей стѣнѣ , юго-западная , также имѣетъ вороша и башни , укрѣпленныя пушками. За сею , до соединенія рѣчекъ , на каменистой поверхности земли , имѣющей видъ длиннаго преугольника , видны развалины пространнаго форшпаша ; полуразрушившаяся мечеть и минарешъ кажутся новѣйшимъ строеніемъ. Говорятъ , что эпошъ форшпашъ уничтоженъ нашими войсками въ 1806 году , заплотившими за шо Ахалкалакскому гарнизону двумя полевыми пушками и 1200-ми солдатами. Эша необыкновенная потеря произошла отъ безпечности Рускихъ. Память непріятная — но, правда ! впередъ наука.

Корпусный Командиръ , видя ничтожность этой крѣпости въ сравненіи съ Карскою , и

предусматривая претіе, ужасное дѣйствіе (Ахалцхскій штурмъ) претедін, нѣтъ разыгрываемой, думалъ о сбереженіи каждой капли крови своего малочисленнаго корпуса, обремененнаго тяжестями необходимаго обоза, и не хотѣлъ шепрять ни времени, ни людей, почему и предложило Ахалкалакскому гарнизону самыя выгодныя условія о сдачѣ крѣпости: но варвары не хотѣли добровольно распашься съ разбойническимъ гнѣздомъ предковъ своихъ. «Нѣтъ!» опвѣчали они на милосптивное предложеніе Графа: » мы не Эриванскій и не Карскій гарнизонъ; мы выслали опсюда женъ и дѣшей нашихъ, съ шѣмъ, чпобы или защишишь, или, съ оружіемъ въ рукахъ, умерешъ на спѣнахъ эшихъ — побѣдише насъ: вопъ наше условіе. »

Между шѣмъ какъ сіи уже нарочно замедляемыя переговоры длились, Графъ приказалъ мнѣ высмотрѣшь ближайшее и выгоднѣйшее мѣсто для брешъ-бапшарей, прошивъ сѣверо-воспочнон спѣны, а Полковнику Бурцову, прошивъ юго-воспочнон, для демонширь-бапшарей. Кончилисъ переговоры. Графъ возвратился въ лагерь.

До самаго закапа солнца, всѣ спѣны крѣпости были унизаны вооруженнымъ гарнизономъ и размоцвѣшными знаменами.

Въ 9 часовъ вечера, по наружную спорону крѣпостныхъ спѣнъ, запылали косптры, еще днемъ

приготовленные Турками; для предосторожности отъ нечаяннаго нападенія, они горѣли во всю ночь.

По захожденіи солнца, въ сумерки, прошивъ лѣваго фланга нашего лагеря, примыкающаго къ крупнымъ берегамъ Гендара-Чая, были переправлены два баталіона пѣхоты, для осадныхъ работъ, и, для прикрытія оныхъ, чешуре легкихъ орудія съ часпшою регулярной кавалеріи. Тихо, безъ сплукy, прошедши шри вершны по лѣвому берегу рѣчки, подкрались они къ юго-восточной стѣнѣ крѣпости, и въ 200 саженьяхъ отъ оной, съ чрезвычайною оспорожностшою, привалились за свое дѣло. Въ слѣдъ за ними баталіонами, съ такою же оспорожностшою, были переправлены: башпарейная, 20-я бригада, рота и двѣ осадныхъ морширы. И передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 24-го числа, уже всѣ сіи орудія сподли за высокими, прекрасно успроеннымъ въ ночь брусверомъ, прикрываемымъ съ фланговъ длинными ложаменшами. Кроме сей башпарей, на самомъ берегу рѣчки, во стѣнѣ саженьяхъ отъ атакуемой стѣны крѣпости, была сдѣлана скрытая башпарейка, для 10-ши кугорныхъ морширокъ. Разсвѣло. Турки изумились, но не поперлились; пошчасъ открыли пушечный огонь и весьма удачно: всѣ ядра первыхъ ихъ выпстрѣловъ врѣзались въ рыхлый нашъ брусверъ и длинные усы нашихъ спариковъ бомбардировъ напудрили землю. Между тѣмъ уже наши орудія были на-

ведены вдоль главной, сильно вооруженной крепостной стѣны. Приказали спрѣлаться — и первое Русское ядро вышибло два зуба цитадельской башни; второе выломало два верхнихъ камня въ стѣнѣ; первая бомба пробила куполь мечети, вторая, вломившись въ окно, лопнула внутри оной; куторныя морпирки рассыпали свои гранаты по всему пространству крепостнаго строения.

Такимъ порядкомъ наша башпарея продолжала спрѣлаться съ удивительною мѣткостью два часа, и привела въ безпорядокъ гарнизонъ и артиллерию до того, что неуспрашиваемые въ переговорахъ Турки, оставили стѣны крепости своей на волю нашей башпареи, и одни прижались за полстымъ основаніемъ атакующей нами стѣны, другіе въ цитадели скрылись подъ вѣрные своды казематовъ, а третьи, рассыпавшись по саклямъ, развели памъ огни и сжали пригошляясь обѣдъ.

Начальникъ Штаба послалъ меня доложить объ этомъ Графу. «*Сію минуту, сказалъ мнѣ Графъ, возьмите четыре баттарейныя и двѣ осадныя пушки, подвезите ихъ къ этой (сѣв. восп.) стѣнѣ и растворите ворота ядрами.*»

Черезъ полчаса всѣ шесть сказанныхъ орудій, подъ прикрытіемъ Ширванскаго башалона, рысью, выехали по дорогѣ изъ лагеря къ крепости. Двѣ

осадныя пушки, съ ихъ длинными зарядными ящиками, запряженныя двадцатью двумя лошадьми, и чешыре орудія башшарейныхъ, издали, въ пыли, показались Туркамъ шрмя ужасными колоннами, несущимися къ спѣнамъ ихъ съ рѣшительнымъ ударомъ.

По приближеніи нашемъ къ крѣпости, гарнизонъ высыпалъ было на спѣны, для встрѣчи насъ ружейнымъ огнемъ; но демоншпирь-башшарейя сыпнула въ нихъ карпечью—и всѣхъ какъ не было: скрылись за основаніе спѣнъ. Между шѣмъ 4 башшарейныя орудія, подѣ защитою демоншпирь-башшарейя, безвредно примчались къ своему мѣсту (двѣ осадныя пушки оспановились въ 200 саж.) и въ 60-ши саженихъ опѣ крѣпостной спѣны опкрыли палъбу. Повалились зубцы, камни, запрещали вороша. Гарнизонъ совершенно потерялся и, забывъ обѣпъ свой умерепъ съ оружіемъ въ рукахъ, бросился спускашья по веревкамъ и прыгаешъ чрезъ спѣны на скалиспый берегъ Тапаравани и, уще-лемъ, бѣжашъ по печенію рѣки. За ними послали двѣ рошы Ширванскаго полку. Во время безпорядочнаго волненія гарнизона, барабанщикъ Ширванскаго полка, при помощи другаго, вскарабкался на спѣну и приударилъ шревогу — его убили. Но уже на спѣнахъ явилось нѣсколькo Русскихъ солдатъ: Турки, не успѣвшіе спуститься за спѣны, бросились въ цшадель и заперлись въ оной. На первое предложеніе сдашья, они съ радостію согласились и опшерли вороша.

Такимъ рѣшипелнымъ образомъ крѣпость была взята до полудня, и почти безъ пошери съ нашей спороны.

Здѣсь, подѣ спѣнами Ахалкалакскими, Корпусъ простоялъ до 4-го Августа; въ продолженіе сего 7-ми дневнаго опдыха, гренадерская бригада Г. М. Муравьева ходила для занятія крѣпости Гершвишь; попомъ пошла для обрабопыванія дороги, идущей опѣ Ахалкалака до Ахалциха чрезъ хребты высокыхъ горъ, заросшихъ густымъ лѣсомъ; собирались слабые резервы изъ Грузіи. И въ продолженіе сего-же времени, Графъ Эриванскій узналъ, что крѣпость Ахалцихъ сильно вооружается, что даже самый городъ, до сего обнесенный простымъ шномъ, усиленъ другимъ, крѣчайшимъ, изъ полсныхъ сосновыхъ бревенъ, и на каждомъ его фасѣ сдѣланы швердые, вооруженные пушками бастіоны; что и по наружную и по внутреннюю спорону палисадовъ вырыты глубокіе рвы; что внутренніе, накрытые сверху бревнами и заваленные землею, обезпечиваютъ сидящій въ оныхъ гарнизонъ опѣ нашихъ выспрѣловъ, и что до 30-ши тысячъ непріятельскаго войска, подѣ командою двухъ Пашей: Муспаемъ и Кіоса-Мамеша, спѣшатъ изъ Арзрума на защиту Ахалциха, имѣющаго 15-шь тысячъ своего гарнизона.

«Все хорошо,» сказалъ однажды Графъ Эриванскій, послѣ глубокаго размышленія, спощему

передъ нимъ Начальнику Армилеріи: «очень хорошо; но у насъ мало зарядовъ. 12-ть тысячъ, вы говорите? Это еще изрядно, но картечей мало. Попробуйте для морпирь сдѣлать каменные и покажите мнѣ ихъ дѣйствіе, и бомбъ, рикошетно: ими понадобится ломать палисады.» На другой день тому и другому была дѣлана проба. Графъ былъ доволенъ и приказалъ приготовить 2000 кожаныхъ мѣшковъ для морпирныхъ картечей.

Іюля 4-го Корпусъ двинулся къ Ахалциху. Первый переходъ былъ слишкомъ 20 верстъ, и хотя ошлого, но все въ гору.

Уже передъ позднимъ вечеромъ Корпусъ обставился лагеремъ на небольшой равнинѣ, изуродованной преглубокими оврагами и рыпвинами, между кустарниками начинающагося лѣса.

По вповь прорубленной дорогѣ, извивающейся между густымъ лѣсомъ, въ гору плыла осадная артиллерія и скрижали арбы ея тяжелаго и длиннаго парка.

Не весело, сердце закапывалось солнце за угрюмыя вершины горъ. Вокругъ лагеря пылали кустарники и костры срубленныхъ сосенъ; надъ лагеремъ черными облаками клубился дымъ; ушопленные солдаты, въ ожиданіи ужина, дремали вокругъ пылающихъ огней; съ глухимъ опзывомъ падали горные ручьи на дно глубокихъ овраговъ; на хребтѣ горы, тихо качаясь, шумѣлъ длинный

сосновый лѣсъ, изъ-за коего молодая луна, тихо поднимаемая, робко глядѣла на грозный спанъ Кавказскаго Корпуса. Эша рѣдкая карпина, въ другое время, была-бы для меня прелестна, но тогда она наводила на меня уныніе: желчная горячка гнѣздилась во внупренности моей; я просудился опть купанья. Во всю эту ночь пѣжеспи переправлялись черезъ хребетъ горы. Послѣдняя аршиллерія и арріергардъ перевалились по ту спорону горы уже на претій день вечеромъ.

Не могу себѣ сдѣлать похожаго сравненія съ эпою неимовѣрною прудностию, съ кошорою пѣжелая аршиллерія была спускаема по ту спорону горы. Скажу просто: добравшись до хребта горы, на примѣръ 24-хъ фунтовая пушка оспавливалась, и длинный рядъ ея лошадей, кромѣ пары коренныхъ, выпрагали, и по крупому спуску горы, идущему по разнымъ остроугольнымъ направлениямъ, сводили къ подошвѣ горы верспѣ шеспѣ. Все это разспояніе спуска было раздѣлено на три участка, по еспѣ, въ прехѣ мѣспахъ стояли бапаліоны, передающіе одни другимъ пѣжеспи. Къ 24-хъ фунтовой пушкѣ, оспавленной на перевѣсѣ горы, привязывали длинныя веревки, за концы коихъ брались 80 и 100 челоуѣкъ перваго участка и, упираясь ногами въ землю, бороздили оную до выпораго участка, гдѣ передавъ, опять возвращались на хребетъ горы,

Апрѣль 1829.

26

чѣмъ со слѣдующею пушкою сдѣлашь поже; второю участкомъ людей такимъ-же образомъ передавалъ прешнему, и такъ далѣе.

Легкія повозки и арбы спускалися съ горы иначе: опложивъ, кромѣ коренныхъ, лошадей или буйволовъ, привязывали позади арбъ по нѣскольку вѣшисныхъ сосенъ, на кои спановились по прое и болѣе челоуѣкъ, и такимъ средствомъ волочили до самой равнины, размешывая и уравнивая за собою дорогу, изрыпую армиллеріею.

Я видѣлъ, какъ при одномъ крупомъ спускѣ и поворотѣ, 24-хъ фунтовая пушка, вырвавшись изъ сильныхъ рукъ 120-ти гренадеръ, покапилась, и со всего розмаху, опрокинувшись, исковеркала почти желѣзныя дроги, на коихъ она лежала, раздавила коренныхъ лошадей и съ корнемъ выворотила двѣ полныя сосны.—Уже поздно было, когда я, Іюля 3, спустился съ этой ужасной горы, и у подошвы ея, близъ какой-то деревни, въ саду, отыскалъ палатку своего Генерала (Гилленшмица).

На другой день, 4-го Іюля, чуть свѣтъ, опять все пронудось и опять, почти съ такою-же, какъ и вчера, трудностію, переправлялись черезъ послѣднюю высокую гору. Передъ вечеромъ, Корпусъ спалъ собираясь и разбивалъ палатки на правомъ берегу Куры, въ 6-ти верстахъ отъ крѣпости Ахалциха. Въ эшопъ-же вечеръ, въ сумерки, вдругъ

поднялась сильная ружейная перепалка за Курюю. Это было нападеніе Турокъ на нашихъ фуражировъ. Но небольшое, бодрствующее наше прикріпленіе остановило шихо подкравшихся Турокъ и быстро ворошило ихъ къ крѣпости.

Іюля 5-го, огнь раннего утра до 9-ти часовъ до полудни, съ зрительною трубою, Графъ просидѣлъ на вершинѣ высокой горы: онъ разсматривалъ мѣстоположеніе Ахалциха и его окрестностей.

Въ 10-ти часовъ утра, ославя на правомъ берегу Курмы вагенбургъ, Графъ приказалъ полкамъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки. Перешли, устроились въ боевой порядокъ и пошли впередъ къ Ахалциху. Отошедши четыре версты, Графъ Паскевичъ велѣлъ войску остановиться для отдохновенія. Было около двухъ часовъ по полудни; солнце жгло до невозможности перенѣшь! Въ продолженіе двухъ-часоваго отдыха, Турецкая кавалерія быстро разѣзжала прошивъ первой линіи, и не вида съ нашей стороны ни одного выстрѣла, храбрилась до чрезвычайности... Вдругъ въ обѣихъ нашихъ линіяхъ загремѣли барабаны, музыка—и полки пошли впередъ. Турки попробовали—было замедлишь наше движеніе градомъ пуль, пущенныхъ изъ шухъ ихъ кавалеріи; но могли ли они задержать желѣзныя спѣсны полковъ нашихъ? Артиллерія, идущая въ первой линіи, на-

спулая, рысью, спала дѣйствовать по непріятельскимъ кучамъ и поспѣшно опспулая къ укрѣпленному близъ крѣпостныхъ спѣнъ лагерю; пропивъ сѣверной часпи города, и подъ выспрѣлы воспочной спороны крѣпости. Высокая, опдѣльная гора, командующая и городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, была заняша баштарею. Уже солнце закапывалось, наспулая вечеръ, полкамъ приказано остановишся; вагенбургу переправишся за Куру впередъ; назначено мѣсто лагеря... Вдругъ непріятельская конница въ большихъ силахъ, кучами, повнеслась мимо фланговъ нашей линіи, съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе на переправляющійся чрезъ рѣку вагенбургъ; но ее остановили, опрокинули и весьма невыгодно поворошили назадъ.

Дѣйствія этого дня кончились шѣмъ, что въ слѣдующую ночь, передъ центромъ и на флангахъ корпуснаго лагеря, расположеннаго на весьма выгодномъ мѣстоположеніи, было сдѣлано три большіе редуша, изъ коихъ упромъ, 6-го Іюля, началась кановада по городу и по укрѣпленному лагерю.

До 8-го числа, вся воспочная спорона Ахалциха была въ сильной блокадѣ. Всѣ мы — народъ мѣлкій—навѣрное полагали, что Графъ намѣренъ начашь осаду города съ воспочной спороны: но вышло не шакъ. Корпусный Командиръ нашель,

что для осады и штурма крѣпости нѣтъ выгоднѣе этого мѣста, гдѣ споялъ укрѣпленный Турецкій лагерь, отдѣленный отъ нашего глубокими оврагами и рыбинами. Съ этой полкою спороны наши войска, не будучи раздѣленными, могли дѣйствовать сильно. Но чтобы завладѣть выгоднымъ мѣстоположеніемъ лагеря, надобно было сдѣлать рѣшительную атаку и *непремѣнно* разбить укрѣпленный 20-ти тысячный Турецкій лагерь, а потомъ уже начать осаду. Дѣло не легкое, но и необходимое! Намъ нечего было ждать: слабые резервы изъ Грузіи пришли; жизненные и военные припасы уменьшались съ каждымъ днемъ, привоза коихъ не откуда было ждать; Турки и думали не хотѣли дать намъ полевое сраженіе, а ихъ хладнокровіе было для насъ, въ отношеніи продовольствія войскъ, явный вредъ. Рѣшено. Съ 8-го на 9-е число Августа, Графъ Паскевичъ, съ 8-ю баталіонами пѣхоты, со всею кавалеріею и съ 25-ю орудіями, ночью, обошелъ непріятельскій лагерь справа, съ тѣмъ, чтобы на другой день атаковать и разбить его. Но съ разсвѣтомъ дня, 9-го Августа, Турки открыли его движеніе и съ трехъ сторонъ атаковали жестоко. Началось сраженіе и продолжалось 14-ть часовъ. Превосходство непріятельскихъ силъ, изрытое оврагами мѣстоположеніе, шруды ночного перехода, нестерпимый жаръ, продолжавшійся до самаго вечера, и наконецъ, отъ нашедшихъ

надъ сражающимися дождевыхъ шучъ, спертый, удушливый воздухъ: все это вмѣстѣ затрудняло дѣйствіе нашихъ войскъ и ослабляло въ силахъ—обстоятельство было плохое! Дѣло начинало быть сомнительнымъ; казалось, что фортуна готовилась измѣнить своему любимцу. Поперя цѣлой нашей войны зависѣла отъ одного шага назадъ. Надобно было быть рѣшительнымъ, даже дерзкимъ. Такъ и было. Упомянутые Турки, зная превосходство силъ своихъ и мѣстоположенія, и видя неподвижность нашего предпріятія, начали дѣйствовать слабѣе, безпечнѣе: главные ихъ силы шолпились прошивъ фланговыхъ нашихъ колоннъ. Примѣтивъ сіе, Графъ поспѣхъ приказалъ артиллеріи и колоннамъ приготовиться къ присупу. Между шѣмъ, скопившіяся надъ головами сражающихся шучи разрѣшились крупнымъ дождемъ, заблещали молніи и загремѣли громы. Дѣйствіе сражающихся шало еще слабѣе... Вдругъ наша легкая артиллерія, подъ прикрытіемъ пѣшихъ колоннъ первой бригады, проворно спустилась въ оврагъ, быстро взнеслась на возвышеніе, и подъ непріятельскимъ огнемъ, успроившись, открыла канонаду по башарямъ укрѣпленнаго лагеря. Пѣшія колонны, скользя по глинистой оплогосни холма, медленно приближались къ нашимъ дѣйствующимъ башарямъ. Поиился дождь какъ море; блещнула ослѣпительная молнія, разразился ужасный громъ: колонны Рускихъ, какъ-бы ободряемыя самимъ

небомъ, крикнули: ура! и понеслись на Турецкія багшарей. Варвары оробѣли, бросили лагерь и кинулись—пѣхота въ городъ, а кавалерія влѣво, къ Арзрумской дорогѣ, и какъ быстрый пошокъ, унесла съ собою и другой укрѣпленный лагерь, сплывшій въ одной верстѣ отъ западной стѣны города, и еще два, расположенныя по дорогѣ къ Арзруму. Наша кавалерія и конная артиллерія преслѣдовали ихъ 40-ть верстъ. Все это проспанство было загромождено непріятельскою полевою артиллеріею, ея и инженерными парками и подвижнымъ магазиномъ. Все досталось побѣдителямъ.

Завладѣвъ укрѣпленнымъ лагеремъ, а съ нимъ вмѣстѣ и вѣрнымъ основаніемъ къ дальнѣйшимъ окончательнымъ предпріятіямъ, въ эту-же ночь начались и въ слѣдующую кончились наши осадныя работы.

Противъ сѣверной части города, въ 200-хъ саженьяхъ отъ окружающихъ его палисадовъ, подъ разными направленіями, нераздѣльно сплывались наши багшарей слѣдующимъ порядкомъ: на лѣвомъ флангѣ сплывли 8-мь багшарейныхъ орудій, подлѣ 6-шь 2-хъ пудовыхъ морпиръ; пошомъ чепыре 24-хъ фунт. пушки и два пудовыхъ единорога; далѣе опять 8-мь багшарейныхъ орудій, и наконецъ, на правомъ флангѣ, до 20-ти легкихъ (въ томъ числѣ 10-шь Турецкихъ) орудій и между ними Конгровыя ракеты. Съ разсвѣтомъ

дня, 11-го Августа, началась работа. Осадные пушки и единороги открыли огонь по стенамъ крепости и цитадели, а внутренние оныхъ строения уничтожились шестью мортирами; баштарейные орудія принялись разрушать атакуемый полигонъ и идущій отъ него, въ обѣ стороны, палисады; легкія орудія и Конгровы ракеты стрѣляли по городскимъ строениямъ и вдоль улицъ. Кроме сего, съ противоположной южной стороны, изъ за рѣчки Ахалцихъ, съ высокаго скалистаго бугра, 4 баштарейныхъ орудія и 4-же, прошивъ восточной стѣны крепости, гремѣли вдоль и поперегъ города. Такимъ образомъ, до 60-ти различныхъ орудій гремѣли два дня и, казалось, колебали скалистое основаніе крепости и города. Еще въ первый день крепостная артиллерія приведена была въ невозможность действовать, и весь гарнизонъ, защищавшій городъ, сидѣлъ позади палисадовъ, во рвахъ, покрытыхъ толстыми бревнами, и кое-гдѣ, изрѣдка, стрѣлялъ изъ ружей.

Выломанные днемъ палисады закрѣплялись въ продолженіе ночи снова; атакуемый полигонъ тоже починивали.

Въ ночь, на 13-е Августа, для вѣраѣйшаго разрушенія атакуемаго полигона, для одной баштарейной роты сдѣланъ былъ брустверь, во 150-ти саженьяхъ отъ палисады, а въ ночь на 14-е число сдѣлали еще баштарею для четырехъ осадныхъ

орудій, во 100 саженихъ опгь полигона, и до полудня, 15-го числа, почти до основанія разрушили оный. Сдѣлано распоряженіе къ штурму. На всѣхъ башшаряхъ прекрашили пальбу, но всѣ орудія сосредоточили направленіями къ полигону. Къ 4-мъ часамъ вечера все было гошово. Данъ сигналъ—колонны двинулись, пошли. По всей изгибиспой длинѣ палиссада пробѣжала непріятельская ружейная молнія и грянулъ громъ съ башшарей Русскихъ. . .

Для развлеченія силъ и вниманія Турокъ, было сдѣлано фальшивое движеніе нашихъ колоннъ со всѣхъ сторонъ города; но двѣ грозныя колонны Ширванскаго пѣхошнаго полка, имѣя ружья на правомъ плечѣ, съ веселою Русскою пѣснею: «*Не будите молоду, ранымъ рано по утру*» пропивъ сѣверной части города, шли не *шутя*: имъ приказано было завладѣть апакуемымъ полигономъ. За сими колоннами, неся фашины, шелъ баталіонъ піонеръ.

Уже Ширванскія колонны поднялись по возвышенію холма на шакую высоту пропивъ роковаго полигона, что открыли себя Туркамъ до половины, и уже изъ начашой ими пѣсни начали пѣшь: «*Выгоняйте вы скотину на широкую долину*» — какъ вдругъ изъ за палиссадовъ засвиспали пули баталнаго огня и повалили почти обѣ первыя шеренги колоннъ. Послѣ сего пѣс-

ня переѣвилась въ ура! и роковой баспіонъ—нашъ. Но Турки, опспутивъ за ближайшія спрое—нія, стуспились и осыпали пулами вломившіяся колонны; одна изъ колоннъ ринулась впередъ, не—пріапель опспупилъ за слѣдующіе домы и, упер—шись за стѣною Каполической церкви, продол—жалъ спрѣлять жестоко. Между шѣмъ піонеры, на крышахъ оставленныхъ Турками домовъ и ме—жду ними, на площадкѣ, передъ церковью, поста—вили и, съ большими жертвами, насыпали шуры землею; другіе, изъ срубленного палисада сдѣ—лали черезъ ровъ мосты для легкой аршиллеріи. Переправились конно-казачьи пушки, успроились, опкрыли картечный огонь по густой полѣ Ту—рокъ, собравшихся за церковью; но варвары ни съ мѣста! Новыя колонны пришли на подкрѣпленіе Ширванскимъ, съ 6-ю легкими орудіями и съ 10-ю кугорными мортирами; не—пріапельскія шолы также безпреспанно увеличивались — и сраженіе кипѣло на одномъ мѣспѣ.

Весь ужасъ, какой шолько можно было выду—напъ погда для ослабленія опчаяннаго упорспва Турокъ, не помогаль. Напрасно бомбы большихъ нашихъ мортиръ, леля одна за другою, безпре—рывно падали посреди города и гремѣли своими разрываами; напрасно 24-хъ фуншовыя ядра, раз—дирая воздухъ, свиспѣли надъ головами осперве—нѣлмхъ Турокъ; напрасно Конгрсовы ракеты, какъ змѣи шипѣли, лешая по всему городу, и

20-пѣ кугорныхъ морпирокъ разсыпали свои гранаты огненнымъ дождемъ.

Турки ни пяди назадъ ! Темно, 9-ть часовъ вечера—борьба упорнѣе : каждый домъ спроеній, идущихъ опъ насъ амѣшеапромъ, былъ укрѣпленіемъ. Опъ сѣверо-востока набѣжалъ сильный вѣспрь. Графъ приказалъ зажечь занятые нами дома. Казаки примчались съ вьюками соломы, сѣна, и зажгли дома, ближайшіе къ Каполической церкви ; вѣспрь раздувалъ пожаръ, быстро разливалось пламя пожара ; Турки оробѣли, смѣшались, и весьма упорно спали опсшупать къ крѣпости ; но многіе добровольно, запершись въ домахъ своихъ, сгарали съ семействомъ, не переспавая спрѣмлять до послѣдняго издыханія. Умолкнули грома нашей артиллеріи, рѣже и рѣже становились ружейные выспрылы. Городъ погрузился въ пламенное море !

Около полуночи, когда еще городъ только что разгорѣлся вполонину, видъ съ сѣвернаго возвышенія, гдѣ стоялъ Графъ Эриванскій, былъ спольже прелесненъ, какъ ужасенъ. Деревянныя опрокоченныя крыши 10-ши высокихъ кирпичныхъ минареповъ, свѣсплымъ, тихимъ огнемъ пеплились какъ огромныя свѣчи, и по мѣрѣ, какъ внутри ихъ деревянныя лѣспницы сгарали, обрушивались, по всей темной высотѣ минареповъ, изъ маленкихъ, для внутренняго свѣта, окошечекъ, фонашами вырывались, шо дымъ, шо искры, шо пламя.

Надъ городомъ плавали черныя и красноватыя облака пожарнаго дыма; обширное зарево ярко освѣщало выпуклости окрестныхъ холмовъ, и между ими, черными полосами, разспилало [широкія шѣни; изъ за противоположной горы поднялась полная луна и безпреспанно измѣнялась: густыя облака дыма по заслоняли ее, по сквозь рѣдкія видѣлась она пусклою, по вдругъ ояпъ сіяла въ полномъ своемъ величїи, и ояпъ скрывалась за густое или рѣдкое облако дыма.

Между шѣмъ спускомъ тысячей ружей производила въ городѣ убійственную тревогу; вездѣ лежали кавалеристы, двигались пѣхотныя колонны, артиллерія, и множество женщинъ Армянокъ, съ дѣтьми и съ узелками, спасаясь отъ пожара и штурма, съ плачевнымъ крикомъ, выбѣгали вонъ изъ города и находили убѣжище на нашихъ франшейныхъ баптаряхъ.

Передъ свѣтомъ все умолкло: остатки храбраго Ахалцихскаго гарнизона, числомъ до 4000 человекъ, съ двумя Пашами, запершись въ крѣпости и цитадели, сидѣли шамъ смирно—ни одного ружейнаго выстрѣла, ни малѣйшихъ приготовленій къ дальнѣйшей оборонѣ. Съ нашей стороны также упомянутыя полки опдыхали: но для новаго штурма самой крѣпости. Трескъ плающаго города и глухой шумъ разрушающихся въ ономъ спроснѣй нарушали тишину окрестности Ахалциха. Начались переговоры и шопчасъ

кончилися на условіи : Пашамъ оставили крѣпость , и съ находящимися при нихъ войсками удалились въ границы Турціи. Паши охотно согласились и вышли.

До 12-ти тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ всякаго рода было употреблено для покоренія Ахалциха !

Съ разрушительнымъ покореніемъ Ахалциха , этого стараго , закоренѣлаго въ злодѣйствахъ разбойническаго гнѣзда , втораго Алжира , дальнѣйшія предпріятія къ завоеваніямъ должны были основаться. Истощеніе артиллерійскихъ парковъ и подвижнаго магазина , наступающій Сентябрь , высокія и уже засыпанныя снѣгомъ горы , окружающія Арзрумъ , необработанныя дороги , осеннее время и значительное уменьшеніе войскъ : все это вѣспѣ рѣшило Графа Паскевича остановить войну здѣшнюю до будущей весны. Кромѣ сего , надобно было привести въ лучшее оборонительное состояніе всѣ завоеванныя крѣпости и для ихъ гарнизоновъ на всю зиму запаси провіанта , фуража и прочаго.

Сурамскій карантинъ , 1828 г. Сентября 11.

Давно уже было позволено мнѣ , для поправленія своего здоровья , полуразрушеннаго злою желчною горячкою , ѣхать въ Тифлисъ , къ сѣрнымъ водамъ ; но едва пашкался на ногахъ , я боялся вер-

хомъ (а иначе не могъ) сдѣлать путешествіе въ 200 верстъ. Но чрезъ нѣсколько дней, разными аптекарскими средствами, я кое-какъ сколопился небольшими тѣлесными силами, и 5-го Сентября, оставя плѣющія развалины Ахалциха, пустился верхомъ на 25-ть верстъ, до крѣпости Ахцверъ. Съ большимъ трудомъ, дѣлая частые привалы, и уже передъ вечеромъ, дошащился я до этой древней фортеціи.

Ахцверъ построена на правомъ берегу Куры, при началѣ Боржомскаго ущелья, и, какъ обыкновенно бываетъ у разбойниковъ здѣшнихъ, взгромождена на самой верхушкѣ высокой и скалистой отдѣльной горы; стѣны крѣпости каменные, высокія и швердыя, башни поже; вооружена 44-ю пушками.

По скапу горы и около ея подошвы, внѣ крѣпости, однакожь подъ вѣрными ея выспрѣлами, тѣсно и безпорядочно расбросано проспранное предмѣстіе. Въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпости, вверхъ по Курѣ, видны деревни, и деревни богатая, ни чуть не пошерцѣвшія отъ войскъ нашихъ, прошедшихъ мимо ихъ въ шрехъ верспахъ.

Еще Ахалцихъ дымился подъ пепломъ своихъ разрушенныхъ зданій и на его развалинахъ еще валились обгорѣлыя шѣла защитниковъ, но въ ближайшихъ деревняхъ жили преспокойно себѣ

занимались сельскими работами, и ни одинъ изъ проезжающихъ сіи (подъ Ахцверомъ) деревни казаковъ не смѣлъ самовласно взять ни пучка соломы, ни клочка сѣна, чѣмъ покормить свою успалую лошадь; въ пропивномъ случаѣ не только Армяне, но и Турки смѣло пропивались, шумѣли и бѣжали съ жалобой къ Комменданту. Такая увѣренность непріятелей нашихъ въ справедливости Русскихъ начальниковъ дѣлаетъ намъ честь и большую пользу въ войнѣ.

На другой день, 6-го Сентября, чуть свѣтъ, выѣхалъ я изъ Ахцвера, и переправясь черезъ Куру въ бродъ, поѣхалъ лѣвымъ берегомъ рѣки, по вновь обдѣлываемой дорогѣ, мимо заживочныхъ Армянскихъ деревень, заросшихъ фруктовыми деревьями.

Свѣтлое, прохладное утро, непрерывные сады, прелестные берега быстрой Куры и пріятное восплавленіе моего здоровья, дѣлали мое случайное путешествіе весьма пріятнымъ. Чѣмъ далѣе углублялся я въ ущеліе, тѣмъ становилась довольнѣе: ровная, гладкая дорога, зеленѣющая по берегамъ рѣки справа и кустарники зрѣлаго кизила, и густой сосновый лѣсъ, тихо катающійся по крупнымъ оплогоспямъ высокихъ горъ ущелія, наполняли сердце мое какою-то необыкновенною, безкорыстною радостью.

Передъ полуднемъ , опѣхавъ ошъ Ахцвера 20 верстѣ , я переправился черезъ рѣку на маленькомъ , только-что сколоченномъ плотѣ (большой паромъ шуть-же дѣлали и уже оканчивали), и опѣхавъ по правому берегу вершины дѣв , оспановился на небольшомъ лужку , велѣлъ разбиить палатку на самомъ берегу Куры подъ двумя шѣниспыми липами и приказалъ дѣлашь обѣдъ . Лошади мои роскошничали на прекрасной муравѣ и , форкая , съ жадностию щипали сочную траву . Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эписхъ прекрасныхъ и вѣрныхъ соспрудниковъ военнаго челоуѣка , послѣ претерпѣнныхъ нуждъ и прудовъ , въ полной мѣрѣ вознаграждаемыхъ зелененькимъ лужкомъ и горстью ячменя . Напротивъ того ихъ *всадники* (бывало говорятъ) , послѣ какоуо нибудь *сраженьица* , какой нибудь переспрѣлки , съ припворною скромностию , стараются распусшить слухи о своей храбросши , предпримчивосши и о неусыпныхъ прудахъ , съ намѣреніемъ *вкрасться* въ предспавленіе къ наградамъ . А въ эшошъ священный списокъ надобно *прорубаться* сквозъ непріятельскія колонны или перелѣзашъ черезъ спѣны штурмуемыхъ крѣпосстей . Но это *бывало* , пеперь нѣшъ .

За при вершины ошъ моего привала , внизъ по Курѣ , продѣлывалась военная дорога . Шумъ рѣки , частые удары множесшва шопоровъ , прескопши падающихъ въ Куру длинныхъ сосенъ и

пороховые взрывы, уничтожающіе гранитныя вѣпильскія: вся аша спуконія выспѣ, пошпоремая двойнымъ вхомъ, раздавалась по глубокому извѣстному ущелію, какъ жаркая перестрѣлка, смѣшанная съ прогняными расквашами ошдатленнаго грома.

Послѣ трехъ-часоваго отдыха, я продолжалъ свое пріятное путешествованіе. Солнце было еще высоко, но густая тѣнь, падающая отъ правыхъ высокихъ горъ ущелія, лежала по гладкой поверхности рѣки черною полосой, удирающею въ основаніе противоположныхъ горъ, ярко освѣщаемыхъ сверху закапывающимся солнцемъ: здѣсь, на правомъ берегу, былъ преждевременный вечеръ, на проливной, казалось, раннее утро.

Совершенное спокойствіе въ воздухѣ, тѣнистая прохлада и только чпо между густымъ лѣсомъ прорубленная и прекрасно отдѣланная дорога, пролегающая по невысокому отрубистому берегу Куры, дѣлали вечеръ очаровательнымъ. На пространствѣ 12-ти верстъ я наслаждался разнообразными картинами: тупь, на заворотѣ къ обрывистому берегу рѣки, Русскіе солдаты прикрывали перилы; шамъ, въ скалѣ, для пороховыхъ зарядовъ продавливались дыры; далѣе курились или пылали огоньки, бѣлѣлись солдатскія палашки, и, предъ ними, въ

Апрѣль 1829.

27

козлахъ сполли ружья; вездѣ разносились Русскія веселія и заунывные жѣны; вездѣ видна бысправа военная дѣятельность и искреннія радости. Но на 12-й верстѣ высокая подоблачная гора, скадилою и непреодолимою своею пишою заступала дальнѣйшее проложеніе дороги: пушть скопилось болѣе рабочихъ и усилій. Для переправы на лѣвый берегъ, дѣлали огромный, могущій поднять осадную пушку, паромъ; но до окончанія онаго надобно было ждашь при дня.

На прошивуположномъ берегѣ, между рѣдкимъ лѣсомъ; зеленѣлась красивая равнина и планулась частъ вновь прокладываемой дороги. Рабочее время оканчивалось, пионеры готовились ужинашь; неперпѣніе поджигало меня почеташь на той споронѣ Куры? Что дѣлашь! «Ребята!» сказалъ я пионерамъ: «перевезите мою бричку на потъ берегъ, я вамъ буду очень благодаренъ.» Извольте—оптѣчали мнѣ услужливые пионеры—и, съ позволенія своего Капитана, потчасъ сплотили чепыре сосновыя бревна и начали перевозить, сперва колеса моей брички, потпомъ кузовъ, чемоданъ, деньщиковъ, и наконецъ меня.

Въ слѣдующій день, 7-го Сентября, я продолжалъ пушь по лѣвой споронѣ Куры. Первыя 5-ль верстъ проѣхалъ я по опдѣланной дорогѣ, но далѣе по необработанной, вьючною шропникомъ, продиравъсь сквозъ ташу лѣса, перешаскивая бри-

чку, каменнѣшими рыпвинами и вязкими промок-
нами. Наконецъ, въ полдень, преодолевъ труд-
ности, встрѣчавшіяся мнѣ на пространствѣ 20-
ши верстъ, добился я до деревяннаго, постро-
еннаго нынѣшнюю весною черезъ Куру моста.
Редущъ, вооруженный чепырьмя легкими оруді-
ми, караулил мостъ и обезпечивалъ переправу
черезъ оный. Здѣсь резервы, остававшіеся въ
Грузіи, въ первыхъ числахъ Августа переходили
къ Ахалциху.

Ошдохнувъ у моста часа три, я продолжалъ
ѣхать по лѣвой-же сторонѣ рѣки, ущелія и поже
по прекрасной и карпинной видами дорогѣ, но
обработанной прежде сего. Послѣ 10-ти верстъ
ущелье кончилось, съ правой стороны высоки-
ми горами, упирающимися подошвою въ самый
берегъ Куры, а съ лѣвой скалистою горою, съ
развалившеюся на ней древнею крѣпостцею.
Какъ изъ Средиземнаго Моря Гибралтарскимъ
проливомъ въ Атлантическій Океанъ, въѣхалъ я
изъ Боржомскаго ущелія на пространную Сурам-
скую равнину. Вдали, въ 8-ми верстахъ отъ
ущелія, бѣлѣлись строенія Сурамскаго каран-
тина. Солнце закатывалось, наступалъ вечеръ;
я приказалъ прибавить шагу и въ 10 часовъ въѣ-
халъ внутрь карантина и вступилъ въ плохую
комнашку. Сегодня четвертые сушики, какъ я,
одинъ одиноконекъ, скупаю въ этой безхозяй-
ственной комнашкѣ и щеголяю къ карантинномъ

плащѣ. Завтра я выѣду: жду съ нешерстянѣею ушра.

Тифлисъ , 1828 г. Октября 28.

Сентября 12 вырвался я изъ карантинной компаніи , въ 9 часовъ ушра , и безъ оглядки пустился въ Горы, сорокъ верстъ.

Горы очень миленькій городокъ, лучше Тифлиса, а климатъ въ немъ самый здоровый изъ всей Грузіи. Мѣстоположеніе карпинное: подлѣ самаго города, въ плоскихъ берегахъ, по каменисному дну, пріятно шумитъ и красиво извиваепіся *здѣсь* шахая и широкая Кура; далѣе, зеленѣютъ луга, поля, рощицы и густые сады укрѣпленныхъ древними опдѣльными башнями деревень, разбросанныхъ по всей пространной окрестности; за ними синѣютъ заросшія сосновымъ лѣсомъ горы; близъ города, надъ рѣкою, шивепса

Предлинный деревянный мостъ.

Онъ издали и твердъ и просъ ,

Въ себѣ самомъ. Какъ созданъ съ роду,

Онъ свойствъ чудесныхъ не имѣлъ.

Но самъ *Крыловъ*-бы оробѣлъ

Идши по немъ , и поискалъ-бы броду.

18 числа одящъ проѣхалъ я сорокъ верстъ и ночевалъ на казачьемъ посту *Мухровань*.

Спросеніе запущено ; въ комнатахъ для проѣзжающихъ нѣтъ ни одного въ окнахъ стекла , ходишь сквозной вѣтеръ и спрахъ какъ неопряшно.

Наконецъ 19-го числа , передъ вечеромъ , я вѣхалъ въ Тиалисъ и остановился въ артиллерійскомъ домѣ , въ прекрасныхъ комнатахъ.

Надобно полгода непрерывно прожишь на бивакахъ , перемежающихся всякой день , поперитишь нужду , пожаришься на здѣшнемъ солнцѣ , постопишь нѣсколько разъ подъ выспрѣлами непріятельскихъ крѣпостей , выдержишь желзную горячку и опдѣлаешься опъ чумы , чпобъ въ полной мѣрѣ имѣшь понятіе о радоспныхъ чувствахъ , наполняющихъ сердце воина , возвратившагося , разумѣется какъ мнѣ случилось , на мирныя квартиры лучшаго въ Грузіи города , гдѣ все , при лишнемъ рублѣ , къ его услугамъ.

Успокоившись опъ дороги , на третій день я спалъ принимая здѣшнія сѣрныя теплыя ванны и въ продолженіе мѣсяца совершенно выздоровѣлъ. Спасибо природѣ , но не спасибо кормостололюбивымъ содержателямъ ваннъ , и спидъ имъ за неопряпность въ комнатахъ , въ коихъ больные , послѣ ванны , должны опдыхать часъ и болѣе.

Октября 4-го , въ домѣ Благороднаго училища , въ обширномъ залѣ , наполненномъ лучшими Евро-

пейскими и Азіяпскими шоварами, перенесенными изъ Тифлискихъ караванъ-сараевъ, была олицетворена нестерпѣливая мысль Генераль-Губернатора Сипягина, по естѣшю ошкрыта ярмарка.

Октябрю 5-го, въ 11 часовъ сырой и шемной ночи, послѣ прочныхъ заслугъ опечеспву, нежданно, верхомъ въѣхалъ въ Тифлисъ Графъ Эриванскій. И на другой день, нечаянный приѣздъ Графа взволновалъ обыкновенный порядокъ городского ушра: по всѣмъ улицамъ и площадямъ мчались и пылили коляски, дрожки и верховые, къ подъѣзду Графскаго дома. Подъ шяжеспю Грузинскаго дворянспва, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, казалось, гнулся и прещалъ длинный и швердый балконъ Графскихъ палашъ; но хозяина давно уже не было дома.

Грозный покоритель Ахалциха, одинъ, безъ свидѣтелей, въ уединенномъ надгорномъ монастырѣ смиренно приносилъ благодареніе Богу — за побѣды.

Октябрю 10-го дня скончался въ Тифлисъ Военный Генераль-Губернаторъ Николай Маршьяновичъ Сипягинъ; на чешвертый день, въ Синскомъ соборѣ, при спеченіи многочисленнаго народа, Сипягину пропѣли *вѣчную память*: всѣ плакали.

Вчера, 27 Октябрю (*), Г-да Шшабъ и

(*) Въ эшотъ день въ 1827 году, Императоръ

Оберъ-Офицеры Грузинскаго Гренадерскаго полка давали преусердный балъ въ большомъ домѣ Армянскаго Архіепископа Нарсеса. Почти можно сказать (*):

Отъ лампъ и факеловъ шамъ льется блѣдный свѣтъ
 Во шму пространныхъ переходовъ;
 Столпы огромные, опоры шпакныхъ сводовъ,
 Отъ ослабшійныхъ искусственныхъ огней
 Въ пожаръ кажутся, несносномъ для очей.

«Къ вечеру Тифлисскае общество приглашено было, и проч. (*)». Собрание дамъ и кавалеровъ было многочисленное и почти всѣхъ націй. Оловкихъ, милыхъ Полькахъ можно сказать:

Какъ обманувшіи надежды,

Тамъ шумно мимо насъ клубились и неслись
 Полупрозрачныя, воздушныя одежды.

О прекрасныхъ Грузинкахъ не лзя этого сказать: онѣ почти не вшивали съ мѣсца; за шо

Ихъ груди полныя, какъ волнь лешучихъ пѣна,
 И черныи цвѣтъ, какъ цвѣтъ гебена,
 Волось, украсившихъ прелестное чело,
 Во время звучнаго веселья

НИКОЛАЙ I-й благоволилъ назначить Шефомъ Грузинск. Гренад. полка Новорожденнаго сына Своего Великаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

(*) Ночь въ Венеціи, Байрона. Маркевичъ.

(*) Смотр. 18 № 1828 г. Тифлисск. Вѣдомостей.

Невольно увлекусь взоръ!

Завтра ославляю Твои : еду домой въ Эривань. Прощай, Платонъ, прощай, другъ мой ! Весь швой.

М. С-ъ.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ

О жизни, смерти и бессмертіи, Э. Юнга.

(Ночь I).

Подашель силъ природѣ ушомленной,
Цѣлебный сонъ ! и ты, какъ свѣтъ, другъ счастья,
И ты несчастныхъ покидаешь : быстро
Летишь отъ горя на крилахъ пуховыхъ
И на безслезныхъ почишь рѣсницахъ.

По снѣ, обычно-крапкомъ и прерывномъ,
Я пробуждёнъ : блаженъ, кто спитъ сномъ вѣчнымъ !
Блаженъ, когда мечшаній нѣтъ во гробѣ !
Я пробуждёнъ, возсталъ изъ моря грезъ,
Грѣзь бурныхъ, гдѣ безъ цѣли и надежды
Носилась мысль разсудка руль, ушрашивъ.
Ей пробужденье горькая замѣна
Страданій злыхъ на злѣйшія страданья.
Мнѣ для печали крашокъ день и ночь,
Ночь въ самомъ мрака своего зеница
Есть ясный день предъ шмой моею судьбы.

Ночь, шмы богиня ! съ чернаго днесь трона,

Въ величій безлучной, ты надъ спящими
 Свинцовый скиншрь свой простираешь міромъ!
 Какъ мракъ глубока! Молчаніе какъ мертво!
 Вошше предмеша ницують взоръ и слухъ;
 Творенье спишь. Пульсъ жизни, мнишся, сшалъ;
 Въ покоѣ вся природа. Какъ норжешвенъ
 Покой сей! олъ пророкъ ея конца.
 Свершайся-жь предсказанье! опусти,
 Судьба, завѣсу: что шеряшь мнѣ бола?
 Молчанье, мракъ! вы, двойни древней ночи,
 Подашели разсудку прочныхъ мыслей,
 Зиждишели рѣшимости (опоры
 Величья въ человекѣ) — васъ зову я
 На помощь; вамъ воздамъ благодаренье
 За гробомъ; гробъ есть царство ваше: шамъ
 Падешъ сей прахъ, хранилищъ вашихъ жертва.
 Но что вы?

Ты, начальное молчанье

Изгнавшій въ часъ, когда свѣшило ушра
 Одыло блескомъ новый міръ впервые!
 О ты, чей гласъ воздвигъ изъ мрака солнце!
 Ты и въ душѣ моей воздвигни мудросшь —
 Въ душѣ, лепящей, какъ скупецъ ко злашу,
 Къ себѣ, ея сокровищу, надеждѣ!

Простри во шмѣ природы и души,
 Въ двойной сей ночи, свой отраднй лучъ
 Въ утѣху мнѣ и озаренье! Духъ мой,
 Духъ, рвущійся ошь золь своихъ всечасно,
 Веди по царствамъ бытія и смерши,
 И истину яви въ видѣньи каждомъ.
 Насшавъ меня въ дѣяньяхъ, какъ и въ пѣсняхъ;
 Дай свѣшь разсудку, волѣ правошу,

Душѣ стремленью въ мудрости, столь долго,
 Пренебреженной; новели, да будешь
 Излишъ нещестно мщенія фіалъ швой,
 Мнѣ на главу покорную излишній.

Бьетъ часъ. Мы только прошлое одно
 Считаемъ время, и ему дашь голосъ —
 Мысль мудрая! Какъ Ангела воззванье
 Проникъ мнѣ душу звукъ сей. Онъ моихъ
 Часовъ усоншихъ погребальнѣй звонъ.
 Мешалъ вѣдаешь: поспѣши! Какъ много
 Свершилъ я. долженъ! Возснано въ шревогъ
 Боязнь съ надеждой; черезъ грани жизни
 Онъ глядѣть во глубь ужасной бездны
 На вѣрное мое наследье, вѣчность.
 Но мнѣ-ль наследье вѣчность? Мнѣ, одной
 Временщику минушъ благосклонной?

Какъ бѣденъ, какъ богатъ, почтенъ, презрѣнъ,
 Какъ многосложенъ, дивенъ человекъ!
 Сколь непостижимымъ Существомъ онъ созданъ,
 Въ немъ крайностей такъ много согласившимъ:
 Онъ свойствъ прошивныхъ чудное смѣшенье,
 Избранная міровъ далекихъ связь,
 Ошлечное въ цѣни существъ звѣно,
 Ничтожества и Божества предѣлъ,
 Эфирный лучъ, померкшій, оскверненный,
 Божественный и въ самомъ униженъ!
 Безмѣрнаго величья малый образъ,
 Наслѣдникъ славы, врага бранный сынъ;
 Ничтожный, вѣчный; слабый, безпредѣльный;
 Червь, Богъ! Я съ страхомъ на себязираю,
 Въ себѣ шеряюсь. Дома, какъ въ чужбинѣ,
 Блаждаешь мысль, себѣ дивясь, себя

Не постигай. Какъ кружишься умъ!
 Для смершнаго какое чудо смершный!
 Какъ унывашь онъ, какъ гордишься долженъ
 Своею долей бѣдною и славной!
 Чтб жизнь опниашь, чтб сохранишь мнѣ можешь,
 Меня изъ гроба Ангель не воздвигнешь,
 Сонмъ Ангеловъ не заключишь во гробъ!

То истина: ее вѣщаешь все.
 Когда покоишь крошкѣй сонъ мнѣ члены,
 Почто душой блуждаю я въ мечтаньяхъ
 Въ поляхъ цвѣшущихъ, иль въ лѣсу дремучемъ
 Скишаюсь грустно, падаю со скалъ,
 Плыву и плыву въ безднѣ водъ недвижныхъ,
 Иль на ушесь взбираюсь, иль по вѣшру
 Ношусь съ шолпою призраковъ знакомыхъ?
 И сей полетъ души безперерывный
 Не говоришь-ли, что она неслѣнна,
 Духовна, безшѣлесна, самобытна,
 Жива, паденью праха непрчастна?
 Все, даже ночь, гласишь ея безсмертье;
 Все, даже ночь, день вѣчный возвѣщаешь.
 Намъ все дано на пользу: учишь сонъ насъ,
 И щещныя не щещныя сновидѣнья.

Почтожь скорбѣшь о смерти не умершихъ?
 Почто блуждаешь мысль въ преступной скорби
 Вокругъ гробовъ ихъ? Тамъ-ли духи неба?
 И спишь-ли съ прахомъ въ гробъ огонь эфирный?

Они живутъ, божественно живутъ,
 Безвѣстной здѣсь, непоснижимой жизнью,
 И лучше мнѣ, причисленному къ мершвымъ,
 Да посвящаются слезы сосираданья.
 Сей миръ пустыня! Здѣсь уединенье!

Какъ многолюдны, полны жизни гробы!
 Здѣсь мрачная шворенія пещера,
 Здѣсь сляни усаженный доль смерти,
 Страна видѣній, призраковъ пусшыхъ.
 Все въ міръ семь мечта; все существо
 За гробомъ. Кшо не вѣришь, тошъ безумецъ:
 Тамъ прочно все, гдѣ все неизмѣнимо.

Здѣсь бышія начало шолько, сумракъ,
 Дня нашего заря. Здѣсь лишь преддверье;
 Еще храмъ жизни запертъ. Смерть одна,
 Смерть мощная возмощь съ вратъ шажельнѣй
 Запоръ сняшь, праха удалишь препоны,
 Освободишь существованья стѣня.
 Ошъ жизни истинной едва-ли дальше,
 Чѣмъ мы, еще сомнительный гость свѣща,
 Зародышь, спящій въ матерней ушробѣ.
 И мы, какъ онъ, разрушивши свою
 Лазурную пемницю, вкусимъ жизнь,
 (О радость!) жизнь Боговъ и Человѣка.

Но человѣкъ, безумный, безначально
 Свои всѣ мысли погребаетъ здѣсь,
 Всѣ райскія надежды. Пѣвникъ міра,
 Подлунный узникъ, здѣсь онъ средошочнишь
 Свои желанья, окрещенный небомъ,
 Тамъ безконечность обрѣсти способный,
 Гдѣ Ангелы безсмертье собирають
 На древъ жизни, у Престола Бога.
 Какіе чистыхъ радости плоды
 Для правыхъ шамъ, благоухая, зрѣють,
 Гдѣ нѣтъ вѣковъ мгновенныхъ, шамъ, гдѣ мершвы
 Случайности и время, скорбь и смерть!
 И крапкому-ль шеченію сей жизни

Изгнать изъ мыслей челоуѣка вѣчность,
 Безсмертный прахомъ подавишь нашъ духъ?
 Душа, въ щещяхъ безумно распочая
 Свой огонь и снау, радуясь въ счастьи
 И унывая въ горестяхъ жишейскихъ,
 Подобна моря разъяренной безднѣ,
 Колеблющей громадой волнъ пушнику,
 Подвигшейся на потопленье червя.

Кто заслужилъ упрекъ сей? Первый я.
 О, какъ я сердцемъ погребень былъ въ мирѣ,
 Въ какихъ цѣпяхъ душою пресмыкался!
 Опушанъ я, какъ шелковичный червь, былъ
 Въ сопканную фаншазіей стншь мыслей,
 Пока надежда вѣчнаго здѣсь счастья
 Зашкала вовсе умъ мой, и забылъ онъ,
 Чшо онъ полетѣ направитъ власень къ небу.

Ночныя грезы иногда ушѣшны,
 Мечты неспящихъ гибельны. Мечшалъ я
 О невозможномъ (что-же больше сны?),
 О радостней на радости замѣнѣ,
 О прочномъ счастьи на волнахъ зыбучихъ,
 О днѣ погодономъ—вѣчно, въ бурѣ жизни!
 Какъ пышно были всѣ мои видѣнья
 Расписаны картинами блаженства:
 Все наслажденья въ безконечной цѣпи!
 Но вдругъ звонъ смерти, чей языкъ мѣданный
 Зовешъ вседневно въ снѣдъ ей миллионы,
 Взгремѣлъ, и я, погнбшій, пробудился.
 Гдѣжъ пышный бредъ мой, золотыя грезы?
 Днесъ хижина изъ брениной паушины,
 Изъ персти плѣнья, царскій мнѣ чершогъ.
 Нишь паука шончайшая есть вервь

Предъ нишью, насъ' связующей со счастьемъ :
Ее малѣйшій разрываетъ вѣтеръ.

О вы, картины прочныхъ наслажденій,
Споль совершенныхъ, полныхъ, безконечныхъ!
Блаженство есть блаженства неизмѣнность :
Одна лишь мысль о вашемъ прехожденъ
Пожрала-бы всѣ радости для насъ
И царство свѣта въ адъ переселила.
Вы вѣрны только шамъ, превыше звѣздъ,
Въ души своемъ вліаніемъ зловреднымъ
Люющихъ долу бѣдствія и скорби.
Здѣсь каждый часъ свидѣтель измѣненій
И къ лучшему споль рѣдко! и быстрѣе
Всего на свѣтѣ лучшее проходишь!
Всякъ лишь здѣсь держишь серпъ соревновашель
Косы огромной времени, сѣкущей
Однимъ размахомъ царства; всякій мигъ
Опустошаетъ здѣсь шѣснѣйшій кругъ
Семейныхъ наслажденій, подрѣзаетъ
Краснѣйшій цвѣтъ подлуннаго блаженства.

Подлунное блаженство! звукъ пустой,
Противъ законовъ божескихъ измѣна,
Ошважное правъ райскихъ похищенье!
Я обнимала мечту; она исчезла :
Почто ее не взвѣсилъ, не обнявъ я?
Какихъ-бы мукъ мое избѣгло сердце!

О смерть, всего владыка! Ты сметаешь
Съ лица земнаго царства, шушишь звѣзды;
Ты отпускаешь солнцу лишь сіянье
И нѣкогда съ небесъ его низринешь.
Почто-жь, средь споль великихъ дѣлъ, колчанъ свой
Опустошашъ для споль ничтожной мѣшны?

Почто мени разишь съ особой злоестью?
 Смерть алчная! одной-ли не довольно?
 Трикрашы сшрѣлы шы своимъ мешнула;
 Трикрашы, прежде, чѣмъ свой путь луна
 Прошла шрикрашы, сердце мнѣ пронзила.
 Почто блѣдна шы, Циншія? Грустишь-ли
 О насъ, несчастныхъ? Съшуй: наша жизньъ
 Всѣхъ перемѣнъ швоихъ непостояннѣй!
 Гдѣ шы, мое заемное блаженство?
 Фортуны ласка, свѣшь несамобышнѣй,
 Не добродѣтели небеснѣй лучъ шы!

(Оконч. съ слѣд. книжки).

ПРИМИРЕНІЕ.

ГОРАЦ. Кн. 3. Ода 9-я.

ГОРАЦІЙ.

Когда я былъ любимъ шобой,
 Пока не оплешалъ руками
 Илейныхъ плечъ швоихъ счастливѣйшій другой,
 О счастье спорилъ я съ царями!

Лидія.

Когда пылалъ шы мной одной,
 Пока соперницы лукавой
 Ты не ласкалъ еще... я Или самой
 Высокій не прельщалась славой.

ГОРАЦІЙ.

Кришянку Клою радъ любишь,
 Радъ слушаешь шшры нѣжной звуки,

И пѣсни сладкія чшобъ Клеи дни продлишь,
Вкуснѣе гошова я смерти муки.

Л и д і я.

Взаимно рада я люблюшь
Омина сына молодова;
Чшобъ жизнь Каланса ошъ смерти искувишь,
Я дважды умерешъ гошова.

Г о р а ц і й.

Чшдъ, если прежняя любовь
Воспламенишся новой силой,
Пошущишь къ Клоу спрасшь, и сердца пѣдра вновь
Раскроешь для забышой милой?

Л и д і я.

Какъ ночи яркая звѣзда,
Блнспаешъ юноша красою. . . .
Ты легкокъ какъ перо, свирѣпъ какъ волнъ вражда,
И жищъ и умерешъ съ шобою!

В. Орловъ.

ЭПИГРАММА.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Подъ Роменемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу спавъ спиною,
Подъ холодный Вѣспникъ свой
Прыскалъ мершвою водою,
Прыскалъ вжицу живой.

А. Пушкинъ.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

(Продолженіе).

6.

Графиня Аглаида къ сестрѣ своей.

Я поржешвую, сесприца! Мы скоро приѣдемъ къ вамъ, и ты увидишь у ногъ моихъ милого плѣнника, котораго я привлеку за моей колесницей. Будь свидѣтельницей побѣды моей и раздѣли со мной радость, опъ кошорой я схожу съ ума. Ты конечно удивляешься, что я такъ скоро надѣюсь все кончить; но надобно умѣть пользоваться обстоятельствомъ, такъ какъ я, надобно умѣть самия неблагопріятныя изъ нихъ употребить въ свою пользу, словомъ, надобно имѣть мой *геній*, и тогда — нѣтъ ничего невозможнаго. Но чтобы ты лучше могла зпо понять и повѣрить мнѣ, я должна рассказать весь ходъ происшествій, по порядку.

Вопервыхъ надобно тебѣ знать, что мы всѣ сговорились ѣхать къ вамъ на Свяпки, съ шѣмъ, чтобы пробыть у васъ дней десять. Можешь посудишь, какъ пріятна для меня эша поѣздка. Она доставишь мнѣ удовольствіе видѣть тебя, и сверхъ того очень поможешь въ *дѣлахъ моихъ*.

Апрѣль 1829.

28

Я постараюсь распорядиться такъ , чтобы милому братцу пришлось ѣхать съ сестрой и со мной въ одномъ экипажѣ. Ты согласишься , что проѣхашь шестьдесятъ верстъ вмѣстѣ — безподобно , и что надобно бышь пошлай дурѣ , чтобы не умѣшь эшимъ воспользовашься. Тутъ можно пришвориться испуганной , а въ спрахѣ очень позволено обнять , не только что братца , но даже всякаго , перваго встрѣтившагося кавалера... Но ты женщина , и слѣдовательно сама въ сосполнѣи вообразишь всѣ выгоды , коиорыми я могу воспользовашься дорогой. Прожишь вмѣстѣ съ братцемъ десять дней , также недурно. Въ это время можно успѣшь во многомъ , особливо когда будуть шанцы , игры , переодѣванья , и когда еще при всемъ этомъ ты будешь помогать мнѣ , въ чемъ я не сомнѣваюсь. Видишь-ли , какъ много хорошаго обѣщаешь мнѣ путешествованіе къ вамъ.

Одинъ камень преткновенія встрѣтился мнѣ во всѣхъ моихъ планахъ ; но теперь я не боюсь и его. Эпопъ камень была Людмила. По всѣмъ моимъ наблюденіямъ , ссора братца съ ней все еще продолжалась , но примиреніе могло случиться всякую минупу и ужасало меня. Всѣ способности ума моего были устремлены на то , чтобы поссорить ихъ еще болѣе , выиграть время и овладѣть совершенно сердцемъ братца , прежде нежели онъ успѣетъ помириться съ ней. Но сколько я ни думала , все никакъ не находила средствъ

исполнить свое намѣреніе : вдругъ случай помогъ мнѣ. И какой случай! . . . но слушай далѣе.

Я сидѣла одна въ гостиной , и , ломая голову надъ эшой задачей , находила , что она еще пруднѣе дѣленія дробей , опъ котораго мы съ шобой такъ часто плакали , учась Ариемепикѣ . Вдругъ вошелъ Шмипъ . Не смотря на мою задумчивость , я замѣпила пошчасъ , что и онъ очень не веселъ ; и хошя мнѣ досадно было , что онъ помѣшалъ мнѣ думзшь , однакожь я должна была изъ учпи-воспи начапъ съ нимъ какой-нибудь разговоръ , совсѣмъ не воображая , что послѣдспвія онаго будушь очень для меня инпересны .

« Слышали-ли вы , любезный Шмипъ , что мы ѣдемъ къ пешушкѣ ? »

— Слышалъ—опшвѣчалъ онъ со вздохомъ .

« Не хопише-ли и вы бышь нашимъ повзри-щемъ ? »

— Признаюсь , желалъ-бы ; но я не знакомъ съ вашей пепушкой .

« Объ эшомъ не беспокойтешь ; машушка васъ опрекомендуепъ . При помъ-же вы человекъ военный , а военные не употребляютъ большихъ церемоній при рекомендаціи . »

— Все эшо правда , сударыня ; но признаюсь , не думаю , чтообъ мнѣ было шамъ очень весело .

« Прекрасный комплиментъ , Г-нъ Шмипъ , и пешушкѣ и всѣмъ намъ . »

— Ахъ, Графиня, проспишите меня! я не помню, что говорю. Ей Богу, я ужасно огорченъ.

«Эпо я вижу; но смѣю-ли спросить, чѣмъ?»

— Знаете-ли, я получилъ приказъ отъ Людмилы Павловны?

«Какъ?»

— Да, она мнѣ опказала, что называется, на отрывъ.

«Но, Боже мой, гдѣ, какъ, когда?» спросила я съ безпокойствомъ, вообразивъ, что изъ этого могутъ выйдти послѣдствія очень невыгодныя для меня.

— Но что-же вамъ кажется эпо такъ странно?

«Я совсѣмъ не удивляюсь этому, а только хочу знать неперпѣливо, какъ эпо случилось?»

— Почему эпо такъ для васъ инпересно?—Тутъ онъ бросилъ на меня *испытующій* взглядъ, и, можетъ быть, вспомнивъ мое нападеніе, вообразилъ, что я сама люблю его и отъ того съ такимъ участіемъ спрашиваю. А я между тѣмъ выходила изъ перпѣнія и готова была сказать ему грубость.

«Потому, что я женщина,» сказала я наконецъ, не зная что отвѣчать ему, «а вамъ извѣстно, какъ всѣ женщины любопытны.»

— И такъ извольте, исполню ваше желаніе. Вчера вечеромъ, возвратившись домой, я нашелъ письмо на мое имя, которое оспавилъ деньщику

моему человѣкъ Графининъ , и это письмо было отъ дѣвицы Лидиной.

« Такъ она отказала вамъ письменно ? »

— Разумѣется.

« Документъ! — подумала я — отъ часу не легче !
Это письмо не съ вами-ли ? »

— На что вамъ ?

« Дайте мнѣ его, пожалуйста, прочтешь, любезный Шмишъ ! »

— Право , Графиня , вы въ этомъ принимали какое участіе , которое меня удивляетъ.

« Эхъ , Боже мой , я говорю вамъ , что я женщина , и женщина самая любопытная . При томъ же вы , я думаю , помните , что я всегда принимала въ васъ участіе , и теперь отъ души желаю помочь вамъ . »

Эти слова пронесли слабую спрунку Шмишова сердца ; онъ съ довольнымъ видомъ поблагодарилъ меня и подалъ письмо , которое почти отъ слова до слова оспалось у меня въ памяти . Вотъ оно :

М. Г. !

Если вы человѣкъ истинно благородный , то вѣрно не захотите быть причиной несчастія дѣвушки , которая вамъ не сдѣлала зла . Надѣясь на это , я прошу васъ покорнѣйше оставить на меня ваши виды ; прошу , чтобы вы отказались совершенно отъ предложенія вашего , и болѣе не

повпоряди его Графинѣ, но только такъ, чтобы ни она, ни сынъ ея, ни даже кто нибудь другой не знали, что я этого ошъ васъ пребую. На это я имѣю свои причины, и прошу васъ уважить тайну, ошъ которой зависить мое спокойствіе. Не думайте впрочемъ, чтобы предложеніе ваше обижало меня: напросивъ, я благодарю васъ за честь, и довѣріе мое къ вамъ служитъ яснымъ доказательствомъ шого истиннаго уваженія, съ коимъ я имѣю честь бышь, и проч.

Я ужъ давно прочитала письмо, но все еще держала его въ рукахъ, желая сообразиться, что сказать Шмипу, и что ему присовѣшовать. Скрытность, которой ошъ него пребовали, подавала мнѣ надежду, что братецъ не скоро узнаетъ объ этомъ, и я немножко поуспокоилась.

— Видите-ли—сказалъ наконецъ Шмитъ — что я имѣю шакже къ вамъ истинное уваженіе, вѣривъ чужую тайну.

« О, будьте спокойны; вы не ошиблись во мнѣ. Въ этомъ случаѣ я буду молчалива, какъ рыба. » Ты можешь посудить, что я говорила это ошъ души, и ничего еще справедливѣе въ жизнь мою не сказала.

« Но, любезный Шмитъ, не ужели вы при первой переспрѣлкѣ хотите рѣшироваться? »

— Ошказъ такъ рѣшишелешь, что надѣяшсья было-бы глупо.

«А я шакъ думаю совѣтъ напрашивъ. Видали-ли вы печашь—прибавила я засмѣявшись—на кошорой изображенъ Купидонъ, съ надписью: *со временемъ достигну?* Вѣрьте мнѣ, что эта печашь сдѣлана по опыту. Не опчаявайшесь, старайшесь, угождайте, будьте неусыпны, и вы шакже со временемъ досшигнете.

— Не думаю.

«Вѣрьте мнѣ, или нѣтъ, какъ хошите; но согласишесь, что я лучше васъ знаю женское сердце. Почему знашь, можешъ бышь это одно шолько испытаніе. Разсудите сами, для чего онъ васъ пребуонъ такой скрытности?

Онъ подумалъ съ минушу.—И шакъ что-же вы мнѣ совѣшуете дѣлать?

«Бѣхашъ съ нами, любезный Капитанъ, старашся всячески угождать дѣвицѣ Лидиной и доказывашъ ей любовь вашу. Вы проведете нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ и вамъ удобно будетъ это сдѣлать. Не упускайте случая; другой не скоро сыщется.»

Мы шакъ занялись эшимъ разговоромъ, что не слыхали какъ приѣхалъ Александръ, и тогда шолько узнали объ эпомъ, когда онъ вошелъ въ комнашу и очушился въ двухъ шагахъ передъ нами. Я вздрогнула, увидѣвъ его, однако скоро нашлась; роковое письмо все еще было въ рукахъ у меня; я свернула его очень хладнокровно,

и, подавая Шмишу пакъ медленно, чпобъ можно было закъшпшь руку, котором сдѣлана надпись, сказала: «Будыте спокойны, сударь, и не раздумывайте ѣхашь; ручаюсь, что шенушка васъ приметъ хорошо.»

Шмишъ, котораго нечаянное появленіе бранца пакже немного смѣшало, поклонился и вышелъ; не сказавъ ни слова.

«Что это за письмо?» спросилъ Александръ съ безвокойснвомъ.

— Это письмо пишеть къ нему Лидина.

«Людмила? И пакъ глаза меня не обманули; въ самомъ дѣлѣ это ея рука? . . . Боже мой, она къ нему пишеть! . . . Но вы читали письмо. . . ради Бога, что все это значить?» Онъ былъ блѣденъ, какъ иблонно, и держался за спинку кресель.

— Успокойтесь, любезный бранецъ, садьте. Дѣвица Лидина живеть у васъ въ домѣ, и я согласна, что честь ея должна пакъ-же бытъ дорога вамъ, какъ честь сестры; но вы знаете, что Шмишъ ищеть руки ея, что это не пропавно ей, и что ваша машушка одобряеть его виды; и пакъ что-жь за бѣда, если она къ нему пишеть?

«Спало бытъ они ведутъ любовную переписку, а вы играете роль повѣренной? Прекрасно! Только адого еще не доспавало.»

Такой упрек кольнулъ меня. Я видѣла, что обсподниельства были самыя затруднительныя, и надобно было употребить всю оборотливость, чтобы выдуться изъ нихъ.

— Выслушайте, въ чемъ дѣло—сказала я.— Людмила Павловна уведомляетъ его, что мы ѣдемъ къ пепушкѣ, и приглашаетъ туда-же; а такъ какъ онъ съ пепушкой не знакомъ, но я просилъ, чтобы мы его отрекомендовали. Теперь вы видите, по какому случаю сдѣлана мнѣ довѣренность.

Братецъ задумался. «Переписывалась съ человекомъ, которому она не дала еще слова, приглашаетъ съ собой—произнесъ онъ наконецъ—нѣтъ, это, мнѣ кажется, непросипиельно и слишкомъ смѣло!... Я долженъ объясниться съ Людмилой.»

Если-бъ я въ тридцать градусовъ мороза выбѣжала во дворъ, въ одномъ плащѣ, то и иногда бы, кажется, не почувствовала такого озноба, какой сдѣлался со мной при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого! Въ письмѣ именно просятъ, чтобы это была тайна. Вамъ я ее открыла потому, что для васъ нѣтъ у меня тайны—тутъ я пожала его руку.—но, прошу васъ, не выводите ее наружу и не впускайте меня въ испорію, въ конюрю я вмѣшалась, не подумавши хорошенько, по одной добротѣ моей, и шедеръ, ужъ въ шомъ раскаиваюсь,

Да и какого объясненія хотите вы требовать?— прибавила я, вида что онъ задумался—мнѣ ка- жется, и такъ все очень ясно.

«Правда ваша,» сказалъ онъ, вздохнувъ, «все ясно. И вспуапаться за женщину, которая не до- рожишь сама честью своей, значило-бы унижать себя и дурачить. Но, Людмила!... Кто-бы могъ подумать, чтобъ подъ такою невинной наруж- ностью скрывалось припворство!... Какъ об- манчивы женщины!»

—Не всё, повѣрьте, что не всё. Женщинъ мно- гие обвиняють въ вѣтрености, въ непостоянствѣ; но я, мнѣ кажется, способна любить одинъ поль- до разъ въ жизни. Даже — прибавила я со вздо- хомъ—и тогда, еслибъ выборъ мой палъ на тако- го человѣка, который не могъ-бы отвѣчать мнѣ тѣмъ-же.

Онъ понялъ; кажется, смыслъ моихъ словъ, и посмопрълъ на меня съ чувствомъ. Во все про- долженіе дня разговоръ нашъ шелъ въ *нѣжно-меланхолическомъ* тонѣ. Милый братецъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ я съ *невинной откровенностію* высказывала чувства свои, ча- сто вздыхалъ, пожималъ мою руку, и мы съ шру- домъ могли разспаться до завтра.

Каково, моя милая? Не правда-ли, что обо- ротъ, который я дала этому дѣлу, есть верхъ искусства? Правда и то, что я послушала слыш-

комъ смѣло и рѣшительно : но шѣмъ-по больше и выиграла. Хотя дружба наша съ брагцемъ была и пакъ ужь довольно велика ; хотя онъ цѣлые дни проводилъ у насъ и занимался только мной ; но все еще любовь его къ Людмилѣ казалась мнѣ слишкомъ сильною, а сѣщи, кошорыми я опушывала его, не довольно еще крѣпкими. Я боялась, что одно дуновение вѣтерка можетъ разорвать ихъ, и онъ — улепихъ опъ меня, какъ пшичка. Теперь эпомъ спрахъ миновался : хитрость моя подѣйствовала, какъ не лъзя лучше. Людмила, кажешся, совсѣмъ почти забыта, и я начинаю занимать мѣсто ея въ сердцѣ милого брагца. Съ каждымъ днемъ общесиво мое спановится для него необходимѣе, дружба его ко мнѣ итѣнѣе ; словомъ, еще одинъ шагъ, и я достигну моей цѣли ! Ты скажешъ, что со временемъ хитрость моя можетъ опкрыться ? Ничего не бывало, я предвидѣла все : Юлія сказывала мнѣ, что Людмила непремѣнно хочетъ идти въ монастырь, и ждегъ только опѣзда брагца ея, чтобы исполнигъ это намѣреніе. Что значигъ все эго, я не понимаю. Всѣ поступки ея для меня премудреная загадка. Но какъ-бы по ни было, съ моей спороны, въ добрый часъ ! Срокъ брагцева оппуска не далекъ ; онъ уведегъ, не узнавъ ничего, а тамъ Людмила сдѣлаешся монахиней, и пайна письма умрешъ въ спѣнахъ монастырскихъ.

Шмигъ непременно ѣдетъ съ нами. Мы будемъ его наспроивать, глядя по обстоятельствуспивамъ, и онъ намъ пригодится. А при помъ-же и ты иногда можешь опъ скуди заняться имъ. До свиданія, моя милая!

7.

Графъ Славскій къ своему другу.

Я давно не писалъ къ тебѣ, другъ мой! Но не думай, чтообъ эшо было опъ лѣни, или опъ слишкомъ веселаго проваженія времени. Напропивъ, дѣла мои все шакже худо идущъ, или лучше сказашь, еще хуже. Въ последнее время я безпрестанно мучился, какъ въ аду: измысливалъ причину Людмилинной холодноши и ломалъ голову до шого, что чуть-чуть не сошелъ съ ума. То ревность и подозрѣнїе перзали душу мою, шо слабый лучъ надежды снова озарялъ ее; словомъ, я бродилъ ощупью въ какомъ-то темномъ лабиринтѣ и не находилъ ни одной пропинки, которая вывела-бы меня на свѣтъ Божій. Что-же мнѣ было писашь къ тебѣ, и о чемъ я могъ разсказывашь, когда самъ не понималъ ничего, изо всего что вокругъ меня дѣлалось? Теперь эша головоломная задача разрѣшилась самой простой, самой обыкновенной испиной, которую давно угадалъ-бы всякой дуракъ, будучи на моемъ мѣстѣ, и которую мнѣ до сихъ поръ одна глухая,

слѣпая любовь разгадать мѣшала. Я имѣю соперника—вошь я все тушь! Ожидаль-ли ты этого? Чувствуешь-ли, какъ при этомъ словѣ подираешь меня по кожѣ? . . . Да, другъ мой, это проклятое слово безпрестанно опадалось въ ухахъ моихъ и потрясало душу, какъ звонъ набатнаго колокола, или крикъ умирающаго; но судьба послала мнѣ ангела утѣшителя, который указалъ мнѣ, что не всѣ еще прелести жизни для меня исчезли, и я теперь могу, довольно равнодушно, рассказать обо всемъ, что со мною случилось.

Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ моемъ, мы ужинали всѣмъ семействомъ у шарика моего дяди, о которомъ я часто говорилъ тебѣ. Тамъ увидѣлъ я гренадерскаго офицера — полкъ ихъ здѣсь квартируетъ. Некрасивая наружность его показала мнѣ нѣсколько смѣшною, но я не обратилъ на него особеннаго вниманія, и только тогда спалъ разглядывать приспальнѣе, когда увидѣлъ за ужиномъ, что онъ сидитъ возлѣ Людмилы, и она съ нимъ такъ ласкова, какъ не была со мной съ самаго моего приѣзда. Это зацѣпило меня за живое, и заспавило спросишь кухню мою Агладу, кто такой этотъ господинъ съ длиннымъ носомъ? Она пошупила надъ моимъ безпокойствомъ, кошораго скрышь былъ я не въ смяхъ, и сказала, что это Капитанъ Шмигль, что онъ знакомъ съ нашимъ домомъ и—болѣе я ничего не

могъ добиться, хотя и видѣлъ по лицу ея и улыбку, что ей извѣстно еще что-то такое. Не узнавъ ничего подробнѣе въ эпопѣ вечеръ, я провелъ ночь такъ спокойно, какъ будто меня варили въ кипятокъ; а на другой день по утру услышалъ опъ мапушки, что Шмипъ сватается за Людмилу... При этомъ извѣстїи я едва успокоя на ногахъ, и не помню, какъ вышелъ изъ комнаты.

« Такъ вопъ опъ чего, думалъ я, Людмила меня убѣгаетъ, вопъ опъ чего она такъ холодна ко мнѣ! Боже мой! вообразалъ-ли я, что сердце ея можетъ переѣниться? ... и между тѣмъ это правда. Три года разлуки изгладили меня изъ ея памяти до того, что она предпочла мнѣ другаго... и кого-же? Господи! человекъ безобразнаго, совершеннаго урода! ... Послѣ этого какъ вѣришь женщинамъ? Нѣтъ, съ ними опасно разсуждалась и на три дня, не только что на три года. Но я не знаю моего соперника: можетъ быть, онъ умнѣе, добрѣе, любезнѣе, такъ мудрено-ли, что этими качествами заставилъ забыть плѣсные недосыпки и умѣлъ привлечь ея сердце... Однакожь, Людмила, это еще не оправданіе: какъ могла ты измѣниться тому, кто слышалъ первый вздохъ любви твоей, кто все счастье свое полагаетъ въ одной тебѣ? ... Нѣтъ, Г-нъ Шмипъ, вы должны дорого заплачивать мнѣ за это! Я не уступаю даромъ добычи. Не смонря

на вашъ умъ и любезность, я буду съ вами спрѣ-
ляться на пистоляхъ, на ружьяхъ, на пушкахъ,
на чемъ вамъ угодно. Я сдѣлаю себя, вѣролом-
ная, вдовой прежде замужства, и съ дикой ра-
достью увижу слезы твои, или самъ погибну. . .
Да, да, спрѣляться, спрѣляться сей-же часъ! Эй,
человѣкъ! вели заложить мнѣ лошадь.»

Черезъ десять минутъ она была гопова.
Между тѣмъ я зарядилъ пистолеты; бросился
въ сани, какъ полуумный, закричалъ: пошелъ!
и самъ, погруженный въ мысли, не видалъ куда
меня везуть. Вдругъ кучеръ мой останоуился и
я опомнился. «Ну, чтожь ты спалъ?»

— Да куда-жь прикажете ѣхать?—Въ самомъ
дѣлѣ мы ужъ выѣхали изъ селенія и спояли на
мѣстѣ, гдѣ дорога раздѣляется на двое: одна
вправо, къ кварпирѣ Шмица, другая влѣво,
въ деревню дяди. Между тѣмъ мысли мои
сдѣлались яснѣе, холодный воздухъ освѣжилъ го-
лову, разсудокъ началъ ко мнѣ возвращаться и
я, какъ сквозь сонъ, вспомнилъ слова сесипры,
сказанныя мнѣ при открытіи роковой ново-
сти, что Людмила не дала еще своего согласія
Шмицу.

«Не безумное-ли дѣло ѣхать къ человѣку, ко-
торого я совсѣмъ не знаю, и вызывать его
спрѣляться за то, что онъ посвапался за дѣ-
вушку, живущую у меня въ домѣ? Кажешся,

эшимъ онъ не сдѣлалъ ей безчестія? А что я люблю ее, такъ это на лбу у ней не написано; слѣдственно онъ не виноватъ ни душой, ни пѣломъ. Людмила-же не дала еще своего согласія; почему знаешь, можешь быть сватовство это ей самой не нравится, можешь быть она совсѣмъ и не любитъ его.» Искра надежды заронилаь опять въ мою душу и я велѣлъ ѣхать къ дядѣ.

Въ этомъ домѣ я наслаждался первыми, невинными забавами дѣтства, которыя никогда не изглаживаются изъ памяти нашей, и воспоминаніе которыхъ всегда такъ пріятно. Каждый почти праздникъ я бывалъ вмѣстѣ съ маленькими моими сестрицами; съ ними дѣлилъ всѣ мои игры, и мнѣ казалось самымъ лучшимъ въ шеперешемъ моемъ положеніи, провести нѣсколько часовъ въ кругу ихъ семейсва. А правду скажешь, болѣе всего привлекала меня шуда сестрица моя Аглада. Если-бъ ты видѣлъ, какъ она мила, какъ любезна, какъ хороша! Паря держу, что не смошря на свою философскую холодность, ты въ полчаса распаялъ-бы передъ ней, какъ воскъ передъ жаромъ. Но для меня всего милѣе то, что она со времени разлуки нашей ни сколько не перемѣнилась въ обращеніи со мною: такъ-же родственна, такъ-же опшкровенна, какъ прежде, только болѣе задумчива и опасна... Она такъ хорошо понимаетъ меня; въ боль-

нихъ / голубыхъ мазахъ ея отражается такое милое участие, такая вѣжливость, что подлѣ нея я забываю поску свою. Согласись, что найдши друга въ женщинѣ милой и прелестной восхищешься, а я именно нашелъ это въ Агладѣ. Пробывъ цѣлый день съ нею, занимаясь только ею одной, или лучше сказать, видя, что она однимъ мною занимается, я возвратился съ какими-то странными чувствами: холодность Людмилы шезала меня по-прежнему, но дума объ Агладѣ разгоняла поску и раждала во мнѣ свѣпныя, ясныя мысли; словомъ, я былъ похожъ на человека, который ходя взадъ и впередъ, видя на одной сторонѣ небосклона мрачную тучу, на другой ясное, безоблачное небо.

Между тѣмъ всякой день я искалъ случая поговорить съ Людмилой, и всякой разъ видѣлъ, что она съ тѣмъ-же упорствомъ избѣгаетъ этого. Съ разперзаннымъ сердцемъ бродялся я въ сани и лезлѣ къ Агладѣ искать утѣшенія. Такъ шло мое время; но наконецъ случай рѣшилъ недоумѣнїе и открылъ мнѣ глаза. Людмила измѣнница; она не даетъ своего согласія Шмипу опъ того только, что въ ней есть еще искра совѣсти, и она откладываетъ это до моего отъѣзда. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, потому что доказательства измѣны ея очень ясны; она переписывается съ Шмипомъ и

Апрѣль 1829.

29

я самъ видѣлъ письмо ея у него въ рукахъ!...

Бизнесство овладѣло мной, при этомъ онкриспимъ ; но тунъ была Аглайда : сладкій голосъ ея проникъ въ мою душу , какъ звукъ арфы Давидовой въ душу Саула ; мнупинный порывъ исчезъ, и во мнѣ осшалось одно шолько презрѣнне къ вѣроломной.

Съ тѣхъ поръ провожу я цѣлме дни съ Аглаидой , и знаешь-ли что ? мнѣ начинаеть казашься , что она чувспвуетъ ко мнѣ больше нежели дружбу ! Выраженія глазъ ея слишкомъ ужъ нѣжны, радостъ при свиданіи слишкомъ велика , шрепетъ руки , когда я беру ее , слишкомъ силенъ... Короче : все увѣрлетъ меня въ этомъ часъ онъ часу болѣе.

Третьяго дня , напнрнѣрь , увидѣлъ я на ней лешу очень поношеную и проспую , которая советмъ не онвѣчала прочему нардду. Это меня удивило и я шуша сдѣлалъ ей замѣчаніе.

« Я люблю эту лешу » сказала она , покраствѣ и нрнмѣшно смѣшавшихъ « а съ нѣкошорыхъ поръ она сдѣлалась мнѣ еще милѣе . »

— Свало бышь по какой нибудъ особенной причинѣ ?

Опвѣта не было ; но щеки ея запылали ярче.

— Если это подарокъ , прибавилъ я , шо долженъ бышь очень давнишній ?

« Да , я получила его въ день моего рожденія ,

назадъ тому лѣтъ шессть. »—Тутъ она взглянула на меня и опять пошутила взоры.

— Боже мой ! не ужели это ша ленточка , которую я подарилъ вамъ , когда мы были еще дѣти ? Невозможно , чтобъ до сихъ поръ вы хранили такую бездѣлку и шагъ дорого цѣнили ее !

« Подарокъ этотъ доставилъ мнѣ тогда истинное удовольствіе . Онъ былъ первымъ залогомъ дружбы нашей и напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни . » Взглядъ , который сопровождалъ эти слова , высказалъ еще больше .

Кажется мнѣ , что дружба , даже и въ женствѣ , не можетъ достигнуть до такой упонченной вѣжливости и вниманія .

Ты спросишь : чѣмъ-же все это кончится ? Спросишь : въ состояніи-ли я буду заплакнуть Агладѣ за любовь любовію , когда еще прежняя рана въ сердцѣ моемъ такъ свѣжа и глубока ? И соображаясь съ предразсудками и законами , найдешь еще тысячу препятствій . Но , другъ мой ! человекъ , гибнущій въ безднѣ моря и употребляющій послѣднія усилія , чтобъ достигнуть голы , безплодной скалы , единственнаго его спасенія , разсуждаетъ-ли о томъ , что онъ равно погвбнетъ и на ней , безъ крова и плоти ? Вся цѣль его въ эту минуту состоитъ только въ томъ , чтобъ спастись отъ разъяренной стихіи .

Природный инстинктъ влечетъ его къ продолженію жизни, хотъ на нѣсколько минутъ, и невѣрный лучъ надежды блеснитъ передъ нимъ, хотъ далеко и пущко. Я похожъ на эшого челоуѣка, и не знаю, что новая любовь готовитъ мнѣ въ будущемъ; только знаю то, что теперь я не могъ-бы, кажется, существовать безъ Аглаиды. Безъ нея всѣ-бы чувства души моей умерли и слились въ одно мрачное, разрушительное опчаяніе.

8.

Графъ Славскій къ своему другу.

Я теперь въ деревнѣ госпожи Вельской. Она родная сестра Аглаидиной матери, и мы всѣ собрались къ ней съ шѣмъ, чпробъ провести вмѣстѣ святки; но прежде нежели буду рассказывать, какъ мы проводимъ здѣсь время, я долженъ описать тебѣ всѣ подробности нашего путешествія.

Перевъздъ былъ не болѣе шестидесяти верстъ, и мы отправились цѣлымъ караваномъ. Матушка, съ пешкой, съ сестрой и Людмилой, сѣли въ карету; Аглайда съ сестрой своей въ повозку, а я поѣхалъ одинъ, въ открытыхъ саняхъ. Погода была теплая и пасмурная; тяжелая карета тихо тащилась по мягкому снѣгу; колокольчики

изрѣдка перезванивали и кучера въ полголоса на-
пѣгивали яропѣжные пѣсни. Эпошъ концертъ ,
мрачная погода и шихая ѣзда , погрузили меня
въ задумчивость ; я ушкнулъ носъ въ ворошникъ
и шнели и сидѣлъ повѣся голову. По временамъ
Людмила высовывалась изъ карешы , но не за-
шѣмъ , какъ бывало прежде , чтобы взглянуть на
меня : Днеперъ , казалось , занимали ея одни де-
ревья , покрытѣя инеемъ , и на нихъ шолько взоръ
ея оспанавливался . « Какъ все перемѣнилось ! » ду-
малъ я , и мнѣ спановилось еще грустнѣе . Ме-
жду шѣмъ Аглайда также выглядывала изъ своей
повозки и при всякой излучинѣ дороги оборачи-
валась ко мнѣ , хотѣла непременно встрѣпить
взоръ мой , подарить меня ласковой улыбкой .
Тутъ мнѣ спановилось легче .

Такъ пробѣхали мы половину дороги , и въ де-
ревенькѣ , окруженной лѣсами , повозка оспано-
вилась . Аглайда подозвала меня къ себѣ и спросила ,
не хочу-ли я обѣдать . « Пускай наши ѣдутъ впе-
редъ — сказала она — имъ въ карешѣ можно эпо
сдѣлать ; а намъ непременно должно оспановишь-
ся . » Я согласился охотно на эпо предложеніе и
мы спали выбираться въ избу , прошивъ копорой
оспановились . Снѣгъ засыпалъ дорожку къ ней ,
и я взялся перенести Аглаиду на рукахъ , чтобы
она не промочила ногъ . Ахъ , другъ мой , какъ
ей было эпо пріятно ! Съ какимъ сладоспращіи-
емъ рука ея обвилась около моей шеи , какъ

томно голова склонилась ко мнѣ, какое сердечное удовольствіе выражали прелесные глаза ея! Мнѣ самому сообщилась шже чувства: я восхищался моимъ милымъ бременемъ и боялся распашься съ нимъ; шеть нога за ногу, и хопя давно уже не было снѣгу, но я внесъ Агланду въ самую избу, въ самый дальній уголъ избы, и со вздохомъ, прошивъ воли, опуспилъ медленно на полъ. Прошивъ воли, казалось, и руки ея распались со мной... Въ избѣ вспрѣшила насъ хозяйка, добрая, молодая женщина, знакогая моимъ спупницамъ. Она очень обрадовалась имъ и спрашивала, опъ чего шакъ давно онѣ не проѣзжали по этой дорогѣ; а пошомъ, указавъ на меня и обратясь къ Агландѣ, прибавила: «Эшопъ баринъ, машушка, не хозяйнѣ-ли швой?»

— Почему-жъ ты шакъ думаешь? спросила Агланда, засмѣявшись.

«Да видишь, какъ онъ за шобой ухаживаетъ.»

— Нѣтъ, милая, эшо братъ мой—прибавила она со вздохомъ, кошормъ мнѣ шолью одному былъ понященъ.

«Чудно, право! Въ нашемъ быпу и мужъ-шо жену на рукахъ не носишь.» Тупъ добрая женщина покачала головою. «Ну, да знашь у васъ шаккой обшчай.»

Вопросъ и замѣчаніе хозяйки распмѣшили насъ;

но я невольно подумалъ : ужь не пророчество-ли это ? не должно-ли оно сбыться когда нибудь ?

Между тѣмъ принесли дорожный запасъ и мысли за споль. Чистая , теплая изба , спаканъ сошерна и бесѣда моихъ спутницъ перемѣнили совершенно расположеніе моего духа. Обѣдъ нашъ былъ очень веселъ. Хозяйка никакъ не хотѣла вѣришь , что я братъ Аглаидѣ . « Нѣтъ , сударыня—говорила она—что-то вы съ нимъ больно ужь дружны . Вѣрно вы вышла за мужъ и хочешь пошутить надо мной . » Другая кузина моя спаралась поддерживать ее въ эшихъ мысляхъ , и разговоръ эшотъ , кромѣ смѣха , возбуждалъ въ насъ еще какое-то пріятное , неизъяснимое чувство , шакъ что ни мнѣ , ни Аглаидѣ не хотѣлось скоро уѣхать . Кончивъ обѣдъ , я сказалъ , что хочу курить трубку ; Аглаидѣ нужно было успокоиться опъ дороги , и мы , всѣ шрое , усѣлись на лежанкѣ . Яшпаръ мой часно переходилъ въ усипа Аглаиды и возвращался опяшь ко мнѣ , производилъ магическое дѣйствіе , похожее на самыя поцѣлуй . Непринужденная радость царшвовала между нами , время летѣло спрѣло , и наконецъ все шакъ должно было разшаться съ хижиной , въ которой я провелъ нѣскольکو часовъ , пріятнѣйшихъ въ моей жизни . Такъ часто веселье закрадывается туда , гдѣ совсѣмъ его не ожидающъ , и бѣжашъ шого мѣста , гдѣ надѣющся его встрѣтитъ ! но философію къ споронѣ .

Надобно было ѣхать. Смеркалось, въперъ шумѣлъ и снѣгъ падалъ хлопками. «Сядьте съ нами, сказала Аглайда: погода перемѣнилась и вамъ въ саняхъ будетъ холодно.» Разумѣется я не отказался отъ приглашенія, но только такъ спѣснилъ ихъ, что Аглайда сидѣла позади у меня на колѣняхъ. «Видишь-ли, я васъ беспокою.»—Ахъ, нѣтъ! мнѣ такъ спокойно, такъ хорошо, опрѣчала она, какъ нигдѣ бытъ не можеть. Пожалуста не оставляйте меня!—Тутъ пихонько взялась она за шинель мою, какъ-бы боясь, чпобъ я не ушелъ отъ нея въ самомъ дѣлѣ. На каждомъ полчкѣ я поддерживалъ Аглайду, чпобъ она не ударилась головой объ сеспру свою; она держала меня, чпобъ я не вылезлъ изъ повозки; наконецъ рука ея нечувствительно обвилась около моей шеи и она отупилась въ моихъ объятіяхъ.

Пылкость чувствъ увлекла меня. Я забылъ въ эту минуту все: забылъ Людмилу, забылъ извѣстну ея и видѣлъ одну только Аглайду...

Между тѣмъ совсѣмъ смерклоось; вьюга усилилась и мы сбились съ дороги. Кучера и люди пошли ее опыскивать; сестра Аглайды, казалось, заснула, а она склонилась ко мнѣ на плечо.

«Во всякомъ другомъ случаѣ, сказалъ я ей, это приключеніе показалось-бы мнѣ очень неприятнымъ; но теперъ я благословляю его: оно продлитъ мое блаженство.»

Аглайда пожала мнѣ руку.—Не ужели счищаше вы эши минушы въ самомъ дѣлѣ счастливыми?—спросила она голосомъ едва внятнымъ.

« Ахъ, клянусь, что я ужь давно не испытывалъ шакого сладкаго чувства, какое шеперь волнуешь грудь мою. »

— А я никогда еще : но эшо счастье скоро пролетишь, прибавила она вздохнувъ, и можешъ быть никогда не возвратишься !

« И вы шакъ думаете ? Вы въ самомъ дѣлѣ боишесь потерять эшо счастье ? »

— Да. Теперь мы одни, въ пущыни, среди ночи ; никто не мѣшаетъ намъ говорить то, что чувствуемъ, послушашъ шакъ, какъ великъ сердце... Но, другъ мой—позволь мнѣ хоть разъ въ жизни назвашъ себя шакъ, хоть одну минушу насладишься всѣмъ моимъ счастьемъ—скоро мы опять будемъ между людьми ; провицательные глаза станушъ примѣчать за нами, злые языки коварно перешолкуютъ чувства наши, заспавяшъ насъ скрывать ихъ, и, кто знаетъ—можешъ бышь опять отвлекушъ себя, отнимушъ у швоей Аглаиды !

« Нѣтъ, милая, несравненная ! сказалъ я съ сильнымъ чувствомъ, почти не помня себя—клянусь, что съ эшой минушы, мое сердце будетъ принадлежать тебѣ одной, что никакая сила земная не разлучишь насъ ! » Тутъ я при-

жалъ Аглаиду къ сердцу и губы мои прильнули къ ея губамъ.

— А Людмила? шептала она, опривая ихъ.

« Людмила!.. » повторилъ я « И шакъ ты знаешь... ты поняла все? »

— Я вѣрю, другъ мой, что клятва, копорую ты произнесъ сей часъ, не пустой звукъ словъ; знаю, что ты неспособенъ играть сердцемъ женщины слабой и совершенно тебѣ преданной, и пошому хочу бышь ошкровенна съ шобой: я давно люблю тебя, даже прежде нежели начала понимать, что шакое любовь; какъ-же хочешь ты, чтошобъ ошъ меня скрылись чувшва швои къ Людмилѣ? Чувшва, копорья шерзали меня шакъ мучишельно и долго?..

« Ради Бога, не напоминай мнѣ о ней! Ахъ, Аглаида, я недостойнъ тебя!.. тебѣ должно бы принадлежать сердце свѣжее, подобное швоему... одна мысль о прежней любви ужасаетъ меня... Людмила теперь для меня не существоуетъ; но при малѣйшемъ воспоминаніи о ней я буду обвинять себя: оно будетъ казаться мнѣ ужаснѣйшимъ преступленіемъ! »

— Ты слишкомъ строга судишь себя. Ишпинная любовь не шакъ ревнива, какъ ты думаешь. Заставишь забыть женщину, тебя недостойную, замѣнишь, если можно, въ сердце швоемъ ея мѣсто: вошъ все, чего я желаю.

« Ангелъ небесный ! » шептала я, осяпая ее поцѣлуями, и она въ нѣмомъ упоеніи лежала на груди моей. Въ эту минушу мѣсяцъ выглянулъ изъ за облака и озарилъ прелесное лицо Аглаиды ; большіе, голубые глаза ея были ус-
премлены ко мнѣ и въ нихъ блискали слезы любви и радости. Да, другъ мой, это былъ такой часъ, котораго я никогда не забуду !
Для чего такъ скоро пролетѣлъ онъ ?

Люди опыскали дорогу, колокольчикъ зазвенѣлъ, мы поѣхали.

— Для чего не могу я, говорила мнѣ Аглаида, цѣлый вѣкъ блуждать съ тобой въ какойнибудь пустынь, гдѣ-бы ты одинъ былъ моимъ душепроводителемъ, гдѣ-бы я видѣла только одного себя, жила одной любовью своею ?.. Но мы скоро будемъ между людьми : шверди-же мнѣ, повпоряй мнѣ, пока ешь еще время, что ты любишь меня !

Наконецъ повозка остановилась у крыльца ; сердце мое спѣснилось и я крѣпко сжалъ Аглаиду въ моихъ объятіяхъ. Мы приѣхали къ самому ужину. Всѣ безпокоились ; но когда узнали, что съ нами ничего непріятнаго не случилось, то долгое путешествіе наше обрашили въ шушку. Одна Людмила не принимала участія въ общемъ весельѣ. На лицѣ ея изображалось такое уныніе, что мнѣ самому спало груст-

но ; но при мысли , что она скучаетъ безъ Шмиша , котораго однакожь будешь сюда по ея приглашенію , и что можешь быть присутствіе мое ей въ гягость — это чувство жалости успуало презрѣнію и чему-то похожему на ревность . Я содрогнулся , взглянулъ на Аглаиду и прелестныя мечты о любви ея разсѣяли мрачную думу .

Хозяйка наша женщина веселая и богашая . Здѣсь всякой день множество гостей , свяшочныя игры , музыка и танцы . Само по себѣ это скоро-бы мнѣ наскучило ; но любовь дѣлаетъ все пріятнымъ и занимательнымъ . Въ полцѣ я вижу одну только Аглаиду , танцую почти всегда съ ней одной . Ксташи : нынче въ копильонѣ Людмила выбрала меня своимъ кавалеромъ : я думаю изъ благоприспосойности и за неимѣніемъ Шмиша . Однакожь я замѣшилъ , что она дрожала въ рукахъ моихъ , какъ осиноный листъ . Спранно !.. Прощай ! уснулъ до смерти .

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

— RÖMISCHE GESCHICHTE. von B. G. Niebuhr (*Римская Исторія*. Сочиненіе Б. Г. Нибура). Берлинъ. 1811—12 гг. 2 т. in 8.

— DASSELBE; zweite, völlig umgearbeitete, Ausgabe. *Erster Theil*. (*Римская Исторія*, сочиненіе Нибура; второе, совершенно переработанное изданіе. Томъ I-й) Берлинъ. 1827 г. in 8.

— SCHLEGEL'S RECENSION ÜBER NIEBUHR'S RÖMISCHE GESCHICHTE (*Шлегелевъ разборъ Нибуровой Римской Исторіи*). Гейдельбергъ. 1816 г. in 8.

— DIE ÄLTERE GESCHICHTE DES RÖMISCHEN STAATES, untersucht von W. Wachsmuth (*Древняя Исторія Римскаго государства*, изслѣдованная В. Вахсмутомъ). Галле. 1819 г. in 8.

Можешь быть не лзя найдши доказательствъ необходимости ученыхъ журналовъ, которые занимались-бы передачею извѣстій о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранныхъ литературы, убѣдительно того, какое теперь само собою представляется намъ: мы хотимъ сказать о продолжительности времени, прошедшаго осьмъ днѣмъ въ Германіи Нибуровой *Римской Исторіи*, до перваго извѣстія о ней, появившагося въ Англійскихъ журналахъ. *Первое изданіе* сей книги, рѣшишельно важнѣйшей изъ всѣхъ изданныхъ въ нынѣшнемъ, а можешь быть и въ прошедшемъ столѣтіи, по части Исторіи, явилось въ 1811-мъ и 1812-мъ годахъ; но вниманіе Британской публики рѣшилось

обращишь на нее Ангаійскіе журналисты не прежде 1822 года, то есть: *десять лѣтъ* спусти. Только въ 1825 году увидѣли мы извѣстія о содержаніи оной, и книга, возбуждая удивленіе всей Германіи, пролившая новый, самобытный свѣтъ на исторію самаго замѣчательнѣйшаго изъ древнихъ народовъ, оставалась неизвѣстною въ Ангаіи, исключая немногихъ ученыхъ людей, знакомыхъ съ Германскою императрицею, точно, какъ будто-бы она была облечена мракомъ Санскритскаго или Китайскаго языка. Въ семъ обстоятельстве, кажется, Англія поступала одинаково съ другими народами, ибо ни во Франціи, ни въ Италіи, по крайней мѣрѣ до сего времени, извѣстій, и особенно подробныхъ, о содержаніи и важности Нибурова шворенія, мы не замѣтили, хотя и четвертая часть содержанія онаго могла бы доставить собою любопытнѣйшую матерію для цѣлаго курса (*).

(*) Въ сихъ словахъ, читатели Телеграфа могутъ видѣть причину, побудившую насъ перевести большую, важную статью о Нибуровой Римской Исторіи. Статья сія, сочиненная опытнымъ знатокомъ дѣла, взята нами изъ *The Foreign Quarterly Review* (1828 г. июль, кн. IV, стр. 512—555). О швореніи Нибура мы уже упоминали въ Телеграфѣ (1828 г. XXII, 81); но равнодушіе Русскихъ императоровъ и ученыхъ людей непостижимо. Твореніе Нибура какъ будто и не существуетъ для нихъ. Ни въ одной Русской книгѣ не увидишь и слѣда, что автору или

Превосходное швореніе Нибура съсшавляетъ эпоху. Въ умноженномъ и переработанномъ второмъ изданіи (коего первый томъ недавно полученъ въ Англію) ясность и вѣрность свѣдѣній, касательна въскоріи *отънаго Рима*, возведены, кажется, на послѣднюю степенъ, которой умъ, сильный и богатый свѣдѣніями, можешь достигнуть. Познанія наши о первобытныхъ началахъ и формахъ Римской конспинуціи находятся послѣ Нибура на низкой степенни, что мы, кажется, далье ничего ожидашь не можемъ, кромѣ допознишельныхъ подробностей. Правда, мы находимъ и гипотезы у Нибура; но и гипотезы могушь бышь основаны на такихъ началахъ, что имъ никакъ не льзя опкзашь въ достоиисствѣ швердой, испыпанной истины. Существованіе Американскаго материка было гипотезою Колумба; но кто изъ насъ нынѣ, разсматривая *данныя*, на конгъ сей великій человекъ основывалъ свои заключенія, не скажешь, что онъ не могъ ошибашься? Такъ бываешь при всякой видимосни обстояшельствѣ; прямая *достошрность* можешь бышь недостигнуша, и въ шже время доведена до такой близкой къ ней шочки, идеи и свѣдѣшельства съ различныхъ шпоронъ могушь

переводчику знакомъ Нибуръ. У насъ переводяшь Нѣмецкую дрянъ прошлаго вѣка, подѣ именемъ *исторій, географій, юридическихъ книгъ*, и въ голову не придушь переводчикамъ ни Нибуръ, ни Рипштеръ, ни Савиньи. Мы все еще швердимъ о Ролленъ, Шреккѣ, Ахенвалѣ, Гуго Гроціи, и въ Кляубертѣ думаемъ видѣшь великаго человека. *Изд. Тел.*

быть такъ вѣрно уравнены, и все такъ вѣрно можешь склоняться къ одному заключенію, оиъ ко- его зависишь *рѣшительная достоверность*, что оспаются сомнѣнія только для людей предубѣ- денныхъ и пристрастныхъ. Таковъ родъ очевид- ности, которою поражаетъ читателя швореніе Нибура. Общія наблюденія человеческой природы и общешвенныхъ постановленій, приложенныя къ частностямъ; свидѣтельница, получающія двой- ную цѣну въ рукахъ него, кто имъ обладаетъ не презирая никакимъ средствомъ, ведущимъ къ ис- пинѣ; поняшія; глубоко вочеркнушыя и осироум- но соображенныя; замѣчанія оидѣльными, но стре- мящіяся въ одному важному заключенію: таковы основанія, по которымъ мы судимъ Нибура. Ни одинъ источникъ не упущенъ симъ великимъ Авшо- ромъ: грамматисты, юристы, писатели о земле- дѣліи являющся на ряду съ историками; усшанов- ленія Греціи, Азіи, новѣйшей Европы, поясняютъ усшановленія Рима, и новое знаніе Европейцовъ, Польшическая Экономія, разсѣиваетъ шуманъ, дѣ- лавшій непонятнымъ поляшику древнихъ Римскихъ Государей и Сенаша.

Дабы понять въполнѣ, что сдѣлалъ Нибуръ, и въ чемъ состояшь достоинства его шворенія, особенно дабы понять все это шѣмъ людямъ, кошыре упорно держатся старыхъ мнѣній, ош- вергая свѣтлыя парадоксы новыхъ испинъ, счита- емъ необходимою показашь, сколь ничшожны были] познанія наши о древней Римской Исторіи до появленія книги Нибура; послѣ сего легче бу-

дешь каждому выразумѣть: какой яркій свѣтъ разлилъ на нее изыскательный умъ новѣйшихъ временъ.

Во время величія и славы Рима, при Августашъ, два писателя, Римлянинъ и Грекъ, предприняли писать Римскую Исторію. Римлянинъ (Тишь-Ливій), одаренный пѣщическимъ геніемъ, глубоко проникнушій чувствомъ любви къ ошечеству, сморшвшій на своихъ героевъ и дѣла ихъ, какъ на готовые машеріалы, для сосшавленія великолѣпной галлерей историческихъ каршинъ и поршрешовъ, взялъ, безъ всякой кришки, шворенія предшешвовавшихъ ему писателей, поэшовъ и лѣшописцовъ, изобразилъ важнѣйшія событія блестящими красками, озарилъ ихъ свѣшомъ обольшишельнаго краснорѣчія, и все расположилъ въ шомъ порядкѣ, какой онъ почишалъ за наилучшій, порядокъ лѣшописи. Писавъ для своихъ сошечественниковъ, онъ почишалъ себя въ правѣ исключашъ мѣлкую живопись полишическихъ, религіозныхъ и военныхъ установленій, и шолько описывалъ шѣ изъ нихъ, кошорыя, по древности или особенноти ихъ, казалсь ему замѣчательны. Впрочемъ, швореніе его рѣдко прерывашся разсужденіями, и ярко прошекающій пошокъ повѣшшвованія шечешъ въ величешвенномъ продолженіи, ошражая незыблемымъ зеркаломъ водъ своихъ цвѣша и формы мѣшоположеній, мимо конхъ онъ прошекаешъ, иногда изображая дѣла сомнишельныя, изъ чудесныхъ повѣшшвованій древнихъ поэшовъ, иногда сухія, грубыя замѣшки суровыхъ лѣшописцовъ, иногда

правильное , изящно—изложенное повѣствованіе современныхъ историковъ. Не столь простой , не столь добродушный , какъ Иродотъ , отецъ Греческой Исторіи , Титъ-Ливій , подобно ему , нагодился подъ вліяніемъ особенной теоріи , и хотя онъ раздѣлялъ заблужденія и предрасудки своего времени , виды Трибуновъ и Плебеевъ прежнихъ лѣтъ республики , безпокойныхъ тирановъ и своевольнаго народа Римскаго въ шеченіе семи вѣковъ , но передавая факты пакъ , какъ онъ нашель ихъ , обыкновенно даель онъ намъ средства исправлять ошибочные его взгляды. Сія-шо вѣрносшь авшоршешамъ , конимъ слѣдовалъ онъ , даель великую цѣну страницамъ Тита-Ливія , въ конихъ , разоблачивъ Авшора опъ блеска поэта и оратора , облакающаго его , можемъ мы узнать настоящее повѣствованіе авшоровъ , предшешвовавшихъ ему , конихъ шворенія , къ несчастію , погибли. У Тита Ливія съ довѣренносшію можемъ мы видѣть досповѣрное повтореніе того , что сіи Авшоры повѣшвовали о древнихъ преданіяхъ и событіяхъ Рима.

Совсѣмъ иначе Греческій соперникъ его (Діонисій Галикарнасскій) началъ свое историческое повѣствованіе , съ другими мнѣніями , въ другихъ обстоятельсшвахъ. Въ своемъ введеніи , онъ сказываетъ намъ о правахъ своихъ на вниманіе и уваженіе , упоминая о числѣ лѣтъ , посвященныхъ имъ на изученіе языка , исторіи и древносшей Рима , кошорый для сего намѣренія сдѣлалъ онъ мѣстомъ своего пребыванія. Діонисій писалъ въ слѣдсшвіе

особенной теоріи : предметъ его сочиненія состоялъ въ томъ , чтобы польстить суебности Римлянъ , и утѣшить своихъ соотечественниковъ въ ихъ покорности гордому царю свѣта , льстясь полнымъ убѣжденіемъ , что Римъ былъ *Греческій городъ* въ самомъ основаніи своемъ и въ древнѣйшихъ установленіяхъ , и что Римскій народъ не могъ быть почишаемъ въ числѣ народовъ *варварскаго* происхожденія . Такимъ образомъ , въ глазахъ историка всѣ низкія и унижающія обстоятельство , касавшіяся основанія и древней исторіи Рима , исчезли , или были облагорожены . Ромулъ , на примѣръ , явился въ семъ ученомъ преобразованіи , уже не начальникомъ шайки бѣжавшихъ рабовъ , наглыхъ должниковъ и смѣси разбойниковъ : онъ оставяешь Альбу , какъ Греческій выходецъ , начальствуя стройною , законною колоніею переселенцевъ , воздвигающею городъ Римъ въ миръ и славу , подъ вліяніемъ превосходныхъ законовъ и мудрыхъ установленій . Всѣ другія событія были подведены подъ одинакую гармонию , и въ огромномъ , ученомъ повѣствованіи рипора Галикарнаскаго , древняя исторія Рима приняла особенную , облагороженную , стройную наружность . Но основанія подлинныхъ преданій были потеряны въ Греческомъ красноречіи ; первоначальная форма , situs древности , исчезли : это не была уже почтенная развалина , вокругъ коей , на поросшихъ мхомъ стѣнахъ , вѣшался плащъ , но голое , не возбуждающее чувства новѣйшее зданіе , правильное , безъ сомнѣнія , но воздвигнутое зодчимъ , который не могъ понимать , или презиралъ вкусъ древности .

Твореніе Грека обманывало своею видимою правдивностью и сравнительною свободою отъ прошиворѣчій; но поелику онъ писалъ для иностранцевъ, и пошому чувствовалъ необходимость входить въ подробности о предметахъ религіозныхъ и политическихъ пошановленій, шо страницы его навсегда сохраняють для насъ большую цѣну, и болѣе вѣтъ другихъ Діонисій сберегъ намъ ошрыковъ и замѣчаній изъ шѣхъ писателей Рима и Италіи, конхъ шворенія болѣе уже не существуютъ.

Сии два писателя, вмѣстѣ, съ благороднымъ, но доврѣчивымъ и суевѣрнымъ Плутархомъ (кошорый, какъ самъ онъ сказываешь намъ, сочинялъ *жизнеописанія*, а не исторію, шо ешь, самъ признавалъ себя освобожденнымъ отъ изысканій истины, и шолько спарался собирать подъ одну шочку зрѣнія анекдоты о герояхъ, какіе шолько могъ найдши) были главными источниками; изъ конхъ въ новѣйшія времена почерпали вѣсь познанія, касательно древней Римской исторіи.

Въ нашъ вѣкъ шрудно составить себѣ надлежащее понятіе о жадности, съ какою въ вѣкъ возшановленія наукъ Классическіе Авторы были изыскиваемы и изучаемы. Творенія ихъ были ошкрываемы съ благоговѣніемъ, и содержаніе оныхъ принималось съ безграничною доврѣенностью, какую оазываютъ Восшотные народы священнымъ своимъ книгамъ, гдѣ изъяснены имъ религія ихъ и законы. Творенія Древнихъ пошшались произведеніемъ людей высшей природы, обладавшихъ премудро-

сшію, и вдохновенныхъ геніемъ, недостижимымъ для новаго поколѣнія; вопросъ объ истинѣ, которая въ нихъ заключалась, былъ-бы почтенъ почти ересью, или безбожіемъ, и если-бы кто, подобно Глареану, осмѣлился изъявить сомнѣніе, то подобнаго скептика съ презрѣніемъ принудили-бы замолчать. Все, что носило на себѣ знаменіе древности, равно было уважаемо: Плутархъ былъ поставленъ рядомъ съ Полибіемъ; что говорилъ шотъ и другой, было почишаемо сущою истиною, и знаніе ученаго кришника состояло въ соглашеніи видимыхъ противорѣчій и несообразностей Классическихъ Писателей. Такъ продолжалось изученіе Римской Исторіи слишкомъ 200 лѣтъ. Не скоро, и только въ послѣдней половинѣ XVII-го вѣка, Перизоній рѣшился указать на ошибки и неравную степень достовѣрности нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ писателей древности; онъ оказалъ важную услугу, бывши первымъ кришникомъ, обратившимъ вниманіе на истинные источники древней Римской Исторіи и ихъ обманчивый характеръ. Впрочемъ, онъ не осмѣлился отвергать многого, почтеннаго въ сихъ источникахъ. Бель, съ обыкновеннымъ своимъ скептицизмомъ, бросилъ нѣсколько сомнѣній по сему предмету; но первое рѣшительное нападеніе на достовѣрность древней Исторіи Рима было сдѣлано Левекомъ де-Пуилли, который, въ 1722 году, диссертаціею, помѣщенной въ VI-мъ томѣ *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, рѣшительно объявилъ многія изъ главнѣйшихъ событій Римской Исторіи, какъ-то: рожденіе, воспианіе и смерть Ромула, сраженіе Гораціевъ съ Ку-

ріяціями , смершь Курція , и проч. , дѣлами никогда не существовавшими , и выдумками Грековъ. Почти въ то же самое время , Вико , знаменитый ученый Неаполитанецъ , говорилъ съ такою-же свободою , и на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ о древней Римской Исторіи. Прошивъ Левека возсталъ Аббашъ Салле , и споръ ихъ былъ поводомъ знаменитой *Dissertation sur l'incertitude de l'Histoire Romaine*, сочиненной Бофоромъ , и изданной въ 1738 году ; здѣсь , между многими другими предметами , обращено было вниманіе на тѣ мѣста изъ сочиненій Плинія и Тацита , въ коихъ сіи писатели совершенно отвергають разсказъ о великодушій Порсенны. Римскія Исторіи Кашру , Роллена , Кревье и Гука , всѣ были написаны по самому подробному плану , и со вмѣщеніемъ , безъ всякаго разбора , повѣствованій Гиза-Ливія и Діонисія Галикарнасскаго : новая ученая критика не проникала сихъ тяжелыхъ , огромныхъ массъ. Сочиненіе Левека : *Histoire de la République Romaine* , изданное въ 1807 году , можно почестъ первою книгою , въ кошорой рѣшились наконецъ освободить Римскую Исторію отъ нѣкошорыхъ сказочныхъ преданій. Духъ свободной критики послѣ того усиливался , и Микали , въ сочиненіи своемъ : *Italia avanti il dominio dei Romani* (изд. въ 1810 году) смѣло опровергъ все противопологавшееся его шедрія , что шудземцы Италіи были народъ самобытній.

Таково было состояніе познаній , относительно сего важнаго предмета , когда , въ 1811 и 1812-мъ годахъ , явилось швореніе Нибура , въ кошоромъ рѣ-

шишельно оставленъ былъ пущь, по коему слѣпо слѣдовали за шреми праощами Римской Исторіи, и все повѣствованіе о древности Рима признано было, послѣ достовѣрныхъ доказательствъ, мнѣческою лѣтописью, перенесенною изъ другихъ странъ: Ромуль поставленъ былъ на ряду съ Геркулесомъ и Зигфридомъ; Брушь съ Аришмоменомъ и Цидомъ. Мысль Нибура состояла въ томъ, что древняя Исторія Рима взята изъ народной поэзіи, и слѣдовательно, истины въ ней находящіяся не болѣе того, сколько обыкновенно бываетъ оной въ произведеніяхъ такого рода. Въ то же время, сила превосходнаго ума, подкрѣпляемая познаніями въ такой степени, какую рѣдко можно встрѣпшишь, показана была Авторомъ вполне, и многія изъ Римскихъ постановленій и учрежденій, особенно законы о раздѣленіи полей, были представлены съ новой и убѣдительно-достовѣрною точкою зрѣнія. Дѣйствіе сихъ смѣлыхъ и совершенно самобытныхъ преобразованій Римской Исторіи на умы Германскихъ чинашелей, было разнообразно и сильно. Юные, пламенные, изыскательные умы, рѣдко по-мрачаемые сомнѣніями прежняго поколѣнія, все обратились къ новому свѣту, съ восторгомъ приняли его, и радовались его лучами; напрошивъ, спарики, съ предубѣжденіемъ и упрямствомъ, закрыли глаза свои отъ новаго блеска. Въ теченіи четырехъ лѣтъ, швореніе Нибура было подвержено суду крипки, ибо рецензія А. В. Шлегеле появилась въ ученомъ Нѣмецкомъ журналѣ (Heidelbergische Jahrbücher) не прежде 1816-го года. Сія рецензія (означенная нами въ заглавіи спашь) занимала со-

бою девять номеровъ журнала; знаменитый Авшоръ ея оказываешь къ повѣшвованіямъ Ливія и Діонисія столь-же мало уваженія, какъ и Нибуръ, коего соображенія вообще онъ принимаетъ, отвергая большую часть предполагаемыхъ событій первыхъ шрехъ вѣковъ Римской Исторіи, и называя оныя рѣшительными баснями; но онъ противорѣчитъ Нибуру штъмъ, что придаешь имъ Греческое происхожденіе, вмѣсто пуземнаго. Въ 1819-мъ году Вахсмущъ издалъ книгу (также означенную нами въ заглавіи сей ешашь), въ кошорой онъ утверждалъ, что основаніе древней Исторіи Римской истинно, и спарался ошдѣлать ошъ него особенныя прибавки, временемъ и поэзією присоединенныя. Такъ, напримѣръ, Нибуръ и Шлегель почитали существованіе Ромула и Нумы столь-же дѣйствительнымъ, какъ существованіе Геркулеса, или Мену; Вахсмущъ, напрошивъ, видитъ въ сихъ древнихъ Римскихъ монархахъ дѣйствительныя историческія лица, подобныя Карлу Великому и Альфреду; но онъ отвергаетъ, какъ совершенныя басни, чудесное рожденіе и чудесное исчезновеніе перваго, также ночныя бешды съ Эгерією вшораго. Предположеніе Вахсмуща таково, что *народное преданіе не изобрѣтаетъ фактовъ, но только украшаетъ дѣйствительность поэтическими красками и выдумками.* Вахсмущъ можешь бышь почитаемъ такимъ противникомъ Нибура, коего доказательства и предположенія изысканы повсюду съ великою ученосшію для противорѣчія своему сопернику. Нибуръ, послѣ перваго изданія своей книги, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, гдѣ шщасельно наблюдалъ мѣста, ошвященныя вос-

поминаніями истинныхъ и вымышленныхъ событій, распространялъ изысканія свои и глубокія размышленія. Находка опрыжковъ изъ Цицеронова пошерянаго сочиненія *о Республнкѣ*, дала ему средства утвердить доказательствами нѣкошорыя обстоятельство, кои до того времени онъ предлагалъ какъ догадки, и во многихъ случаяхъ онъ могъ уже говорить положительно. Тоики, какъ-шо: постановленія Сервія Туллія, въ прежнемъ изданіи послужили Авшору только для непочныхъ предположеній, были шемны, почти непонятны, но шеперь онъ сравнялся въ ясности съ самыми лучшими опредѣленіями книги. Новое, переработанное изданіе перваго тома, «швореніе зрѣлаго человека» (*das Werk eines reifen Mannes*), какъ говоритъ самъ Авшоръ, представляешь чашашелю полную, совершенно опредѣланную систему, правильную, стройную, превосходно расположенную теорію. Чшо считаешь Авшоръ утвержденнымъ и доказаннымъ, шо представляешь онъ со всѣмъ убѣжденіемъ достоверности; чшо только предполагаемымъ, шо и показываешь онъ шакимъ, въ шоже время выславля чашашелю, сколь далеко собственное его убѣжденіе въ истинѣ простирается при шомъ или другомъ случаѣ, но не дѣлая никакихъ шребованій на произвольное предубѣжденіе чашашелей.

Важный вопросъ: *если теорія древней Римской Исторіи основана на народной поэзіи, то можетъ ли сія теорія быть вѣрна, или нѣтъ?* Отъ этого зависить все, и мы войдемъ здѣсь въ соображенія съ нѣкошорою подробностію.

Источники, изъ коихъ древняя исторія каждого

народа можешь быть извлечена, суть: письменныя летописи, начинающіяся существованіемъ народа; повѣствованія, писанныя современными иностранцами; преданія, изустно сохранившіяся между народомъ. Нынѣ, первая отрасль источниковъ можешь быть въ отношеніи колоній, каковы Испанскія и Англійскія въ Новомъ Свѣтѣ, переселившихся изъ земель, обитаемыхъ народомъ, знающимъ употребленіе письменъ и образованнымъ, соединяющимъ съ познаніемъ письменъ искусство сочинять, снабженнымъ матеріалами, посредствомъ коихъ событія могутъ быть приведены въ порядокъ и переданы. Сюда-же принадлежитъ второй родъ историческихъ повѣствованій. Но ни шопъ, ни другой родъ матеріаловъ не могъ существовать въ древнихъ государствахъ Европы, если исключимъ Грецкія колоніи, имѣвшія сообщенія съ Египтомъ. Полагаемъ достовернымъ, что когда нѣтъ у народа матеріаловъ для письма, шапихъ, каковы бумага и пергаментъ, то сей народъ не можешь имѣть правильнаго, послѣдовательнаго продолженія летописей; мѣдныя и свинцовыя дощечки, шапке дощечки напершыя воскомъ, доскушья кожа, шапканей, и прочіе матеріалы для писанья, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ нами, употреблявшіеся въ древнія времена для письменныхъ записокъ, были конечно недостаточны для постоянныхъ летописей. Вспрѣчаешся обстоятельство, довольно подробно изложено Лезекомъ, и о которомъ, къ удивленію нашему, ничего не говоримъ Нибургъ, а именно, что во все то время, пока Египтяне, подобно Кляшайцамъ, запирали свои гавани отъ иностранцевъ,

Греки могли доставать изъ Тира нѣсколько папируса, но пергаменшъ еще не существовалъ. Когда же въ царствованіе Псаммишика, жили Ионіи и Каріи, помогавшіе сему монарху овладѣть престоломъ, были призваны имъ въ Египетъ, то сообщеніе между Египтомъ и Греціею открылось непосредственно и (важное обстоятельство!) вскорѣ послѣ сего событія явились первые Греческіе прозаики: Кадмъ, Ферекидъ и Акузилай. Время существованія сихъ писателей соотвѣтствуетъ періоду, который въ Римѣ занималъ Сервій Туллій. Весьма явнымъ дѣлается, вопреки Моншескѣ, что Римъ при царяхъ не былъ лишень иностранной торговли, и является вѣроятность, что онъ могъ получать Египетскій папирусъ, тогда, когда онъ введенъ въ Грецію. Состояніе Рима въ первые два вѣка республики, даетъ намъ достаточное доказательство, что вниманіе Римлянъ къ литературѣ было уже столь достаточно, что могло ихъ побудить доставать себѣ письменные матеріалы. Въ подкрѣпленіе симъ предположеніямъ идетъ признанный фактъ, что два древнѣйшіе Римскіе историка, Фабій и Цинцій (*), жили во время второй Пунической войны, когда Римъ распространилъ свои сношенія съ

(*) Странно предположеніе Вахсмута, что сіи два писателя употребляли Латинскій языкъ, и что Діонисій чинилъ ихъ въ Греческомъ переводѣ. Въ доказательство приводитъ онъ слова Діонисія (lib. i. c. 6.) *Romulum deo et palam Iura tunc poleos 'Ελληνική διαλέκτω συνύρασαν. ὃν ἔλα προεβύτατο κόντιος Φάβιος, Λεύκιος Κλυκίος.* Конечно, если-бы творенія сихъ Авторовъ бы-

Южною Италією, Сицилією и Грецією. Теперь слѣдуешь вопросъ: какіе матеріалы для Исторіи могли бытъ найдены сими писателями, и изъ чего составили они свои повѣствованія, хотя-бы и краткія, о древнихъ вѣкахъ Рима? Плутархъ, коему послѣдуешь Шлегель, говоритъ, что Фабій писалъ повѣствованіе неизвѣстнаго Грека, Діокла Пепарева; но Вахсмуть, справедливо и гораздо вѣрнѣе, утверждаетъ, что не знавшій критики Херонеецъ перевернулъ обстоятельства, и что, написавъ, *Діокль писалъ Фабіа*, можетъ бытъ, переведа, или переложивши въ стихи. Вахсмуть утверждаетъ, чего и Нибуръ не оспариваетъ, что письменность въ Римѣ существовала съ самаго начала сего города; онъ приводитъ въ доказательство: *Annales Maximi, Commentarii Pontificum, Libri Lintei*, и проч., какъ вѣрные и справедливые источники; отсюда, соображенные съ лѣтописями и памятниками сосѣдственныхъ городов и государствъ, изобильные матеріалы для надлежащей исторіи могли бытъ составлены. Впрочемъ, все это одно предположеніе, а не достоверность; неоспоримое-же дѣло есть то, что Римъ, исключая Капитолій, былъ совершенно разрушенъ Галлами. Тиш-Ливій рѣшительно утверждаетъ, и мы не видимъ причины, не смотря на его небрежность, сомнѣваться, что *parvae et graevae per eadem tempora literae fuerunt*, и что большая часть (*pleraeque*) находившагося въ *Commentariis Pontificum*, и другихъ публичныхъ и

ли на Латинскомъ языкѣ, Діонисій долженъ-бы знать ихъ.

частныхъ памятникѣхъ, погибла въ пожарѣ. По нашему мнѣнію, одно мѣсто изъ достопамятныхъ опрысковъ Цицеронова сочиненія De Republicâ можешь рѣшительно уничтожить всѣ предположенія, доказавъ совершенную невозможность, чтобы значительная часть лѣтописей Римскихъ Понтифексовъ могла избѣгнуть пламени. Конечно, никакъ не спашешь спорить, чтобы Понтифексы Римскіе, какъ и другія духовныя чиносостоянія древняго міра, не прилагали особеннаго вниманія замѣчать *зміенія и гудеса* на небѣ и на землѣ, и чтобы замятнія небесныхъ свѣтилъ не были ими замѣчаемы съ особенною тщательностью; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ важное свидѣтельство Капона. Замятнія такъ часто случаются, что если-бы лѣтописи одной четверти столѣтія сохранились, онѣ должны-бы были вмѣщать въ себѣ замѣчанія хотя объ одномъ; но Цицеронъ говоритъ ушвердительно, что древнѣйшее наблюденіе солнечнаго замятнія, оставленное въ *Annales Maximi*, относилось къ Юньскимъ Нонамъ 350-го года: всѣ предшествовавшія были вычтены назадъ, до самаго взятія Ромула на небо. Такимъ образомъ, здѣсь споръ рѣшается положительно, какъ намъ кажется, и прибавляетъ новое доказательство ко многимъ другимъ, свидѣтельствующимъ удивительныя способности Нибура, ибо, прежде нежели опрыски Цицероновой книги были найдены, Нибуръ возставалъ прошивъ достоверности лѣтописей Римскихъ Понтифексовъ, спасенныхъ отъ Галльскаго пожара, приводя въ доказательство, что *Исторія того времени не содержитъ въ себѣ повѣствованій о гудесахъ, столь изобильно*

острѣвающихъ въ послѣдующія времена. Вахсмупъ, ошвѣчая на сіе, приводитъ одно или два чуда, избѣгнувшія отъ внимательности Нибура; но по странному несоображенію, онъ приводитъ въ числъ ихъ пламя, пролетѣвшее по головѣ младенца Сервія, хошя прежде того самъ призналъ всю исторію о рожденіи и юности сего государя за басню. И шакъ, кажется совершенно вѣроятнымъ, скажемъ болѣе, дословѣрнымъ, что весьма немногое, исключая нѣсколькихъ законовъ и договоровъ, перешло за 365-й годъ, и поелику нѣтъ никакого основанія предполагать, что Римляне, шо унывавшіе на развалинахъ собственнаго города, шо заняшые непрерывными домашними междоусобіями и безконечною войною съ Волсками и другими непріязненными сосѣдями, могли получить отъ кого-либо свѣдѣнія о древней своей исторіи, мы, слѣдовательно, можемъ спросить: откуда же Римскіе исторіки взяли все шо, что они передають за событія первыхъ шрехъ столѣтій? Нибуръ ошвѣчаетъ: изъ народной, національной поэзіи, лирическихъ пьесъ, содержавшихъ въ себѣ повѣствованія о знаменитыхъ людяхъ, пьесъ, кошорыя древними Римлянами обыкновенно были пѣшны, сопровождаемыя звуками дудки, или флейшы, послѣ ихъ пиршесствъ. Сей источникъ и прежде Нибура былъ указанъ Перизоніемъ; но какъ ни Перизоній, ни другіе не преслѣдовали такой свѣшлой мысли, и швореніе Перизонія было неизвѣстно Нибуру, когда онъ сдѣлалъ свой выводъ, шо, согласіе идей сихъ двухъ писателей есть совершенная случайность, и штъмъ болѣе она важна. Шлегель и Вахс-

мусть, особливо первый, напали на сію гипотезу, и множество неумѣстныхъ насмѣшекъ было обращено на оную. Но Нибуръ, во второмъ изданіи своей книги, совершенно поддержалъ свою мысль, подкрѣпилъ ее новыми доказательствами, и самъ выразился съ совершеннымъ презрѣніемъ обо всемъ, что было писано противъ оной.

Дѣйствительно, когда прозаическія сочиненія не существуютъ, письменные матеріалы, сѣдывательно и книги, рѣдки, шо баллады, или крапкія повѣствовательныя стихотворенія должны существовать, и существовать въ изобиліи. Память о знаменитыхъ, народныхъ или частныхъ случаяхъ, требуетъ воспоминаній; простое повѣствованіе не удовольствовало-бы общей жадности, и грубая гармонія мѣтра и мелодіи призывается на помощь, и подкрѣпляетъ народную память. Рѣшиительно во всѣхъ странахъ, поэзія предшествуетъ исторіи. Сыны Израилевы поюшъ переходъ чрезъ Черное Море, и спасеніе свое изъ волнъ его въ пустыню. Моисей приводитъ оду, сочиненную Аммонискимъ поэтомъ, на взятіе Раббага сынами Аммоновыми; побѣда Давида надъ Голиафомъ была воспѣта, при звукахъ кимваловъ, дѣлами Іудейскими. Ксенофоншъ сказываетъ намъ, что дѣла и приключенія Кира были любимымъ предметомъ народныхъ пѣсенъ въ Персіи (*). Та-

(*) Замѣчательно, что Иродотъ, который писалъ менѣе, нежели черезъ 100 лѣтъ послѣ Кира, и сѣдывательно могъ бесѣдовать съ людьми знавшими лично сего героя, говоритъ, что было при различныхъ повѣ-

ковы были по видимому первоначальные матеріалы Фирдаусіевой поэмы *Шахъ-Наме*, источника народной поэзіи, изъ коей извлечена древняя исторія Персіи. Мы знаемъ, что Саксонъ Грамматикъ и Снорро Спурлезонъ всю древнюю исторію Даніи и Норвегіи взяли изъ пѣснопѣній Скальдовъ. Омиръ описываетъ Ахиллеса поющимъ, при звукахъ лиры *τὰ κλέα ἀνδρῶν*, и Демодокъ пѣлъ при дворѣ Акиноя часшъ Троянской Исторіи. Самыя Илиада и Одиссея были пѣшы отдѣльными частями въ Греціи; до отккрытія сообщеній съ Египтомъ, Греки, вѣроятно, не забывали своихъ достопамятныхъ воспоминаній. Имѣемъ всѣ причины предполагать, что не обладая еще средствами сочинять прозаическія шворенія, каждое государство, каждый городъ сохраняли память о войнахъ и счастьи своемъ народною поэзіею, изъ коей логографы брали матеріалы для своихъ прозаическихъ повѣствованій. Древніе Испанцы, какъ намъ рассказываютъ, сохранили память о народныхъ событіяхъ въ стихахъ; поже дѣлали Галлы и Германцы; Авганцы, по извѣстію Эльфинстона, каждое событіе перелагаютъ въ пѣсни. Имѣя одинакій выводъ изъ романсовъ Испанскихъ, балладъ Шотландскихъ, вайзеровъ Скандинавскихъ и народной поэзіи Славянскихъ племенъ, можемъ выводъ сей почестъ для *всѣхъ народовъ общимъ правиломъ*; отъ сего естественнo ра-

ствованія о немъ, изъ коихъ выбралъ онъ вѣроятнѣйшее. Впрочемъ, Персія всегда была такою странюю, гдѣ жили занимались письменностію и царскія лѣтописи ведены были правильно.

ждается вопросъ: не такъ-ли шочно воспевали Римляне ?

Въ опривкѣ изъ Варрона (*De Vita Pop. Rom.*), сохраннымъ для насъ Ноніемъ Марцелломъ, мы видимъ, что юноши при пиршествахъ Римлянъ проспо пѣли (*assâ vesse*), и иногда сопровождали игрою на дудкѣ, древнія пѣснопѣнія, баллады (*carmina antiqua*), содержащія въ себѣ похвалы (*laudes*) праотцамъ. Цицеронъ въ своихъ Тускуланахъ говоритъ намъ о имени Капона, что въ обыкновеніи у древнихъ Римлянъ было при пиршествахъ пѣть гостямъ попеременно, при звукахъ дудки, похвальные и добродѣтельные подвиги (*laudes atque virtutes*) знаменитыхъ людей. Въ своемъ Брутѣ, онъ еще разъ приводитъ сіи слова Капона, и сожалѣетъ, что древнія баллады уже не существуютъ болѣе.

Впрочемъ, и шрудно было сохраниться имъ, представляя собою, какъ обыкновенно бываетъ съ народною поэзіею, не писанною и не напечатанною, при измѣненіяхъ языка, грубую древность, бывшую ихъ испочникомъ. «Онѣ исчезли,» говоритъ Нибуръ, «ошъ равнодушія потомковъ. Діонисій зналъ однакожь пѣсни о Ромулѣ.» Впрочемъ, шрудно распознать, что въ словахъ писателя, на коего ссылается Нибуръ (*lib. i. c. 79*), писано самимъ имъ, и что взято изъ Фабія Пикшора. Во всякомъ случаѣ достоверно то, что поэмы существовали, и древнее обыкновеніе: пѣть ихъ на пиршествахъ, долго оставалось у Римлянъ. Мы думаемъ, что сѣдующіе стихи Горація (приводимые Шлегелемъ, но не замѣченные Нибуромъ, которъй взялъ изъ Шле-

Апрѣль 1829.

(вотъ слова Варрона, выше приведенныя) достойны
особеннаго замѣчанія :

« Nosque et profestis lucibus, et sacris
Inter jocosi munera Liberi,
Cum prole, matronisque nostris,
Ritè Deos prius adprecati,
Virtute functos, more patrum, duces,
Lydis remixto carmine tibiis,
Trojamque et Anchisen, et almae
Progeniem Veneris canemus. »

Въ сихъ словахъ Горація, относимыхъ къ Августу, онъ упоминаешь о существовавшемъ обычаѣ, или, лучше скажешь, льстивъ, кажешься, Императору, точно такъ-же, какъ польстили-бы Англійскому Королю придворный поэтъ его, когда въ день рожденія Короля сказалъ, что въ слѣдствіе мира и изобилія, доставляемыхъ его мудростию и оружіемъ, Англичанамъ ничего не осмалось дѣлать болѣе, какъ только забавляться, и послѣ пиршества слушать баллады минстрелей, сопровождаемыя игрою арфы. Такое предположеніе весьма вѣрояно, и не зная подробностей частной жизни сельскихъ паприціевъ, и вообще среднихъ званій общества въ Римскомъ государствѣ, мы все весьма немного ошважимся, предполагая, что народъ, привыкшій прославлять добродѣтели и мудрость своихъ предковъ, могъ изстари имѣть привычку воспѣвать дѣла ихъ послѣ пиршества. Правда, мы не находимъ сего обыкновенія въ разсказахъ о заняши Назидіена и Трималхія; но здѣсь идемъ рѣчь о щегольскомъ препровожденіи времени, гдѣ столько-же

можно надѣяться найдши древніе Римскіе обычаи, какъ старыя Англійскіе на щегольскомъ обѣдѣ въ Сень-Джемсѣ, или Гросвеноръ-скверѣ. Жалобы Горация на сосѣдей и посѣшителей Сабинскаго помѣстья его, касались конечно пѣхъ людей, кошерые праздновали дома у себя, угощали друзей по старому обычаю, и послѣ пиршесствъ пѣли попеременно старыя баллады о Троѣ, Анхизѣ, и ш. д.— Въ Англій, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ столицы, приглашаютъ гостей послѣ спола пѣшь: такой обычай найдемъ мы, если заглянемъ во Wrekin или Vale of Evesham; но его не сыщемъ мы въ обласняхъ болѣе образованныхъ, каковы: May-le bone, или May-Fair.

И шакъ, кажешся, нѣшь сомнѣнія: древнія поэмы въ Римѣ существовали; но какого рода онѣ были? вошь новый вопросъ. Нибуръ говоритъ, что существовали баллады и поэмы продолжительнаго содержанія, раздѣленныя на часты, и подобныя поэмѣ Нѣмецкой *Nibelunge*. Онъ утверждаетъ, что царствованіе Ромула составляло *эпопею*; царствованіе Нумы пѣшо было въ отдѣльныхъ, краткихъ пѣсняхъ; царствованіе Тулла была особенная *эпопея*, а баллады о Тарквиніи, начинаясь Л. Тарквиніемъ Прискомъ и оканчиваясь, совершенно Омировскою, бившою Регилла, составляли «эпопею, кошорая глубокостью и блескомъ «воображенія оставила за собою все, что по-«слѣ шого произвелъ Римъ.» Сія поэма, говоритъ Нибуръ, были гораздо древнѣе Эниевыхъ, который переложилъ въ гекзаметры и сочинилъ изъ нихъ шри первыя книги своихъ лѣтописей. Въ

будущихъ томахъ Нибуръ объщаетъ говорить объ этомъ подробице ; шеперь онъ довольствуется сказать , что хошя основныя шворенія , имъ предполагаемыя , были древни , но форма ихъ и большая часть содержанія , говоря относительно , были новы. Плебейскія понятія шакъ преимуществвовали въ оныхъ , что Нибуръ относитъ измѣненія ихъ къ тому времени , когда Плебен были уже сильны и имѣли большое вліяніе , и вообще онъ думаетъ , что древнѣйшее время поэмъ не можетъ быть отнесено далѣе возобновленія города послѣ Галловъ. Сія гипотезы были оспориваемы Шлегелемъ и Вахсмутомъ. Первый говоритъ , что если пѣніе было сопровождается игрою на флейшѣ , или дудкѣ , то сіе одно обстоятельство даетъ намъ понятіе , что оно не состояло изъ эпическихъ поэмъ , ибо пѣвцы не вынесли-бы пѣнія Омировскихъ рапсодій. Онъ спрашиваетъ : могли-ли въ сей грубой вѣкъ , юноши-пѣвцы получать шакое воспитаніе , чтобы умѣли пѣшь на память длинныя рапсодіи ? Онъ утверждаетъ , что пѣсни Римлянъ были безыскусственныя изъявленія чувствъ , крашкія восклицанія , подобныя молишвѣ брашьевъ Арвальскихъ (*Fratres Arvales*) , приводимой Г-мъ Ланзи , и въ нихъ доспашточно было привести на память имена и дѣла , а не подробности. Что касается до Неніи (*Naeniae*) , или погребальныхъ пѣсень , которыя присоединяешь къ своей гипотезѣ Нибуръ , то она , по мнѣнію Шлегеля , содержали весьма мало , или и совсѣмъ ничего , ибо Овидій (*Fast. vi. 142*) называетъ волшебныя заклинанія колдуней , а Горацій (*Ep. I. i. 63*) пѣніе мальчиковъ по улицамъ снмъ именемъ.

Вахсмущъ утверждается на суровомъ, не поэтическомъ характерѣ Римлянъ, и прибавляешь, что если поэмы были составлены, по словамъ Нибура, Плебеями, то для нихъ должны существовали сочинители выбирать героями людей, подобныхъ Сикцію Деншашу, Манлію, Виргинію, и п. п., не восходя ко временамъ царей Римскихъ. Довольно странно было-бы, прибавляешь онъ, въ періодъ, занимаемый этими предполагаемыми поэмами, воспѣвать Нуму и Сервія, не имѣвшихъ никакого отношенія къ насюющимъ понятіямъ народной поэзіи.

На всѣ сіи возраженія Нибуръ не сдѣлалъ рѣшительнаго отвѣта; онъ только излагаетъ свою теорію, довольно подробно. Съ нашей стороны мы полагаемъ, что въ основаніи Нибуръ совершенно правъ, но ведешь свою систему весьма далеко. Замѣчаніе о существованіи длинныхъ поэмъ, подобныхъ пѣсни Нибелунга, совершенно произвольно, и никакого доказательства не находится въ подтвержденіе онаго. Напрошивъ, когда сага о Тарквиніяхъ была въ Сатурнинскихъ стихахъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы Эниѣй, не описавшій первой Пунической войны, пошому, что Невій писалъ сею мѣтрою, для сей причины оставилъ содержаніе, занимаемое подобною балладою, если только она существовала. Поэмы были, нѣтъ сомнѣнія; но мы предполагаемъ, что онѣ были баллады, а не эпопеи: здѣсь романсы Цида, кажется намъ, представляющъ доказательства гораздо лучше, нежели пѣсня Нибелунга. Доказательства прошивниковъ сами собою спановятся недостаточными. На Сѣверѣ легко сопровождали пѣніемъ длин-

ныхъ балладъ игру свою шамошніе пѣвцы. Человѣческая память можеть простираеться гораздо далѣе, нежели предполагаетъ Шлегель: древніе Греческіе рапсоdisшы легко помнили, можеть бышь, всю Илиаду; нѣкоторые изъ Датскихъ балладъ простирались до 600 стиховъ; Ферроэрскія, нынѣ собранныя, почти всѣ длиннѣе сей мѣры: пѣснопѣніе, называемое *Brinilda Theatut*, содержишь въ себѣ 220 чешырехъ-спишныхъ спансовъ, и всѣ они списаны были по изустному произношенію, а это доставляешь намъ, совсѣмъ съ другой стороны, важное поясненіе древняго Римскаго обычая, приводимаго Варрономъ и Кашономъ (*). Судя о повѣстшвовашельныхъ Римскихъ поэмъхъ по молишвѣ брашьевъ Арвальскихъ, мы поспушимъ шочно шакъ-же, какъ судя о Греческихъ

(*) Старинныя поэмы о древнихъ, мифическихъ герояхъ Сѣвера донынѣ составляютъ одно изъ любимыхъ праздничныхъ увеселеній народныхъ. Они оспаются рѣшительно въ памяти народа, и замѣчательно, что хотя Свабо, за 40 лѣтъ, доказывая свою заслугу, увѣрялъ, что безъ его стараній собрать и списать ихъ, сіи поэмы были-бы потеряны, но Лингби, новѣйшій собиратель и переводчикъ оныхъ, нашель ихъ еще свѣжими въ памяти островитянь. Въ примѣчаніяхъ его къ *Færøiske Quæder* есть замѣчанія о предметахъ сихъ народныхъ пѣснопѣній, и описанія того, какъ приноровлены Ферроэрцами пляски къ пѣнію оныхъ: это описаніе напоминаетъ пѣсви Демодока, съ коими Феакійскіе юноши соединяли свои пляски.

рассодіяхъ по Орфеевымъ гимнамъ, и о древней героической поэмѣ Персін по молитвамъ изъ Зенды-Авесты. Приложение имени *Неній* къ другимъ пѣснопѣвнѣямъ, чему Шлегель придаетъ такую важность, во всякомъ случаѣ доказываетъ только однообразность пѣва, коимъ другія пѣсни были пѣтны, угодбляясь по пѣтву погребальнымъ гимнамъ. Шлегелево замѣчаніе, что во время силы и могущества Плебеевъ, Римляне были народъ воинственный и земледѣльческій, по нашему мнѣнію, есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ, что они *долженствовали имѣть*, если не эпическія поэмы, то, по крайней мѣрѣ, историческія баллады. Каково было состояніе общества въ Испаніи, Шотландіи и Скандинавіи, когда тамъ составляемы были баллады? Какова была новѣйшая Греція, во время самое изобильное для повѣствовательныхъ поэмъ, то есть, въ послѣднее и настоящее столѣтіе (*)? Въ доказательство неспособности древнихъ Римлянъ къ поэзіи, говорятъ, что *Виргилій, Горацій, Овидій, и другіе писатели Августа* вѣка, не были уроженцы Римскіе. Кромѣ того, что это еще несовершенно доказано, не всели равно, что *Лукрецій и Тибуллъ* были рождены въ Ри-

(*) Сочинитель пѣсни, почти въ 100 стиховъ, помѣщенной въ собраніи Г-на Фореіа, говоритъ намъ простую и вѣрную причину происхожденія многихъ историческихъ балладъ. «Я не умѣю ни читать, ни писать (говорилъ онъ собирающему), и чтобы не забыть событій, составилъ пѣсню въ стихахъ, потому, что пѣсню легче могу помнить.»

мъ, или подлѣ Рима? Если-бы и не шакъ, зпѣ обыкновенная участь большихъ городовъ. Испанія и Португалія, напримѣръ, истинно поэшическія земли; но вѣроятно, кромѣ небольшого числа романсовъ, поэтїя ихъ весьма немногое приобрѣла ошъ урожденцовъ Мадрида и Лиссабона. И почему поэты Умбріи и Кампаніи не могли переселяться въ Римъ въ древнѣйшія времена, какъ было эпо въ послѣдніе періоды? Наконецъ, почему знаемъ мы, что Виргиній и Сикцій не были героями многихъ народныхъ балладъ? Чшѣ также заспавишь насъ думаешь, если поэшическія и юридическія постановленія Рима были переложены въ списки, что прежде не дѣлали шого-же самаго? Фирдуси переложилъ въ списки постановленія Эмшида, и мы читаемъ о различныхъ древнихъ кодексахъ, шакже переложенныхъ.

Предметъ, о кошоромъ говорили мы до сихъ норъ, весьма важенъ, и ошъ него зависишь достоверность значительной части Нибурова шворенія. Изложивъ оный довольно подробно, мы приступаемъ къ другимъ ошдѣламъ перваго шема, и при случаѣ будемъ смѣшивашъ легашуру собшвенныхъ нашихъ мнѣній съ золотомъ Авшора, спараясь однакожь по возможности ошдичашъ для читашелей его собшвенныя мнѣнія.

Нибуръ начинаешъ взглядомъ на древнюю Италію, до Римлянъ. Онъ изображаетъ, съ удивительнымъ искусствомъ, постепенное распространеніе слова: *Италія*, кошорое сперва означало только южную оконечность полуострова, ниже испша,

между заливами Напешейскимъ и Сцилапейскимъ, а въ послѣдствіи сдѣлалось общимъ наименованіемъ цѣлаго полуострова. За шѣмъ переходить Нибуръ къ разсмотрѣнію различныхъ народовъ, на немъ обитавшихъ, начиная *Энотрами*, какъ называли Греки шуземцовъ Южной Италіи. Сей народъ, Нибуръ полагаетъ частію рода *Пелазговъ*, и съ особенною точностію и остроуміемъ означаетъ распространеніе и жишельство сей огромной вѣтви народовъ.

Ферекидъ повѣствуетъ, что *Энотръ* и *Певкатій* были два сына Ликаоновы, которые переселились изъ Аркадіи, за 16 поколѣній до войны Троянской. Мысль о переселеніи въ заморскую сторону, когда у народа такъ мало было силъ морскихъ, что Агамемнонь принужденъ былъ просить помощи у другихъ, безразсудна, и все, что мы можемъ познать изъ сего родословія, есть то, что *Энотры* и *Аркадцы* были родичи. Но древніе Аркадцы, такъ-же, какъ Аргивяне и Іоняне, были Пелазги; первые обитатели Аштики были того-же самага рода; Фессалія была главною его осѣдлостію: Феспропіяне, Молоссы, Эпироты были Пелазги, такъ-же, какъ и дальнѣйшее сѣверное поколѣніе. Пелазги обладали сѣверными островами Эгейскаго моря; они раздвигались по Геллеспоншу и Азіяшскому берегу отъ Микалійскаго мыса, черезъ Іонію и Эолію. Нибуръ предполагаетъ даже, что Тевкры и Дарданы, Троя и Гекшоръ, были также Пелазги. Въ самомъ дѣлѣ, они сидѣли между Пелазгійскими племенами, были не Фригіяне, и если они не были Пелазги, спрашивается: чѣмъ могли они быть

другимъ? Обращаемся къ Италіи. Мы имѣемъ положительное историческое свидѣтельство, что вассалы Италіотовъ, или Италійскихъ Грековъ (которые могли быть Эностры) были именуемы *Пелазгами*, и множество свидѣтельствъ, подтверждаемыхъ именами мѣстъ, доказываетъ, что Пелазгійскій народъ отъ Эностріи простирался вдоль западнаго берега Италіи, даже Арно. Весь сей берегъ именовался отъ Грековъ: *Тирренія*, и подъ именемъ *Тирренцовъ*, Греки разумѣли всѣхъ шамонскихъ обитателей: Авзоновъ, Латиновъ и Тоскановъ. Мы узнаемъ отъ Павзанія, что Пелазги на берегахъ Тибра были именуемы *Сикулами* (поже самое, что *Италы*), и отсюда ясно дѣлается, что весь народъ такъ называемый, жила на острове и полуострове, былъ одного поколѣнія.

Греки и Пелазги (однородность ихъ почиваемъ доказанною) говорили однородными языками; отъ сего множество мѣстъ въ Италіи назывались Греческими именами, и очевидно, что сіи мѣста не были основаны Греками, и что они были Пелазгійскія, шаквы: *Агилла*, *Пица* въ Эшрурии, и *Ахерузіа*, *Телезіа*, *Малеветумъ* и *Грументумъ*, показывающія нисшее отдѣленіе Пелазговъ, ибо главное мѣсто ихъ было вдоль морскаго берега; они обладали всеми мѣстами, гдѣ въ послѣдствіи были *Луканія* и *Бруціумъ*, съ частію земли *Самнитовъ*. Разсуждая шакимъ образомъ, Нибуръ полагаетъ, что Япигія, и берегъ къ сѣверу отъ оной были Пелазгійскія; шакже онъ убѣждаетъ насъ, весьма вѣроятно, что *Либурнія* была земля сего распространившагося всюду народа.

«Обозрѣвъ», говоришь Нибуръ, «весь кругъ, занятой Пелазгійскими народами, можемъ видѣть въ нихъ не бродящія шолпы, подобныя Цыганамъ, но осѣдлый, сильный и знаменитый родъ, въ такое время, когда еще не существовала Греческая исторія. Здѣсь не простое предположеніе, но полное историческое убѣжденіе по казывается намъ, что было время, когда Пелазги, можешь быть одинъ изъ самыхъ обширныхъ древнихъ народовъ Европы, просширались отъ Пана и Арна, даже до Риндака, и пересѣклись во Фракіи, занимали сѣверные острова Эгейскаго моря, соединяя такимъ образомъ Азіатскую Тирренію съ Пелазгійскимъ Аргосомъ.

Верхняя Италія, подлѣ Аппенинскихъ горъ, во времена величія Пелазговъ была обитаема народами, коихъ, не смотря на различныя имена ихъ (Опицы, Сабеллы, Умбры), Нибуръ справедливо почитаетъ за одинъ народъ. Языкомъ, нравами они совершенно отличались отъ Пелазговъ. По мѣрѣ умноженія числа и силы, они двигались отъ горъ, завоевывали и покоряли Пелазговъ, жителямъ долинъ и поморья. Въшвъ Умбровъ, кажешся, была первая раздвинувшаяся къ сѣверу, занявшая Эшрурію и южныя страны около рѣки По. Касцы (*), въ послѣдствіи названные *Аборигенами*, соотсѣдственное поколѣніе,

(*) *Casus* и *Priscus*, Нибуръ почитаетъ національными именами. Последнее знаменованіе объясняетъ онъ переменною словъ: *Готскій* и *Старо-Франкскій*, гдѣ видимъ одинакій случай.

и́стинное ихъ вышними сосѣдами, двинулось къ востоку Тибра, и ошь часни разсѣялось, ошь часни смѣшалось съ Сикулами, шамъ обитавшими. Сосединеніе сихъ племень, различнаго происхожденія и нравовъ, произвело народъ *Латинскій*. Латинскій языкъ въ своихъ двухъ, явно различныхъ элементахъ, являетъ свидѣтельство истины сего историческаго событія и различія характеровъ двухъ племень, произведшихъ одинъ народъ. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что всѣ слова отношительно земледѣлія и оскдой жизни суть происхожденія Греческаго, и слѣдовательно Пелазгійскія, а всѣ относящіяся къ войнѣ и охотѣ, другаго происхожденія. Нибуръ думаетъ, что при семъ-то случаѣ знаменитые Тирренскіе Пелазги, построившіе Пелазгійскую стѣну въ Аеннахъ, появились въ Греціи, и что они были *Сикулы, бѣжавшіе отъ Касцовъ*. Въ сей-же періодъ, впрочемъ безъ дальнѣйшей необходимости, онъ поставляетъ переселеніе Сикуловъ на островъ Сицилію.

Но кто были первые обитатели Италіи, и что сдѣлали съ ними Пелазги, если они пришли изъ другой страны, а не были первобытные жители Италіи? Здѣсь, кажется намъ, Нибуръ не совсѣмъ удовлетворительнень, и его понятія о семъ предметѣ шребуютъ особаго изслѣдованія, ибо теорія его совершенно особенная, и, какъ намъ кажется, основана не на совершенно вѣрномъ предположеніи.

Мы полагаемъ, что Нибуръ долженъ бытъ опчасти причисленъ къ послѣдователямъ *автохтонической* теоріи происхожденія народовъ. Онъ

утверждаетъ, что если мы находимъ два народа, сходные характеромъ и языкомъ, живущіе на противоположныхъ берегахъ моря, то мы не имѣемъ еще причины предполагать переселенія съ одной стороны его на другую. Это въ нѣкошорой степени справедливо, и мы не противорѣчимъ, когда Нибуръ говоритъ о Пелазгахъ Греція, Эпира и Южной Италіи, что *нѣтъ утвердительныхъ призмъ предполагать переселенія отъ двухъ первыхъ къ послѣднимъ*; однакожъ, мы можемъ видѣть, въ чемъ и самъ онъ соглашается, сродство сихъ племенъ. Тутъ идешь онъ далѣе и прибавляешь, что мы встрѣчаемъ Иберіянъ на островахъ Средиземнаго моря и Цельшовъ въ Галліи и Бришани, а потомъ заключаетъ, «что это похоже на географическія сходства родовъ животноныхъ и растений, огромные отдѣлы конхъ раздѣляющія горами, и вмѣщающія въ пространствахъ своихъ небольшія озера.» Таково заключеніе Г-на Нибура, и мы сознаемся, что, какъ мы упомянули, открываемъ въ немъ теорію, хотя несовершеннаго австрохонизма, но съ великою наклонностію къ оному. Не пребуемъ ошъ Автора послѣдованія гипотезъ, на которой Клапрошъ основалъ свою Азію Полиглошу, но ешь, что во время всемірнаго пошопа участки человѣческаго рода спаслись на высокихъ хребтахъ горъ; но пошому, какимъ образомъ говоритъ Нибуръ о безконечномъ прошаженіи времени, прошекшемъ ошъ начала человѣческаго рода, мы видимъ, что онъ не признаетъ подобной гипотезы о всеобщемъ

испробленіи рода человеческого, и впадаетъ въ прошивную. Иберійцы на островахъ Маіоркѣ и Миноркѣ не пришли изъ Италіи; Цельшы Бришанскіе не были выходцами Галліи: пусть шакъ; однакожь, родъ Цельшовъ долженъ былъ, естественна или неестественна, понасъ на почву Бришаніи; какимъ образомъ? Вошь мнѣіе Нибура: въ расшисельномъ царствѣ аналогія ничего не значить: дубъ, шерсть, волчець Англійскій не пересажены въ Англію, и человеческіе ихъ поварницы не пришли шуда изъ другой земли; слѣдственно: они шуть самобытны.

Предположите, что въ шеченіе времени, всѣ воспоминанія наши будутъ пошерыаны, предположите въ будущихъ временахъ исторію послѣднихъ десяти шолѣтій пришедшею въ такое-же забвеніе, въ какомъ находитья шеперь для насъ доисторическій періодъ Европы, и пусть при возстановленіи лишшерашуры другой Нибуръ начнешь обозрѣвать наши, ошдаленныя, неизвѣсныя времена. Находя на островахъ Ферроэрскихъ и въ Исландіи поколѣнія, языкомъ и характеромъ сходныя съ Скандинавскими, находя въ Стѣрной Америкѣ народы, одинакіе съ Англійскими, въ Южной Америкѣ съ Испанскими, Поршугальскими, и, еще шраннѣе, въ Авшпраліи народы, языкомъ, закономъ, религіею, видомъ и всѣмъ сходныя съ обишашелами Бришанскаго острова, какою аналогіею между овцами и коровами, хлѣбомъ и шрилисшникомъ, дикою рѣпою и морковью, спашушь изъяснить сію шранность, и чего не уви-

дипть міръ въ глубокыхъ изысканіяхъ о дѣйствіи климата и температурѣ, умственной и вещественнаго развитія различныхъ частей чловѣческаго рода? Въ такую-же кашегорію поспавляемъ мы теорію Нибура, и при такомъ условіи согласны, что Исландцы пришли не изъ Норвегіи и Бришанскіе Цельшы не перешли изъ Галліи.

Идеи Нибура въ отношеніи языковъ одинаковаго содержанія. Онъ признаетъ большое сродство между Греческимъ и Лашинскимъ, такое-же, какое находяшь между Персидскимъ и Славянскимъ и, *можетъ быть*, между Галльскимъ и Кимврійскимъ; но онъ сполько-же вѣришь, что одинъ изъ нихъ произошелъ отъ другаго, сколько вѣришь перерожденію собакъ изъ лисиць, лошадей изъ ословъ и абрикосовъ изъ персиковъ, или на оборотъ.

Нибуръ никакъ не можетъ допустить одинаковости происхожденія по сродству языковъ, и полагаетъ, что цѣлыя поколѣнія народовъ опдѣльно создавали себѣ языки. Два, или болѣе изъ сихъ покоднѣй могутъ имѣть большое, и даже удивительное сродство характера и наружности, но можно-ли сіе сродство сравнить съ различіемъ языка, кошорое всегда шакъ явно опличаетъ народы, какъ леопарда отъ льва? Такое сродство, при существенномъ различіи, находишь Нибуръ между Греками и Пелазгами. Въ семъ случаѣ мы никакъ не можемъ съ нимъ согласиться. Въ отношеніи Грековъ и Лашиновъ замѣшимъ, что древ-

ній языкъ послѣднихъ имѣеть величайшее сродство съ языкомъ Пелазговъ Греческихъ: здѣсь явно одинакое происхожденіе, и то, что Греческій языкъ произошелъ отъ Пелазгійскаго. Предположимъ пошерю историческихъ свѣдѣній, и спросимъ, чтобы можно было заключить, разсматривая Латинскій, Англо-Саксонскій, Итальянскій, Французскій и Англійскій языки? Не всего-ли естественнѣе, что Итальянскій и Французскій, не смотря на различіе ихъ между собою, произошли отъ Латинскаго, который въ то же время, непосредственно, или посредствомъ Французскаго, сдѣлался однимъ изъ элементовъ Англійскаго?

Исключая наклонность къ австрохонизму, замѣчанія Нибура касательно народовъ древней Италіи совершенно ясны и удовлетворительны. Можемъ согласиться и несогласиться съ нимъ, что Осканы были австрохоны горь, а Пелазги долинъ, также и въ томъ, что послѣдніе не были народъ переселенный. Несомнѣнная теорія о семъ предметѣ будешь та, что Осканы (присоединяемъ къ сему народу Опицовъ, Сабелловъ и Умбровъ) были первобытные обитатели Италіи; но откуда они пришли, и къ какому общему роду принадлежали, къ Цельшамъ или другому какому, ничего невозможно сказать достоверно, развѣ одно можемъ предположить, что они составляли часть великаго Кавказскаго племени. Сей народъ обладалъ полуостровомъ, върояшию и Сицилиею, до того неопредѣленнаго періода, когда Пелазгійскій родъ, двинувшись изъ первоначальнаго

рившіе первобытныхъ, Сикулійскаго или Умбрскаго поколѣнія, обитателей Эпруріи. Сія теорія была оспориваема и, по нашему мнѣнію, совершенно опровергнуша Діонисіемъ. Въ прибавленіе къ его доказательствамъ можно сказать, что совершенно непонятнымъ кажется, какимъ образомъ маленькій флотъ (таковъ долженствовала быть Меонійскій) могъ покорить, поработить обитателей, даже измѣнить языкъ ихъ, когда сіи обитатели составляли, по всемъ вѣроятностямъ, сильное отдѣленіе Эпруріи. Тутъ не было, такъ какъ въ Мексикѣ и Перу, несоразмѣрнаго превосходства просвѣщенія и физическихъ силъ на споронѣ пришельцовъ. Тосканы рѣшительно утверждали, что предки ихъ были самобытный народъ Италіи, и Шлегель, опровергая рассказъ о Меонійскомъ происхожденіи Эпрусковъ, видитъ въ нихъ переселенцовъ одного рода съ Пелазгами, утверждаясь въ семъ случаѣ на сходствѣ Тосканскаго языка съ Греческимъ. Нибуръ полагаетъ, что Тосканы были отдѣльный народъ, существенно отличный отъ Пелазговъ и Оскановъ нравами, языкомъ и характеристикою. Въ прежнемъ изданіи своей книги онъ, казалось, расположенъ былъ почитать ихъ отраслю поколѣнія Готтовъ, но мы не наши сего мнѣнія въ новомъ изданіи, и послѣднее рѣшеніе Нибура есть то, что Ретійскія Альпы были первобытною страню Тоскановъ, гдѣ онъ находитъ слѣды ихъ языка, въ діалектѣ (Grödener in Tyrol) Тирольскихъ Греденеровъ (*).

(*) Нибуръ утверждаетъ даже, что грубое произ-

Ошсюда, шѣснимые Цельшами, или Германцами, они сошли въ Ломбардїйскія долины, гдѣ сдвинули Лигурійцовъ, копорые ошшѣснили Умбровъ изъ Ломбарди, ошъ юга рѣки По и сѣверной Эшрури, побѣдили и покорили Сякуловъ, или Тиррежскихъ Пелазговъ (*), даже до самаго Тибра. Сіе первое движеніе Тоскановъ, мы полагаемъ причиною всѣхъ движеній народныхъ между По и Аппенинами, ибо, судя естешвенно, когда Цельшы, или Германцы, двинули Тоскановъ, сіи двинули Умбровъ, и за шѣмъ движеніе перешло ошъ Умбровъ къ Сабинамъ, ошъ Сабиновъ къ Осканамъ, или Касканамъ, а ошъ сихъ народовъ къ Сикуламъ, копорые удалились въ Сицилію, когда Тирренокіе Пелазги появились въ Греціи. Имя: *Тирренія*, какъ имя западнаго берега Итали, было знакомо Грекамъ, и поелику Тосканы были сильнѣйшимъ народомъ сего берега, въ то время, когда у Грековъ начались съ нимъ сношенія, сіе имя было придано землѣ и народу, шакъ, какъ Албанцы Морейокіе, Идріоты и Суліоты, были названы *Греками*, Англичане *Британями*, Испанци новаго свѣта *Мексиканцами*, *Перуанцами*. Сія гипотеза достовѣрна и поясняетъ весьма многое.

Но вопросъ о происхожденіи Тоскановъ все еще

ношеніе нынѣшнихъ Флорентійцовъ показываетъ ихъ горское происхожденіе.

(*) Тирренскіе Пелазги суть названіе подобное *Американскимъ Индійцамъ*, *Европейскимъ Туркамъ*, и ш. п.

составляетъ затрудненіе. Преданіе о Лидійской колоніи невѣроятно, и если Этруски были горское поколѣніе, то, отъ чего происходила любовь ихъ къ великолѣпію и осыдлости, признаковъ отличія между ими, Пелазгами и первобытными Италійскими народами? Отъ чего являюща шакже у нихъ глубокія знанія, важныи характеръ, еокрашическая конспиншущія и, можемъ прибавить къ этому, ихъ система поработать покоренные народы? Чшо-жь касается до огромнаго, прочнаго сшия въ поспройкѣ, обыкновенно называемаго ихъ именемъ, мы имѣемъ всѣ причины думать, что сіи поспройки были не Тосканскія, но Пелазгійскія, и что когда Тосканы покорили Этрурію, то исполинскія стѣны Волшерры, Популоніи и другихъ городовъ уже существовали. Можемъ замѣнить, что сей сшиль существовалъ не только въ Циркумпадійской Этруріи, но былъ также найденъ въ Лаціумѣ, гдѣ Тосканы никогда не были осыдлыми, и въ Пелопонезѣ. Вообще, не будемъ приписывать Тосканамъ Азіятскаго происхожденія, ни даже сродства съ Готескими племенами, но удовольствуемся только тѣмъ, что Фрере и Нибуръ были правы, ведя ихъ отъ стѣра къ югу Италіи, и если-бы кто хотѣлъ вывести Тоскановъ изъ верхней Азіи, мы думаемъ, что непроницаемая шемноша воспрепятствовало бы узнать первоначальное ихъ происхожденіе.

Подобно всѣмъ древнѣйшимъ именовавіямъ народовъ, имя *Тоскановъ* неизяснимо, и всѣ эшнологическія догадки здѣсь нисколько не удовлетво-

ришельны. По словамъ Діонисія, имѣвшаго всѣ средсва узнать истину, сами себя они называли *Разенами*. Намъ кажется привязчивостію кришки утверженіе Шлегеля, что шекстъ въ семь мѣстъ испорченъ, или, что Діонисій ошибся. Шлегель полагаетъ, что настоящее слово должно быть *Турсены*, отъ чего произошло *Тусцы*; и все сіе производитъ Шлегель отъ *Tus, turis*, значащихъ *предложители, жрецы*. Вахсмусово замѣчаніе, что слова *Ras-ena* и *Ract-ia* однозвучны, достойно вниманія.

Мы боимся затруднять долѣе чинашелей нашихъ обломками древнѣйшихъ народовъ, шамъ и здѣсь возвышающимися въ долинахъ, по коимъ рѣка забвенія разлила свои воды, разрушивъ огромныя массы, раздѣливъ самыя осалпки. Мы должны поспѣшишь къ самому Риму, копорому хошимъ посвятить осалпную половинну своей спашы, и постараемся вкрашцѣ сдѣлать ясными и понятными изслѣдованія Нибура о началѣ Рима, и поспешенномъ развитіи его конспитуціи, во время періода царей. Ни времени, ни мѣста не достало-бы у насъ, если-бы мы хотѣли разбирашь каждый пунктъ книги Г-на Нибура, и особливо соображать при томъ возраженія его пропотивниковъ. Мы будемъ предлагать сіи послѣднія только опчасты, болѣе занимаясь теорією самаго Нибура, въ копорой, кромѣ нѣкошорыхъ несоглашеній, мы находимъ всю убѣдительность истины; она невольнo заставляешь каждого чинашеля размышлять. Прочитавъ Нибура, вы имѣете вѣрнаго руководшеля для чтенія Тита-Ливія и Діонисія, видите писанія

ихъ озаренныя новыи свѣшомъ, и чувствуеши,
что

«Nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrina sapientum templa serena;
Despicere unde queas alios, passimque videre
Errare.»

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Подсѣжники*. СПб. 1829 г., въ ш. Дец. Вѣщи. Торговли, in 16, IV и 251 стр. Съ грав. заглавныи листкомъ и ношами на одну пѣсню.

Альманахи Русскіе могутъ служить мѣриломъ поэтическаго вдохновенія, успѣховъ и надеждъ Русскихъ писателей. У насъ альманахи не подарки для Новаго года, не сборъ повѣстей и не игрушки типографическаго и гравировальнаго искусства, но важныя книги, представивши годоваго трудолюбія почти всѣхъ нашихъ поэтовъ. Русскимъ альманахамъ не нужны прихотливыя украшенія, за которыя надобно дорого платишь типографическимъ и гравѣрамъ. Нѣтъ! у насъ читайте альманахъ, писанный на сѣрой бумагѣ, безъ картинокъ; покупайте не для Новаго года, а когда случится; не въ изящномъ переплетѣ, а обвернутый въ лоскутокъ копѣечной, крашеной бумаги, все это попому, что не купивъ Русскихъ альманаховъ, вы не

узнаете, что написали Русские поэмы в прошедшем году. Надобно сказать, что и собирателям альманахов надобно вознаграждать себя за труд, истинно тяжелый, ибо не легко выпросишь у первоклассных поэтов *чего-нибудь*, такъ-же какъ трудно ошибиться ошъ задней шеренги поэтическихъ рядовыхъ: они окружаютъ издаателя альманаха, точно какъ прѣзжающаго повелителя, поднося въверхъ свои поэтическія работы и не боясь грязи и пыли, подлѣ колесницы его: у нихъ берите *это хопите*.

Общевмѣніе признало *Сѣверные Цветы* лучшимъ по содержанию Русскимъ альманахомъ. *Подстѣжникъ* идетъ къ нему подлѣ пару, и его появленіе порадовало насъ, потому, что оно показываеши богашество нашей поэзіи. Лѣтъ за нѣсколько предъ симъ, почти всѣ поэмы наши трудились для наполненія *одного* альманаха; пошомъ трудолюбие ихъ спало наполнить *два* альманаха, наконецъ *три* (*Сѣверные Цветы; Альбомъ Сѣверныхъ Музъ, Невскій Альманахъ*): нынѣ они поддержали свою славу, замѣнивъ *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ-Подстѣжникомъ*. Скажушъ, что и эпо не показываеши богашества. Напрощивъ, эшо очень богашо, если вспомнимъ, что многихъ изъ нашихъ поэтовъ едва досшаеши на два, на три въ годъ порядочныя стихотворенія, которыя составляютъ не-балластъ альманаховъ: причиной сего бываеши или приговленіе къ какому нибудь важному труду, напримеръ къ *поэмѣ* стиховъ въ двѣсти — шриста, обдумываемой и обдѣлываемой года три, четыре, и ошрывками замѣняющей млочную медвѣшность

поэта, или—другая причина—ошдыхъ послѣ рожденія такого важнаго созданія. Иногда также поэты наши бывають огорчены невниманіемъ публики и насмѣшками злодѣевъ-журналистовъ, оставляють свои огромные труды и передають ихъ потомству въ отрывкахъ. Можно-ли послѣ этого сказать, что у насъ нѣтъ творческихъ мыслей и дѣятельности?

Прозу *Подсѣжника* составляютъ четыре счастейки. *Листокъ изъ дорожныхъ записокъ Русскаго Офицера*, Ф. Н. Глянки, гдѣ Авторъ прекрасно описываетъ свои впечатлѣнія въ городѣ Вирцбургѣ. *Русалка*, Малороссійское преданіе, Г-на Байскаго—прелестно рассказанная сказочка, тѣмъ болѣе драгоценная, что наши сказочники мало или неудачно пользуются народными повѣрьями. *Оборотень*, народная сказка, О. М. Сомова, облагороженная хорошимъ рассказомъ, хотя канва ея напоминаетъ дѣтскія небылицы въ лицахъ нашихъ няюшекъ. *Маскарадъ*, неизвѣстнаго, истинное происшествіе (будто-бы), но оно доказываетъ, что не всѣ истины должно сказывать: лучше было-бы написать такую милую небылицу, какова *Оборотень*.

Стихотвореній въ *Подсѣжникѣ*, большихъ и мелкихъ, 51. Упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ. Е. А. Барашинскаго, *Княгиня Э. А. Волконской*: изображеніе Исаіи, не новое, но хорошее. Князя Вяземскаго: *Станція*, отрывокъ изъ путешествія въ стихахъ (извѣстнаго уже члшателямъ Телеграфа по отрывкамъ). Въ семь стихотвореній остроуміе, чувство и поэтическіе порывы смѣняются для наслажденія члшателя. Выписываемъ изъ *Станціи* нѣсколько стиховъ, надѣясь симъ угодить нашимъ члшателямъ.

Авторъ говоритъ, что дороги Русскія бывають хороши въ двухъ только случаяхъ, когда—

Зима свершишь , преща опть гнѣва ,
Опустошительный набѣгъ ,
Путь окуешь чугуномъ льдиснымъ
И запорошишь ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушиснымъ.
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха ,
Что черезъ лужу можеть въ бродъ
Пройдти , глаза зажмура , муха.
Что-жь дѣлать? время есть всему !
Гражданству , роскоши , уму ,
Рукой степенной ходъ размѣрень :
Ипогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ ,
Пождемъ—и возрастетъ ипогъ.
Давно-ль могучій Петръ природу ,
Судьбу и смертныхъ перемогъ ,
Прошелъ сквозь мракъ , сквозь огонь и воду
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно-ли вдоль и поперегъ
Пропотпана его Россія ?
Исполнятся судьбы земныя
И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывашь умѣемъ мы :
Въ Парижѣ были , слава Богу ,
И , можеть , не боясь чумы ,
Ни Магомета спражи райской ,
За славной пѣнью Задунайской ,
За пѣнью Царственной Жены ,
Мы доберемса до луны ;

За Грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ ,
И межъ собой , безъ дальнихъ есоръ ,
Миролюбиво кончимъ споръ ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ .

Другой отрывокъ изъ Пущешествія въ стихахъ ,
Словка , исполненъ чувства , шакъ-же какъ и *Вол-
неніе* , прешій листикъ Князя Вяземскаго въ *Под-
сѣжникѣ* . Барона Дельвига двѣ Русскія пѣсни чрезъ-
вычайно нравятся намъ , особенно пѣсня , начинаю-
щаяся стихами :

« Дѣдушка ! » дѣвицы
Разъ мнѣ говорили :
« Нѣпъ-ли небылицы ,
Иль старинной были ? »

Г-нъ Подолнскій неизмѣнимо ясенъ , строенъ и
возвышенъ въ шести мѣлкихъ стихошвореніяхъ его,
напечатанныхъ въ семь Альманахъ . А . С . Пушкинъ
уладилъ насъ своимъ двѣнадцатиписаннымъ : *Примѣ-
ты* , и утѣшилъ *Литтературнымъ извѣстіемъ* :
пусть самъ онъ повторишь его нашимъ чашаше-
лямъ .

ЛИТТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ .

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ , достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ .
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій ,
Свои статьи Елагинъ обѣщаль ;
Кургановъ самъ надъ крипикой хлопочешъ :
Влеснущъ умомъ Письмовникъ снова хочешъ ;

И говорить , на дняхъ они начнутъ ,
 Благословясь , сей преполезный трудъ ;
 И только ждесть Василей Тредьяковскій ,
 Чтوبъ подоспѣлъ Михайло

Глава 1-я повѣсти : *Капитанъ Храбрый* , В. Л. Пушкина, стихотвореніе, достойное сего заслуженнаго ветерана-поэта. Талантъ Автора покояеть въ сей оспроумной поэпической шуткѣ (*). Баронъ Розень напоминаетъ намъ своими произведеніями лучшихъ Германскихъ поэтовъ : онъ оригиналенъ , богашъ чувствомъ и прелесненъ по ошдѣакъ стиховъ. Г-на Щасшнаго *Фарисъ* , переводъ Мицкевичевой Кассиды , заслуживаетъ особенное вниманіе по хорошимъ стихамъ и вѣрности въ выраженіи мыслей подлинника. Намъ не нравится примѣчаніе, Богъ знаетъ кѣмъ прилѣпленное на первой страницѣ сего перевода. Оно отзывается уѣзднымъ городомъ. *Элегія* и *Эпиллог* (неизвѣстно къ чему), Г-на Языкова, прекрасны какъ Шампанское вино съ Лимбургскимъ сыромъ. Удачные стихи сего поэта шакъ однообразны , способъ его выраженія шакъ знакомъ всѣмъ Русскимъ читателямъ , что мы почишаемъ излишнимъ говорить о новыхъ произведеніяхъ юна-

(*) В. Л. Пушкинъ просилъ насъ замѣтить , что въ стихотвореніи его , напечатанномъ въ *Подснѣжники* , находится важная опечатка. Тамъ сказано :

Сова хохочеть , жукъ жужжитъ
 И мысль крылатая летаетъ ,

а надлежало напечатать :

И мысль крылатая летаетъ.

го силача Русской поэзии. — Стихотворение : *Ижорскій*, соч. неизвѣстнаго, показываетъ богатое воображеніе Автора и оригинальность въ изображеніи и въ самомъ выраженіи. Жаль, что *Ижорскій* является въ отрывкахъ, ибо прежде сего (въ 1-мъ № Сына Отечества на 1827-й годъ), помѣщено было начало оного. Объ остальныхъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ *Подсмѣжикѣ*, мы не скажемъ ничего, потому что объ нихъ нечего сказать, а ссориться ни съ кѣмъ не можемъ похвалить, а ссориться ни съ кѣмъ не хотимъ. Ничего даже не упоминаемъ о *кровопролитныхъ и облитыхъ кровью стихахъ* Г-на Швырева (который самъ такъ называетъ ихъ). Замѣтимъ только, что сей стихотворецъ, появленіемъ въ печати каждаго своего стихотворенія, доказываетъ, что онъ не поэтъ. Изъ чего хлопочешь !

Наше дѣло кончено : отчетъ о *Подсмѣжикѣ* написанъ. Какова литература наша , если представляемъ ея, сборомъ *лучшихъ даровъ* ея, служашъ такіе *три Альманаха* ? Это пусть рѣшаютъ сами читатели.

— *Евгеній Онегинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ ш. Деп. Нар. Просв., in 12, VIII, XXII и 59 стр.

Какъ на стараго друга взглянули мы на первую главу *Онегина*, напечатанную , кажется , вторымъ изданіемъ. Говоримъ : кажется , потому что кромѣ года , выставленнаго на заглавномъ листкѣ , догадаться объ этомъ не по чемъ : самая наружность сей первой главы точно такая-же , какъ въ изда-

нѣ 1825 года. Можно, правда, замѣнить еще исправленіе нѣкоторыхъ опечашокъ. Такимъ образомъ, почти всѣ произведенія Пушкина напечатаны теперь *вторымъ* изданіемъ, и вѣроятно вскорѣ потребуется третье, четвертое изданіе оныхъ и слѣдующія. Скажите пожалуйста этого, не *Классическій* ли Авторъ Пушкинъ? ибо *Классическій* Авторъ есть поэтъ, чьи сочиненія составляютъ потребность народную, а не временную, чьи произведенія поэтическія выучиваются наизусть и составляютъ непрѣмную часть литературнаго богатства народа. Да, ММ. ГГ.! Пушкинъ *Классикъ*, если понимать это слово такъ, какъ понимаютъ его Французы, а не называть *Классическими* однихъ произведеній Греческаго и Римскаго міра: ибо послѣдователи *Классицизма* не признаютъ своими *древнихъ* Индійскихъ Авторовъ. Если же слово, *Классическій Авторъ*, принять въ смыслъ: *употребляемый въ классахъ, образцовый* для юношей, то конечно Пушкинъ имѣетъ и на сіе болѣе правъ, нежели многіе изъ Грековъ и Латинцовъ: это поэтъ міра современнаго, и что еще ближе къ намъ, міра Русскаго. Нравственности въ немъ, для Русскаго читателя, болѣе нежели во всѣхъ поэтахъ Греціи и Рима, у которыхъ, вездѣ, или языческія причуды, или сладострастныя и часто безнравственныя картины, или, наконецъ, рѣзня на повалъ. Вспомните о Гомерѣ: у него боги настоящіе простодюжны, герой драчуны, и вся *Иліада* настоящая *бойня*, въ сравненіи съ которою наши романтическія кровавыя сцены — *бой пѣтуховъ*; вспомните о пьяницѣ и шалунѣ Анакреонѣ, о буйномъ Горациѣ (изъясне-

момъ на каедряхъ), о разграбленіи Овдіи, о соблазнительномъ Петроніиді проч. и проч. Скажешь, можетъ быть, что мы уже слишкомъ бранимся; но въ этомъ виноваты нескромныя крпки, ругающіе добрыхъ нашихъ Романшиковъ въ Вѣспникъ Европы уже не по нашему: они сами подаютъ намъ прѣдѣль и оружіе. У нихъ кромѣ этого нечему и научиться.

— *Нравственныя и философскія бесѣды*, изъ сочиненій Доктора Блера. Переводила съ Англійскаго Анна Бунина. М. 1829 г., въ т. Н. Спешнова, in 8, 391 стр.

А. П. Бунина, одна изъ извѣстнѣйшихъ женщинъ-Авшоровъ Русскихъ, заслуживаетъ пошину благодарности своихъ соотечественниковъ за сей новый трудъ. Касательно самаго подлинника, выписываемъ слѣдующія строки изъ посвященія почтенной Переводчицы, вѣрно характеризующія сіе сочиненіе: «Во всей Европѣ поучительныя рѣчи Англійскаго проповѣдника Блера признаны изящнымъ, классическимъ сочиненіемъ. Столь всеобщее уваженіе воздаютъ имъ не за чистоту слога и не за превосходство краснорѣчія, номи онѣ ошлчаются. Чистота слога и превосходство краснорѣчія служили проповѣднику только простымъ орудіемъ, потребнымъ къ сооруженію предначертаннаго изданія. Главнѣйшее достоинство поученій его состоитъ въ томъ, что онѣ какъ-бы спяжаль свыше даръ подтверждаютъ каждую свою мысль словами Священнаго Писанія, и единственно извлекають изъ него истины, ведущія человека путями счастья въ

сей жизни и пригошопляющія къ блаженству въ будущей.»

— *Благочестивое Говѣющихъ зрѣніе*, или канонъ Андрея Критскаго Іерусалимша, преложенный стихами, церкви Св. Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены, что при Градскихъ Богодѣльняхъ, лишеннымъ зрѣнія Священникомъ Гаврииломъ Пакашскимъ. *Церкви и Обществу*. СПб. 1829 г. въ ш. Генер. Штаба, in 8, VI и 114 стр.

Мы увѣрены, что сей посильный трудъ почтеннаго Священника Г. Пакашскаго будетъ принятъ публикою благосклонно.

— *Premiers élémens de grammaire française de l'Homond, corrigés et augmentés par Constant Letellier. Mis en tableaux par Maurice Allart. Seconde édition (Первыя основанія Французской Грамматики Ломона, исправленныя и умноженныя К. Лешелье. Принадлежи въ таблицы Мавриціемъ Алларомъ. Второе изданіе)*. М. 1829 г., въ продолг. $\frac{1}{4}$ листа, IV и 68 стр.

— *Grammaire raisonnée à l'usage des élèves de la troisième classe de la pension noble de l'université impériale de Moscou. Par H. Gay, attaché à cet établissement (Подробная Грамматика, для воспитанниковъ третьяго класса Благороднаго Пансіона. Соч. Г. Ге)*. М. 1829 г. въ ш. А. Семена, in 8, 191 стр.

Оба сіи сочиненія могутъ служить весьма хорошимъ пособіемъ при изученіи Французскаго языка. Сравнивать ихъ невозможно: Издатели слѣдующь совершенно различными методамъ. Если-бы насъ спросили, кошорой методѣ должно отдасть преиму-

щество, но мы безъ обвиняковъ сказали-бы: методъ Г-на Аллара. Она вѣрнѣе, надежнѣе ведетъ къ цѣли и оправдываетъ славныя имена Ломона и Лешелье. Въ предисловіи своемъ Г. Алларъ говоритъ: «Издавая сію сокращенную Грамматикку, имѣю цѣлю облегчить изученіе и преподаваніе Французскаго языка; признаюсь однакожь, что принятая мною метода требуетъ большаго старанія отъ учителя, труда и размышленія отъ ученика; сдѣдственно книга моя не принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ швореній, съ которыми можно учиться самому или научашъ безъ владѣющихъ познаній.» Она именно заключаетъ въ себѣ *основанія* или афоризмы Французскаго языка, которые учитель долженъ объяснять и ученикъ развивашъ для себя. Краткость оныхъ позволила Автору включить въ свой трудъ множество правилъ, изложенныхъ ясно, точно и съ наблюдениемъ постепенности.

Книга Г-на Ге составляетъ также прекрасное руководство для изученія Французскаго языка. Авторъ старался сдѣлать ее болѣе *всеобщей*, нежели просто *Французскою* Грамматиккою. Но главное достоинство ея, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что Г. Ге, много лѣтъ занимающійся преподаваніемъ Французскаго языка, опытностію своею извлекъ примѣненія, особенно полезныя для Рускихъ, ибо не должно опускаться изъ виду, что не все то нужно для Француза въ Грамматикѣ, что весьма важно для иностранца, изучающаго Французскій языкъ. Г. Ге понялъ это и мы особенно съ сей стороны рекомендуемъ трудъ

его, впрочемъ полезный и общими правилами. Авторъ обѣщаетъ издашь вторую часть своей Грамматикѣ, въ кошорой будешь заключашься подробный *Синтаксисъ*. Въ сей первой части объясняешь *Словопроизведеіе*.

Г. Ге смѣло называешь (въ предисловіи) стремленіе къ *идеологій* истинно здоровою методою. Не знаемъ, хорошо-ли эшо для дѣла споль практическаго, какъ Грамматика, но припоминаемъ себѣ, что величайшій изъ Франгузовъ не любилъ *Идеологій*, и что въ его время не смѣли выговорить эшого слова, боясь оскорбить практическій слухъ сего человекѣ.

Красоша изданія и вѣрносшь коррекшуры обѣихъ сихъ книгъ дѣлаешь честь типографіи Г-на Семена.

— *Précis de l'Histoire-sainte de l'ancien et du nouveau testament, etc.* (*Начертаніе Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Заветѣ*, съ краскимъ Франгузско-Русскимъ словаремъ, съ географическою росписью упоминаемыхъ мѣспъ и историческими и географическими замѣчаніями). Соч. Н. Эйнерлинга. СПб. 1829 г., въ ш. Греча, in 16, IX и 278 стр.

Нѣшъ предмета, для первоначальнаго изученія, споль назидательнаго какъ Священная Исторія: эшо признано всѣми. Чувствуя сію истину, Г-нъ Эйнерлингъ издалъ Начертаніе Исторіи Ветхаго и Новаго Заветѣ и приложилъ къ оному словарь Франц. языка и объяснительныя примѣчанія. Дѣши, чышая его книгу, могушь изучать

на употребительнѣйшемъ изъ языковъ , высокія истины. Прекрасная мысль , прекрасно выполненная !

— *Польскіе и Россійскіе разговоры*, составленные по наилучшимъ образцамъ и раздѣленные на 109 уроковъ. Rosmowy Polskie i Rossyyskie, etc. Вильно, 1829 г., въ ш. Неймана, in 12, 245 стр.

При бѣдности нашихъ пособій для изученія Польскаго языка , книгу сію можно назвать явленіемъ пріятнымъ. Дай Богъ намъ скорѣе увидѣшь появленіе хорошей Грамматики Польской и достаточнаго Польскаго Словаря для Рускихъ.

— *Мѣлкія сощменія) отвѣты на критики и сокращеніе мыслей о происхожденіи и образованіи міровъ*. Сочиненіе Е. Ершова. Спб. 1829 г., въ ш. А. Смирдина , in 8 , 196 стр.

Какъ Авторъ , Г. Ершовъ человекъ замѣчательный. « *Страннаго рода самолюбіе* (говоритъ онъ на стр. 82-й) удержало меня отъ усовершенствованія себя во Французскомъ языкѣ. Мнѣ казалось , что свѣдѣній на одномъ Русскомъ языкѣ и собственныхъ мыслей достаточно будешь для образцованія на всю жизнь мою ; но теперъ вижу , что по бѣдному состоянію нашей Словесности нельзя кончить Всеобщей Исторіи безъ помощи иностранныхъ языковъ. » Это справедливо , но не въ томъ отношеніи , какъ разумѣешь Авторъ. Во первыхъ , мы должны отдашь полную справедливость его трудолюбію , стремленію къ общей пользѣ и уму , швердому въ достиженіи къ предположенной цѣли. Но не лзя согласиться съ нимъ , что слабы сочиненія о Римской Исторіи , написанныя

Кревьё, Рою, Лебо и Гиббономъ были переведены на Русскій языкъ, но онъ могъ-бы окончить свою Всеобщую Исторію. Мы думаемъ, что онъ не могъ-бы окончить ее и при сихъ переводахъ, ибо онъ не имѣеть надлежащаго взгляда на событія. Изъ словъ его видимъ, что онъ почиаетъ Исторію аѳописью, расположенною по особенной какой либо методѣ. Послѣ яшого ясно, что онъ долженъ-бы былъ жалѣть не о томъ, что не знаетъ Кревьё, Рою, Лебо и Гиббона (хотя послѣдній отъ первыхъ отличаетъ какъ небо отъ земли), но что онъ не знакомъ со взглядомъ философовъ на Исторію, что ему не извѣстны Гердеръ, Гизо, Кузенъ и подобные имъ мыслители, особенно-же въ отношеніи къ Римской Исторіи Нибуръ, о сочиненіи котораго помѣщается спашья въ нашемъ журналѣ. Эти люди находятъ недосматочными величайшія произведенія даже такихъ геніевъ, какъ Ливій, Тацитъ, Гиббонъ, Юмъ, Робертсонъ, Миллеръ, ибо они смотрятъ на Исторію какъ на одну мысль, развивающуюся по необходимымъ законамъ, и на аѳописцевъ какъ на людей, видѣвшихъ только однѣ формы событій, а не сущность. Какое-же въ семъ случаѣ пособіе могутъ предсавить Лебо и Кревьё, когда великій Гиббонъ односроненъ своимъ взглядомъ, когда краснорѣчивый Титъ Ливій оказывается суевѣрнымъ Римляниномъ и Миллеръ болѣе поэтомъ, нежели историкомъ? Мы никакъ не рѣшились-бы высказать сихъ слишкомъ рѣзкихъ испинъ, безъ подробнаго развитія оныхъ, если-бы не были увѣрены, что мыслящіе люди поймутъ насъ, и если-бы Г. Ершовъ самъ не

вызвалъ насъ къ сему опроверженному объясненію 84-ю страницю своей книги. Онъ увѣряетъ, что мы сравнили написанную имъ Исторію съ объявленіемъ о помадѣ: по истинѣ это несправедливо! Мы умѣемъ уважать трудъ человѣка почтеннаго, достойнаго хвалы, трудолюбиваго. Въ библиографію Телеграфа 1825 года книга Г-на Ершова не вошла конечно потому, что мы (безъ всякаго намѣренія) не имѣли случая видѣть ее; слова-же, въ коихъ упоминается о помадныхъ объявленіяхъ, относятся совсѣмъ не къ книгѣ Г-на Ершова, а прямо къ объявленіямъ о помадѣ. Что мы почитаемъ Исторію, издаваемую Г-мъ Ершовымъ, явленіемъ не важнымъ въ Русской Литтературѣ, это наше мнѣніе, которое кажется намъ справедливымъ. Но должно-ли за сіе мнѣніе взводить на насъ небывлицы? Напрошивъ, мы скажемъ, что въ этой самой книгѣ, гдѣ въ числѣ кришкы находится нѣсколько выходовъ прошивъ Издашеля Телеграфа, видимъ умъ наблюдательный, но къ сожалѣнію заключенный въ шѣсную сферу отъ недостатка познаній и просвѣщенія. Отъ души желаемъ Г-ну Ершову всякихъ успѣховъ и просимъ его не сердиться за нашу искренность.

Кромѣ разныхъ замѣчаній на журнальныя статьи, въ книгѣ сей помѣщена, сокращенно, теорія о происхожденіи міровъ, кою Авторъ занимается съ давнихъ лѣтъ.

— *Астрономія для незнающихъ Математики*, или полное обозрѣніе сей науки въ новѣйшемъ ея состояніи, съ присовокупленіемъ жизнеописаній

знаменистѣйшихъ астрономовъ. Соч. Балли. Переведена съ Французскаго Д. Переводчикова. М. 1829 г. въ ш. Н. Степанова, in 8, 190 стр., съ 5-ю гравированными рисунками.

Для незнающихъ Математики: сдѣлственно для весьма большаго круга читателей. Въ книгахъ сего рода предметъ долженъ быть изложенъ кратко, ясно и заманчиво, ибо, иначе, огромность устрашитъ *незнающихъ*, темнота сдѣлаетъ книгу бесполезною, сухость заставитъ покинуть ее. Можемъ сказать, что Г. Балли и Г. Переводчикъ его исполнили свое дѣло какъ не лзя лучше. Они избѣжали упомянутыхъ нами недоспашковъ и замѣнили ихъ достоинствами. Мы въ правѣ сказать это, ибо, принадлежа къ числу не-машемашиковъ, составляемъ единицу шрибунала, которому посвящена сія книга. Мы прочитали ее съ удовольствіемъ и съ пользою. Въ краткомъ, но ясномъ, историческомъ обзорѣніи Астрономіи, Авторъ заставляешь полюбить сію науку и присту-пить съ любопытствомъ къ изясненію истинъ ея. Въ изясненіяхъ онъ идетъ надежнымъ путемъ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, такъ, что окончивъ чтеніе его книги, чувствуешь себя облада-телемъ новаго, прежде для васъ не столь яснаго. Не смѣемъ предъ образованными читателями нашими исчислять простонародныхъ, пошлыхъ доказательствъ о пользѣ Астрономіи: просвѣщенному челоѣку надобно имѣть ясное понятіе обо всемъ. Изложивъ впечатлѣнія, сдѣланныя въ читатель-сею книгою, мы похвалили ее самымъ вѣрнымъ и

лестнымъ образомъ, ибо изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что она достигаетъ своей цѣли: Г-ну Переводчику принадлежишь честь яснаго, точнаго перевода: благодаримъ его за сей ученый подарокъ и желаемъ, чтобы подобныя полезныя книги чаще являлись на Русскомъ языкѣ.

— *Новый Езопъ для дѣтей*, или правоучительный Цвѣтникъ, съ раскрашенными и вырѣзанными картинками, для составленія изъ нихъ игры, относящейся къ баснямъ, переведенный Сергѣемъ Гайнкою. Издавъ книгопродавецъ Урбенъ и Комп. М. 1829 г. въ продаговашую 8-ку листа, 46 стр.

Новый Езопъ можешь служишь пріятнымъ подаркомъ для дѣшей. Двѣнадцать басень, въ стихахъ и прозѣ, со многими изображеніями предметовъ басень, вырѣзанными изъ картона, хорошо раскрашенными и налагаемыми на картинку, изображающую сельскій ландшафтъ—вотъ что составляетъ сей правоучительный и занимательный для дѣшей *Цвѣтникъ*.

— *Наставленіе о рафинированіи сахара*, составленное Николаемъ Щегловымъ и изданное Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. СПб. 1829 г., въ ш. Медиц. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ, in 8, 123 стр. съ 2-мя рисунками.

Всякая полезная книга получаетъ новую, большую цѣну; если она издается къщати. За двад-

цать лѣтъ, *Наставленіе о рафинированіи сахара* не было-бы столь полезно, какъ нынѣ, при усиливающемся въ Россіи выдѣлываніи сахара изъ свекловицы. Нынѣ шрудъ Г-на Щеглова заслуживаетъ сугубую благодарность всѣхъ Рускихъ, желающихъ блага своему отечеству. Авторъ извлекъ сіе *Наставленіе* изъ лучшихъ Французскихъ книгъ, въ конхъ описаны средства рафинированія сахара, и изложилъ на Русскомъ языкѣ сей предметъ ясно и удовлетворительно. Нужнымъ почтѣемъ выписать здѣсь слѣдующія строки: «Привозимые изъ колоній сахарные пески почти совершенно сходны, по составу своему, съ песками, добываемыми нынѣ на свекловичносахарныхъ заводахъ. Рафинировальщики даже *предполагаютъ* во многихъ случаяхъ *последніе*. Впрочемъ, сходство сихъ произведеній очевидно и изъ самаго добыванія ихъ (*Наставленія*, стр. 13-я).» Слѣдственно, книга Г-на Щеглова можетъ быть равно полезна для рафинирующихъ сахаръ и изъ шпротниковаго, и изъ свекловичнаго сахарнаго песку.

С М Ъ С Ъ.

О МОСКОВСКИХЪ КОНЦЕРТАХЪ (*).

Въ старыя годы, когда скука не составляла одного изъ главныхъ причинъ Московской публки, когда принужденная важность, напоминающая Испанцовъ мрачныхъ временъ Филиппа II-го, не была условіемъ обществу древней столицы, тогда находили удовольствіе въ посѣщеніи Благороднаго Собранія, театровъ и концертовъ. Тогда, каждый Вшорникъ, Охопный рядъ и близъ лежащія улицы были загромождены экипажами, шянувшимися къ Собранію, гдѣ молодыя дамы и дѣвицы, безъ лишнихъ издержекъ на свой шуалетъ, весело шанцовали до полуночи, и разъѣзжались по домамъ, общая себѣ подобное удовольствіе въ слѣдующій Вшорникъ. Эштѣ веселости стоили нашимъ красавицамъ не болѣе 25 рублей въ годъ. Молодые люди того времени исправно посѣщали театръ, и не считали за стыдъ сидѣть въ паршерѣ и со вниманіемъ слушать пьесу. Знатнѣйшія дамы ѣздили въ публичныя маскарады, которые давались въ обширной рошондѣ бывшаго Петровскаго Театра. —

(*) Сія статья доставлена къ намъ по оппечата-ніи 7-го № Телеграфа, и пошому являешся двумя недѣлями поздне. Изд.

Когда наступала Великій постъ, концерты привлекали лучшую Московскую публику. Тогда, ошдичные виртуозы были рѣдки; но шѣмъ не менѣе концерты были разнообразны и доставляли удовольствіе публикѣ, кошорая искала мѣста для сборища, а не виртуозовъ, прославленныхъ во всѣхъ Европейскихъ газетахъ. Въ шо время, незабвенная Сандунова восхищала слушателей Русскою пѣснею: *Я не думала ни о темъ въ свѣтѣ тужить*, сколько же, сколько въ послѣдшвіи времени знаменитая Капалани удивляла своими *Sen regina*, или *Sul margino d'un gio*. Тогда *умѣли* веселиться, пошому, чшо *хотѣли*, а можешь спашься и пошому, чшо тогда всѣ были люди необразованные и неученые, какъ говорятъ новѣйшіе мудрецы. Ошъ души радуемся успѣхамъ нашей образованности; жалѣемъ шолько, что она не дешево достается на счетъ денегъ и здоровья. Въ неученое время самый разсѣянный жишель столицы издерживалъ на шастры, балы и концерты не болѣе трехъ кошъ рублей въ годъ, а въ замѣнъ шого былъ развлеченъ и веселъ. Нынѣ, должно заплашиться, по крайней мѣрѣ, въдесятеро за неизъяснимое удовольствіе просиживашь до утра за боспономъ, и въ добавокъ къ шому, ошъ безпрешаннаго сидѣнья, получишь боль въ поясницѣ и приливъ крови къ головѣ, чшо должно быть очень пріятно. Но чего не сдѣлаешь для просвѣщенія. . . гостинныхъ и будуаровъ! — Обращимся къ нашему предмету.

Въ нынѣшнемъ году не было въ Благородномъ Собраніи шѣхъ блистательныхъ концершовъ, какіе давались года шри шому назадъ, когда Гр. М. Ю.

В-ій, истинный любитель и знапокъ въ музыкѣ, былъ Старшиною Собранія. Одинъ солистъ и одинъ пѣвецъ, аккомпанируемые кваршетомъ: вотъ все, что составляло въ нынѣшнемъ году музыкальные вечера Благороднаго Собранія. — Театральные концерты были очень хорошо расположены, но они привлекали мало посѣщителей. Въ отдѣленіи Благороднаго Собранія (нынѣ занимаемомъ Нѣмецкимъ Клубомъ) С. Пешербургскій Актеръ, Г-нъ *Женесъ*, давалъ, такъ называемый, музыкальный и декламационный вечеръ. Тирады и сцены, прочитанныя Г-мъ Женесомъ, совершенно теряли все свое достоинство, не будучи связаны съ дѣйствіемъ. Трагедія не опера. Можно составить концертъ изъ различныхъ арій, но выдержки изъ знаменитыхъ драматическихъ произведеній, прочитанныя однимъ лицомъ, мало дѣйствуютъ на слушателей. Впрочемъ Г-нъ Женесъ очень хорошо декламировалъ небольшую мелодраму: *Пиамаліонъ*. Въ Дамскомъ Журналѣ хвалятъ стихи *Ж. Ж. Руссо*, коими написана эта небольшая пьеса. — Концертъ Гг. *Леру* (скрипача) и *Лемоха* (форшепьяниста), во Французскомъ театрѣ, равно и концертъ Г-на *Вальтера* (флейтраверсиса), въ залѣ Благороднаго Собранія, были очень незначительны, ни по содержанию своему, ни по собранію публики. Должно отдать справедливость Г-ну Лемоху, что онъ очень хорошо играетъ на форшепьяно; но этошъ инструментъ самъ по себѣ не концертный. Онъ не имѣетъ протяжныхъ и, такъ сказать, одушевленныхъ звуковъ, которые могли-бы дѣйствовать на слушателей. Искусные смычки *Ромберга*, *Балло*, *Роде*,

Семенова, и *Полякова*, сильная грудь *Дювернуа*, *Фогта*, *Костина*, *Титова* и *Палкова*, могутъ извлекать сладостные шумы изъ ихъ инструментовъ (*); на фортепьяно, звуки не просяжные, а ошрвыисшые, посему и гармонія сего инструмента

(*) Всѣмъ извѣстно, кто таковы Ромбергъ, Бальо и Роде; всѣ знаютъ, что знаменитые: волторнистъ Дювернуа и гобоистъ Фогтъ играютъ въ оркестрѣ Большой Парижской Оперы; но мы долгомъ себѣ представляемъ дать свѣдѣнiе нашимъ читателямъ о тѣхъ изъ вышеупомянутыхъ виртуозовъ, которые мало извѣстны Московской публикѣ, а именно: о музыкантахъ Императорскаго Московскаго Театра.— Г. *Поляковъ* можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ скрипачей въ цѣлой Европѣ. Необычайное, увлекающее чувство, душа въ его игрѣ, напоминаютъ Дица и Бальо.— Г. *Костинъ*, первый фаготистъ здѣшняго театра, по утврѣнiю всѣхъ иностранныхъ артистовъ, не много имѣетъ себѣ подобныхъ въ самыхъ музыкальныхъ спранахъ. Въ его рукахъ, фаготъ дѣлается какимъ-то особеннымъ, очаровательнымъ инструментомъ. Г. *Титовъ* достигнулъ едва-ли не высшей степени совершенства на кларнетѣ. Онъ смѣло могъ-бы состязаться съ первѣйшими виртуозами... если-бы онъ былъ не-Рускiй. Гдѣ *Палковъ* (флейтраверсистъ) и *Лузинъ* (волторнистъ) могутъ съ честью занимать первыя мѣста въ знаменитѣйшихъ оркестрахъ Европы. Не лзя не упомянуть также объ отличномъ талантѣ молодаго гобоиста Г. *Самарина*. Къ несчастiю, или, лучше сказать, къ счастью, грудь сего юнаго артиста не слишкомъ сильна, и онъ болѣе занимается теорiею музыкальнаго искусства и композицiею. Нѣтъ худа безъ добра! Эти

составить въ искусствѣ и скоромъ дѣйствіи мальцовъ. Такъ называемая *тумъ* (touché), или умѣнье придавливать клавишу, есть камень преткновенія для фортепьянистовъ. Оно немногимъ дано въ удѣлъ, а посему невинныя виртуозы на семь инструментовъ очень рѣдки. Многія изъ нашихъ дамъ, даже дѣшеі (въ томъ числѣ малышка *Шарпантье*, ученикъ знаменитаго Фильда), прекрасно играютъ на фортепьяно, и не могутъ называться виртуозами, между тѣмъ какъ о скрипачѣ, или о гобоистѣ, никакъ нельзя

занятія могутъ принести болѣе пользы, нежели надуваніе гобоя. Опять чего-же происходитъ, что эти господа до сихъ поръ такъ мало извѣстны? Возьмемъ въ примѣръ Нѣмца, не получившаго опять природы музыкальнаго дара. Необходимость имѣть какое нибудь ремесло, не рѣдко дѣлаетъ изъ него очень хорошаго музыканта. Сей талантъ, приобретенный имъ посредствомъ долговременныхъ и посильныхъ трудовъ, дѣлается для него, нѣкоторымъ образомъ, сокровищемъ, о коемъ онъ безпрестанно заботится, и которое старается держать въ наилучшемъ видѣ. Опять этого приобретаются извѣстность и слава. Рускій, получившій въ десятеро болѣе опять природы, не прилагаетъ ни малѣйшаго старанія объ усовершенствованіи своего таланта. Довольный хорошимъ жалованьемъ, спокойно выжидаетъ онъ двадцати-лѣтняго срока, для полученія полнаго пенсіона! Господа Русскіе таланты! Вы не всегда вправѣ обвинять публику въ равнодушіи къ вамъ, и мы, въ свою очередь, можемъ обвинить васъ въ равнодушіи къ вашему искусству! — В. У.

сказать, что они играютъ *прекрасно*, если они не въ полномъ смыслѣ виртуозы. Рѣзительно можно назвать форшепьяно инструментомъ мыслей музыкальныхъ, но не выраженія оныхъ. Придать выразительность пону, раздробленному на множество мягкихъ часпиць, и извлечь сладосшную мелодію изъ ошбивныхъ звуковъ, есть искусство, сопряженное съ преодоленіемъ величайшихъ трудностей. Оно-то и дѣлаешь виртуозовъ—форшепьянистовъ, которыми Россія едва-ли не богаче всѣхъ прочихъ странъ Европы. Пѣтительныя сонаты *Штейбелъта* были сочинены въ Петербургѣ; *Мейеръ*, *Шо-берлехнеръ*, и, что всего важнѣе, единственный, неподражаемый, *великій Фильдъ*, живутъ въ нашемъ отечествѣ. Знаменишая Г-жа *Шимановская* если не соотечественница, то, по крайней мѣрѣ, соплеменница наша. Въ Москвѣ трудно удивить искусною игрою на форшепьяно: мы на эшошь счешъ избалованы.

Г. Моррикъ, бывшій капельмейстеръ здѣшняго Итальянскаго театра, въ данномъ имъ концертѣ, вышпщилъ изъ подъ спуда знаменишую орашорію: *Сотвореніе міра*. Намѣреніе было очень хорошо, и лучшіе музыканшы нашей столицы участвовали въ исполненія онаго; но по несчастію, или по какимъ другимъ причинамъ, случилось нижеслѣдующее: *Гайдень* хотѣлъ изобразить въ своемъ швореніи хаосъ, приведенный въ гармонію, волею Всевышняго, а въ залѣ Большаго театра, волею ГГ. пѣвцовъ и пѣвиць, изъ гармоніи безсмершнаго композитера вышелъ шакой хаосъ, что многіе изъ посѣщителей вынуждены были уѣхашъ, не до-

ждавшисъ конца. Въ замѣнь сего, публика была порадована концершомъ, который далъ Г. Шольцъ, капельмейстеръ Императорскаго театра. Въ семъ концершѣ, 15-ти лѣтняя дочь Г. Шольца пѣла Итальянскую арію, и извѣстную Русскую пѣсню: *Соловей, мой соловей!* Въ полномъ смыслѣ восхищала она слушателей. Само собою разумѣется, что въ столь юномъ возрастѣ нельзя имѣть голоса, совершенно выработаннаго. За всѣмъ тѣмъ, свобода, чистота, правильность и вѣрность, съ коею дѣвица Шольцъ брала всѣ ноты, общающъ въ ней превосходную пѣвицу. При семъ случаѣ замѣтимъ, что раждающійся талантъ дѣвицы Шольцъ есть живой упрекъ нашимъ господамъ *кантатрисамъ*, которые нисколько не заботятся о томъ, чтобы голосъ ихъ свободно выходилъ изъ груди, отъ чего и зависить настоящее *пѣние* (*il canto*). Работашъ горломъ, выдѣлывашъ, шакъ называемыя Французами, *les gargouillades* — вотъ въ чемъ поспѣвають онѣ все искусство. Долгъ справедливости обязуешь насъ сказать, что Г-жи *Сабурова* и *Н. Рѣпина* не подвержены сему недостатку. Первая, не взирая на пошерю голоса, до сихъ поръ осталась истинною пѣвицею; вторая, стараніемъ и прилежнымъ ученіемъ, достигла труднаго искусства пѣть вѣрно и чисто, что, по настоящему, должно бытъ первымъ и необходимымъ условіемъ каждой пѣвицы. Это дѣлаешь тѣмъ болѣе чески Г-жѣ Рѣпиной, что она кромѣ сего очень заботилась о своей игрѣ. Дѣло идетъ шенерь не о декламациі; но нельзя удержатъся, чтобы не замѣтить этой прелестной Актрисѣ, что если она

совершенно отвыкнеть (о чемъ она и старается) отъ *протяжнаго произношенія*, которое, по несчастію, такъ замѣтно у многихъ Московскихъ актрисъ, но она приобретаетъ заслуженную и прочую славу на поприщѣ театральнаго искусства, чего мы ей отъ души желаемъ.

Но ни одинъ концертъ не надѣлалъ столько шуму, какъ данный Г-жею *Меласъ*, первую пѣвицею С.Пешербургскаго Итальянскаго театра. Къ этому концерту можно примѣнить старинную поговорку: *multum clamoris et parum lanæ*. Начнемъ съ того, что цѣна мѣстамъ была назначена такая, какой не брали ни Капалани, ни Боргондіо. Билеты въ театръ продавались въпрое и вчетверо дороже казенной цѣны! Этимъ самымъ Г-жа Меласъ много повредила своему успѣху. Будучи не много поумѣреннѣе въ требованіяхъ дана отъ публики, она могла-бы дать два и три концерта, которые выручили-бы ей гораздо болѣе и вполне удовлетворили-бы любопытству жителей столицы. Чтожь касается до искусства пѣвицы, то должно отдать справедливость Г-жѣ Меласъ въ томъ, что она имѣла прекраснѣйшую школу; голосъ ея обширенъ и выработанъ. За всѣмъ тѣмъ, она дѣйствовала на душу зрителей гораздо менѣе, нежели Г-жа *Анти*, или, лучше сказать, Г-жа Меласъ удивляла слушателей, но на душу ихъ вовсе не дѣйствовала. Это происходитъ отъ того, что голосъ ея заключается въ горлѣ, какъ говорятъ Нѣмцы. У Г-жи Меласъ нѣтъ тѣхъ чистыхъ, свободныхъ тоновъ, выходящихъ изъ груди, въ которыхъ собственно и состоитъ пѣніе. Сверхъ того, она не рѣдко,

безъ всякой нужды, во зло употребляетъ обширность своего голоса. Такъ напримѣръ, въ первой аріи (изъ оперы: Семирамида) она возвышала свой голосъ до *Re bemol*: вышина необычайная! но за то, и ноша была взята съ грѣхомъ пополамъ. Мнѣ скажутъ, что немногіе изъ слушателей могли замѣнить эту *фальшь*; правда, но въ замѣнъ того немногіе изъ слушателей постигали всю шрудность подобнаго возвышенія голоса. Если бы Г-жа Мелась не переходила за *Si bemol*, то она рѣвно удовлетворила-бы всѣмъ. Жалѣемъ очень, что мы такъ мало пользовались концерсами Г-жи Мелась, послѣ столь нетерпѣливаго ожиданія ея пріѣзда.

О концерсахъ ГГ. Ромберга и Дюлокка нечего говорить. Виртуозы сіи давно и очень хорошо всѣмъ извѣстны.

В. У.

Р. S. Съ удовольствіемъ извѣщаемъ чашателей о готовящихся новыхъ Русскихъ спектакляхъ. Въ бенефисъ Г. Шольца представленъ будетъ: *Полифемъ или торжество Галатеи*, балетъ соч. Г-жи Гюльет-Соръ, обставленный со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Въ бенефисъ Г-жи Н. Рѣпиной дана будетъ прекрасная комедія: *Дворянскіе выборы* и замысловатый водевиль: *Дипломатъ*. Умалчиваемъ о множествѣ другихъ водевилей и интермедій. Публика, съ сокрушеннымъ сердцемъ, должна будетъ вышерпѣть эту необходимую приправу бенефисовъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

On fait déjà dans les magasins de modes des chapeaux de paille et des capotes de tissu de paille et rubans.

On met des grappes de lilas blanc sur les chapeaux de crêpe crêpé couleur saumon, et des bouquets de violettes ordinaires ou de violettes de Parme sur les capotes de gros de Naples rayé, façon de guingamp: sur les chapeaux de crêpe blanc, c'est une branche de pêcher ou d'amandier en fleur.

Quelques capotes de taffetas-guingamp ont tout autour de la forme, une rangée de rubans, repliés du haut en fer de lance, et figurant une palissade: les pointes dépassent la forme d'un ou deux pouces.

Une nouvelle manière de garnir les chapeaux de crêpe crêpé blanc, consiste à entourer la forme, qui est très-basse et coupée en biseau, de bouts de rubans moitié blancs moitié verts. Ces rubans, taillés en double pointe, sont soutenus par un laiton.

Abricot-rosé est une des nuances à la mode en étoffes de soie pour chapeaux et pour capotes.

Des plumes de *casoar*, plumes d'un beau noir sont employées par quelques modistes.

До 10 Апрелья (н. с.) 1829 года.

Апрѣль 1829.

34

Si l'on en juge par la représentation au profit de Bordogni, les roses sans feuilles, en cordon, ou bien détachées, sont l'ornement obligé des coiffures en cheveux.

De nouvelles robes, en toile de laine, ont un corsage en guimpe, très-juste, et un dos plat. La grande quantité de plis formés autour des hanches, fait paraître sveltes des femmes à taille épaisse.

Plusieurs robes ont par dessus des manches courtes, plissées en béret, des manches de blonde, dites *oreilles d'éléphant*, qui descendent jusqu'au coude.

Dans quelques magasins de modes, et chez plusieurs marchands de nouveautés, il existe, en étoffe de soie, une nuance entre le gris-lavande et le gris-lilas, à laquelle on a donné le nom de *parfait amour*. Jadis on disait :

Gris de lin,
Amour sans fin.

Dans les magasins de M. Delisle, rue Sainte-Anne, n° 46, il y a des mousselines imprimées, dites *feuilleis*, pour robes du matin; des *gros de Naples peints*, pour robes de promenade; et des *foulards de laine peints*, pour robes de promenade et de dîner. La pureté des dessins répond à la finesse des étoffes.

Tous les habits d'amazone laissent voir une chemise plissée et boutonnée comme une chemise d'homme. On fait ces habits en drap bleu de ciel, quelquefois drap vert-laurier.

Une boucle de ceinture en or à la dernière mode est ornée de huit pierres montées à jour : deux malachites, deux cornalines rouges, deux blanches et deux jaunes. Ces pierres sont taillées comme des brillans. Chacune des malachites occupe une extrémité de la boucle. Les six autres pierres ornent les côtés. Des boucles d'oreilles entièrement en or à la turque, c'est-à-dire formées d'un crois-sant, tiennent suspendues trois poires vacillantes.

Dans les bals de la Mi-Carême, quelques dames on porté des bas de soie blancs, parsemés de fleurs de cachemire.

Головные уборы. Въ магазиннахъ модъ явились уже лѣшнія соломенные шляпки, и шакія-же шляпки-капошы, съ леншамн.—Вошь модные цвѣшы для убора шляпокъ: *крепь-креповыхъ, цвѣта семги*, вѣшки бѣ-лыхъ сиреней; *зроденатлевыхъ капотовъ*, полоса-шыхъ на манерь генгана, букешы фіалокъ, про-сшихъ или Пармскихъ; *креповыхъ бѣлыхъ вѣшка* пер-сяка, или миндальника въ цвѣшу.—Капошы изъ шел-коваго генгана убираются иногда, вокругъ шульи, леншамн, прошынушымн сверху шульи на манерь копей, и образующимн кругомъ палиссады; концы сихъ украшеній на вершокъ и на два переходящъ шулью.—Новая мода убрашь *крепь-креповыя*, бѣ-лыя шляпки, окружая шулью, кошорая весьма низ-ка и срѣзана накосо, леншамн, половина бѣлыми, половина зелеными; онѣ вырѣзаны двойнымн углами, и поддерживающя лашунью. — *Абрикосный-розовый*, одишь изъ модныхъ опшѣнковъ для шелковыхъ ма-

шерей на шляпки и капоты. — *Казоаровыя* перья, прекраснаго чернаго цвѣта, употребляюща нѣкошорыми модистками (*казоаръ* птица, немного меньше страуса, и перья у нея черныя, пушистыя). — Если судить по нарядамъ, замѣченнымъ въ театръ, въ бенефисъ Бордоньи, розы безъ зелени, гирляндю, или разстѣяно, суть принятое украшеніе уборовъ волосовъ.

Модныя платья. Платья изъ шерстяныхъ матерій дѣлаются съ корсажемъ безъ складокъ на спинѣ, и въ обшяжку. Множесство складокъ на рукавчикахъ, при шакомъ корсажѣ, дѣлають красивою и довольно широкую шалю. — У многихъ платьевъ, сверхъ короткихъ рукавчиковъ, сложенныхъ по берешному, бывають еще блондовые рукавчики, называемые *слоновыми ушами*, кошорые просшираются до локтей. — Въ нѣкошорыхъ модныхъ магазинахъ явился новый оштѣнокъ шедковыхъ матерій, сѣрый, между *gris-lavande* и *gris-lilas*, кошорый называютъ *parfait amour*. Вешарину говаривали :

Gris de lin ,

Amour sans fin.

Еще модныя матеріи : *набитыя кисей*, называемыя *foinillis*, для платьевъ упренныхъ; *рисованный гроденкаль*, для платьевъ на прогулку; *фузари шерстяныя*, *рисованныя*, для платьевъ на прогулку и для выздовъ къ обѣду. Чисшома рисунковъ соотвѣстшвуешъ нѣжностн шканей сихъ. — Дамскія amazоны дѣлаются суконныя, цвѣта небесной лазури и зеле-

наго завроваго; ихъ такъ дѣлають, что на груди видна шемиза, со сладнами и съ пуговками, какъ мужская рубашка.

Модныя мѣлочи. Золотая, поясная пряжка, по послѣдней модѣ, дѣлается съ восьмью камнями *ажуръ*: два малахиша, два сердолика красныхъ, два бѣлыхъ и два желшыхъ; всѣ сии камни огранены на манеръ брилльяншовъ; малахишы бывають вверху и внизу пряжки, и шесть сердоликовъ по бокамъ.

Серьги Турецкія состоять изъ золотыхъ полумѣсяцовъ, на которыхъ висятъ по три дрожащихъ, золотыхъ груши.

На нѣкоторыхъ балахъ въ постъ дамы являлись въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, съ шалевыми цвѣшочками.

На приложенной каршинкѣ:

Дама. Головная уборка, изобрѣшеніе аршиста Александра; шюдевое платье, убранные ашласомъ и цвѣшами.

Къ сей книжкѣ слѣдовало приложись костюмъ мужской; но почта Парижская не пришла еще при выходѣ книжки, и пошому мужской модной костюмъ будешь приложенъ при слѣдующей книжкѣ.

Въ сшпахъ, на сыр. 408-й сего №, въ 3-й спр-
кѣ снизу, печашка. Въмѣсто: *Вѣстникъ*, слѣд. чин.
Вѣникъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи предпашлены были
въ Ценсурный Компшетъ *три* экзешплара. Москва,
Апрѣля 23 дня 1829 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 8. *Апрѣль* 1829.

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ

ДЛЯ ФАБРИКАНТОВЪ И ЗАВОДЧИКОВЪ.

I. Вещества простыя невѣсомыя.

1. Теплотворъ (calorique). Въ Химіи называющъ теплотворомъ вещество, обыкновенно называемое *теплотою* и *огнемъ*. Сія жидкость, накопленіе коей оказываешся особеннымъ впечатлѣніемъ на наши чувства, занимаесть важное мѣсто во всѣхъ химическихъ явленіяхъ. Дѣйствуя на тѣла, она раздѣляесть ихъ частицы, и вообще стремится измѣнить ихъ состояніе, дѣйствіемъ своей расширительной силы. Такимъ образомъ, твердыя тѣла, по большей части, могутъ бысть доведены имъ до состоянія жидкости, а жидкія дѣйствіемъ теплоты приходящъ, болѣе или менѣе, въ состояніе паровъ или газовъ. Изъ сего видно, что *средство* и *теплотворъ* суть двѣ силы,

конхъ дѣйствія уравниваются и уничтожаютъ себя непрерывно въ природѣ. Перевѣсъ Средства привелъ-бы все тѣла воздухообразныя и жидкія въ швердость, а перевѣсъ Теплошвора, напротивъ; обратилъ-бы все швердма и жидкія тѣла въ воздухообразныя.

Накопленіе теплошвора замѣтно, когда тѣло соблюдаетъ свое прежнее образованіе; но если тѣло изъ швердаго состоянія перешло въ жидкое, а изъ сего въ воздухообразное, тогда возвышеніе температуры (ш. е. усиленіе шевлошмы) уже переснаетъ бышь въ соразмѣрности съ количествомъ теплошвора, имъ поглощеннаго, ибо тогда значительная часть теплошвора входитъ въ тѣснѣйшее соединеніе съ сущностью, измѣнившюю свое состояніе, и только поддерживаетъ ея жидкость. Такимъ образомъ ледъ, распавая, поглощаетъ, безъ всякаго возвышенія своей температуры, теплошворъ, необходимый для возведенія опъ 0 къ 75° вѣса воды, равной его вѣсу; шакъ, жидкость, доведенная до кипѣнія въ открытомъ сосудѣ, уже не разгорячается болѣе, ибо сколько-бы ей ни сообщали теплошвора, онъ весь употребился на произведеніе паровъ.

Количество теплошвора, поглощаемаго тѣлами, въ шо время, когда они переходятъ изъ швердаго въ жидкое или воздухообразное состояніе, называютъ *теплотворъ скрытый* (calorique latent). Дѣйствительно, въ-семъ состояніи со-

единенія, теплопворъ не показываесть своего присущствія никакимъ дѣйствіемъ; но онъ выходитъ и дѣлается явнымъ, когда тѣла принимающъ свою прежнюю форму. Такимъ образомъ, водяные пары, впущенные въ жидкость, гдѣ они сгущаются, производятъ значительное возвышеніе температуры, происходящее большею частію отъ выхода теплопвора скрытнаго, который содержали въ себѣ водянистыя частицы, будучи въ воздухообразномъ состояніи.

Способность жидкихъ тѣлъ: поглощать большое количество теплопвора, претворяясь въ пары, даетъ средства фабрикантамъ и заводчикамъ ко многимъ приложеніямъ. Мы упомянемъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ, именно: *нагрѣваніи жидкостей, посредствомъ водяныхъ паровъ, при крашеніи*. Хотя сей образъ нагрѣванія представляесть довольно важныя неудобства во многихъ случаяхъ, такъ, что не лзя его принимать иначе, какъ по зрѣломъ размышленіи; но можно вообще сказать, что кромѣ сбереженія дровъ, онъ можесть еще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дать средства уравнять температуру съ желаемою точностью, что иногда весьма важно. Нагрѣваніе парами выгодно, когда надобно вдругъ нагрѣсть нѣсколько сосудовъ, ибо огонь разводятъ только подъ однимъ сосудомъ, производящимъ пары, и тѣмъ избѣгающъ утраты теплопвора, которая произошла-бы, если-бы надобно было

нагривашь нѣсколько печей. Но нагреваніе парами невыгодно по издержкамъ, какихъ оно требуетъ, если не лѣзя впускать пара въ жидкости, кои хомятъ разогрѣшь, и если для того принуждены впускать паръ въ промежутокъ, между вѣшною стороною сосудовъ и внутреннею стороною особеннаго сосуда, которымъ первый окруженъ.

Нынѣ съ успѣхомъ употребляютъ паръ въ сушильнѣ. Для сего пускаютъ его въ широкія мѣдныя трубки, пролегающія около пароваго котла, и поелику надобно наблюдать только за одною печью, которую можно поставивъ внѣ зданія, то легко избѣжать всякой опасности отъ огня, и въ сушильнѣ, куда трубки проходятъ, постоянно сохранять одинакую степень температуры.

Расширеніе шѣлъ отъ дѣйствія теплошвора дало поводъ къ устройству термометровъ, или такихъ инструментовъ, помощію коихъ можно измѣрять температуру различныхъ веществъ. Есть термометры, коими измѣряется измѣненіе средней температуры, и объ нихъ, какъ употребительныхъ въ промышленности, мы поговоримъ здѣсь. Вливаютъ спиртъ винный, или ртуть, въ стеклянный пустой шарикъ, отъ коего идетъ стеклянная трубка, извлекая напередъ изъ шарика и трубки воздухъ, посредствомъ поднесенія оныхъ къ огню. Когда влишь спиртъ, трубка герметически запаивается на огнѣ лампы, и

тогда спиртъ , бѣльшимъ или мѣньшимъ возвышеніемъ въ трубка , показываесть бѣльшую или мѣньшую степень теплоты , заключающейся въ шомъ веществѣ , въ которое термометръ погружаютъ . У термометровъ съ виннымъ спиртомъ , табличка градусовъ гораздо короче ртутныхъ , ибо спиртъ закипаесть скорѣе воды ; пошому , почти не лзя употреблять винныхъ термометровъ при температурахъ высокыхъ ; термометры ртутные , напротивъ , могутъ показывать самыя высшія температуры , и опъ шого употребленіе ихъ всеобщнѣе . Во Франціи таблички градусовъ , на которые дѣлится трубка , обыкновенно соспавляютъ 100 градусовъ , между температурою пашаго льда и кипѣніемъ перегнанной воды , при среднемъ атмосферическомъ давленіи . Иначе дѣлится сіе разстояніе шолько на 80° , и шакіе термометры называются *Реомюровыми* , по имени физика , придумавшаго сіе дѣленіе ; Реомюровы термометры въ Россіи употребительнѣе .

Степень кипѣнія жидкостей пребуесть сильнѣйшей теплоты шѣмъ болѣе , чѣмъ болѣе бываесть давленія атмосферы , ибо воздухъ лежитъ на жидкости , какъ шажелая покрывка , и прошивишся произведенію паровъ . Прибавленіе въ воду какихъ-нибудь соляныхъ веществъ , имѣющихъ сродство съ сею жидкостью , шакже задерживаетъ кипѣніе , ибо водянистыя часпицы , удерживаемыя

средствомъ сихъ веществъ, пруднѣе уступавшъ растяжимельной силѣ теплошвора.

Теплошворъ имѣетъ свойство проникать въ частицы пѣлы; но не всѣ пѣлы съ одинаковою легкостью допускають дѣйствіе сего свойства, и пошому многія изъ нихъ можно назвать *худыми проводниками* теплошвора. Вообще жидкости суть худые проводники, и если онѣ легко нагрѣваются, то это происходитъ отъ того, что нагрѣвыя частицы, сдѣлавшись легче, стремятся къ верху, а частицы холодныя, будучи тяжелѣе, напроливъ падаютъ внизъ. Всѣ пѣлы твердыя поглощаютъ и извергаютъ теплошвора пѣлы болѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ поверхность и чѣмъ она неровнѣе, а пѣлы менѣе, чѣмъ поверхность ихъ меньше и глаже.

Соединеніе пѣлы обыкновенно бываетъ причиною болѣе или менѣе значительнаго извлеченія теплошвора, и симъ средствомъ мы достаемъ себѣ теплошу, когда она намъ пошребна. Жженіе угольныхъ веществъ, производящее огонь, есть ничто другое, какъ *соединеніе угля съ составною частью воздуха*, называемою *кислотворомъ*. Теплошворъ отдѣляется въ соединеніяхъ отъ того, что вещества сгущаются, или производяшъ сосшавы, болѣе сжатые; вообще, воздухообразныя и шекучія пѣлы отдѣляютъ изъ себя теплошвора гораздо болѣе, когда соединеніе ихъ производитъ измѣненіе ихъ состоянія.

2. *Свѣтъ* (lumière). Свѣтъ и теплошворъ имѣютъ споль великое опношеніе одинъ къ другому, что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можно позволимъ себѣ смопрѣшь на нихъ, какъ на разныя измѣненія одной и той-же сущности. Дѣйствительно, не лзя собрать большаго количества теплошвора въ какое-нибудь шѣло, безъ того, чтобы оно не сдѣлалось свѣпящимся, и во многихъ случаяхъ, мы видимъ свѣшь въ опношеніи шѣлъ, какъ вещество, прибавляющее шемпературы пашь сопенныхъ градусовъ.

Лучъ свѣта, упавшій на стеклянную призму, раздѣляется сею призмой на семь лучей, опличныхъ одинъ отъ другаго цвѣтами, которые идуптъ въ слѣдующемъ порядкѣ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, свѣпло-голубой, синій и фіолетовый; шѣла кажутся намъ разноцвѣтными, смопра пошому, какіе изъ сихъ лучей они поглощаютъ и какіе отражаютъ. Бѣлый цвѣтъ естъ отраженіе всѣхъ цвѣшовъ, а черный поглощеніе всѣхъ. Въ веществвахъ красныхъ, только краснаго цвѣта лучи опражаются, и можно сказашь обо всѣхъ веществвахъ, что они поглощаютъ всѣ лучи, кромѣ шѣхъ, которые они, по сущности своего цвѣта, опражаютъ. Посему, смѣшеніе многихъ жидкостей густыхъ цвѣшовъ пошполенно производитъ цвѣтъ черный, поглощая взаимно лучи свѣпящіеся. Но когда число жидкостей не велико, то произведенный цвѣтъ заключаетъ въ себѣ опча-

сми всѣ цвѣта смѣси. Искусство разнообразить окраски смѣсью жидкостей, окрашенных въ разные цвѣта различными веществами, составляетъ важный отдѣлъ искусства красиль.

Хотя мы не можемъ сказать, какимъ образомъ свѣтъ дѣйствуетъ на красящія вещества, и какое соединеніе началъ онъ производитъ, но достоверно то, что онъ имѣетъ на цвѣта дѣйствіе весьма сильное, уничтожаетъ въ самое короткое время многіе изъ нихъ, и въ продолжительности времени дѣйствуетъ даже на тѣ, которые мы называемъ *постоянными*, и которые противоположны обыкновеннымъ измѣняющимся средствамъ. Впрочемъ, и не удивительно, что свѣтъ можетъ дѣйствовать такъ сильно въ разрушеніи цвѣтовъ, когда мы знаемъ, что это происходитъ отъ вліянія его на соки произрастеній, еще живущихъ; сіи соки окрашиваясь различными цвѣтами, получаютъ много другихъ качествъ, ихъ оплывающихъ, какъ-то: *запахъ* и *вкусъ*.

3 и 4. *Электричество и Магнетизмъ* (électricité, magnétisme). Изученіе сихъ веществъ, чрезвычайно важное и занимательное, донынѣ не соединяется никакимъ образомъ съ промышленностью заводскою и фабричною, и поному мы удовольствуемся сказать здѣсь только, что электрическая жидкость, одинакая съ сущностью молніи, является на поверхности стеклянныхъ или смоляныхъ веществъ при треніи оныхъ. Мы не

упоминаемъ также здѣсь о *Гальванизмѣ*, происходящемъ отъ соприкосновенія цинка, мѣди и жидкости. Магнитное вещество, замѣчательное способностію своею привлекать къ себѣ желѣзо, является намъ въ нѣкоторыхъ минералахъ сего металла. Электричество, гальванизмъ и магнетизмъ, представляясь сродными между собою, и сродными съ свѣтомъ и теплотворомъ, суть важныя дѣйствующія силы во всѣхъ химическихъ уравненіяхъ, и производятъ множество явленій, коихъ изученіе чрезвычайно полезно, ибо оно проливаетъ свѣтъ на теорію сродства тѣлъ, донныя еще весьма темную и неясную.

II. Вещества простые вѣсомыя.

A. Не металлическія.

1. *Кислотворъ* (oxigène). Жидкость воздухообразная, или газъ, преимущественно необходимый для дыханія; въ 100 частяхъ атмосферическаго, или обыкновеннаго воздуха, находится кислотофора 21 часть. Кислотворъ есть одно изъ важнѣйшихъ тѣлъ въ природѣ. Онъ соединяется съ другими простыми тѣлами, и если сіе соединеніе бываетъ быстро, то отъ онаго происходитъ отдѣленіе теплотвора и свѣта: такое соединеніе называется *горѣніемъ*. Горѣніе, т. е. соединеніе сжигаемыхъ тѣлъ съ кислотоворомъ, бываетъ причиною различныхъ произведеній, смот-

тѣ по природѣ тѣлъ , и по количеству кислото-
 пивора, въ семъ дѣйствіи употребленнаго. Когда
 сіи произведенія безвкусны, или незначительно
 ѣдки и кислы, по ихъ вообще называющъ *окисль*
 (oxide); произведенія вкуса остраго, отъ кото-
 рыхъ дѣлаются красными синіе растительные цвѣ-
 та, называются *кислоты* (acides), и наконецъ,
щелочью (alcalis) называющъ тѣ произведенія,
 коихъ вкусъ ѣдокъ, жгущъ, и коихъ растворы воз-
 вращающъ синій цвѣтъ веществамъ синимъ, измѣ-
 неннымъ посредствомъ кислотъ въ красный цвѣтъ.

Когда простое сожигаемое тѣло можетъ со-
 единиться съ кислоторомъ, въ различныхъ про-
 порціяхъ, не составляя кислоты, по, изъ сихъ
 соединеній тѣ, которыя содержатъ наименѣе кисло-
 тивора, называются *закись* (protoxide), а слѣдующіе
 за ними означаются по количеству кислото-
 пивора, поспешенно: *недокись* (deutoxide),
окись (tritoxide) и *перекись* (peroxide); во
 весьма немногихъ тѣлахъ, которыя могутъ дать та-
 кое многообразное число окисловъ, и обыкновен-
 но тѣла производятъ одну или двѣ степени оныхъ.
 Съ другой стороны, если тѣло *окисляемое*
 (acidifiable) образуетъ различныя соединенія съ
 кислоторомъ, то первое произведеніе, содержа-
 щее наименѣе кислото-пивора, получаетъ имя отъ
 кислоты окисляемаго тѣла, съ прибавленіемъ окон-
 чанія на *атый* (во Французскомъ языкѣ *eux*), а
 послѣднее, по есть по, въ кошоромъ содержащіяся

кислороду наиболѣе, получаетъ имя ошъ кислоты того-же тѣла, съ окончаніемъ на *надъ* и *овалъ* (во Французскомъ языкѣ *ique*). Такимъ образомъ, слѣдуя сей химической терминологіи, мы называемъ *закись* (protoxide), *недокись* (deutoxide) и *окись* (tritoxide) *жельза*, различныхъ произведенія, происходящія ошъ соединенія сего металла съ кислородомъ въ различныхъ степеняхъ, и также называемъ *кислота сѣрноватая* (acide sulfureux) и *мышьяковатая* (arsenieux), *сѣрная* (sulfurique) и *мышьяковая* (arsenique), различныхъ произведенія кислотъ, образовавшіяся ошъ соединенія кислороду съ сѣрою и мышьякомъ.

Кислородъ добываютъ положивъ въ колбу марганцовую перекись, и подвергнувъ колбу сильному жару. Тогда отдѣляется газъ, который идетъ по кривой стеклянной трубкѣ, соединенной съ отверстіемъ колбы, и входитъ въ приемники, нарочно для сего устроеныя и наполненыя водою. Сей газъ удивительно дѣйствуетъ на горѣніе; тоненькія пластинки жельза и нѣкоторыя другихъ металловъ горятъ въ немъ яркимъ огнемъ, если опустить ихъ въ оный съ кусочкомъ шрупа зажженнаго, который начинаеть возгораніе. Кислородъ не только сообщаетъ просшымъ веществамъ качества кислотъ, соединяясь съ ними, но сообщаетъ еще имъ такія, которыя походять на качества разныхъ со-

спавныхъ пѣлъ , и производятъ особенныя кислороды , видимыя нами въ существахъ организованныхъ , или образующіяся опъ взаимнаго дѣйствія ихъ основныхъ началъ. Кислородъ десятою частію шажеле воздуха.

2. *Водородъ* (Hydrogène). Жидкость воздухообразная , или газъ , состояющій одно изъ главныхъ началъ воды , ибо вода состоитъ изъ $11\frac{10}{100}$ частей водородора и $88\frac{90}{100}$ кислородора. Водородъ безвкусенъ , безцвѣпенъ , и въ 14 или 15 разъ легче воздуха. Его добываютъ обыкновенно соединяя кислородъ воды съ другими пѣлами. Для сего , въ банку , или спклянку , наполненную водою и сѣрною кислородою , надобно положить куски цинка или желѣза. Кислота , имѣющая великое сродство съ окисломъ цинка и желѣза , производитъ соединеніе кислородора воды съ сими металлами , и тогда начинается отдѣленіе водороднаго газа ; его собираютъ въ закрытый и наполненный водою пріемникъ , какъ говорили мы о газѣ кислородномъ.

Водородъ называли прежде горючимъ воздухомъ ; онъ отдѣляется въ значительномъ количествѣ , если перегоняютъ смолистыя вещества ; но шущъ онъ содержитъ въ себѣ растворъ , бѣльшаго и мѣньшаго количества , угля , и называея *водородъ обугленый* (carboné) или *переугленый* (percarboné). Водородъ

легко соединяется съ кислородомъ, и тогда бываетъ онъ причиною великаго проявленія свѣта; это свойство дало средства употреблять водородъ для освѣщенія улицъ, зданій, и проч. Можно сказать еще, что его сжиганіе бываетъ причиною пламени, которое обыкновенно сопровождается горѣніемъ расширительныхъ веществъ съ кислородомъ.

Красильщикамъ потребно тщательное изученіе водорода, ибо, хотя отдѣльно онъ не составляетъ для нихъ никакого употребленія, но онъ важенъ по причинѣ значительныхъ измѣненій, производимыхъ въ расширительныхъ цвѣтахъ его избыткомъ или недостаткомъ. Такъ, напримѣръ, красильщики и бѣлильщики совсѣмъ уничтожаютъ, или дѣлаютъ способнѣе къ раствору, красящее, желтоватое и смолистое вещество, покрывающее нити пеньки и льна, уменьшая избытокъ водорода въ семъ веществѣ, и напрошивъ, придають болѣе блеска бѣлизнѣ шерсти и шелка, усиливая присутствіе онаго.

Водородъ соединяется съ серою, и производитъ газъ, вонючій и удушливый, называемый *осѣренный водородъ* (hydrogène sulfuré), который отдѣляется при гніеніи животноныхъ и расширительныхъ веществъ, содержа въ себѣ нѣсколько серы. Онъ соединяется съ фосфоромъ, селеніемъ, мышьякомъ, приводя нѣ-

которую, часть ихъ въ состояніе газа; но изученіе сихъ сложныхъ произведеній, мы не считаемъ нужнымъ для фабриканшовъ и заводчиковъ.

3. *Азотъ* (azote), такъ называемый, опъ Греческихъ словъ, означающихъ: *лишающій жизни*, жидкостъ воздухообразная, или газъ, получившій названіе азота попому, что онъ не служишь къ поддержанію жизни, хотя сосставляешъ значительнѣйшую часть воздуха, ибо въ 100 частяхъ обыкновеннаго, или атмосферическаго воздуха, азота находится 79 частей. Его называютъ еще *селитротворомъ* (nitrogène), попому, что въ соединеніи съ большимъ количествомъ кислотофора, онъ производитъ *селитрянную кислоту* (acide nitrique), и въ семь-то отношеніи онъ весьма замѣчательнъ для фабриканшовъ. Впрочемъ, азотъ, соединяясь съ малыми пропорціями кислотофора, производитъ разные составы: какъ-то: *закись* (protoxide) и *недокись* (deutoxide) азота, и газъ *селитрохислый* (gaze acide nitrique). Азотъ получаютъ, положивъ подъ стеклянный наволенный воздухомъ колоколь (опустивъ края колокола въ воду) смѣсь желѣзныхъ опилокъ и мокрой сѣры, что въ теченіи нѣсколькихъ дней поглощаетъ весь кислотофоръ, оставивъ одинъ азотъ; смѣсь желѣза и сѣры можно замѣнять фосфоромъ.

4. *Углетворъ* (carbone). Вошь одно изъ

веществъ, всего болѣе встрѣчаемыхъ въ природѣ, ибо оно есть основаніе всѣхъ животныхъ и растительныхъ шѣлъ, но доннѣ чистый углешворъ получающъ только изъ алмаза. Въ древесномъ углѣ, углешворъ соединенъ съ разными количествами водшвора и соляныхъ веществъ: тушъ добываютъ его перегонкою растительныхъ веществъ въ закрытомъ сосудѣ, при высокой температурѣ, и на свойства добываемаго такимъ образомъ газа можно смотрѣть, какъ на свойства углешвора, который составляетъ сущность его. При обыкновенной температурѣ, уголь почти не измѣняется отъ воздуха и воды, также и отъ шеплоты, если разогрѣть его въ закрытомъ сосудѣ. Когда уголь разгорячаютъ сообщеніемъ съ воздухомъ, онъ извергаетъ шеплоту и свѣтъ, соединаясь съ кислешворомъ, и производитъ вещество кислое, газовое, которое называющъ *углекислый газъ* или угольная кислота (*gaz acide carbonique*). Сосшавы, образующіеся отъ соединенія углешвора съ сжигаемыми шѣлами, называющъ *обугленными* (*carbures*); въ крашеніе они не годятся.

5. *Сѣра* (*soufre*). Сіе вещество встрѣчается въ природѣ въ большомъ количествѣ, но обыкновенно въ соединеніи съ другими. Самородную сѣру находятъ только въ вулканическихъ земляхъ; ошдѣляющъ-же сѣру отъ постороннихъ

вещество возгонкою. Сѣра имѣетъ великое сродство съ кислородомъ, и производитъ, соединяясь съ нимъ, окисль и множество кислотъ, между прочимъ *газъ сѣрникоисловатый* (gaz acide sulfureux) и *сѣрную кислоту* (acide sulfurique); но и другое употребляется на заводахъ и фабрикахъ. Медленное сжиганіе сѣры производитъ газъ сѣрноватый, который являюща въ видѣ бѣловатаго дыма; но увеличеніе жара и быстрое горѣніе производитъ жидкость, весьма сгущенную, что называютъ *сѣрною кислоту*, по просьбѣ *купороснымъ масломъ*. Соединяясь съ сжигаемыми шѣлами, сѣра производитъ составы, которые называютъ *осѣренными* (sulfures); они отличаются свойствами весьма замѣчательными. Можно посоветовать фабрикантамъ, особенно красильщикамъ, тщательнѣе познавать составы, гдѣ сѣра находится въ видѣ кислотъ.

6. *Хлоръ* (chlore). Жидкость воздухообразная, или газъ, который отличается особенными качествами, весьма замѣчательными. Онъ цвѣта зеленоватаго, весьма вреденъ для дыханія, и уничтожаетъ всѣ цвѣта растительные. Его прежде называли *окисленною солянкою кислоту* (acide muriatique oxigéné); но теперь принято названіе *хлора*, когда увидѣли и узнали, что онъ есть вещество простое. Соединяясь съ водородомъ, хлоръ производитъ

кислоту водохлоровую (acide hydrochlorique), которую прежде называли *соляною кислотою* (acide muriatique). Хлоръ производитъ также двѣ кислоты различны соединяясь съ кислородомъ, называемыя: *кислота хлороватая* (acide chloreux) и *кислота хлоровая* (acide chlorique); прежде называли сіи кислоты: *соляная, закисленная кислота* (acide muriatique sur-oxigéné) и *соляная, перекисленная кислота* (acide muriatique hyper-oxigéné). Соединенія сожигаемыхъ съ хлоромъ называющъ *охлоренными* (chlorures). Мы объяснимъ сіи замѣчательныя произведенія хлора особенно.

7 и 8. *Вромій и Іодій* (brome, iode). Два простыхъ вещества, изъ коихъ вромій жидкое, а іодій твердое; оба имѣютъ свойство обезцвѣчивать, подобно хлору, и подобно ему образуютъ кислоты, соединяясь съ кислородомъ и водородомъ. Соединенія вромія съ сожигаемыми шѣлами называющъ *овроміенными* (bromures), а соединенія іодія съ ними *обіоденными* (iodures). Впрочемъ, для фабричной промышленности сіи вещества не употребляющъ.

9, 10, 11. *Бурій* (Bore), *Фосфоръ* (phosphore), *Селеній* (sélénium).

Ни сіи вещества, ни составы ихъ съ другими, не имѣютъ еще применій въ фабричной про-

мышленности, почему мы удовольствуемся здѣсь самыми краткими замѣчаніями.

Бурій, вещество въ видѣ порошка, неплавимое, оливковаго цвѣта, получаемое опъ разложенія буровой кислоты, посредствомъ пошасія, въ желѣзной, раскаленной до красна пробкѣ.

Фосфоръ, вещество полупрозрачное, безцвѣтное, съ чесночнымъ запахомъ, загарающееся при малѣйшемъ преніи на обыкновенномъ воздухѣ. Его доспаюгъ раскаля фосфорную кислоту съ углемъ, въ колбѣ, при сильномъ жарѣ.

Селеній, вещество весьма рѣдкое, качествами покоее на сѣру, и образующее сосшавы, покоеіе на сосшавы сѣры съ кислотворомъ и водшворомъ.

(Продолженіе въ слѣд. №.).

Къ сему № Прибавленія приложено изображеніе новолодной Парижской коляски.

Рус. Мокр. Мех. 1829.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Traité théorique et pratique du blanchiment des Toiles ,
du lin , du chanvre et du coton par Blachette , Paris.
1827 1 vol. 8 br. 12 r.

Nouveau traité sur la laine et les moutons , par M. Per-
rault de Jotemps , Fabry et Girod 1 vol. 8°. 8 r.

Instruction pour les bergers et pour les propriétaires de
troupeaux , par Daubenton , 1 gros vol. 8° br. 12 r.

L'Extrait de cet ouvrage , ou Catéchisme des bergers , par
Daubenton. in-18 br. 4 r.

Principes raisonnés d'agriculture , traduits de l'allemand
d'A. Thaer, par Crud. 4 vol. 4° br. 80 r.

Description des nouveaux instrumens d'agriculture les plus
utiles ; par A. Thaer , trad. de l'allemand par Mathieu
de Dombasle, avec 26 planches 1 vol. 4° br. 25 r.

Botaniste (le) Cultivateur , ou description , culture et
usages de la plus grande partie des plantes étrangères ,
naturalisées et indigène, cultivée en France, en Autriche,
en Italie et en Angleterre , rangée suivant la méthode
de Jussieu ; par du Mont de Courset. 7 vol. 8° br.
80 r.

Le jeu des Fables , ou le nouvel Esope des enfans, ouvra-
ge tout nouveau , contenant 12 fables , représentées
par de jolies figures découpées et que l'on rapporte sur
un tableau qui se trouve avec l'ouvrage , le tout dans
un joli étui. 10 r.

Le même ouvrage traduit en Russe par M. Serge de Glin-
ka , avec les mêmes gravures 10 r.

Cet ouvrage a eu le plus grand succès à Paris , les édi-
teurs n'ayant rien négligé pour qu'il paroisse ici avec

le même soin que l'édition étrangère ils espèrent obtenir le suffrage du public.

NB. Les personnes de l'intérieur recevront par retour du courrier les articles dont ils adresseront le montant en assignations, à l'adresse suivante :

Charles Urbain et Cie. à Moscou.

MAY 23 1941

